

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ

АНТОЛОГИЯ ШУМЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

BIBLIOTHECA UNIVERSALIA

TM

*Мифы
эпос
религии*

Востока

Редакционная коллегия серии:

Темкин Э. Н.

(председатель)

Алимов И. А.

Афанасьева В. К.

Берлев О. Д.

Васильков Я. В.

(ответственный секретарь)

Горегляд В. Н.

Никитина М. И.

Резван Е. А.

Стеблин-Каменский И. М.

Таптелевский И. Р.

Трофимова О. И.

Эрман В. Г.

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ

АНТОЛОГИЯ ШУМЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

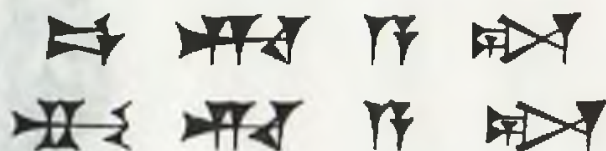
Ветупительная статья,
перевод, комментарии,
словарь В. К. АФАНАСЬЕВОЙ

Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1997

ББК Ш5(О)312—65

А-94

Редактор издательства — И. П. Сологуб

Художник — А. Г. Угнич

От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 496 с. + 1,5 л. илл. («Мифы, эпос, религии Востока. Bibliotheca Universalis»).

«Древнейшая в мире» — так по праву называют шумерскую литературу: из всех известных ныне литератур она с наибольшей полнотой донесла до нас древнее письменное слово. Более четырех тысяч лет насчитывают записи шумерских преданий, рассказов о подвигах героев, хвалебных гимнов и даже пословиц, притч и поговорок — явление и вовсе уникальное в истории письменности. В настоящем издании впервые на русском языке представлена наиболее полная антология шумерской поэзии, систематизированная по семи разделам: «Устройство мира», «Восславим богов наших», «Любовь богини», «Герои Шумера», «Храмы Шумера. Владыки Шумера», «Судьбы Шумера», «Люди Шумера: дух Элубы».

В антологии нашли отражение как тексты, по отношению к которым можно употребить слова «высокая мудрость» и «сокровенное знание», так и тексты, раскрывающие «мудрость житейскую», «заветы отцов». Речь идет о богах и об их деяниях, о героях и об исторических лицах, о простых людях и об их обыденной жизни. В мифологических прологах-запевках излагается история начальных дней мира, рассказывается о первозданной стихии, о зарождении (в одном из вариантов явно — о самозарождении) божества, об отделении неба от земли, о сотворении людей из глины, дабы трудились они на богов. Ответ людей — хвала воплощениям высших сил.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой древнего мира.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с ведома издательства.

Исключительное право на распространение настоящей книги на территории России и за ее пределами принадлежит Центру «Петербургское Востоковедение».

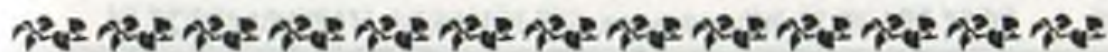
ISBN 5-85803-060-2

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1997

© В. К. Афанасьева, 1997

Зарегистрированная торговая марка

*Памяти моего деда
Владислава Романовича Лобанова
и матери Нины Владиславовны Лобановой,
античника и санскритолога,
хранителей древнего слова*

ДРЕВНЕЙШАЯ В МИРЕ

«Древнейшая в мире» — так по праву называют шумерскую литературу: из всех известных ныне литератур она с наибольшей полнотой донесла до нас древнее письменное слово. Более четырех тысяч лет насчитывают записи шумерских преданий, рассказов о подвигах героев, хвалебных гимнов и даже пословиц, притч и поговорок — явление и вовсе уникальное в истории письменности.

Однако в этом почетном эпитете таится опасность. Подчас мы смотрим на произведения древности как на лепет младенца и заранее готовы умиляться и похищаться всем, что увидим и услышим, — «Подумать только, древнейшая!» Но, искушенные длительным опытом общения со словом, как с живым, так и письменным, нашими с ним играми, мы не можем не признаться себе, что порой знакомство со словом древним нас разочаровывает. Смушают длинноты, скучные повторы, однообразие приемов, наши эмоциональные центры не включаются — мы привыкли к быстрому воздействию и столь же быстрой реакции, а их нет. Тогда мы откладываем текст и снисходительно говорим: «Что надеешься, древнейшая...» И вот мыслям и чувствам когда-то полного жизни человека выпадает участь быть достоянием специалистов и снобов или ожидать нового взрыва моды на древность. А ведь в этой древней литературе заложены возможности стать осязаемой и быть понятой, надо лишь эти возможности отыскать. Она может и должна обогатить нас, надо только ее разбудить и... проснуться самим.

Еще в начале нашего века некоторые востоковеды утверждали, что шумерского языка не существовало, что это тайнопись вавилонских жрецов. Сейчас об этом вспоминают как о курьезе. Опубликована не одна шумерская грамматика, а в самом шумерском языке обнаруживают следы еще более древнего языка, влившегося в него, а может быть, даже и двух.

О шумерийцах мы знаем ныне, что именно они заложили основы цивилизации в долине Тигра и Евфрата, в Двуречье, хотя и не были самыми первыми жителями этой долины. Многие древние цивилизации развивались в благоприятных окружающих условиях — мягкий климат, богатство природных ресурсов давали возможность относительно сносного существования человека и способствовали развитию общества. Шумерскую культуру скорее можно назвать цивилизацией «от недостатка» — природа здесь была враждебна человеку. Сырой, нездоровый климат, катастрофические, нерегулярные разливы рек, песчаные бури. Почвы заболочены. Земля может стать плодородной, но требует невероятного труда, чтобы она могла дать пропитание. Строительных материалов — камня, дерева — нет. Зато есть тростник и глина. Шумерийцы отвели воду в каналы, осушили болота и превратили заболоченные заросли в урожайные поля и цветущие сады. Стали строить из тростника и глины, изобрели кирпич, начали писать тростником на глине. Многие великие открытия древности, в том числе и изобретение искусства письма на глиняных табличках, принадлежат шумерийцам. Археологи обнаружили в Шумере предметы, свидетельствующие об очень раннем развитии обмена и торговли, о связях с далекими странами, о сильном шумерском влиянии — от северной Сирии (город Эбла), Малой Азии и вплоть до Индии. Интенсивное напряжение человеческого ума, изобретательность, способность к контактам, жизненная активность — вот качества, которые должны были неминуемо развиваться и стимулировать.

Археологическими исследованиями и письменными источниками история шумерийцев — «черноголовых», как они сами себя называли, — прослеживается примерно с середины четвертого тысячелетия до н. э. Это время, когда шумерийцы оказались в долине Евфрата и Тигра и постепенно ассимилировали местные племена, обитавшие здесь еще в пятом тысячелетии. Расцвет шумерской культуры падает на первую половину третьего тысячелетия до н. э. Шумерский город-государство представлял собой поселение с храмовым комплексом в центре и группирующейся вокруг него сельскохозяйственной округой. Такие города — Эредуг, Ур, Урук, Лагаш, Ниппур, Киш и другие — возникали на юге и севере Двуречья и находились в постоянных конфликтах между собою, сражаясь за пограничные территории, за право контроля над ирригационными сооружениями, в конечном счете — за превосходство в стране. Об одном из таких конфликтов рассказывает шумерское сказание «Послы Аги...» Между Агой,

правителем Киша, города, являвшегося центром северного военного союза, и Гильгамешем, верховным жреном Урука, кого мы долгое время считали исключительно мифологическим персонажем, возникает спор, перешедший в войну, закончившуюся победой Урука. Обломок алебастровой вазы с посвятителем надписью Мебарагеси, отца Аги, найденный археологами, и другие свидетельства подтверждают подлинность событий, о которых говорится в сказании, а также доказывают, что Гильгамеш — реальное историческое лицо. Два других сказания — об Энмеркаре и Лугальбане — повествуют о далеком военном походе в легендарный город Аратту, расположенный, по-видимому, где-то в горах современного Ирана, ближе к Афганистану и, вероятно, по дороге в Индию. А надпись на глиняном конусе правителя Энметены (или, как прежде читали, Энтемены) — подлинный исторический документ, один из многих памятников шумерской письменности, которые составили основу наших знаний об истории Шумера, о ходе ее развития. В тексте второй половины третьего тысячелетия до н. э. говорится о борьбе двух соседствующих городов, Лагаша и Уммы, за нейтральную территорию — небольшой клочок плодородной земли. Помимо рассказа о самом конфликте, излагаются и история его возникновения, и события, предшествующие ситуации, описанной современником Энметены, так что мы с полным правом можем назвать это произведение предтечей жанра историографической литературы.

В середине третьего тысячелетия до н. э. на историческую арену Двуречья выступают аккадцы — один из семитских народов, обитавший по соседству с шумерийцами, преимущественно в северных областях. Об аккадцах нам известно примерно с того же времени, что и о шумерийцах, но, судя по многим данным, культура их была в значительной степени шумеризована, первые надписи на аккадском языке в системе письма, изобретенной шумерийцами, появляются начиная с середины третьего тысячелетия до н. э. Саргон аккадский, или Шаррукен (2316—2261 гг. до н. э.), чье имя означает «истинен царь» (явно принятый им впоследствии титул, а не имя собственное), был первым правителем в истории Двуречья, кому удалось объединить страну. Человек нецарского рода, необычайно одаренный полководец и талантливый политик, Шаррукен, не нарушая шумерских религиозных и культурных традиций, сумел внести в политический и социальный уклад Двуречья много перемен, которые, конечно, сказались во всех областях жизни. Наибольшего могущества Аккадская династия достигла при втором ее царе — Нарам-Суэне, внуке или племяннике Шаррукена. Личность Шаррукена (Саргона) несла в себе что-то легендарное — о нем и складывались легенды. Одна такая легенда-сказка, к сожалению очень плохо сохранившаяся, рассказывает о чудесном избрании на царство богами Аном и Энлилем, при содействии богини Инанны, простого чапеносца, слуги царя

города Киша, о царских кознях и о том, как удалось герою избежать уготованных ему ловушек. В тексте «Дабы... храм, что подобно ладье...» действие развивается по законам волшебной сказки, сюжет которой хорошо известен в мировом фольклоре, в том числе и в русском. Другое эпическое произведение, один из шедевров шумерской поэзии «Когда разгневанный взгляд Энлиля...» повествует о падении Аккада. Текст несправедливо связывает гибель царства с именем царя Нарам-Суэна, объясняя это падение и нашествие горных племен кутиев, чье господство в стране продолжалось более ста лет, пиевом Энлиля за разрушение его храма царем.

Новый расцвет Шумера приходится на время правления третьей династии города Ура (2112—1997 гг. до н. э.). Царство распадается и гибнет под натиском амореев, эламитян, субареев. О тяжелых бедствиях людских, о разорении Ура и о падении Шумера рассказывают драматические плачи — «Он покинул свое стойло...» и «Времена изменяя...» Плачи о разрушенных храмах и городах — самобытнейшее создание шумерского поэтического творчества. Как правило, они слагались в период восстановления города или храма.

Последние правящие династии Двуречья в третьем тысячелетии до н. э. Исины (2017—1985 гг. до н. э.) и Ларсы (2025—1763 гг. до н. э.) были уже только частично шумерскими, а второе тысячелетие в Южном Двуречье — это уже история исключительно семитских народов. Шумерийцы, а также и аккадцы, были ассимилированы еще одной группой семитских племен, постепенно просачивавшихся в Двуречье. Наследниками шумерийцев стали вавилоняне.

Кончилась история шумерийцев, но не шумерской культуры. Вавилоняне переняли, подобно многим народам Древнего Востока, шумерскую письменность и приспособили ее для своего языка. Но и язык шумерский они сохраняли в течение всей своей полуторатысячелетней истории. Шумерский язык изучался в школе, шумерские сочинения — научные, религиозные, литературные — неоднократно переписывались, копировались, переводились на аккадский, снабжались аккадскими подстрочниками (мы называем язык древних вавилонян аккадским или вавилонско-ассирийским, потому что это практически один и тот же семитский язык в своем историческом развитии). Шумерский язык сохранялся и почитался как язык религии, литературы, а также и канцелярии. Существовала поговорка: «Что за писец, если он не знает шумерского языка!» А в поучительно-юмористическом рассказе про одного жителя города Нишпура обыгрывается такая ситуация: шумерийца, укушенного собакой, излечил жрец богини врачевания Амели-Бау. Имя у жреца наполовину семитское. Исцеленный предлагает жрецу прийти в город Ниппур за вознаграждением. Когда тот приходит и спрашивается о своем знакомце у женщины, торгующей овощами на улице, она отвечает ему по-шумерски. Жрец же говорит только по-аккадски (сам текст чередует шумерский и аккадский) и не понимает, что

говорит ему женщина. Ему кажется, что она его ругает. Женщина снисходительно переводит на аккадский свой ответ. Диалог продолжается. Жрец задает вопросы по-аккадски, получает ответ по-шумерски, снова возмущается, и торговка снова переводит ему свой ответ, уверяя, что она и не думала бранить его. Из заключительных строк выясняется, что это текст учебный, и ученикам писцовой школы предлагается выпихнуть неуча за городские ворота. Мораль и педагогическая направленность притчи ясны, но великолены и образы героев, и острота положения — в шумерском городе даже простая торговка овощами свободно владеет двумя языками, а жрец-целитель, видимо выходец из слосв семитского населения, оказывается невеждой. Судя по всему, этот жрец был неграмотным, т. е. принадлежал к традиции глубокой древности, передававшей знание устным путем. Сравнительно новая традиция письменности, конечно, должна была развиваться в противостоянии старому, и гисцы, стремившиеся к элитарности и подчеркивавшие свою ученость, не упускали случая продемонстрировать свое превосходство. Возможно, тема эта начала быть злободневной для самого конца третьего — начала второго тысячелетия до н. э. Однако текст сохранился и дошел до нас в копии первой половины первого тысячелетия до н. э. Вплоть до второго века до н. э. в городах Урук и Вавилоне копировались шумерские памятники и даже создавались новые композиции, хотя к этому времени мертвым был уже и аккадский язык, и видно, что шумерские тексты понимались плохо: в них много грамматических неправильностей.

Только благодаря тому, что вавилоняне так старательно изучали шумерский язык, смогли научиться ему и мы, современные люди. Шумеро-аккадские словари-силлабарии, грамматические справочники, двуязычные тексты — основные пособия в нашем изучении шумерского. Однако это великое прсимущество несет и главное затруднение: мы поневоле смотрим на шумерийцев глазами аккадцев и вавилонян, так сказать, «сквозь вавилонские очки». Так, шумерская фонетика полностью скрыта от нас. Вавилоняне в своих записях пытались воспроизвести звуки чужого языка, совсем иной языковой системы, так же, как они записывали слова своего родного языка. При помощи исторической сравнительной лингвистики можно, хотя бы в общих чертах, составить представление о произношении мертвого языка, если сохранились живые носители его современной формы. Аккадский входит в большую семью современных семитских. Шумерский язык такой возможности нам пока не предоставляет. Ибо шумерийцы до сих пор остаются одними из наиболее загадочных жителей земли. Мы знаем, что они пришли в Двуречье, но не знаем откуда. Мы знаем их богатейшую литературу, но до последних лет ни среди мертвых, ни среди живых языков не удавалось отыскать для них не то что близкого, даже далекого родственника. Все же исследования и изыскания продолжаются, изучение

шумерской фонетики медленно, кропотливо и неуклонно движется, и, возможно, в этой области нас ожидают в недалеком будущем большие открытия. Так, удалось наметить возможности типологического (но только типологического!) сближения шумерского с кетским на Енисее и с языком одного из племен горного Афганистана. Появилось предположение, что, скорее всего, шумерийцы пришли откуда-то с Востока и, возможно, долгое время местом их обитания были глубинные области Иранского нагорья. Насколько справедливы эти гипотезы, покажет будущее.

Шумерскую литературу открыл для нас в пятидесятых годах замечательный американский ученый Самюэль Крамер. Его исследования явились результатом многолетних трудов, начало которым положили его немногочисленные, но блестящие предшественники, такие, как Ф. Тюрро-Данкен, А. Даймель, А. Пёбель, Э. Киера. Профессор Крамер не только обнаружил и прочел в многочисленных хранилищах музеев мира огромное число шумерских литературных текстов, труднейших для расшифровки и понимания, он, кроме того, был учителем многих, ныне уже маститых ученых Америки, Европы и Азии. Сейчас изучением шумерской литературы занята на Западе большая группа исследователей, постоянно пополняющаяся именами молодых специалистов.

В России одним из первых начал заниматься клинописной литературой Вольдемар Казимирович Шилейко, ученый, переводчик и поэт, основоположник традиции поэтического перевода с аккадского языка. В. К. Шилейко публиковал и шумерские тексты; до сих пор исследователи пользуются его трудом о votивных надписях шумерских правителей и рядом других работ. Но шумерские литературные памятники в пору его деятельности (Вольдемар Казимирович умер в 1930 г., не дожив до 40 лет) почти не были известны. И. М. Дьяконов, основатель ассириологической школы в Советском Союзе, и его ученица И. Т. Канева плодотворно работают над изучением шумерской грамматики и фонетики, их труды серьезно расширили наши знания шумерского языка. Однако не было до сих пор попыток подойти к шумерскому тексту как к памятнику поэзии, как к некоему художественному единству. Вопросы шумерской поэтики, художественного стиля, особенностей стихосложения начали теоретически разрабатываться в течение двух последних десятилетий, но за исключением попыток создания ритмизованных подстрочников (например, профессор С. Н. Крамер, профессор Т. Якобсен — на английском, Ж. Боттеро — на французском, Г. Комороци — на венгерском и др.) никто не пробовал передать художественные особенности шумерских литературных текстов средствами родного языка. Настоящее издание, равно как и опубликованные в нескольких поэтических сборниках отдельные переводы автора с шумерского, является практически первым, а потому и в значительной мере субъективным (как и

любая поэзия) опытом, но при этом в его основу легло научное исследование памятников шумерской литературы.

Закономерен вопрос — как можно говорить о поэтическом переводе с языка, о звучании которого мы не имеем почти никакого представления? Если мы находимся еще в стадии интерпретации текстов, если мы «спотыкаемся» на непонятных реалиях, не рано ли браться за перевод поэтический? В грамматическом или любом ином научном исследовании мы можем ограничиться ссылкой на непонятное место, пока еще расшифровке не поддающееся. Но в поэтическом переводе весомо и значительно каждое слово; смысл, интонация, оттенок зависят от толкования переводчиком того или иного места. Эти вопросы не новы. Они давно стоят перед переводчиками, и не только с древних, почти неизвестных языков. Так, например, мы до сих пор сомневаемся, прозой или стихами написано «Слово о полку Игореве», и все же существует несколько поэтических вариантов перевода этого произведения. Мы не имеем точного представления о стихотворном размере русских былин; впрочем, в отношении любой древней поэзии мы никогда не уверены в правильности передачи звуков мертвого языка. Не буду касаться здесь и другого немаловажного вопроса — о возможности точного перевода поэтического текста в принципе с любого языка. Ибо все время спорят, но все время и переводят. Попробую на некоторых примерах показать читателю свой подход к шумерскому поэтическому тексту (то есть объяснить ту часть работы, что объяснению поддается, ее «до-поэтическую» стадию).

Графическое написание помогает выделить в шумерском произведении логическую единицу, которая заключает в себе законченную мысль, как правило занимающую целую строку. Рассмотрим начальные строки некоторых произведений:

эн-е кур-лу-ти-ла-ше гештуз-га-ни на-ан губ.

Жрец к «горе живого» обратил помыслы.

ша-г-га-не ир им-си эден-ше ба-ра-э.

Его сердце полно слез, и бежит он к степи.

тур-ра-на муш-ни-ин-га амаш-а-на лил-ле.

Он покинул свое стойло, в его закон вошел ветер.

ан-галь-та ки-галь-ше гештуз-га-ни на-ан-губ.

С Великого верха к Великому низу помыслы обратила.

Эта мысль последовательно развивается добавлением определения к субъекту действия, и загадочность первой фразы постепенно раскрывается. Так, в последующих строках мы узнаем, что к «горе живого» обратил свои помыслы жрец Гильгамеш, что с тоскою в сердце бежит по степи пастух Думузи, что по-

А вот две фразы из плача о разрушении города Ура:

91—92. *у₄-ма-ма-ал-ла и-си-иш-би ма-ла́-ла́*

у₄-да у₄-гиз-га ма-ра ма-ма-ал-ла.

День мне присужден... О нем мой стон.

День, черный день. Он ныне мне присужден.

108—109. *уру́-му ки-галь-ба хе́-ан-га му-да-гуль*

ури ки-на́-би-а хе́-ен-га му-да-тиль.

Но городу моему разрушену быть — до основания.

Но Уру моему погублену быть — лезть развалинами.

В шумерском языке явно наблюдается тенденция к рифме, вернее к рифмодным повторам, причем могут комбинироваться конец и начало строки, две, три, четыре строки подряд, рифмоваться две полустроки, естественно, чаще всего за счет глагольных окончаний. Может возникать свободный, спонтанный, не ограниченный особым стихотворным размером рисунок. Вполне вероятно, что в действительности, в живом языке эта игра была еще богаче и разнообразнее, ибо, по всей видимости, в шумерском языке наряду с силовым ударением существовало музыкальное, когда звуки различаются по высоте тона. Не могли же шумерийцы говорить «э-второе», «э-третье» или «э-одиннадцатое», как обозначают современные исследователи.

Распространены в шумерской поэзии стереотипные формулы-клише, которые, как это легко может заметить читатель, кочуют из одного произведения в другое.

Во многих шумерских произведениях почти нет действия, оно заменено пересказом, главным образом в виде диалогов или монологов, неоднократно повторяющихся разными лицами. Это позволяет думать, что большинство шумерских произведений исполнялось хором или двумя хорами, с ведущим или ведущими, что текст был записью действия, разыгрывавшегося либо как священная мистерия, либо как светское представление, в зависимости от ситуации. Об этом же говорят и «подписи» под шумерскими текстами. Не все они понятны, но ясно, что речь идет о каких-то музыкальных инструментах, сопровождавших исполнение партий. Некоторые такие «подписи» расшифрованы: «песнь под литавры», «песнь под барабаны», «плач на флейте». О многочисленных формах напевов, о разнообразнейших музыкальных инструментах неоднократно упоминается в шумерских произведениях, есть их изображения на шумерских рельефах и печатях, не говоря уже о найденных вполне реальных арфах, лирах, барабанах. А в последние десятилетия успешно ведется работа над расшифровкой основ «музыкальной грамоты» Двуречья, нотных знаков, записанных клинописью.

Итак, шумерская литература предстает перед нами как творчество, рассчитанное на восприятие слухом, на исполнение вслух. Все приемы, которые мы только что рассмотрели, являются хорошо известными и изученными приемами устного жанра — фольклора. Не парадоксально ли это? Литература, имеющая многотысячелетнюю письменную традицию, оказывается словесностью в самом прямом смысле. Не заблуждаемся ли мы? Письменный текст, рассчитанный на восприятие глазом и мыслью, подвержен иным закономерностям. Сам способ письма на глиняной табличке, материал довольно громоздком, должен был наводить постепенно на мысль об экономном подходе к содержанию, компоновке и размещению материала. Зачем нужны были эти бесконечные повторы? Ведь в некоторых текстах абзацы по двадцать строк повторены до шести раз. В тексте о нисхождении богини Инанны одна и та же строка с небольшой вариацией повторяется тринадцать раз, в плаче о разрушении Ура — тридцать пять!

Письменность возникла в Двуречье на рубеже четвертого и третьего тысячелетий до н. э. Первые тексты были хозяйственными записями. Самые ранние памятники литературного содержания, которые сейчас известны, датируются XXVI веком до н. э. Основная масса литературных произведений дошла до нас в поздних копиях конца третьего—начала второго тысячелетия до н. э., от так называемого «старовавилонского периода». Некоторые шумерские памятники сохранились и в архаическом варианте, и в более поздней версии, например поучения мудреца Шуруппака или гимн городу и храму Кенша. У нас есть возможность сравнить два варианта одного текста, разделенных более чем восьмисотлетним промежутком времени. И что же оказывается? Структура текста практически не изменилась, он расширился, добавились новые строфы, но сложенные в том же стиле и по тому же принципу, что и в более древнем варианте. Удивительное уважение к слову запечатленному, причем, заметьте, запечатленному не на своем родном языке! Удивительная стойкость письменной традиции. А за ней стоит чуткость и внимание к еще более древней могучей традиции — к слову произнесенному, к поэтическому слову, к «языку богов». Письменная традиция, которая как бы перерезала развитие традиции устной, но отнюдь не уничтожила ее, донесла до нас только часть словесного богатства древних. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, в первом тысячелетии до н. э. возникают (или воспроизводятся) записи плачей в их архаизированной форме, с употреблением так называемого «женского языка», *эмсаль*. Отдельные обрывки такого рода текстов сохранились от начала второго тысячелетия до н. э., и полный разрыв более чем в тысячелетие заставляет думать, что эти памятники, бывшие частями ритуала, регулярных богослужений, сохранялись в устной традиции. Так древняя письменность обнаруживает и демонстрирует нам длительный человеческий опыт общения с поэтическим сло-

ном, и это слово оказывается отнюдь не «детским лепетом» — ни по мысли, ни по форме. О том, что же такое шумерская литература — фольклор или письменное творчество, сейчас более всего спорят ее исследователи, и, по моему, совершенно напрасно... Ибо с каких бы позиций ни велся этот спор, несомненно одно: шумерская литература в первую очередь поэзия, а поэзия — это то, что изначально рассчитано на наш слух и чувства, а потом уже обращается к нашим глазам и разуму.

Непривычные нам свойства шумерской литературы проявляются сразу же, как только мы пытаемся подойти к ней с привычными мерками. Перед составителем встала задача — в какой последовательности расположить шумерские произведения в этой книге? При публикации древних текстов обычно стараются придерживаться хронологического принципа. Но для шумерских памятников, как это явствует из вышесказанного, этот путь пока неприемлем. Ранние памятники все равно приходится излагать по более полным и лучше сохранившимся версиям позднего времени. В тех случаях, когда произведение кажется архаичным, как, например, сказания об Энки и Нинхурсаг и Энки и Нинмах, более поздние вставки и следы поздней обработки все равно не дают возможности воспринимать эти тексты как самые ранние. Или серия сказаний о героях — группа Урукского цикла. По стилистическим особенностям, по недостаточной разработанности эпического сюжета наиболее ранней из них, скорее всего, можно считать сказание о Гильгамеше и Аге. Но в шумерской традиции последовательность правления царей этой династии, потомков солнечного бога Уту, вполне определенная: Энмеркар, Лугальбанда, Гильгамеш. Сказание о Гильгамеше, волшебном дереве и нисхождении Энкиду в подземный мир — единственное шумерское произведение, излагающее основы шумерской космогонии в целом, включая сферы всех трех миров. Может быть, имело бы смысл начать сборник именно с него? Однако памятник этот — сравнительно поздний, и отрывать его от других сказаний, повествующих о подвигах Гильгамеша, не целесообразно. Лучше всего было бы, наверное, расположить тексты так, как распределяли сами шумерийцы: до нас дошло несколько каталогов с названиями шумерских памятников, данными по первой, заглавной строке произведения. Но это не классификационные списки, а скорее всего, своды наличия — деловые письма перемежаются с заклинаниями, тексты на шумерском языке — с аккадскими памятниками, на одной табличке при переписке может оказаться и судебный казус, и литературное сочинение. Рубрики-подписи в конце многих сочинений позволяют выделить некоторые груп-

пы, например споры-соревнования (*адаман-дуг-га*), или плачи, или заклинания, но в большинстве случаев они указывают, как уже говорилось, на характер исполнения. Однако самое большое фиаско мы терпим, когда пытаемся распределить шумерскую литературу по знакомым нам жанрам: скажем, эпос, сказка, лирические произведения, гимны. По этому принципу и составлялись обычно те немногие сборники шумерских произведений, о которых мы упомянули, причем предпочтение отдавалось мифам, эпосу и лирическим произведениям. Но шумерская литература никак не хочет укладываться в то прокрустово ложе, которое мы ей предлагаем. В этом читатель может легко убедиться, внимательно прочитав любой шумерский текст. Скажем, сказание об Энлиле и Нинлиль. Текст этот по своему назначению был литургическим. Он включает в себя гимнический отрывок-введение, затем обычный зачин волшебной сказки — запрет и его нарушение, действие-разговор, видимо разыгрывавшееся, и заключается снова хвалебным гимном Энлилю как богу плодородия. Рассказ об Энмеркаре и Энсукешданне самими шумерийцами называется и «спором» и «хвалебной песнью». С нашей точки зрения, первая часть его близка эпическому повествованию, вторая же часть разработана как типичная волшебная сказка. Гимн городу Кешу — рассказ о постройке храма и описание его красот в эпическом стиле. Гимн богине пива Нинкаси содержит рецепт изготовления пива и включает в себя заздравную песнь-тост. Рассказ о сватовстве к богине Инанне — спор о преимуществах скотоводства и земледелия. Он начинается диалогом между богом солнца Уту и его сестрой Инанной в форме обрядово-трудовой песни, рассказывающей о разных этапах обработки растения, из которого будет соткано брачное покрывало. Заклинание против вздутия живота содержит в себе и рецепт от болезни и, кроме того, включает всё действие в общий космический процесс — сперва рождается образ, идея «вони», затем средство излечения от нее создается богом Энки, который в глубине подземного Мирового океана должен сотворить заклинание, уже от него воспринятое целителем на земле. Если мы обратимся к чисто историческому тексту, такому, например, как одна из многочисленных строительных надписей правителя города-государства Лагаша Гудеи, то и этот памятник обнаружит прямое родство с произведениями литературными как в мировоззренческом, так и в формальном планах. Текст ритмизован, пролог (очень краткий) сразу же вводит город Лагаш в мировую историю, соединяет его судьбу с судьбой Вселенной. В эпически пространном описании событий, связанных с построением храма бога Нингирсы, покровителя Лагаша, чудесное свободно и естественно перемежается с реальным: выбор деревьев для постройки, разговоры с ними, посадка в храмы божеств за благословением, общение с богами, обряды, сопутствующие постройке, сами строительные работы, изготовление кирпичей и т. д. Центральный мотив — сны Гудеи и их толкование богиней-пророчицей — играет важ-

ную роль во многих крупных шумерских поэтических произведениях, но в первую очередь заставляет вспомнить сновидение бога-пастуха Думузи и толкование его сестрой Думузи Гешгинанной, с той разницей, что в одном случае сон благоприятен, в другом — предвещает беду. Словом, все происходящее в этой исторической надписи столь же правдоподобно, или, если хотите, неправдоподобно, как почти любое событие из рассказа о шумерском божестве или полубогендарном герое.

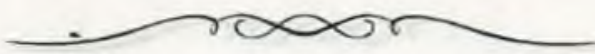
Наиболее приемлемым и удобным оказался в данном случае принцип распределения памятников по основным категориям действующих персонажей и событий: боги и их деяния, героические личности, исторические лица, простые смертные; устройство мира богами, как его представляли шумерийцы, и ответ людей — хвала воплощениям высших сил. В отдельный раздел выделены произведения, освящающие главный для Шумера обряд — укрепление и восстановление плодородных сил природы с помощью действия священного брака. В каждом городе эту роль осуществляли правитель и верховная жрица как воплощения божеств-покровителей города. В конце третьего тысячелетия до н. э. правители третьей династии Ура выступали в образе бога Думузи, заключая брак с богиней Инанпой.

Принцип распределения явился, таким образом, весьма условным, чисто литературным приемом: в нем нет обязательности. Так, сказание о потопе, помещенное в разделе «Судьбы Шумера», было бы также уместным в разделе «Устройство мира»; гимн храму Кеша можно было бы присоединить к гимнам, восхваляющим богов; рассказ о возвышении Шаррукена, личности исторической, может быть, не стоило отрывать от текстов, связанных с именами других исторических правителей Двуречья. Но раздел «Судьбы Шумера» — дань идее судьбы, как ее представляли сами шумеры, и в этом смысле он, может быть, самый шумерский. Его можно было бы назвать еще более «по-шумерски» — «Сути Шумера». И главное, благодаря этому принципу оказалось подчеркнуто еще одно свойство шумерской литературы: каждый раздел обладает целостностью и законченностью, он может восприниматься самостоятельно, представляя все жанровые особенности шумерских композиций. Более того, почти про каждое большое шумерское произведение можно сказать, что оно представляет собой шумерскую литературу в целом: элементы всех знакомых нам по европейским категориям жанров присутствуют в нем. Но нет никакого однообразия и трафарета в комбинации этих элементов, и именно такая особенность делает шумерскую литературу столь живой и привлекательной. В этом сборнике не хватает многих весьма интересных произведений: рассказа о создании мотыги богом Энлилем и об отделении его неба от земли, о сражениях Инанны и Нинурты с воплощением гор, каменным чудовищем, о мести богини жителям Шумера за осквернение ее садовником; скромно представлены выразительнейшие

споры божеств, вещей и животных о преимуществах (они одни могли бы составить целый сборник), нет диалогов-споров философско-нравоучительного направления. Издание полного свода памятников шумерской литературы с ее более чем двухтысячелетней историей — труд весьма тяжелый и, видимо, дело будущего. Но и в том виде, в каком удалось довести его до читателя переводчику и составителю, собрание это достаточно разнообразно. И оно заставляет задуматься о создателях этих произведений.

Ими были ученые писцы, поэты шумерской Эдубы — «дома табличек», «сокровищницы мудрости», как называли ее сами шумерийцы, ибо их литература вышла из Эдубы.

Шумерские тексты, как правило, не называют автора, но это не значит, что его не было. Безымянность произведений говорит нам не о коллективном авторе, как одно время думали литературоведы, но об ином понимании роли автора. Слово для древних было языком богов, оно внушалось и вдохновлялось высшей силой, поэт был воспринимающим и передающим звеном. Необязательно было указывать свое имя, если можно было сослаться на авторитет более высокий, на заветы и традиции отцов, на божественную силу — источник вдохновения. В конце текста можно было поблагодарить инициатора творения — бога, который побудил создать о нем произведение: «Дева Инанна, хороша хвала тебе!», «Бог Энки, слався!» Можно было поблагодарить богиню-покровительницу письма — «Хвала тебе, богиня Нисаба!» — которая помогла выполнить тяжелый труд и закончить произведение. Даже и в вавилонское время, когда чаще стали называть свои имена авторы и составители, переписчики, представители писцовых династий, можно было встретить и такую «ссылку» — «все, что здесь рассказано, увидел в сновидении, посланном богом, и записал, не изменив ни одного слова». Но вот перед нами сборник шумерских гимнов, где в конце сказано, что составила его жрица Энхедуана, дочь Шаррукена. Несколько молитв, где в середине и конце текста снова идет обращение от имени Энхедуаны, которая называет вдохновительницей своего творчества богиню Инанну — ей и посвящены две большие молитвы-сказания. Тексты, сочиненные Энхедуаной, отличаются особой экспрессивностью, своеобразной лексикой, необычными эпитетами. Сказание о борьбе богини Инанны с горой-чудищем Эбих не имеет подписи Энхедуаны, но почти все шумерологи единогласно приписывают авторство ей. Энхедуана жила во второй половине третьего тысячелетия до н. э. и не только ощущала источник вдохновения, но и сознавала свою авторскую роль в создании поэтического произведения (в этот сборник произведения Энхедуаны не вошли, так как автор надеется посвятить ей отдельный труд). Мы смело можем сказать, что и шумерские писцы, создавая свои композиции, работали над ними как авторы — именно поэтому каждая вещь несет отпечаток индивидуальности. Эта индивидуальность

ощущается не только в свободной компоновке сюжетов, мотивов; она в импонации, которая окрашивает каждое произведение. Простоудушно-самоуверенный рассказ царя Шульги о себе самом не спутаешь с патетическим тоном «Проклятия Аккаду» или драматически напряженным, как бы прерываемым рыданиями, монологом текста «Он покинул свое стойло...» Если нельзя с уверенностью выделить определенного автора в каждом произведении, то можно говорить о направлениях и тенденциях отдельных групп, может быть — о разных школах. Так, близки по стилистике два известных нам сказания о Лугальбаанде и об Энмеркаре, где автор (или авторы) уделяет много внимания описаниям пейзажа, явлению довольно редкому в клинописной литературе. Три (из пяти сохранившихся) рассказа о Гильгамеше, публикуемые здесь, напротив, весьма разнородны по форме и стилю. Но как будто на одном дыхании создан цикл драматических сказаний об Иланпе и Думузи.

А как остроумно обыгрываются шумерскими писцами формулы стандартных документов! До нас дошло довольно большое количество деловых, царских и частных писем, построенных по определенной схеме: «такому-то скажи, говорит такой-то». Далее излагается дело, в конце может быть приписка — *амару-кам* — буквально: «потоп», в зависимости от содержания — «дело, не терпящее отлагательства, угрожающее положение, беда». В точности по этой формуле построено письмо голодающей обезьянки своей матери. Сохранилось аккадское письмо (скорее всего, не подлинное, но образец для «письмовника») некоего отца сыну, где тот жалуется на бедственное положение и заканчивает словами: «...хоть корочку хлеба пришли своему голодному отцу», — что это, литературная аллюзия? Из общего тона письма отнюдь не явствует, что отец буквально умирает от голода.

Послание Лудингиры — длинное цветистое сочинение, формула письма служит рамкой, обрамляющей текст. Все его содержание сводится к передаче приветов матери от любящего сына. Сам текст представляет собой описание примет, по которым посланец должен отыскать мать; они более соответствуют образу молодой прекрасной девушки, нежели почтенной матроны, какой может представляться мать взрослого сына, находящегося в отлучке.

Письма можно было адресовать не только людям, но и богам. Обычно обращался к богу правитель или знатный человек с какой-нибудь просьбой, часто она составлялась в форме молитвы. Молитвы, заклинания, как и словословия богам, — наиболее стереотипные памятники шумерской литературы. Их форма была настолько стандартной, что на табличках оставлялось место для имени просящего, которое можно было вставить по желанию. Именно эти тексты составляют тот фон, на котором выделяются замечательные произведения шумерской «письменной» литературы. Так, достаточно официальное и стандартное восхваление бога Энки из гимна царя династии Исины Ур-Нинурты с

набором постоянных эпитетов, с подчеркиванием верховной роли Энилиа (особенно чтившегося в Ниппуре, шумерском религиозном центре, откуда до нас дошла большая часть памятников литературы) контрастирует с произведениями, где Энки предстает как главное действующее лицо и где создается образ лукавого и мудрого, изворотливого и действительно всемогущего в своей изобретательности божества.

Шумерская литература, таким образом, отразила процесс становления нового вида искусства, она показывает нам, как медленно и постепенно словесность становится «словом написанным, запечатленным». Слияние слова звучащего со знаком, символом, облачение его в одежды письменности рождает новые композиционные и структурные законы, подчиняя себе автора незаметно для него самого. Степень индивидуальности шумерских сочинений зависит от того, в какой мере свободно их автор владел словом живым, сколь удачно использовал обкатанные, ставшие подчас стереотипами, комбинации приемов из сокровищницы устной традиции, но в первую очередь — от его чуткя, интуиции, от степени его личной одаренности.

Религиозная идеология шумерского общества складывалась из верований многих общин — в каждом городе-государстве был свой бог-покровитель, который считался божеством плодородия. Поэтому в образе любого шумерского бога можно найти следы этой его функции. Но уже в ранних шумерских списках богов выделяются несколько основных божеств, олицетворяющих стихии космоса. Ан — небо, он же покровитель города Урука, Энилиа — ветер, воздух, буря. Его же почитали в Ниппуре, центре военного племенного союза, а впоследствии — крупнейшем культовом центре Шумера. Энки, главное божество самого древнего в шумерской традиции города Эредуга, — владыка подземных вод и Мирового океана (по шумерским представлениям, земля плавала в этом океане, как плот); он наделен особой мудростью, ему подвластны тайное знание и искусство врачевания. Инанна — богиня любви, распри, планета Венера, центром ее почитания также был Урук. Уту — солнце, мудрый и справедливый судья, брат Инанны, чтился в городе Сиппаре, позднее в Ларсе. Бог луны Нанна был покровителем города Ура, он часто изображался в виде быка с лазуритовой бородой и рогами. В подземном мире хозяйничала Эрешкигаль, «владычица большой земли». Ее послан и советчиком был Намтар — судьба. В шумерской мифологической литературе каждый бог наделен качествами и характером в соответствии со своими функциями: Ан — безразличен и далек, как небо; Энилиа — переменчив, грозен и капризен, его желаний не

узнать людям. Часто кажется, что он враждебен по отношению к ним, и идея гибели рода человеческого, как правило, исходит от него. Между ним и богом Энки существует негласное соперничество. Оно ощущается в произведениях аккадской литературы (чьи корни уходят в шумерскую), таких, например, как эпос об Атрахасисе или всемирно известный эпос о Гильгамеше, и совершенно недвусмысленно сформулировано в тексте так называемого «заклинания Энки», маленького эпического отрывка, вставленного в шумерское сказание об Энмеркаре и владыке Аратты. Здесь причиной возникновения раздоров и непонимания среди людей прямо называется ревнивое чувство Энки по отношению к Энкилю. Все же в основном Энки, чье имя буквально означает «господин-земля», — защитник и помощник созданных им человеческих существ. Собственно говоря, он не прямой создатель, он творец замысла. Но в шумерском мировоззрении замысел — начало и основа действия, он всегда первичен. Все происходящее на земле предварительно решается высшими существами, и события первоначально «проигрываются» в небе, что так хорошо видно из «Плача о разрушении Ура». Энки и Инанна — самые живые и самые очеловеченные персонажи шумерской мифологии. Инанна капризна, непостоянна, она почти всегда находится в конфликте с существующим порядком вещей, деятельна и энергична. Она требует у Ана и Энки дополнительных привилегий, потому что ей кажется, будто ее обошли другие богини, хитростью добывает Сути у захмелевшего Энки. Впрочем, может быть, Энки и сам, в подпитии, желая сделать богине приятное, необдуманно подарил ей святыни. Вообще мотив захмеления, особенно Энки, обыгрывается во многих шумерских текстах. Так, Энки и Нинмах, богиня-мать, после сотворения людей устраивают пир, пьянеют и начинают создавать новых людей, которые получаются уродами и нежизнеспособными существами, однако благодаря изобретательности Энки судьба их устраивается. Энки тоже может быть непостоянен и капризен, а также необычайно любвеобилен, тогда его приходится урезонивать; как правило, это делает богиня-мать, фигурирующая в шумерской литературе под разными именами. Но в целом он доброжелателен и снисходителен, к людям ли, к богам ли. В мифе о нисхождении Инанны в подземный мир он единственный из богов, кто откликается на мольбы Инанны о помощи. Он выскребает грязь из-под ногтей, «крашенных красным», и создает фантастические существа, спасающие Инанну. Рассказы о земных слабостях бога как бы роднят его с людьми, делают более понятным и близким. И живут шумерские боги если не вместе с людьми, то где-то по соседству, совсем недалеко. «Когда земля от небес отделилась» — так рассказывают о возникновении земли шумерские прологи к нескольким большим сказаниям. Но есть в шумерской космогонии еще одно понятие — *ан-ки* — буквально «небо-земля». Оно означает Вселенную, мироздание. Так вот, все, что описывается в шумерских сказаниях, происходит как раз в «не-

бе-земле». Богиня Инанна находит гибнущее дерево и пересаживает его в свой сад-цветник. Где он находится, на небе? Нет, в Уруке. В дереве заводятся чудовища, и она обращается за помощью к своему брату, солнцу, тот не отвечает; тогда она просит помочь ей героя Гильгамеша, который и спасает ее от беды. «Небесная ладья» Инанны, в которой она увозит от Энки символы культуры, Сути, движется как бы одновременно и в небесах и в реальном земном пространстве (а может быть, параллельно в обоих мирах?). В погоне за Думузи демоны подземного мира приходят в тот же Урук. Гильгамеш подносит в молитве «руку к устам» и кричит на небо богу солнца Уту, прося у него совета. Действие мифа «Энки и Нинхурсаг», где главные герои — боги, разыгрывается среди болот. Нерасчлененность божественного и земного как во времени и пространстве, так и в характерах — одна из привлекательнейших черт древних литератур. Так же как способность легко и естественно соединять возвышенное и низменное, вводить одно в другое. Грязь из-под ногтей (причем не просто ногтей, но празднично выкрашенных!) служит для спасения богини, рецепт от вздутия живота создается во глубине Мирового океана, описание физиологического процесса — органическая часть поэтического текста. Нет ни малейшего сомнения во взаимозависимости и связанности великого и малого, где самым малым управляют высшие силы.

При этом от Древнего Шумера до нас пока не дошло ни одного мировоззренческого трактата. В мифологических прологах-запевках излагается история начальных дней мира, рассказывается о первоизданной стихии, о зарождении (в одном из вариантов явно — о самозарождении) божеств, об отделении неба от земли, о сотворении людей из глины, дабы они трудились на богов. Большинство известных нам шумерских сказаний подходит под определение «этиологический миф», то есть произведение, где в образной форме объясняется происхождение природных явлений или отраслей человеческой деятельности. В рассказе об Энки и Нинмах рождение на земле неполноценных, увечных людей объясняется тем, что этих людей лепили пьяные боги. В мифе об острове Дильмун объяснено превращение острова в цветущий край, происхождение разного рода божеств-покровителей, появление боли во время родов и многое другое. В сказании об Эпхиле и Нипхиль повествуется о рождении бога луны Нанны и трех богов, связанных с подземным миром. История, рассказывающая, как богиня Инанна хитростью увезла от бога Энки из Эредуга в Урук Сути, делает попытку объяснить распространение в мире явлений культуры. О происхождении земледелия и скотоводства говорит миф о деве-зерне Ашнан и об овце Лахар. Эти примеры из произведений, включенных в книгу, — только часть известных нам шумерских «этиологических» мифов, зафиксированных литературой. Пространное, до пятисот строк, сказание «Энки и мировой порядок» дает полную картину благоустройства земли. Энки, путешествуя по миру,

благословляет страны, в первую очередь Шумер, и вверяет попечениям второстепенных божеств разнообразные отрасли хозяйства, выступая таким образом как типичный носитель культуры. Иногда происхождение важного культурного явления или события объясняется мимоходом, будучи включенным в большое эпическое произведение. Так, лукавству бога Энки приписывается, как уже упоминалось, происхождение на земле многих языков. Таким же способом сообщается и об изобретении письменности, в том же произведении об Энмеркаре и владыке Аратты: гонец Энмеркара курсирует между Уруком и Араттой, передавая послания своего господина, и когда наконец это послание становится столь длинным, что гонец не в состоянии запомнить его и повторить, Энмеркару приходится изобретать письменность, человечеству до той поры неизвестную.

Культура как проявление человеческого отношения к природе возникает в ходе истории. Стремление «укаатегорить и понять» — безусловно, свидетельство определенной стадии развития человеческого мышления, когда человек создает свое описание мира. И понятно, почему в этом каталогизированном мире для проявленности его главная творческая роль отводится Слову. Назвать Словом — это значит вызвать вещь, явление из небытия, ввести в мир реального, закрепить и тем самым понять и объяснить. Не отсюда ли такое количество «объясняющих» мифов? Но все же во весь период шумерской истории уровень сознания был таков, что даже объясняя, оно предпочитало выражать себя в форме слова поэтического, скрываясь за метафорой, не доводя описание до создания специального трактата, до рассуждения на тему о «Начале начал» — о происхождении, о сотворении. Более того, поэтическая формула может в шумерском мифе как бы противостоять описанию-объяснению, и тогда она настолько загадочна, что ее смысл приходится извлекать, подобно ядрышку ореха из скорлупы. Вот, скажем, в мифе о Энилиле и Нинлиль главный герой совершает странные и непонятные нам поступки — трижды вступает в брак с собственной возлюбленной, будущей супругой, под видом других лиц, имеющих прямое отношение к подземному миру. И происходит все это или в самом подземном мире, или где-то на его границе. Нинлиль зачинает трех богов. В момент соединения с ней Энилиль произносит таинственную формулу: «Семя моего господина — к небу, семя мое в землю воистину пусть идет! Семя мое за семя моего господина в землю воистину пусть идет!» Совершенно ясно, что для шумерийца в ней заключался особый смысл, и для развития действия мифа она необычайно важна. Поведение Энилиля и его слова становятся понятными, когда мы обращаемся к другому мифу, повествующему о подземном мире — о происхождении богини Инанпы. Оживленная травами и водами жизни Инанна собирается выйти из подземного царства, но судьи подземного мира, Ануннаки, хватают ее со словами: «Кто из спустившихся в мир подземный выходил не-

вредимо из мира подземного? Если Инанна покинет Страну без возврата, за голову голову пусть оставит!» И Инанна отдает заменю за себя в подземный мир своего супруга Думузи. Не то же самое сделал и Энлиль. Он выкупил из подземного мира себя, Нинлиль и своего будущего первенца, бога луны Нанну. Взамен он оставил три божества, зачатых как бы существами подземного мира и потому этому миру обреченных. Трех за троих — все трое богов останутся там, в подземном царстве, ибо таков закон мироздания. Сопоставляя эту идею с другими месопотамскими взглядами, так же рассыпанными в виде отдельных фраз-формул в поэтических текстах, мы встречаемся с представлениями о равновесии между миром живых и миром мертвых, о необходимости некоей гармонии для поддержания мирового порядка. Таким же образом из текстов шумерских прологов извлекается представление о возникновении жизни. Современные исследователи склонны считать, что в истории человечества эти представления развивались в двух направлениях — статичном, когда за основу и первопричину бытия берется состояние абсолютного покоя, и динамичном, полагающем первоначальное в огненном движении. По традиции первое возводят к Пармениду и элсатам, второе — к Гераклиту, то есть начинают историю философии с рассмотрения греческого мировоззрения. Шумеро-вавилонские взгляды на абсолютный покой как основу бытия продлевают эту традицию по крайней мере на полторы тысячи лет, если не больше, при том что шумерское мировоззрение сохранилось в памятниках письменности, не выделяя себя в особую отрасль знания. Эти мысли, даже скорее ощущения, не постулировались и не доказывались, они наполняют ткань шумерской литературы как ее незримая основа, и, может быть, лучше их называть не мировоззрением, но мироощущением или мироощущением. Основы этого мироощущения, а следовательно, и глубинного смысла мифа — в медитирующем сознании, то есть в способности «внимать неслышимому» и «узреть невидимое». В шумерских статуях с их широко раскрытыми огромными глазами и руками, сложенными особым образом, прекрасно уловлен и передан момент этого напряженного внимания, страстного ожидания Знака Бога. А этиологические «разъяснительные и объясняющие» мифы есть перевод «языка высших сил» на язык человеческий в понятиях и образах, на том уровне, на котором находился человеческий социум. И если определить работу рассудка как усилие понять неизвестное, а интуицию — как состояние, когда неизвестное случается, то должна быть понятна разница между формулой-мифологемой «за голову — голову» и этиологическим мифом. Последний всегда вторичен по отношению к первой.

Но это разговор с позиций нашего современного восприятия. Если такая разница обусловлена нашими представлениями, то ее и следует рассматривать как некую теоретическую абстракцию. Однако вот еще один шумерский рассказ об отношениях Энлиля и Нинлиль. Он в какой-то мере помогает рассеять наши

сомнения. Для удобства изложения обозначим тексты ЭI (тот, в котором мы обнаружили мифологему «за голову — голову») и ЭII. В ЭII говорится о том, как Энлиль, обойдя всю Вселенную в поисках супруги, остановился в городе Эренне, увидел на улице прекрасную юную Суд и сразу же вспыхнул к ней любовью. Перед этим рассказано о рождении Суд от благороднейших родителей, бога Хайи и богини мудрости и письма Нидабы, она же Нисаба, Нунбаршегуну и Нанибгаль. Энлиль заговаривает с Суд, та, как и подобает молодой девушке, отказывается разговаривать и направляет его к своей матери. Энлиль возвращается в Ниппур, вызывает своего посланника-советчика и посылает его к Нидабе с просьбой руки дочери и предбрачным даром. Получив согласие, он отправляет богатые брачные дары в сопровождении посланника и своей сестры, богини Аруру, которая должна играть важную роль при совершении брачной церемонии. Суд получает благословение матери и становится Нин-лиль, «госпожой Лиль», супругой всемогущего бога. Заключительные строки текста — величание богини. В них, в частности, сказано, что та, кто «имени не имела, получила великое имя», кроме того, Суд названа не то чужестранкой, не то «женщиной пустынного места» (то есть подземного мира). Когда и в какой среде мог появиться этот рассказ и, главное, почему он был создан? Направляющийся ответ — изменение социальной структуры, взглядов, вкусов общества — может удовлетворить только отчасти. Да, конечно, явно что-то изменилось в представлениях людей, которые не желают больше признавать правильным соединение бога с юной богиней без совершения торжественных брачных церемоний, не хотят допустить и мысли о том, что невеста Энлиля вышла на брачное ложе, не будучи девственной. В ЭII непорочность и невинность Суд всячески подчеркивается и обыгрывается. А также настойчиво утверждается, что цель брака богов — расцвет растительного и земного плодородия (причем в ЭII это звучит гораздо более отчетливо, чем в ЭI) и что соединение молодых богов — любовное. Радость любви на праздничном ложе в богатом покое, после свершения обряда как бы противопоставлена загадочному трехкратному сближению под чужой личиной, в неизвестном (явно пустынном) месте, сопровождаемому странными словами. Первый вариант забыт и откинут. Впрочем, забыт ли? Когда посланец Энлиля передает слова бога Нидабе, та соглашается, но в ее ответе чувствуется некоторая напряженность, она упоминает о какой-то обиде, которая будет смыта принесением брачных даров и свадьбой. Об обиде, клевете говорится и в другом месте текста, когда дары уже принесены. Что же это за оскорбление? Оказывается, что при встрече Энлиль принял юную Суд за ту, «кто стоит на улице», то есть за блудницу. Профессия эта, однако, отнюдь не считалась позорной в древнем Шумере, особенно если та была храмовая блудница, подобная той, которая описана в заклинании «Дея сладостная». Да и Энлиль, видимо, сразу же осознал свою ошибку, если, после того

как Суд хлопнула у него перед носом дверью, отправляет свата прямо к Нидабе. Что же так беспокоит автора и вынуждает его старательно объяснять, «как на самом деле было»? Видимо, он на свой лад пытается трактовать то, что было для него неприемлемо и непонятно. Принцип сказания ЭI — не объяснять, ЭII — объяснить и доказать, что все, случившееся в ЭI, на самом деле происходило иначе. Вторичность ЭII, зависимость его от ЭI очевидна, но удивительнее всего то, что, судя по числу сохранившихся копий, обе версии были достаточно популярны в течение достаточно длительного промежутка времени — более тысячи лет. Судя по всему, здесь сталкиваются эзотерический и экзотерический планы, тайное знание и массовое сознание. ЭI — миф космического сознания, ЭII — земного, а в категориях социальных — стремление ранней государственности к упорядочению свободных брачных отношений, характерных для архаических обществ.

Естественно, что массовое сознание не воспринимало всю глубину и сложность сознания мифотворческого, да и не стремилось к тому. Заботы и сны земледельца, с утра до ночи работающего в поле, или владельца корчмы были иными, нежели жреца-целителя, провидца, толкователя сновидений. Да и в этой категории существовали большие градации. Эзотеричность, замкнутость знания составляла основу его сохранения. Вера не является предметом раздумий, и высокая мудрость потреблялась обществом, реализуясь и воплощаясь в обрядах-действиях, совместно исполняемых гимнах, плачах и всенародных празднествах, таких, например, как праздник плодородия.

Но коль скоро мы употребили слова «высокая мудрость», необходимо обратиться и к тому, что принято называть «мудростью житейской», а также сказать о знаниях, составляющих смысл человеческой деятельности на земле, о тех практических знаниях, без которых было бы невозможно существование людей. Необходимость совместной жизни и общения вырабатывала нормы поведения, которые воспринимались как «заветы отцов» и формулировались заповедно: «Не убий, не укради, не солги, не сотвори ссоры, не насилуй, не заглядывайся на замужнюю, не суесловь, чти отца и мать, старших братьев и сестер». Эти наставления рассыпаны среди многих других поучений и притч в тексте одного из самых древних литературных памятников — «Поучений мудреца Шуруппака», произведения, о котором уже упоминалось. Но и те основы знания и шумерской мысли, которые как будто бы лежат на поверхности и которые ныне составляют главный предмет изучения, так же трудны для понимания исследователя, как и тайное, скрытое знание. Мешает плохое понимание реалий, специфических терминов, ускользают многие аллюзии и сравнения. А материал воистину велик. Шумерская школа оставила нам себя в огромном количестве учебных пособий, содержащих сведения по основным отраслям знания своего времени — того, чему обучали в школе, — в географических, ботанических,

биологических, сельскохозяйственных и других списках-перечнях, словарях, грамматических справочниках, математических задачах и упражнениях, школьных «тетрадах» — глиняных ученических табличках с пробой «пера» — тростниковой палочки, — с текстами, перечеркнутыми рукой учителя, со списком экзаменационных вопросов. Оставила себя в текстах, переписанных по многу раз учениками, в прекрасных копиях, сделанных рукой мастера-писца. Шумерский «дом табличек» был воистину домом знания, как с гордостью неоднократно подчеркивали шумерские писцы. Вышедший из стен Эдубы ученик после долгих лет обучения мог написать деловой документ, сделать землемерный расчет, знал основы музыкальной грамоты. Раскопки храмового комплекса в Нинпуре обнаружили следы школьного помещения, расположенного при храме, хотя обучение в целом носило светский характер. Учились в школе и девочки; по многим свидетельствам, грамотность в Древнем Двуречье была распространена весьма широко. В развалинах частных домов среднего достатка находят литературные тексты, а простейшую отчетную ведомость мог составить даже пастух.

И снова, как в случае с текстом об Элиле и Нициль, мы можем заглянуть вглубь и попытаться найти то, что не лежит на поверхности, что составляет суть, обнаруживает дух Эдубы.

Почему от столь древнего периода дошло до нас так много текстов народной мудрости? Они служили учебным материалом. Короткие выразительные афоризмы, где особенно наглядна игра слов, видна меткость наблюдения, где образы выпуклы и живы, хорошо воспринимались и хорошо запоминались. Мы располагаем не только «Поучениями мудреца Шуруппака», сохранились сотни афоризмов, басен, притч, коротких рассказов, поговорок, пословиц. Многие из них сочинялись тут же в школе, потом уходили в широкое бытование и, возможно, снова возвращались в стены школы, уже как образцы мудрости народной. Или возьмем текст, называющийся «Рыба моя...» Он может быть и монологом божества, берущего под свое покровительство рыбу, и заманиванием рыбы в ловушку рыболовом, и рассказом эпического характера о постройке «дома для рыбы», а скорее всего, он и то, и другое, и третье. Но кроме того, это учебный текст. Он дает перечень и описание многих пород рыб и птиц, причем в живой и увлекательной форме, и такой текст не единственный. Список Сутей (ме) — воплощений всех отраслей шумерской культуры и всех представлений о ней шесть раз повторен в сказании об Энки и Инанне и похищении ею ме. При таком количестве повторов текст вполне может уложиться в голову ученика. Однако он не просто механически повторен, а каждый раз он обрамлен разными формулами, произносимыми от имени то Инанны, то Энки. Текст, который мы назвали «экзаменационным», составлен как живой диалог-

спор между отцом-писцом и учеником-сыном. Это и рассказ о том, как могут проводиться испытания, и перечень экзаменационных вопросов.

В диалогах-спорах, а также в произведениях явно нравоучительного и морализирующего характера победа часто оказывается на стороне не сильнейшего, но более слабого, и уж во всяком случае, спор решается «по справедливости». В тексте «Школьные дни» неудачливый ученик приглашает учителя к себе домой и одаривает его — естественная для Древнего Шумера ситуация, где учителя оплачивались родителями. Но подчеркивается важность более интимных, дружеских контактов — мальчик, который в школе не мог себя показать, стесненный суровостью школьной атмосферы, в спокойной домашней обстановке свободно демонстрирует свои знания, а обласканный учитель в благодарственной речи говорит: «Нечто ты смог мне дать, так, что я смог это принять...» Пожалуй, ни один текст не доносит до нас с такой свежестью дыхания давней жизни, как этот рассказ о неурядицах маленького ученика.

И тут мы подходим к самому главному, без чего все наши рассуждения об особенностях шумерской литературы окажутся напрасными и о чем мы просто забываем. Об ином течении времени вокруг древнего человека и в нем самом. С самого своего рождения шумериец вступал в иной ритм и жил иным темпом, чем мы. Сколько времени нужно на то, чтобы раздробить на каменной зерногетке зерно на день? Вырезать цилиндрическую каменную печать немудреным инструментом, заполнить убористым почерком глиняную табличку, которую надо предварительно подготовить? Попробуйте представить себе. Неважно, что все эти действия древний шумериец выполнял бы раз в двадцать быстрее нас или что одному и тому же человеку не приходилось, скажем, молоть зерно (это делала домашняя рабыня) и вырезать печать. Важно, что человек жил в атмосфере длительных действий, у него было время войти в это действие, вдуматься в него, ощутить его вкус. Походя ничего не делалось. По девять-десять дней длились праздники в Двуречье, на которых исполнялись и большие произведения. Сколько надо времени, чтобы прочесть вслух девятьсот, тысячу строк текста, да еще в сложном музыкальном сопровождении? А это только одна часть празднично-культового действия. Эмоциональное включение в такое действие, при всей его привычности, было иным, чем наше, — не столь быстрым, но зато и более глубоким, основательным. И об это нам сказали сами тексты, их структура и внешняя форма.

Обратимся еще раз к повторам и длиннотам шумерских памятников и еще раз рассмотрим шумерский способ начинать рассказ. «Княжий престол, княжий престол, он вывел его из храма». Кто «он» и что за «княжий престол»? Загадка «включает» внимание, как бы ударяет нас. Но вот образ обрастает подробностями. «Энлиль княжий престол вывел из храма». Образ приблизился к нам.

мы его узнали. В третьей фразе «Энлиль княжий престол царственности вывел из храма». Наше внимание сосредоточивается только на новых гранях образа, повторы уже опущены, они влились в сознание раньше. Они помогают рассказчику распеться, слушателю лучше их воспринять и запомнить, они помогают установлению единства исполнителя, исполняемого произведения и слушателя. И каждое новое слово, определение наделяет образ еще одной гранью, делает его выпуклым и приближает к слушателю постепенно, путем последовательного эмоционального включения. Образ как бы теряет свою абстрактность, он делается все конкретнее и конкретнее, за время повторов вы успевайте сжиться с ним, постичь основную мысль и сосредоточить внимание на главном. Чередования двух-трех слов в одинаковых отрывках подобны ритмическому узору на керамике или фризу на каменной цилиндрической печати, они задают определенный ритм всему произведению. И нас уже не должно удивлять и смущать, что в тексте о нисхождении Инанны до тринадцати раз утверждается одна мысль, ее главное содержание — в перечислении тех храмов, из которых Инанна ушла одновременно. Б плаче о разрушении Ура тридцатипятикратное повторение подчеркивает масштабы и размер катастрофы. Можно же было просто сказать: «Все боги покинули храмы». Но каждый раз с включением все новых имен нарастает ужас, создается тревожное предчувствие неисчислимых бедствий.

Поэтому читатель, который захочет «включиться» в шумерскую поэзию, должен в первую очередь запастись терпением; надо попробовать, войдя в состояние внутреннего покоя, взять текст и начать читать его не очень громко, монотонно, ритмично, нараспев, не опуская ни одного повтора, а ожидая их и радуясь им. Еще лучше, если один будет читать, а другой слушать: чувство общности, единого эмоционального состояния — важное условие восприятия шумерской поэзии. Не стоит забывать и о том, что «окуганным, как покрывалом», течением времени хочет быть каждое шумерское произведение, особенно крупное, эти тексты не желают, чтоб их читали «оптом», и любят, когда к ним возвращаются...

В своей прекрасной книге «История начинается в Шумере» (пер. с англ., 2-е изд., М.:Наука, 1991), известной многим русским читателям, профессор Крамер с захватывающей увлеченностью показал нам шумерийца с позиций современности. Сами названия глав — «Первый парламент в мире», «Первая война народов» — вводят Древний Шумер в современный круг понятий. Для таких сопоставлений есть веские основания — Крамеру хотелось показать сходство многих библейских и других всемирно известных мифологических и сказочных сюжетов с более ранними шумерскими, и подчеркнуть, насколько близки и понятны могут быть нам древние. Это один способ познания древности — взять ее в свою современность, присвоить и усвоить ее. Другой путь — попытаться на

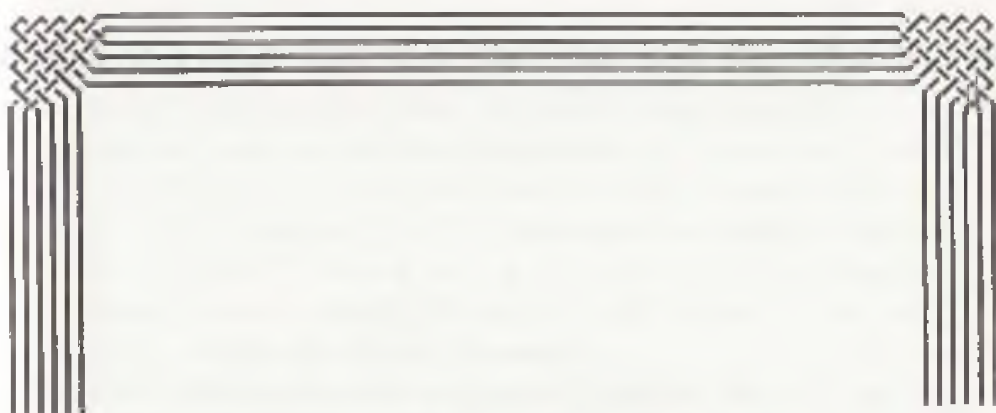
некоторое время войти в древность, взглянуть на мир глазами человека той эпохи, что, безусловно, сложнее.

Тем не менее я постаралась наметить возможности обоих путей, и остается только пожелать читателю этой книги с успехом воспользоваться любым из них.

Хвала тебе,
Богиня Нисаба!

В. Афанасьева

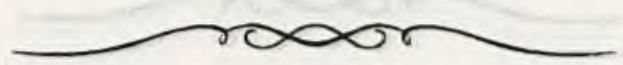
УСТРОЕНИЕ МИРА

МЕЖ ГРАДОВ ПРЕСВЕТЛЫХ...

Сказание об Энки и Нинхурсаг

Меж градов пресветлых — ей ее отдайте — *
Дильмун есть страна, страна пресветлая.
В Шумере пресветлом — ей ее отдайте —
Дильмун есть страна, страна пресветлая.
Дильмун страна пресветлая, Дильмун страна непорочная,
Дильмун страна непорочная, Дильмун страна воссиянная.
А он там сам, в Дильмуне он возлег.
Энки вместе с супрутою там возлег,
Та земля непорочная, та земля воссиянная, —
А он там сам, в Дильмуне он возлег,
Энки с Нинсикилюю — с «Непорочною» — он возлег, — *
Та земля непорочная, та земля воссиянная.
А там, в Дильмуне ворон не каркает.*
Птица смерти не накликает смерти.*
Там лев не бьет.
Волк ягненка не рвет.
Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.*
Там свинья зерна не пожирает.
Вдова на крыше солод не рассыпает.*
Птица небесная солод тот не склевывает.
Там голубь головою не вертит.*
Там хворь глазная — «я хворь глазная» — не говорит.
Там хворь головная — «я хворь головная» — не говорит.
Там старца не говорят — «я старца».*
Там старец не говорит — «я старец».
Там девушка не умывается, водой из окна не плещется.*
Там перевозчик — «навались!» — не кричит.*

Страна Мелухха сердолик желанный, драгоценный,
 Дерево Магана морское, ценнейшее
 На кораблях пусть тебе доставит!
 Страна Марахши горный хрусталь драгоценный светлый
 Да переправит!
 Страна Маган крепкую медь,
 Диорит, сосуды из камня доставит!
 Страна заморская дерево эбен роскошное,
 Царское да переправит!
 "Страна шатров" лучшую шерсть, порошок рудный
 Пусть тебе доставит!
 Страна Элам свой груз — шерсть тончайшую
 Да переправит!
 Храм Ура, град священный, святых царства,
 Зерно, масло, наилучшие ткани на больших судах
 Пусть тебе доставит!
 Просторное море изобилие это пусть тебе переправит!
 О город! Его жилища прекрасными жилищами будут!
 О Дильмун! Его жилища прекрасными жилищами станут!
 Зерно его чистое-чистое,
 Его финики — крупные-крупные,
 Свой урожай соберет он трижды!
 Деревья его — великаны-деревья!
 <...>

Отныне и вовеки под солнцем!»*
 И вот солнце-Уту в небесах встало.
 От... перед Эзеном — «местом празднеств»,
 От «дома рыбы рогатой» месяца Нанны,
 Устами воды прибрежной, бегущей воды, злаки из земли
 для нее поднялись, вышли,
 По путям просторным вода побежала,
 Город водой изобилья ее поит,
 Дильмун водой изобилья ее поит,
 Колодцы ее с водою горькою стали колодцами
 с водою сладкою.
 Вода в полях, вода на пивах, в борозде рост дает
 зерну-злакам.
 Стал ее город «Домом прибрежным,
 пристанью всей страны»!

Стал Дильмун «Домом прибрежным,
 пристанью всей страны»!

Так от дней от тех под солнцем, отныне и вовеки
 воистину так да будет!

А сам он, Разум Премудрый, перед Нинту,
 что страны мать,

Он, Энки, Разум Премудрый, перед Нинту,
 что страны мать, —

Его корень рвы наполнил семенем,*

Его корень тростники окунул в семя,

Его корень дал жизнь *покрову могучему*.*

70

Он вскричал: «По болотам никто да не ходит!»

Энки вскричал: «По болотам никто да не ходит!»

Жизнью небес он поклялся.

Ту, что возлежит в болотах, ту,

что возлежит в болотах, ее,

Дамгальнуну — *"Супругу великую" свою*,*

он ее оросил своим семенем,

Нинхурсаг в утробу он излил семя.

Нинхурсаг в утробу приняла семя, семя Энки.

И один ее день — словно месяц.*

Два ее дня — словно два месяца.

80

Три ее дня — словно три месяца.

Четыре дня — что четыре месяца.

Пять ее дней — это пять месяцев.

Шесть ее дней — это шесть месяцев.

Семь ее дней — это семь месяцев.

Восемь дней — это восемь месяцев.

Девять дней — это девять месяцев,

девять месяцев материнства.

Словно по маслу, словно по маслу,

по прекрасному нежнейшему маслу.

Нинту, мать страны,

Породила Нинсар.*

*На берегах реки взрастала Нинсар.**

90

А Энки — он затаился в болотах, он в болотах затаился.

Совстчику своему Исымуду так он молвит:

«Отроковицу милую я ли не поцелую,

Нинсар милую я ли не поцелую?»

Советчик его Исимуд так ему отвечает:

«Отроковицу милую, поцелуй ее!

Нинсар милую, поцелуй ее!

Господин поплывет, я буду править,

он поплывет, я буду править!»

Он поставил ногу в лодку,*

А другой уж коснулся земли твердой.

Он к груди прижал ее, он поцеловал ее.

Энки излил семя в ее утробу.

Опа привяла его семя, семя Энки.

И один ее день — словно месяц,

И второй ее день — словно два месяца.

Девять днй ее — девять месяцев,

девять месяцев материнства.

Словно по маслу, словно по маслу,

по прекрасному нежнейшему маслу,

Нинсар, словно по маслу, словно по маслу,

по нежнейшему прекрасному маслу,

Родила Нинкур.

На берегах реки возрастала Нинкур.

А Энки — он затаился в болотах, он в болотах затаился.

Советчику своему Исимуду так он молвит:

«Отроковицу милую я ли не поцелую?

Нинкур милую я ли не поцелую?»

Советчик его Исимуд так ему отвечает:

«Отроковицу милую, воистину поцелуй ее,

Нинкур милую, воистину поцелуй ее!

Господин поплывет, я буду править,

он поплывет, я буду править!»

Он поставил ногу в лодку,

А другой уж коснулся земли твердой.

Он к груди прижал ее, он поцеловал ее.

Энки излил семя в ее утробу.

Она приняла в утробу семя, семя Энки.

И один ее день — словно месяц.

Девять дней ее — что девять месяцев,

девять месяцев материнства.

Словно по маслу, словно по маслу,

по прекрасному нежнейшему маслу,

Нивкур, словно по маслу,

по прекрасному нежнейшему маслу,

Утту, крепышку-толстушку, породила.*

Нинту речи обращает к Утту:

130

«Совет тебе дам, прими совет мой,

Слово скажу, слова мои выслушай!

Некто — он затаился в болотах, он в болотах затаился,

Энки — он затаился в болотах, он в болотах затаился».

<...>

(Разрушено около 15 строк.)

«Принеси огурцов спелых,*

150

Принеси абрикосов в связках,

Принеси виноград в гроздьях.

Пусть он в доме узду мою схватит,

Путь Энки узду мою воистину схватит!»

И дважды водою их наполнив,*

Он водою канавы наполнил,

Он рвы водою наполнил,

Земли нетронутые водою наполнил.*

Садовник тут, полный радости,*

На шею к нему кинулся, с ним обнимается.

160

«Кто же ты, кто сад мой полил?»

Энки садовнику отвечает:

(Строка 161 разрушена.)

«Принеси огурцов спелых,

Принеси абрикосов в связках,

Принеси виноград в гроздьях».

Он принес огурцов спелых,

Он принес абрикосов в связках,

Он принес виноград в гроздьях, он подол ему наполнил.

Энки глаза себе зеленым подвел, посох взял,

170

Энки шаги свои к Утту направил.

В дом ее он постучал: «Открой двери!»

«Кто это, кто это здесь?»

«Я садовник, огурцы, абрикосы, виноград я принес тебе!»

Утту радости полна, дверь ему она открывает.

Энки Утту, крепышке-толстушке,

Огурцы спелые ей дает он,

Дает абрикосы в связках,
Дает виноград в гроздьях.
Дает ей пиво в больших сосудах.

177a Утту, крепышка-толстушка, руками *всплеснула,*
руками от радости всплеснула.

180 Энки опьянел от радости, Утту увиден.
Он груди ее взял, он на лоно ее возлег.
Он бедер ее коснулся, он их рукой коснулся.
Он за грудь ее схватил, он на лоно ее возлег.
Он в девочку корень вложил, он ее поцеловал.
Энки в Утту, в ее утробу излил семя.
Семя в утробу она приняла, семя Энки это!
Утту, прекрасная женщина, — «О бедра мои, о тело мое,
о утроба моя!» — кричит! *

Нинхурсаг семя с бедер ее вытерла.*

«Трава лесная» выросла.*

190 «Трава медовая» выросла.

«Трава садовая» выросла.

«Трава семенная» выросла.

«Трава колючая» выросла.

«Трава густая» выросла.

«Трава высокая» выросла.

«Трава целебная» выросла.

А Энки затаился в болотах, он в болотах затаился.

Советчику своему Исимуду так он молвит:

«Травы, судьбу им я не решу ли?

Что это, что это?»

200 Советчик его Исимуд так ему отвечает:

«Господин мой, это "трава лесная"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это "трава медовая"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это "трава садовая"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это "трава семенная"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

210 «Господин мой, это "трава колючая"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это "трава густая"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это "трава высокая"» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

Энки решил судьбу растений, он познал их сердце.

Нинхурсаг прокляла имя Энки.

«Не взгляну на него взглядом жизни

до самой смерти его!»

220

Ануинаки во прах уселись.

Лиса одна была там, так Эшлилю она молвит:

«Если я верну тебе Нинхурсаг,

что дашь ты мне в награду?»

Эшлиль лисе так отвечает:

«Если ты мне вернешь Нинхурсаг,

В моем граде тебе посажу дерево,*

имя твое да будет прославлено!»

И вот лиса почистила шкурку,

Хвост, волоски свои распустила,*

Румяна на лицо наложила.

<...>

(Строки 229—232 разрушены.)

«Я пошла к Эшлилю, но Эшлиль не помог мне.*

Я пошла к Нанне, но Нанна не помог мне.

Я пошла к Уту, но Уту не помог мне.

Я пошла к Инанне, но Инанна не помогла мне».

<...>

(Строки 237—244 разрушены.)

Нинхурсаг кинулась...

Ануинаки схватили свои одеянья.

... они сделали.

... судьбу решили.

<...>

250

Нинхурсаг Энки на матку свою посадила.*

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Макушка моя болит».*

«"Абау — отец растений" будет рожден для тебя».*

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Корни волос моих болят».

«Нинсикила — владыка волос»

будет рожден для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

257a

«Нос у меня болит».

«"Нинкируту — госпожа, что рождает нос"

будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

259a

«Рот у меня болит».

260

«"Нинкаси — госпожа, что рот наполняет"

будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Горло мое болит».

«"Нази — та, кто держит горло в порядке"

будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

262a

«Рука у меня болит».

«"Азимуа — та, кто добрую руку растит"

будет тебе рождена».

«Брат мой, что у тебя болит?»

265a

«Ребро мое болит».

«"Нинти — владычица жизни-ребра" будет тебе рождена».

«Брат мой, что у тебя болит?»

267a

«Бока мои болят».

«"Эншаг — владыка доброго бока" будет тебе рожден».

«Крошкам этим, что я породила, *определи ты им судьбы*».*

270

«Да станет Абау владыкой растений.

Нинсикила господином Магана да будет!

Нинкируту супругою Ниназу да станет.

Нинкаси ублажающей желанья да станет.

Нази супругою Умундара да будет.

Азимуа супругою Нингишзиды да станет!

Нинти владычицей месяцев станет.

Эншаг господином Дильмуна будет!»

Отец Энки, тебе хвала!

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ, ОТ ДНЕЙ СОТВОРЕНИЯ МИРА...

Сказание об Энки и Нинмах

- От начала начал, от дней сотворения мира,*
 От начала начал, от ночей сотворения мира,
 От начала начал, от годов сотворения мира.
 3а Когда установили Судьбы,
 Когда Ануннаки-боги родились.*
 Когда богини в брак вступили,
 Когда богинь в земле и небе распределили,*
 Когда богини, сойдясь с богами,
 затяжелели, дали рожденье,
 Тогда боги из-за пищи, пропитания ради, трудиться стали.*
 Старшие боги верховодить стали,
 9а Младшие боги корзины на плечи взвалили.
 10 Боги реки, каналы рыли, под надзором насыпали землю.*
 Боги страдали тяжело, на жизнь свою роптали.
 А Он в то время, Разум Творитель,
 великих богов он всех созидатель,*
 Энки во глуби тихоструйной Энгуры, в чьи недра
 никто из богов заглянуть не смеет,
 Он возлежал на своем ложе, он спал, не подымался.
 В голос боги заголосили, с горькими воплями зарыдали.
 Тому, кто лежит, тому, кто спит, тому,
 кто с ложа не подымается,
 Намму-праматерь, прародительница, всех великих богов
 она созидательница,
 Она плачи всех богов принесла своему сыну.
 19—20 «Ты лежишь, ты спишь, со своего ложа ты не встаешь,
 А боги, твои творенья, слезно о смягчении доли молят.
 Встань же, сын мой, со своего ложа, поднимись, покажи свою
 искусность и мудрость!
 Создай нечто, что богов заменит,*
 пусть оставят свои корзины!»
 По слову матери своей Намму Энки поднялся с ложа.
 Бог козленка светлого жертвенного*
 в созерцании глубоком взял в руки.

Он, Великий Премудрый Разум, он, великий заклинатель,
Он задумал то, что из женского выйдет лона.*

Энки все силы свои собрал,

разум свой всемерно расширил.

Энки образ себе подобный в сердце своем

разумением создал.*

Своей матери Намму так он молвит:

«Мать моя! Создание, что сотворишь ты,

оно воистину существует.*

Бремя богов, их корзины, на него да возложим.

Когда ты замещаешь глины из самой сердцевины Абзу,

Подобно женскому лону, затяжелеет глина.*

Ты сотворишь это создание.

Нинмах помощницей твоею да станет.

Богини Нинимма, Шузианна, Нинмада, Нинбара,

Нинмут, Шаршаргаба, Нингуна,

Вкруг тебя они да встанут,

когда ты будешь давать рождение.

Мать моя, когда судьбу ему ты назначишь.

Нинмах корзины на него да возложит.

Род человеческий да будет создан».

Человечество... из своего лона (?)...

Создание твое... в твоём водоеме...

...подняла к свету... род человеческий...

...семья... рожденного омыла (?)... очищение (?)

Энки приумножением трудов... возрадовался сердцем.

Для матери Намму, для Нинмах он устроил пированье.

(Строка 46 опущена.) *

Для Ана и Энлиля владыка Нудиммуд

зажарил чистого козленка.

Все боги толпою его восхваляли:

«О владыка, Обширный Разум, кто мудростью тебе равен?

Государь великий Энки,

кто повторить твои деянья сможет?

Словно отец родимый, ты присуждаешь Сути, ты сам —

великие эти Сути».

Энки и Нинмах выпили пива, божья утроба возликовала.

Нинмах так Энки молвит:

«Человеческое создание — хорошо ли оно,
дурно ли оно —

Как мне сердце подскажет, такую судьбу ему присужу —
или добрую, или злую».

Энки Нинмах так отвечает:

«Судьбу, что ты присудить пожелала, —
благую ли, злую ли — я назначу!»

Тут Нинмах отщипнула рукой от глины Абзу.*

И первый, руки его слабы — дабы что-то взять,
он согнуть их не может, —
вот кого она сотворила.

60

Энки взглянул на того, чьи руки слабы —
дабы что-то взять,
он согнуть их не может,

Определил ему судьбу — царским стражем его назначил.*

А второй — он плохо видел свет, щурил очи —
вот кого она сотворила.

Энки, на него взглянув, на того, кто щурил очи,

Определил ему судьбу, искусством пения его наделял он.

Унпумгаль, владыка великий, перед царем его поставил.*

Третий — нога его, словно червяк, кривая и слабая —
вот кого она сотворила.*

Энки, взглянув на того, чья нога,

словно червяк, кривая и слабая,

Определил ему судьбу —

серебряных дел мастером сделал.

Четвертый — он не мог выпускать свое семя —*

вот кого она сотворила,

70

Энки, на него взглянув, на того,

кто не может выпустить семя,

Он окропил его водой, он произнес над ним заклинанье,
он дал жить его телу.

Пятая женщиною была, той, кто родить не может, —
вот кого она сотворила.

Энки, на женщину взглянув, на ту, кто родить не может,

Определил ее судьбу — в женский дом

ткачихою ее устроил.*

Шестое — оно не имело мужского корня,
оно не имело женского лона,
вот кого она сотворила.

Энки, взглянув на существо,
что не имело мужского корня,
что не имело женского лона,

В Кигале, *что по имени Энлилем назван*,*
Слугою дворцовым его сделал, такую судьбу ему назначил.
Нинмах глину, что отщипнула, на землю бросила,
повернулась резко.*

Господин великий Энки так молвит Нинмах:
«Тем, кого ты сотворила, я определил судьбы,
Я придумал им пропитанье — я дал им вкусить хлеба.*
Ныне же я пред тобой сотворю,
а ты назначишь им судьбы».

Энки начал лепить формы — внутри и снаружи —
голову, руки, части тела.

Нинмах так он молвит:
«Корень вздымая, да испустит семя в женское лоно,
эта женщина получит зачатие в лоно.*

Нинмах, рождению, *что я сотворил*,
Этой женщине, когда...»

А второй, Умуль — «мой день далек» — голова его была*
Слаба, глаза его были слабы, шея его была слаба,
Жизнь дрожала, трепетала.*

Легкие слабые, сердце слабое, кишки его были слабы.
Руки, голова трясутся, поднести ко рту хлеба он не может,
его спина была слаба;

Его плечи дрожат, его ноги дрожат, по ровному месту*
ходить он не может, —
вот кого он сотворил!

Энки Нинмах так молвит:

«Тем, кого ты создавала, я определил судьбы,
я придумал для них пропитанье.

Теперь ты тому, кого сотворил я, определи ему судьбу,
Придумай для него пропитанье».

Нинмах, посмотрев на Умуля, к нему обратилась.

Она к Умулю подошла, она вопрос ему задала,
а он и говорить не умеет.

Хлеба поесть ему дает, а он руку за ним
протянуть не может.*

На кровати он не лежал *спокойно, он совсем*
*не хотел спать.**

Сесть не умел, встать не умел, он лежать
совсем не хотел.

99a В дом войти он не может, он пропитать себя не может.

100 Нинмах Энки говорит снова:*

«Человек, кого ты создал, он ни жив, он ни мертв,
он ноши нести не может».

Нинмах Энки так отвечает:

«Тому, чьи руки были слабы, я судьбу определил,
я придумал ему пропитанье.

Тому, кто плохо видел свет, чьи очи шурились,
я судьбу определил,
я придумал ему пропитанье.

Тому, чья нога была, словно червяк, я судьбу определил,
я придумал ему пропитанье.

Тому, кто задерживал семя, я определил судьбу,
я придумал ему пропитанье.

Женщине, что не могла рождать, я определил судьбу,
я придумал ей пропитанье.

Тому, кто корня мужского не имел,
женского лона не имел,
я определил судьбу,
я придумал ему пропитанье.

Сестрица...»

<...>

(Строки 110—111 разрушены.)

Нинмах так молвит Энки:

<...>

(Строки 113—122 разрушены.)

123a «О, горе! В небесах ты не жил, на земле ты не жил! *
О, глаза твои проклятые! Из Шумера ты не уйдешь! *

124a Там, где ты сидеть не будешь, — о, дом мой построенный!
О, слова твои бессмысленные! *

125a Там, где ты жить не будешь, — о, град мой построенный!
О, сама я, ложью разбитая!

Град мой разрушен, дом мой погублен,
дичья мое в плен попало!

Я сна лишилась, я ушла из Экура,
Я от руки твоей не ушла!»

Энки Нинмах так отвечает:

«Слова, что из уст твоих вышли, кто отменит? *

Умуть... из лона твоего *да будет исторгнут!* *

Нинмах, труды свои прерви, негожи они, *против меня*
кто выступить может? *

Творенье по образу моему, что вслед за тобою я создал. *

Словом склонено да будет!

А когда мой корень повсюду достойно прославят,

Да будет на то твое согласие мудрое!

Энкум и нинкум, дворцовые стражи, *

...да возгласят твое величье!

Сестрица, в тебе могучая сила...»

...Умуть мой дом да построит!

(Строки 138—139 разрушены.)*

Нинмах не соперница владыке великому Энки.

О отец Энки, хвала тебе хороша!

К ЭРЕДУГУ В АБЗУ ПОМЫСЛЫ ОБРАТИЛА

Инанна и Энки

Таблица I

I.1'

<...>

(Первые 6—7 строк разрушены.)

К Эредугу в Абзу помыслы обратила. *

Богиня к Эредугу в Абзу помыслы обратила.

Инанна к Эредугу в Абзу помыслы обратила.

... она... в степи...

Шугур, венец Эдена, на главу возложила.

К пастуху, в загон его овечий вошла,
 Воистину пред нею да склонится, лону ее да подивится.
 Жена, воистину пред нею да склонится,
 лону ее да подивится.

И, сама лону своему радуясь, хвалу себе она возносит.
 Жена, лону своему сама радуясь, хвалу себе она возносит.
 Взор свой на него устремила.

10 На лоно взор свой устремила.

Жена на лоно взор устремила.

«... Я, дабы жречеству верховному благо сотворить,

... Я, дабы сияя совершить,

... дабы великолепно сотворить,

... дабы прекрасно совершить,

... дабы заново сотворить,

... дабы полностью совершить,

... дабы радостно сотворить,

... дабы благостно совершить,

20 ... малостоящее совершить,

... полновесное сотворить,

... дабы жречество в сиянии возвеличить,

... дабы жречество во блистании возвеличить,

Воистину я к нему, в Абзу,

к Эредугу-граду путь направлю,

Воистину я к Энки в Абзу,

к Эредугу-граду стопы направлю.

В Абзу, в Эредуге-граде слова улепчивающие ему скажу.

Воистину я Энки в Абзу, в Эредуге-граде

слова улепчивающие скажу».

I.1

«Я воистину царица небес, в Абзу стопы направлю.

Я, царица небес, к Энки мольбы мои обращу.

К дому его, где столько добра хранит он...»

<....>

30(6) И тогда дева Инанна*

В Абзу, в Эредуг, к Энки

Светлая Инанна воистину одна путь направила.

А в то время он, Разум обширный,

в мироздании Сути ведающий,

Все, что у богов на сердце.

в жилие своем сидя, знающий, —

Светлая Инанна к Эредугу и на версту не приблизилась,

А Энки, владыка Абзу, уже знает про то, —

Советчику-посланцу своему Исимуду так молвит,

1.2

Наставление дает:

«А ну, Исимуд, советчик мой,

к слову моему склони ухо,

Наказ, что дам, со вниманьем выслушай!

Слова, что скажу тебе, да не преступишь!

Дева к Абзу, к Эредугу близится,

Инанна к Абзу, к Эредугу близится.

Когда дева к Абзу, к Эредугу приблизится,

Сладких яств медовых да отведаст,

Воды прохладной, что сердце освежает, да испробует,

Перед Львами Эредуга пива дай ей испить.

Задумевно ее да встретишь, по-дружески поприветишь!

В застолье священном, застолье Ана,

С радостью да примешь светлую Инанну».

И так, как он ему приказал,

Советчик его Исимуд слова своего государя исполнил.

Дева к Абзу, к Эредугу приблизилась,

Инанна к Абзу, к Эредугу приблизилась.

Когда дева к Абзу, к Эредугу приблизилась,

Когда Инанна к Абзу, к Эредугу приблизилась,

Яства сладкие медовые с ним вкушает,

Воду прохладную, что сердце освежает, пробует,

Перед Львами Эредуга пива испить он ей дает.*

Задумевно ее он встречает, по-дружески привечает.

В застолье священном, застолье Ана,

Радостно принимает светлую Инанну.

Энки с Инанною вдвоем, сам-друг

В Абзу пиво пьют, сладким вином услаждаются.

Сосуды бронзовые великолепные до краев полны,

Из-за сосудов бронзовых богини Ураш спор затевают.

<...>

(Более 30 строк разрушено.)

I.3

- «Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность,
70.2a Градов ограбление, Плачей устроение,
Сердечную радость.
Светлая Инанна в обладанье получит
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Лживость, Земель мятежность, Мирность,
76.7a Бегство поспешное, Жилье надежное.
Светлая Инанна в обладанье получит
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
80.10a Плотничество, Медничество, Ремесло грамотейное,
Кузнечное дело, Шорничество,
82.106 Стирку-мытье, Построение домов,
Тростниковых циновок плетение.
Светлой Инанне даю в обладанье
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Разумение, Познавание, Святое рук омовение,
Домы пастушьи,
87.14a Горячей золы сгребание, Загоны скотьи,
Почитание безмолвное,
88.146 Молчание благоговейное, Благоговение молчания.
Светлой Инанне даю в обладанье
90.16 Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Пение братское, Огня возгорание,*
Огня угасание, Рук трудом
93.18a Утомление, Молчаливость,
Семью соединенную, Потомственность.
Светлой Инанне даю в обладание
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
98.22a Ссоры зачищение, Клички победительные, Советование,
Обсуждение, Закона говорение, Решение.
Светлой Инанне даю в обладанье
100.24 Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей...»

1.4

<...>

«Доблесть он мне дал,*

Могучесть он мне дал,

Неправедность он мне дал,

Праведность он мне дал,

Ограбление градов он мне дал,

Устроение плачей он мне дал,

Сердечную радость он мне дал,

Лживость он мне дал,

Земель мятежность он мне дал,

Мирность он мне дал,

Бегство поспешное он мне дал,

Жилье надежное он мне дал,

Плотничество он мне дал,

Медничество он мне дал,

Ремесло грамотсйное он мне дал,

Кузнечное дело он мне дал,

Шорничество он мне дал,

Стирку-мытье он мне дал,

Домов построение он мне дал,

Тростниковых циновок плетение он мне дал,

Разумение он мне дал,

Познавание он мне дал,

Святое рук омовение он мне дал,

Домы пастушьи он мне дал,

Горячей золы стребание он мне дал,

Загоны скотьи он мне дал,

Почитание безмолвное он мне дал,

Молчание благоговейное он мне дал,

Благоговение молчания он мне дал,

Пение братское он мне дал,

Огня возгорание он мне дал,

Опя угасание он мне дал,

Рук трудом утомление он мне дал,

Молчаливость он мне дал,

Семью соединенную он мне дал,

Потомственность он мне дал,

Ссоры зачипание он мне дал,

- Клича победительные он мне дал,
 140.36 Советование он мне дал,
 Обсуждение он мне дал,
 Закона говорение он мне дал,
 Решение он мне дал».

I.5

- Энки советчику своему Исимуду так молвит:
 «Исимуд мой, советчик мой, имя небес благое!»
 «Государь мой Энки! Стою пред тобою!
 147.3a Скажи желание!»
 «Пока к Уруку, к Кулабу она не отправилась,
 Мест, где Уту встает, не покинула,
 150.6 То, что она промолвила, да будет оно оспорено!»
 «Но светлая Инанна Сути собрала, в ладью погрузила,
 Ладья небесная от пристани уже отплыла!»
 И тогда у того, кто пиво пил, у того, кто пиво пил, —
 охмеление его прошло! *
 Отец Энки, он, кто пиво пил, охмеление его прошло!
 Государь великий Энки, просветлел его разум!
 Он к Абзу поднял взоры.
 Энки, владыка, к Эредуту он направил помыслы.
 Энки советчику своему Исимуду так молвит:
 «Исимуд мой, советчик мой, Имя небес благое!»
 160.16 «Государь мой Энки! Стою пред тобою! Скажи желание!»
 «Первосвященство, Высокосвященство, Божественность,
 162.17a Венец святой могучий, Царственности престол — где они?»
 «Мой господин все отдал своей дочери».
 «Скипетр могучий, Жезл и поводья, Одеяния могучести,
 165.19a Пастырство, Царственность — где они?»
 «Мой господин все отдал своей дочери».
 «Святые деяния "жриц одеяния",
 Жриц-владычиц, "божых супругов",
 168.21a Жрецов помазывающих, Жрецов указывающих,
 169.216 Жрецов-дарителей, Храмослужителей действия-деяния —
 где они?»
 170.22 «Мой господин все отдал своей дочери».
 «Постоянство, Устойчивость, Праведность,
 172.23a Уход из мира подземного, Спускание в мир подземный,
 173.236 Скопство священное — где они?»

«Мой господин все отдал своей дочери».

176.25a «Кинжал и дубинка, Блудодеев храмовых действо,
Одеяния черные, Одеяния пестрые, Косы,
на затылке свитые,

177.25b Власы завитые — где они?»

«Мой господин все отдал своей дочери».

<...>

«Мой господин все отдал своей дочери».

180.29a «Значки-эмблемы, Бури-потопы, Соитие, Целование,

181.29a Блудодействие священное, Беготня суетливая —
где они?»

«Мой господин все отдал своей дочери».

184.31a «Громкогласие, Злоязычие, Улещивание,
Любовнослужение, Ночлежища культовые — где они?»

«Мой господин все отдал своей дочери».

«Блудилища прихрамовые,

187.33a Блудодействие жреческое небесное,
Струн громкогласие, Голосов благозвучие, Старчество —
где они?»

«Мой господин все отдал своей дочери».

<...>

(Более 25 строк разрушено.)

1.6

Дом Энки словами его не пренебрегал,

Многомудрому, кто решения принимал,

кто громко вопил,*

190.4 «Там, у засова ворот лягушка квакала» —

так ему сказали.

Место она, мол, показала.

Энки схватил лягушку за правую лапу.

В покои светлые свои вошел.

Он взял в руки дубинку сосновую, самшитовую.

Он швырнул ее птицам небесным.

Он швырнул ее рыбам бездны.

... он разбил.

... он разбил.

<...>

Таблица II

П.1

Государь советчику своему Исимуду так молвит,
Энки к Имепи небес благому обращает речи:
«Исимуд мой, советчик мой, Имя небес благое!»
«Государь мой Энки! Стою пред тобой! Скажи желанье!»
«Ладья небесная как далеко ушла?»

«Да вот ныне к пристани... подплывает».*

«Ступай! Пусть Энкумы ладью небесную возвратят!»*

Советчик Исимуд светлой Инанне так молвит:

10

«Госпожа, твой отец меня к тебе послал,

Инанна, твой отец меня к тебе послал!

Отец твой, слова его могучи,

Энки, его речения прочны,

То, что он молвил, нельзя нарушить!»

Светлая Инанна ему отвечает:

«Отец мой, что он сказал, что промолвил?

Что за слова его, что нельзя нарушить?»

«Государь мой так мне сказал,

Энки так мне изрек:

"Инанна в Урук пускай идет, ты же ладью небесную
к Эредугу води"».

20

Светлая Инанна советчику Исимуду так говорит:

«Отец мой мне сказанное изменил?»*

Слова свои праведные преступил?

Слова великие свои обесчестил?

Отец мой неправду сказал, неправду изрек!

Ложно именем силы своей, именем Абзу клялся?

Ложно тебя ко мне послал!»

Она еще речи своей не кончила,

А уж Энкумы ладью небесную схватили,

Светлая Инанна советнице-посланице своей Ниншубурс*

так молвит:

30

«Ну, посланница святой Эанны моей!

Вестница слов справедливых моих,

Посланица слов летящих моих,

Вода руки твоей не коснется,

вода ноги твоей не коснется!»

Инаша Сути — дары свои —

в ладье небесной дальше везет.

Второй раз государь советчику своему Исимуду молвит,

Энки к Имени небес благому обращает слово:

«Исимуд мой, советчик мой, Имя небес благое!»

«Государь мой Энки! Стою пред тобой! Скажи желанье!»

«Ладья небесная как далеко ушла?»

«Пристани... она достигла».*

«Ступай, и пусть Великаны Эредуга, все пятьдесят,

ладью небесную возвратят!»

Советчик Исимуд светлой Инанне так молвит:

«Госпожа, твой отец меня к тебе послал,

Инанна, твой отец меня к тебе послал!

Отец твой, слова его могучи,

Энки, его речения прочны,

То, что он молвит, нельзя нарушить!»

Светлая Инанна ему отвечает:

«Отец мой, что он сказал, что промолвил?

Что за слова его, что нельзя нарушить?»

«Государь мой так мне сказал,

Энки так мне изрек:

"Инаша в Урук пускай идет, ты же ладью небесную

к Эредугу води!"»

Светлая Инанна советчику Исимуду так молвит:

«Отец мой реченное мне изменил?

Слова свои праведные преступил?

Слова великие свои обесчестил?

Отец мой неправду сказал, неправду изрек!

Ложно именем силы своей, именем Абзу клялся?

Ложно тебя ко мне послал!»

Она еще речи своей не кончила,

А Великаны Эредуга, все пятьдесят,

ладью небесную схватили.

Светлая Инанна своей посланнице Нинпубуре так молвит:

«Ну, посланница святой Эанны моей,

Вестница слов справедливых моих,

Посланница слов летящих моих,

Вода руки твоей не коснется,

вода ноги твоей не коснется!»

Инанна Сути — дары свои —

в ладье небесной дальше везет.

П.2

70

В третий раз государь советчику своему Исимуду молвит,
Энки к Имени благому небес обращает слово:

«Исимуд мой, советчик мой, Имя небес благое!»

«Государь мой Энки! Стою пред тобою! Скажи желание!»

«Ладья небесная как далеко ушла?»

«Холма Ульма она достигла».*

«Ступай, и пусть Лахаму, чудовища Бездны,

ладью небесную возвратят!»

Советчик Исимуд светлой Инанне так молвит:

«Госпожа, твой отец меня к тебе послал!

Инанна, твой отец меня к тебе послал!

Отец твой, слова его могучи,

80.12

Энки, реченья его прочны,

То, что он молвит, нельзя нарушить!»

Светлая Инанна ему отвечает:

«Отец мой, что он сказал, что он промолвил?

Что за слова его, что нельзя нарушить?»

«Государь мой так мне сказал,

Энки так мне изрек:

"Инанна в Урук пускай идет, ты же ладью небесную

в Эредут води!"»

Светлая Инанна советчику Исимуду так молвит:

«Отец мой реченное мне изменил?

90.22

Слова свои праведные преступил?

Слова великие свои обесчестил?

Отец мой неправду сказал, неправду изрек!

Ложно именем силы своей, именем Абзу клялся?

Ложно тебя ко мне послал!»

Она еще речи своей не кончила,

Как Лахаму, чудовища Бездны, ладью небесную схватили.

Светлая Инанна своей посланнице Ниншубуре так молвит:

«Ну, посланница святой Эанны моей,

Вестница слов справедливых моих,

100.32

Посланница слов летящих моих,

Вода руки твоей не коснется,
вода ноги твоей не коснется».
Инанна Суги — дары свои —
в ладье небесной дальше везет.

(То же действие повторяется в четвертый, пятый и в шестой раз. В четвертый раз ладья оказывается у «Холма поля» и Энки посылает «огромных рыб всем скопом», дабы они схватили судно, в пятый раз — «стражей Урука (?)», название пристани не сохранилось, и в шестой раз она достигает «канала (?) Итурунгаль», где ее должны схватить «стражи (?) Итурунгала (?)».

Конец абзаца сохранился плохо.)

(9—14 строк разрушено, сохранились лишь отдельные слова:

«Урук», «Ниншубура», «ладья небес» и др.)

II.4

Жилых мест ладья небес достигла.
Ниншубура, вестница Инанны, ладью ведет
своею рукою.

110.14

Ладью небесную ведет своею ногою.
В седьмой раз дабы избежать погони...
<...>

Светлая Инанна ладью небес привела.
Когда светлая Инанна прекрасно все совершила,
Посланница ее Ниншубура
Светлой Инанне так молвит:
«Госпожа моя, сегодня ты привела ладью небесную
к древним воротам Урука, Кулаба.

Отныне изобилие придет в наш город.
В Урук, Кулаб придет изобилие.
Суда груженные в канале Итурунгаль будут плавать».

110.26

Светлая Инанна ей отвечает:
«Я сегодня ладью небесную
К древним воротам Урука, Кулаба воистину привела!
На улицах пусть столбятся люди,
Народ да побежит по улицам
<...>

Старцам града мудрость я подарю,
Старых женщин града советами мудрыми одарю.

Воиннам града оружие дам.
Малым детям града радость сердца дам.

<...>

(Строки 37—42 разрушены.)

В честь возвращения ладьи небесной
да будет празднество устроено!

130.44

Молитвы святые да сотворят!
Пусть царь быков убьет, пусть много овец заколет!
Пиво из кубка да изольет!
Барабанам пусть повелит греметь,
Звонкогласным литаврам согласно петь!
Пусть могучесть мою все чужеземные страны славят,
Пусть народ мой мне хвалу возносит!»

Когда она ладью небесную
К древним вратам Урука, Кулаба привела,
Люди на улицах столпились.

140.53

«Храма чистоты» она достигла,
там место ладье определила.

Возле колодца святых омовений, возле главного своего колодца
установила

Инанна Сути — дары свои из ладьи небесной выгрузила.
У врат гипара выложила,
В покоях эпунa разместила.

Светлая Инанна ладье небесной место установила.*

Государь советчику своему Исимуду так молвит,
Энки к Имени небес благому обращает слово:

«Исимуд мой, советчик мой, Имя небес благос!»

«Государь мой Энки! Стою пред тобою! Скажи желание!»

150.63

«Ладья небесная как далеко ушла?»

«"Сверкающей пристани" достигла!»

«Ступай и дивись на ладью небесную!»

«Стоять и дивиться на ладью небесную?»

<...>

(Около 6 строк разрушено.)

II.5

«Инаппа, первосвященство ты привезла!*

Высокосвященство ты привезла!

Божественность ты привезла!

Венец святой могучий ты привезла!
Царственности престол ты привезла!
Скипетр могучий ты привезла!
Жезл и поводья ты привезла!
Одеянья могучести ты привезла!
Пастырство ты привезла!
Царственность ты привезла!
Святые деяния "жриц одеяния" ты привезла!
Деяства-деяния жриц-владычиц, "божьих супружниц"
ты привезла!

Деяства-деяния жрецов помазывающих ты привезла!
Деяства-деяния жрецов указывающих ты привезла!
Деяства-деяния жрецов-дарителей ты привезла!
Деяства-деяния храмослужителей ты привезла!
Постоянство ты привезла!
Устойчивость ты привезла!
Праведность ты привезла!
Уход из мира подземного ты привезла!
Спускание в мир подземный ты привезла!
Скопство священное ты привезла!
Кинжал и дубинку ты привезла!
Блудодеев храмовых действо ты привезла!
Одеяния черные ты привезла!
Одеяния пестрые ты привезла!
Искусство кос, на затылке свитых, ты привезла!
Искусство волос завитых ты привезла!

<...>

Значки-эмблемы ты привезла!
Бури-потопы ты привезла!
Соитие ты привезла!
Целование ты привезла!
Блудодействие священное ты привезла!
Беготню суетливую ты привезла!
Громкогласие ты привезла!
Злоречие ты привезла!
Улещивание ты привезла!
Любовнослужение ты привезла!
Ночлежища культовые ты привезла!
Блудилища прихрамовые ты привезла!

<...>

- 194.49 Блудодействие жреческое небесное ты привезла!
 Струн громкогласие ты привезла!
 Голосов благозвучие ты привезла!
 Старчество ты привезла!
 Доблесть ты привезла!
 Могучесть ты привезла!
 200.55 Неправедность ты привезла!
 Праведность ты привезла!
 Градов ограбление ты привезла!
 Плачей устройство ты привезла!
 Сердечную радость ты привезла!

(Далее перечислены еще 35 Сутей в той же последовательности, в какой они названы в предыдущих строках повествования, где сперва Энки дарит их Инанне (68,1, след.), а затем Инанна еще раз называет Суты, полученные ею в обладание (ст. 102,1, след).)

II.6

- 205.31 В честь того, что ты привезла,*
 воистину пиво пусть изольют!»
 <...>
- Жена место, куда в радости вступила,
 «Дом Ганзира построен», так она его назвала.
 А там, где разносчик пятьдесят сиклей просил,
 Тот, кто взвешивает, кто обвешивает,
 210.44 То место «Осколки и обломки» она назвала.
 А там, где ладья небесная к земле пристала,
 Место то «Изнутри... полно» она назвала.
 А там, где ладья небесная у пристани встала,
 Место то «Белою пристанью» она назвала.
 А место, где груз она выгрузила,
 То место «Лазурною пристанью» она назвала.
 Энки светлой Инанне так молвит: *
 «Именем моей силы, именем моего Абзу,
 Жена, что Суты увезла, в Абзу их я да поставлю!»
 220.54 «Зачем это он ко мне вошел?
 Отчего он Суты у меня забирает?»
 ... да будет! *
 ... да будет!
 ... да будет!

... воистину во имя твое... да будут они заколоты!

... да будет!

... да будет!

... да будет!

<...>

... празднество да устроят!

У врат Гипара твоего... пусть дни проводят.

Жители града твоего, жители Урука... жить да будут!

А ты — во град твой, в Эредуг, —

Пусть он скажет, пусть он добавит —

На место да не верну я их!

<...>

СВЯЗЬ ЗЕМЛИ И НЕБА ГОРОД...

Сказание об Энлиле и Нинлиль

Связь земли и неба город, и мы живем в нем.*

Ниппур-город, воистину город, и мы живем в нем.

«Пальмовой Ограды» город, и мы живем в нем.*

Там «Женский Поток», поток светлоструйный бежит.

«Вишгородная Пристань», городская пристань, стоит.

И «Соседняя Пристань», причальная пристань, стоит.

Там «Медовый Источник» водой своей сладкой поит.

Там «Княжий Поток», чьи сверкают воды, течет.

А полям, что протоки его орошают,

по сотне сажень им счет идет.*

Там Энлиль юный — отрок града — живет.

Там Нинлиль юная — дева града — живет.

Нунбаршегуну — мать града — живет.

Как в те дни дева мать-родительница совет давала.

Нунбаршегуну Нинлиль совет давала:

«Светлы воды "Потока Женского", чисты его струи,

но ты не купайся в них.

И на берег "Потока Княжьего", Нинлиль, ты не ходи.

Ясноглазый, Повелитель, Остроокий —

око его тебя узреет.

- Утес Молучий, Отец Эвлиль, Остроокий —
око его тебя узреет.
- Пастырь, Судеб вершитель, Остроокий —
око его тебя узреет.
- 20 Он корень воздымет, тебя он обнимет,
Радость сердца, семя блаженства в утробу твою испустит,
а потом покинет».*
- Так она ее наставляла, так она ее вразумляла.
Светлы воды «Потока Женского», чисты его струи,
и она купается в них.
- Нинлиль, на берег «Потока Княжьего» она идет.
Ясноглазый, Повелитель, Остроокий — око его ее узрело.
- Утес Молучий, Отец Эвлиль, Остроокий —
око его ее узрело.
- Пастырь, Судеб вершитель, Остроокий —
око его ее узрело.
- Владыка — «С тобою да сблизюсь!» — ей говорит,
а она не желает.
- Эплиль — «С тобою да сблизюсь!» — ей говорят,
а она не желает.
- 30 «Мое лоно мало, сближенья не знает,
Мои губы юны, целовать не умеют.
Проведает матушка, меня ударит,
Прознает батюшка, меня погонит,
Скажу подруге — проговорится».*
- Эплиль советчику своему Нуску молвит:
«Советчик мой Нуску!» — «К твоим услугам!
- Строитель великий Экура, к твоим услугам,
о мой повелитель!»
- «Эта дева... столь пленительна, столь прельстительна...»*
- Эта Нинлиль... столь пленительна, столь прельстительна...
- 40 Не целована, не милована...»*
- Советчик своему господину
нечто, подобное ладье, приносит.*
- Канат для лодочки ему приносит,
Плот большой ему приносит.
- Господин... под парусами плывет.
К нецелованной, к цемilованной.
- Отец Эвлиль... под парусами плывет.
К нецелованной, к цемilованной.

Отыскав, за руку берет ее,*
 Нецелованную, немилованную.
 В месте укромном с собою рядом кладет.*
 Целует ее, милует ее.
 Корень вздымая, ее обнимая,
 Семя Зуэна, бога сияющего, он излил в ее утробу.
 Элиль через двор Кнура проходит.
 Когда Элиль через двор Кнура проходит,
 Все пятьдесят великих богов
 И семь богов, вершителей судеб,
 Элиля в Кнуре они хватают.
 «Элиль, нарушитель запретов, покинь город! *
 Нунамир, нарушитель запретов, покинь город!»
 Элиль — он сам вершитель судеб,
 Нунамир — он сам вершитель судеб,
 Элиль уходит, Нинлиль следует.
 Нунамир уходит, дева преследует.
 Элиль привратнику главных ворот, он так ему молвит: *
 «О мой привратник, хранитель засова,
 Хранитель притвора, хранитель засова,
 Госпожа твоя Нинлиль сюда придет.
 Когда она обо мне тебя спросит,
 Не говори ей, где я укрылся».
 Нинлиль привратнику главных ворот, так она ему молвит:
 «О мой привратник, хранитель засова,
 Хранитель притвора, хранитель засова,
 Элиль, твой повелитель, куда пошел он?» —
 так она молвит.
 Элиль за привратника главных ворот ей отвечает:
 «Мой господин, о прекраснейшая,
 не соизволил сказать об этом.
 Элиль, о прекраснейшая, не соизволил сказать об этом».
 «Слово сказано, дело сделано.*
 Утроба моя тяжела, о том промолчишь ли ты?
 Элиль, владыка всех стран, наполнил утробу мою.
 Элиль — твой господин, а я — твоя госпожа».
 «Если ты моя госпожа, дай мне тебя коснуться».
 «Семя моего господина, семя сверкающее, в моей утробе.
 Семя Зуэна, семя сверкающее, в моей утробе».

«Семя моего господина — к небу, семя мое —
в землю воистину пусть идет!

Семя мое за семя моего господина
в землю воистину пусть идет! »

И Энлиль под видом привратника
в опочивальне с нею возлег.

Ее целовал он, ее миловал он.

Корень вздымая, ее обнимая,

90 Семя Нергала-Месламтеа он излил в ее утробу.

Энлиль идет, Нинлиль следует.

Нунамнир идет, дева преследует.

К стражу реки подземного мира,
людей пожирающего потока,
Энлиль подходит.

«О страж реки подземного мира,
людей пожирающего потока!

Госпожа твоя Нинлиль сюда идет.

Когда она обо мне тебя спросит,

Не говори ей, где я укрылся».

К стражу реки подземного мира,
людей пожирающего потока,
Нинлиль подходит.

«О страж реки подземного мира,
людей пожирающего потока,

100 Энлиль, твой повелитель, куда пошел он?» —
так она ему молвит.

Энлиль за стража подземного мира ей отвечает:

«Мой господин, о прекраснейшая,
не соизволил сказать об этом.

Энлиль, о прекраснейшая, не соизволил сказать об этом».

«Слово сказано, дело сделано.

Утроба моя тяжела, о том промолчишь ли ты?

Энлиль, владыкка всех стран, наполнил утробу мою.

Энлиль — твой господин, а я твоя госпожа».

«Если ты моя госпожа, дай мне тебя коснуться».

«Семя моего господина, семя сверкающее, в моей утробе.

110 Семя Зуэна, семя сверкающее, в моей утробе».

«Семя моего господина — к небу, семя мое —
в землю воистину пусть идет!

Семя мое за семя моего господина
в землю воистину пусть идет!»

И Энлиль под видом стража реки подземного мира
в опочивальне с нею возлег.

Ее целовал он, ее миловал он.

Корень вздымая, ее обнимая,

Семя бога Ниназу, владыки поля измеряющей веревки,
он излил в ее утробу.

Энлиль идет, Нинлиль следует.

Нунамнир идет, дева преследует.

К Силуиги, перевозчику, Энлиль подходит.

120 «Силуиги, перевозчик мой!

Госпожа твоя Нишлиль сюда идет.

Когда она обо мне тебя спросит,

Не говори ей, где я укрылся».

Нинлиль к Силуиги-перевозчику подходит.

«О Силуиги-перевозчик!

Энлиль, твой повелитель, куда пошел он?» —

так она ему молвит.

За Силуиги-перевозчика Энлиль ей отвечает:

«Мой господин, о прекраснейшая,

не соизволил сказать мне об этом.

Энлиль, о прекраснейшая,

не соизволил сказать мне об этом».

130 «Слово сказано, дело сделано.

Утроба моя тяжела, о том промолчишь ли ты?

Энлиль, владыка всех стран, наполнил утробу мою.

Энлиль — твой господин, а я — твоя госпожа».

«Если ты моя госпожа, дай мне тебя коснуться».

«Семя твоего господина, семя сверкающее, в моей утробе.

Семя Зуэна, семя сверкающее, в моей утробе».

«Семя моего господина — к небу, семя мое —

в землю воистину пусть идет!

Семя мое за семя моего господина

в землю воистину пусть идет!»

Энлиль под видом Силуиги-перевозчика

в опочивальне с нею возлег.

140 Ее целовал он, ее миловал он,

Корень вздымая, ее обнимая,

Семя Энбилулу, владыки каналов и дамб,
он излил в ее утробу.

Ты властелин, ты господин!

Ты властелин, ты господин, Энлиль!

Ты властелин, ты господин, Нунамнир!

Ты победитель, ты покоритель, воистину это ты!

Ты хозяин льна, господин зерна, что им рост дает,
воистину это ты!

Властелин небес, плодородие, господин земли,
воистину это ты!

Властелин земли, плодородие, господин небес,
воистину это ты!

150 Энлиль небесный, Энлиль владычный!

Слова, что он молвит, нельзя преступить,

Дела, что творит он, нельзя изменить!

Хвала за дела, за мать Нинлиль,

Отче Энлиль, хвала!

ГОСПОЖА СУТЕЙ ПРАВЕДНЫХ...

Женитьба Энлиля

Госпожа Сутей праведных —
чудо чудное, диво дивное.

Господин — благородный сын, возле Ана, возле
Энлиля кто, подобно ему, стоит?

Хайя семя святое испустил в ее лоно.

Нунбаршегуну благостно породила *деву*.

Взрастила ее, взлелеяла,*

5a Молоком сладчайшим своей груди выкормила.

Дева прелестью полна, статью дивна,

На подворье Нидабы, в воротах Эзагина,*

Словно телка холеная, гладкая, всем на радость красуется.

А Энлиль в Экуре живет без супруги.

10 Имя Нинлиль в Киуре не восходит в сиянии.

Всю Вселенную пройдя до самого края,
он приближается к Шумсру.

Энлиль, Утес могучий, Страну обрыскав,
в Эреше делает остановку.

Его лик источает сиянье силы,
И взгляд его находит деву — ту, что сердце его избрало.
Полный радости, он приближается к ней,
дабы с ней обменяться словами.

«Одеяньем владычиц, тебя достойным, да одену тебя,*
в переулке стоящую,

Почета и знатности ты достойна, ты,
кто ничего не имеет!»

В юном неведении своем Суд гордо отвечает Энлилю:
«Оттого что, блистая, стою я в воротах, скажет ли кто
обо мне дурное?

А ты кто таков? *Что ты здесь делаешь?*
Каковы твои желанья?

Юноша! Кончай разговоры! Уходи, не стой предо мною!
С матушкою дела *решают, дабы печень ее успокоить*».

В ответ так Энлиль молвит *
На то, что Суд ему сказала,

Вот что он ей отвечает, подойдя и став с нею рядом:
«Дай-ка я скажу тебе, обменяемся словами,
воистину будь мне супругой!

Поделуй же меня, сестра прекрасоликая,
в твоих руках дело!»

Он еще речи своей не кончил, а ее уже нет пред ним —
она в доме!

Громогласно взревел владыка,
желание сердца своего познавший.

Он зовет: «Скорее, Нуску!» Он дает ему порученье:
«В Эреш ступай, во град Нидабы,
во град Киур ее престольный!

Не медли и то, что я скажу, ей передай слово в слово:
"Я неженатый муж и весть шлю тебе о моем желанье!
Дочь твою хочу взять в супруги,
да будет на то твое согласие!

Моим именем дары тебе шлю,
прими же ныне то, что прислал я! *

Я — Энлиль, отпрыск, порожденье Аншара,
я всемогущий властелин Вселенной!
Нинлиль — будет имя твоей дщери,
по всем странам оно разнесется!
Гагншуа — дар мой брачный, как сокровищницу ей подарю я!
Киур воистину подарю ей, да станет ее любимым домом!
В Экуре на престоле моем могучем
со мною вместе да воссядет,
ей Судьба определена будет!

Меж Ануннаков, богов великих,
да будет присуждена ей доля!

40 Тебе отдаю, в твои руки, жизнь черноголового народа!" *

Придя к избраннице моей прекрасной,
с ее матерью встань рядом.
Не с пустыми руками пред нею будешь —
левою рукою дар вручишь ей! *

Не медли же — поспеши, ответ ее принеси мне!»

Глава верховного собрания, Нуску, с порученьем Энлиля
Поспешно в Эреш шаги направляет.
В Эзагин, где живет Нанибгаль, вступает.
Пред Нанибгаль, пред ее престолом ниц распростерся.
Она Энлилева посланца — с чем пришел он? — вопрошает.
Нуску Нанибгаль отвечает:

50 «Владыка Экура меня послал,
велел передать слово в слово:*

50a "Я неженатый муж и весть шлю тебе о моем желанье.
51 Дочь твою взять хочу в супруги,
да будет на то твое согласие!

51a Моим именем дары тебе шлю, прими же ныне
то, что прислал я!

Я — Энлиль, отпрыск, порожденье Аншара,
я всемогущий властелин Вселенной!
Нинлиль будет имя твоей дщери,
по всем странам оно разнесется!
Гагншуа — дар мой брачный, как сокровищницу ей подарю я!
Киур воистину ей подарю, да станет ее любимым домом!
В Экуре на престоле моем могучем
со мною вместе да воссядет,
ей Судьба определена будет!

Меж Ануннаков, богов великих,

да будет присуждена ей доля!

Тебе отдаю, в твои руки, жизнь черноглазого народа!"

Так ты ей скажи и ответ мне скорей принеси!»

Нанибгаль так отвечает посланцу,

молвит ему приятные речи:

«Советчик, слуга, пред царем стоящий!

С кем же, как не с тобою, Могучий Утес совет держит?

Весть цареву, что раб получит, кто ее оспорить может?

Если истинно, не ложно то, что ты мне промолвил,

Всемогущему кто откажет? Кто ответит злом на милость?

Послание твоего Дома сердцу, печени принесло радость!

Дарами от имени твоего воистину смоется обида! *

Итак, скажи ему — моим зятем да станешь,

желание сердца да исполнишь.

Утесу Могучему, Эниллию скажи —

исполняй свое желанье!

С его стороны да придет сестра его, с его стороны —

да пойдет с нами.*

Да станет Аруру сестрою зятя,

да узреет своих домочадцев! *

Твоему господину во престольном Киуре,

именно так ему скажи!

Эниллию в покое его вресветлом

со всею весомостью произнеси!»

Когда Нидаба со своего престола

дала посланцу те наставленья,

Кресло почетное принести повелела,

Нуску в него усадила.

Праздничный стол перед ним поставила.

Нанибгаль дочь свою кличет, так она ей молвит:

«Мальпшка, в материнском доме хорошо живетcя,

сладко спится!

Но дом мудрости Нидабы — ныне ты его оставляешь.*

Посланец завершил дело, он, кто мудрость знает,

великое разумеет.

Встань же перед ним с приветом, излей для него пива».

Как мать ей велела, она руки ему омыла,

она подала ему кубок.

Левую руку посланец раскрыл, дар сокровенный ей вручил.

То, что принес, он поставил; он пред нею положил.
Кончиком пальцев коснулась дара.

Нуску в Нишпур возвращается.

Пред Энлилем поцеловал землю.

«Вот что великая госпожа сказала,

Такие дала она ответы:

90

"Советчик, слуга, пред царем стоящий!

С кем, как не с тобою, Могучий Утес совет держит?

Весть цареву, что раб получает, кто ее оспорить может?

Если истинно, не ложно то, что ты промолвил,

Всемогущему кто откажет? Кто ответит злом на милость?

Послание твоего Дома сердцу, печени принесло радость!

Дарами от имени твоего воистину смоеся обида!

Итак, скажи ему — моим зятем да станешь,

желание сердца да исполнишь.

Утесу Могучему, Энлилю скажи —

исполний свое желание!

С его стороны да придет сестра его, с его стороны —

да пойдет с нами.

100

Да станет Аруру сестрою зятя,

да узрест своих домочадцев.

Своему господину во престольном Киуре,

именно так ему скажи!

Энлилю в покос его пресветлом

со всею весомостью произнеси!"»

Когда он вымолвил те слова,

как плоть Энлиля возликовала,

как возрадовалось сердце!

Он главу воздел — и они побежали.

105

Он главу воздел к долинам — и к нему побежали твари.*

105а

Козлы-ослы — четвероногие,

что волюно множатся по степи,

Кому нет числа в горах высоких,

кого своим выбором он коснулся.

Быки, олени, зубры красные,

антилопы со своими козлятами,

Медведи, горные козлы, кабаны,

108а

Рыси, лисы, горные козы, горные овцы,

водные буйволы, обезьяны,

Толстый жирный рогатый скот с крутыми боками,
с громким ревом,
Длинные коровы со своими телятами, быки пряморогие
на лазуритовой веревке,*
Овцы с ягнятами, козы с козлятами дерутся-бодаются,
прыгают, скачут,
Большие козлы бородатые бьют копытами,
землю царапают,
Стадо, достойное владыки,
Элиль прямо в Эреш направил.
Большие сыры горчичные, сыры малые ароматные,
Изделия из молока — круглые, печеные, квашенные,
Золотистый мед душистый, мед бочонками,
мед сладчайший,
Всю тяжесть того груза Элиль прямо в Эреш отправил.
Финики, фиги, большие гранаты...
Вишни, сливы, орехи всех видов, фисташки, желуди,
Финики Дильмуна в больших корзинах,
«небесный лазуритовый» финик,*
Зерна гранатов, что брызжут соком,
большие гроздья винограда,
Редчайшие фрукты деревьев горных,
плоды диковинные садов зимних,
Изобилие садов фруктовых
Элиль прямо в Эреш направил.
Драгоценные камни из Харали,
страны далекой, ларцы сокровищ,
Топазы, золото, серебро чистейшее —
Груз тяжелый Страны нижней,
Всю тяжесть того груза Элиль прямо в Эреш направил.
За дарами от имени его вслед, за караваном,
что в путь двинулся,
Аруру, Могучая Госпожа, и посланец Нуску двинулись.*
Пыль походная, как дождевые тяжелые тучи,
глуби высоких небес достигает.
Когда огромность даров брачных пред Нанибгаль
в Эреше сложили —
Заполнили град внутри и снаружи,
по всему граду распространились.
Что не вместилося, на дороге грудами, кучами лежало.
<...>

(Строки 134—136 разрушены.)

Энлилева теща, что была в обиде,*

Нанибгаль ласково молвит,

Госпожа, церемонии все отбросив, так она говорит с нею:

«Да станешь супругой-избранницей Энлиля,

да будет на то благословенье!

140 Да сплетется прекраснейший с тобою шеей.*

"Открой лоно, любимая" —

тебе да скажет!

Не прерывайте радость желанья,

наслаждайтесь друг другом долго!

Вновь и вновь до предела любите друг с другом —

и рожайте и умножайтесь!

В Дом войдешь, дабы жить в нем, —

пред тобой изобилие да встанет!

143a За тобой — наслаждение да встанет!

Да сделают люди прямыми пути твои,

да будут в объятиях сближаться!

Да не перемснится, свершится Судьба,

что я тебе определила,

145a В дом престольный входи с воздетой главою!»

Аруру за руку ее взяла, во Храм престольный ее ввела.

В Экур лазурный ее ввела,

ароматное масло на лик излила!

147a В Экур Энлиля ее ввела.

В покое на ложе, ложе цветенья — наслаждение,

что леса кедрового благоуханье.*

Энлиль корень воздел, супруге своей блаженство дал,

радость доставил,

150 На престоле господства с нею воссел,

благословение ей произнес.

Владыка слов благих определил Судьбу госпоже,

жене-избраннице своего сердца.

«Да будешь ты Нинту — госпожа рождений, та,

кто раскрывает колени» —

таким именем ее нарек он.

Господин Бадтибирь облик Сутей ее сделал цветущими.

сотворенье определил ей.*

Сан ну-гиг — достоинство жрицы, долю женщин,

то, что мужчина зреть не смеет,*

Дал ей назначенье, ее достойное,
дал ей богиню-хранительницу. *
«Отныне жена пустынного места, чужестранка —
хозяйкою в Доме станет! *
Супруга цветущая моя, та, кого родила Нидаба,
Апшан, зерном произрастающим, жизнью Шумера*
воистину станет,
Деве, в борозде восходящей, подобна,
когда ты воздымаешься в сиянье!
Да станет Ишкур пресветлый твоим кормильцем,
воды земли тебе изольет он!
В Новый год — льна твоего цветенье,
зерна твоего произрастанье! *
Энлиль и Нинлиль да порождают в желании!
Кто обо мне дурное скажет —
да исчезнет сила его народа!
Урожай, великий праздник Энлиля, —
воистину людям праздник!
Вся писцовая искусность, пестрозвездные таблички,
стило, доска для сглаживания табличек,*
Исчисление счета, сложение-вычитание,
лазуритовая веревка — для измерения,
Землемерного колышка глава, границ-полей межевание,
каналов-рвов устроение —
Как то надлежит тебе — в твоих руках!
Правитель бразды правления
отдает в твои руки!
Жена с воздетою главою, превыше гор превознесенная,
избранница своих желаний!
Прежде Суд, отныне Энлиль — владыка
и Нинлиль — владычица!
Божество, что имени не имело, отныне великое имеет имя,
великие дарения жертвует!
Ты, сидящая на престоле,
великие хлебные жертвы дарующая,
Страж-хранитель благоденствия,
да решаешь ты отныне судьбы!»
Когда в Нипшурской святыне жертвы
праведно принесены были,
Сладкогласная песнь хвалебная, песнь священная —
Энлилю и его Нинлиль — слава!

НА ГОРЕ НЕБЕС И ЗЕМЛИ...

Ашнан-Зерно и Лахар-Овца

На Горе Небес и Земли,
Когда Ан сотворил Ануннаков,
Тогда еще имени Ашнан-Зерна не зародилось,
не было создано.

Нитей Утту-Ткачихи в Стране не сотворили.
Уток и основу для Утту не очертили.*

Овец не было, ягнята не множились.

Коз не было, козлята не множились.

Овца не рождала двойню.

Коза не рождала тройню.

10 Имени Ашнан, Изумрудносверкающей, Лахар-Овцы*

Ануннаки и великие боги не знали.*

Зерна тридцатидневки тогда не было.

Зерна сорокадневки тогда не было.

Зерна пятидесятидневки тогда не было.

Зерна мелкого, зерна горного, зерна *отборного*
священного не было.*

Одежды — того, чем прикрываются, — не было.

Утту-Ткачиха не рождена — повязка царственности
не вознесена.*

Владыка Вестник, владыка сиятельный не рожден.

Бог Шаккан на безводные земли не вышел.

20 Человечество тех далеких дней

Хлеба для пропитанья не знало,

Как обернуться одеждой, не знало.

Голыми по Стране бродили.

Словно овцы, ртами траву щипали.

Водою канав уголяли жажду.

Тогда на Земле Первоздания божьей,

В доме том, на Холме Священном,

27a Лахар-Овца и Зерно-Ашнан созданы были.

И в божьей трапезной *собрав*

Изобилие Овцы и Зерна,

30 Ануннаки Священного Холма

Вкушают и не наполняются.

Молоко загонов священных — эту сладость —
 Ануннаки Священного Холма
 Вышивают и не наполняются.
 Священных загонов эта сладость — *
 Человечеству для поддержания силы жизни.
 Тогда-то Энки и промолвил Энилию:
 «Отче Эниль, Зерно с Овцою,
 На Священном Холме сотворенные,
 Со Священного Холма да будут спущены!»
 И, согласно светлым словам Энки и Энилия,
 Овца и Зерно со Священного Холма были спущены.
 Овцу они оградил загоном,
 Взрастили ей богатые травы.
 Для Зерна они устроили поле,
 Даровали ей плуг, ярмо и упряжку.
 Стоит Овца в своем загоне —
 Пастырь загона, изобилие прелести.
 Стоит Зерно в своей борозде —
 Статная дева, излучение прелести,
 От полей главу святую вздымая,
 Благодатью небес наливается.
 Восходят Овца и Зерно в сиянии,
 Для народа они — благоденствие,
 Для Страны — поддержание силы жизни.
 Сути божьи исполняют праведно.
 Ими житницы Страны наполнились,
 Закрома Страны от них разбухли.
 И когда в дома бедные, во прахе лежащие,
 Они вступают — изобилием одаряют.
 Куда вдвоем стопы они направляют —
 Щедрость, груз их, нечто в дом прибавляет.
 Там, где встанут они, — приумножение,
 там, где сядут они, — украшение.
 Сердца Ана и Энилия радуются.
 Вино, что так сладко, они пили.
 Пиво, что так вкусно, они пили.
 Когда вина, что так сладко, они испили,
 Когда пива, что так вкусно, они испили,
 Среди полей орошенных затеяли ссору.
 В трапезной в спор они вступили.

Зерно Овце так молвит:

«Сестра, я главная, я тебя превосходней!

Средь украс Страны я тебя блистательней!

Герою героев я даю мою силу,

Дабы он дворец наполнил славой,

В Стране безгранично простер свое имя.

Я — дар Ануннаков,

Я — нутро престолов.

80

Когда я даю мою силу герою,

Он отправляется на битву.

*Он не чувствует своего тела,**

Когда он, играя, идет по полю.

Я поддержка соседства и дружбы,

*Я примиряю соседей в ссоре.**

А когда я вхожу к плененному мужу,

Я судьбу ему решаю:

Свое сердце разбитое он забывает,

Его цепи и узы я разрываю.

Я Апшан-Зерно, Изумрудносверкающая,

я воистину дитя Энлиля!

90

В овечьем загоне, пастушьей хижине, под небом пустыни,

я — повсюду!

Что можешь ты возразить на это? Что ответить? Говори!»

В ответ Овца Зерну молвит:

«Сестрица, что это ты сказала?

Ан, всех богов владыка,

С земли священной, с земли драгоценной

воистину дал мне спуститься!

Нити Ткачества, грозное свечение царства,

мне воистину он доверил!

Шаккан, гор повелитель,

Свои Сути-знаки пестро разукрасил!

Свое хозяйство ведет исправно.

100

От могучих кражей до горных цепей страны враждебной

он крутит нити,

Он направляет пращу, лук великий.

Я охрана войск отборных.

Я в полях мужей пропитанье.

Я мешок из кожи с водою прохладной,
я — кожаные сандалии.

Я сладкое масло, богам воскуренье,
Я в растертом масле, в давленом масле, в кедровом масле,
в постоянных жертвах!

В моем одеянье сияющей белой шерсти
Царь веселится на своем престоле.

Мой облик — *радость богам великим,*
сиянье и веселье их плоти.

Я вместе со жрецом очишающим,
со жрецом-заклинателем,
жрецом омывающим,

Когда они облачаются для святого обряда,
Я шаги мои с ними направляю
к святому светлому застолью!

А борона, а лемех, а вожжи —
Орудия всепоглощающей топи!
Что можешь ты возразить на это? Что ответить? Говори!»

Тогда Зерно Овце отвечает:
«Когда пивной хлебец в печке прожарится,
Когда сусло в печке проварится,
Сама Нинкаси их для меня смешает!

И все козлы твои, все бараны
Окончат жизнь на моем застолье!
От моих даров зависит, как на столе их расставят!
К моим дарам под небом пустыни
твой пастух вздымает очи!

А когда я встаю в борозде посреде поля,
Мой земледелец твоего подпасака дубинкою изгоняет!
С полей тебя отправляют в места безлюдья,
И тебс оттуда не выйти — *

Скорпионы, змеи, разбойные люди —
все, что есть в пустыне, —

Твой приговор под небом пустыни!
Каждый день твой там сосчитан,
И палка с зарубками воткнута в землю!
И сколько б ни повторял твой пастух:

"Как много овец, как много ягнят,
Коз как много, как много козляток",

Когда пролетит ветерок, играя,
 Когда промчит ураган, сбивая, —
 Тростниковую хижину ты себе строишь!

Но когда пролетит ветерок, играя,
 Но когда промчит ураган, сбивая,
 Поднимаюсь, Ишкуру-грому равна я!

140

Я, Зерно, *возрождаюсь героем,**

140a

Остаюсь, стою не склоняясь!

А маслобойка, котел на ножках —

украсы пастырства, твое достоянье!

Что можешь ты возразить на это? Что ответить? Говори!»

В ответ Овца Зерну молвит:

«Ты! Подобно Инанне небесной,*

Ты возлюбленная коней!

Когда *вражий пленник* вместе с горным рабом *

И с тем мужем, что бедных жену и детей оставил,

Веревкою связанные за локоть,*

На гумно подымаясь,*

150

С гумна спускаясь,

Палками глаза твои бьют, уста твои бьют,

Когда колосья твои точно в ступке разбиты,

И ты вздымасма южным и северным ветром,

И каменные жернова *по тебе гуляют,*

И лик твой *ручными камнями* перетирают,

А потом ты собою квашню заполняешь,

Пекарь *рубит тебя и швыряет,*

Пекарка *раскатывает тесто.**

158a

А потом тебя ставят в печку

И вынимают тебя из печки.

160

А когда на стол тебя поставят,

Я пред тобою, ты за мною!

Зерно, поразмысли-ка сама получше —

Ты, как и я, — для поеданья!

Итак, на Сутн твои взглянув,

С чего бы это мне быть за тобою?

Мельник, это ли не зло?

Что можешь ты возразить на это? Как ты мне ответишь?»

Тогда сердце Ашнан-Зерна наполнилось горечью,

168a

Она обратила голову к ссоре.

Зерно Овце так молвит:

«Ты! Гром-Ипкур твой владыка, Шаккан пастух твой,

Твое ложе — безводная пустыня!

Словно огонь, пожирающий дом и пиву,

Как воробей, влетающий в дом и ворота,

Входишь ты в нищих и слабых Страны.

Ну, склоню к земле я шею!

Но когда в деревянных мерках *

Твои внутренности несут на рынюк,

Когда твое собственное горло обернуто

твоею же набедренной повязкой,

То один говорит другому: "Отвесь-ка мне мерку зерна

для моей овцы!"»

Тогда Энки Энлилю так промолвил:

«Отче Энлиль, Овца и Зерно,

Пусть обе они ходят вместе.

Серебра три доли их союз да упрочат — да не прервется,

Но две из них Зерну причитаются.

Пусть пред Зерном преклонят колени,

Дабы поцеловать ей ноги.

От восхода и до заката Солнца

Да будет имя Зерна прославлено,*

Под ярмо Зерна да склоняют выи.

И пусть тот, кто серебром владеет,

каменьями дорогими владеет,*

Быков имеет, овец имеет,

В воротах того, кто Зерном владеет, пусть постоит,

Так денек проведет!»

Спор между Овцой и Зерном.

Овца осталась, Зерно вышло.*

Отец Энки, тебе хвала!

О, МОТЫГА, МОТЫГА, МОТЫГА!..

Спор Мотыги и Плуга

О, Мотыга, Мотыга, Мотыга головастая! *
 Мотыга тополиная, зубастая, *

Мотыга тамарисковая, зубастая!

Мотыга-двузубка, Мотыга-четырёхзубка!

Мотыга, дитя бедняка, его льняная повязка,

Мотыга бросает вызов Плугу.

Мотыга спор затевает с Плугом.

Мотыга так говорит Плугу:

10 «Плуг, ты борозду удлиняешь, по что твое удлинение? *

Плуг, ты борозду прорезаешь, но что твое прорезание?

Бегущую воду ты не запрудишь,

Корзину землею ты не наполнишь,

Ты глину не уминаешь, ты кирпичи не лепишь.

Ты основанья не заложишь, ты дома не построишь.

Обветшалой стены основу не укрепишь.

Благородному кровлю ты не ставишь.

Плуг, ты просторную улицу не выпрямишь!

Плуг, ты борозду удлиняешь, но что твое удлинение?

Плуг, ты борозду прорезаешь, но что твое прорезание?»

20 Плуг Мотыге так отвечает:

«Я Плуг, что создан рукою великой,

21a Я великой десницею собран!

Я землемер могучий Энлиля,

Я истинный пахарь человеков.

Когда в поле в месяц Шунумун *

24a Мой начинают праздновать праздник,

Царь колет быков для меня,

25a Режет много овец для меня.

Разливает в сосуды пиво.

<...>

30 Царь держит мою руку. *

Моих быков в ярмо впрягает.

Вся знать по сторонам толпится.

Вся страна радостно ликует.

Народ взирает на меня в веселье.

Мое становление в борозде
воистину — великий праздник!

За зернами моих полей
Низко склоняются, радуясь, твари Шакиана.

<...>

Град мой — изобилие степи!
Гора зеленеющая, трепет благоговения!

Я житницы наполняю Энлилю!

Пшеницу, горох сгребая в кучи! *

Закрома человечества я полню.

Даже бедняк не знает убытка:

Когда бороною закончат работы, *

*Мои колоски они подбирают. **

*Солому с полей — мои остатки — **

Люди в дело употребляют.

Ты же, Мотыга, кто в грязи копошится,

Чья голова увязла в поле, *

Мотыга и кирпичная форма —

Постоянно вы в грязи живете!

Копай колодцы, рой канавы,

*Ты, пуп землекопанья! **

Ты для царской руки не годипься!

Для руки раба лишь пригодна твоя рукоятка!

И ты еще меня оскорбляешь!

Ты со мною себя равняешь!

Ступай же в поле, с меня довольно,

Воистину, где предо мной твоя сила?»

Мотыга Плугу так отвечает:

«Плуг, мала ли я — в том ли дело?

Велика ли я — в том ли дело?

В грязи ли я — в том ли дело?

Но в земле Энлиля я тебя превосходней,

В доме Энлиля я стою пред тобою!

Я рвы копаю, строю каналы,

И вода поля заполняет,

В тростниковые рощи льется.

Мои корзиночки там работают.

Прорезаю реку, отвожу протоки,

Для Великой Реки расширяю воды. *

Осушаю, убираю болота,
Я, Мотыга, возвожу ограды,
Дабы ни южный, ни северный ветры
не могли бы их уничтожить.

Птицелов собирает птичьи яйца.
80 Рыбак вылавливает рыбу.
Люди для птиц силки расставляют.
Мое изобилие заполняет все страны.
А когда я с полей удалю воду,
Когда я осушу землю,
О Плуг, пред тобой выхожу я на поле!

Я для тебя готовлю поле.
Я поле для тебя взрыхляю.
Я борозды рвов для тебя ровняю,
Я убираю комья и корни,
90 Для твоих трудов я готовлю поле.
Ты ж — быков твоих шесть, людей твоих четверо,*
91a И сам ты одиннадцатым выступаешь!

<...>

Одна-единственная твоя борозда —
94a И уж все на тебя с восторгом взирают!

<...>

А потом ломается твой язык,*
И твой пахарь: "О, этот плуг, он снова сломался!"
100 И опять к тебе приступает плотник,
Работяги тебя толпой окружают.
Шорник скребет сырую кожу.

<...>

Зловонная шкура главу твою покрывает.
Да, труды твои коротки,*
100a Зато отдых твой велик.
Время трудов моих — двенадцать месяцев.
Твоего ж восхождения — четыре месяца,
Зато исчезания — восемь месяцев!
110 Твой простой вдвое больше твоей работы!
А когда ты едешь работать в поле —
Ты же тяжел! — ты валишься в воду!

И пред тобою — я, словно кувшин с вином! —

я убираю эту воду!

Из рукоятки выбираю землю!

Мой огонь я раздуваю, это я тебя осушаю!

Я же и возле слуг царевых,

Я дома для царей строю!

Я увеличиваю стойла, приумножаю овечьи загоны,*

Я глину мну, кирпичи вылепляю,

Я закладываю основания, я строю дома.

Обветшалой стены основу, я ее укрепляю.

Я благородному кровлю ставлю.

Просторную улицу я выпрямляю, я, Мотыга!

Я огораживаю грады, я возвожу их стены.

Я богам великим прекрасные строю храмы.

Я красную глину мешаю с зеленой,

я их смешиваю с простою глиною.

<...>*

А когда построены все дома,

труженики со мной отдыхают

Пред огоньком — а мотыга рядом,

И уходить не торопятся вовсе.

<...>*

А мореходу я вар добываю.

Я смолу в огне для него вывариваю.

Ладьи тяжелые, суда быстроходные

воистину я для него строю.

Мореходу, его жене и ребенку,

я им всем даю пропитанье.

Я и сады царям разбиваю.

А когда сады я обнесу оградой,

огорожу, разрыхлю землю,

Снова люди берут меня, мотыгу,

И тогда я рою им колодцы, тогда я укрепляю балки,

Я строю водяные колеса, выравниваю рвы и канавы,

Те рвы и канавы водой наполняю,

Дабы яблоня цвели-плодоносили,

Дабы плоды во храмы божьи, как то подобает, относили.

Я садовника, детей его кормлю плодами!

О Плуг, я берега реки ровняю, я тропинки обновляю!

На берегах речных я строю беседки,*
 Дабы тот, кто днями на полях трудился,
 Труженик, что не уходит с поля и ночью,
 В ту беседку мог бы подняться —
 Отдохнуть, как в благоустроенном граде.
 Дабы труженика напоить водою,
 160 Дабы там внутри отдохнуть бы мог он —
 Плут, ты норы кротовые роешь, ты солому оставляешь!
 Ни полей-лугов, ни земель орошенных ты не имеешь! —
 Свежую воду я добываю! *
 Пастуха, путника утоляю жажду!
 Дабы у огонька собравшись,*
 О Мотыге рассказы им послушать,
 О Мотыге с одним-единственным зубом,
 Что Энлиль сотворил — отделить землю».
 <...>

Тут Энлиль вскричал Мотыге:

«Мотыга, не будь такой злобой!

190 Не дери глотку так сильно!

Мотыга! Нисаба да станет ее надсмотрщиком! *

191a Нисаба ее надзирателем станет!

<...>

О Мотыга! Пять сиклей, о Мотыга, десять сиклей

193a Воистину ценою твоею да станут!

О Мотыга! Треть мины, о Мотыга, полмины

194a Воистину ценою твоею да станут!

Подобно служанке, всегда готовой,

195a Свой урок ты выполняешь».

В споре между Мотыгой и Плугом

Мотыга превосходнее Плуга.

Хвала тебе, богиня Нисаба!

ВЛАДЫКА В СИЯНЬЕ ВЕЛИКОМ!

Сказание о подвигах бога Нинурты

(В отрывках)

Владыка в сиянье великом!
 Нинурта, вождь, кто в могучей силе
 один пронесется над горами,
 Потоп ревущий, неустойчивый,
 кто низвергается на вражьи страны,
 Герой, кто отдается битве,
 Повелитель, кто, крепкой рукой зажав булаву боевую,
 Дробит, подобно зерну, затылки людей непокорных.
 Нинурта, царь, сын отца, радующегося сыновней силе,
 Воитель, кто, южному вихрю подобный,
 обволакивает горы!
 Нинурта, тиара твоя — радуга,
 взор твой молниями блещет!
 Семя князя с лазурною бородою, дракон,
 кольцом себя свернувший,
Лев, чья пасть со змеиным жалом
*яростно ревет по странам! **
 Нинурта, царь, кого Энлиль над собою возвеличил,
 Герой, кто врагов уловляет большою сетью,
 Нинурта, тень твоих ужасающих нимбов
 Шумер защищает,
 Ярость мятежным странам приносит,
 войско вражье накрывает!
 Когда Нинурта, царь, сын, кто печется о том,
 дабы отца его чтить повсюду,
 Восседал на престоле во блеске власти, в сиянии нимбов,
 вводящих в трепет,
 На празднестве в свою честь, привольно,
 радостно возвышаясь,
 С Аном, Энлилем по обе стороны,
 сладкими винами услаждаясь,
 Когда богиня Баба передавала владыке царские молитвы,
 Когда Нинурта, сын Энлиля, начал устанавливать Судьбы,
 Тогда его боевое оружие обозревалось сверху горы,

Шарур — «Накрыватель множеств» —

возонил царю своему с неба: *

«Господин, повелитель неба,

охранитель высоких престолов,

Нинурта, слово твое неизменно, благостна Судьба,

что ты присуждаешь!

Царь мой, небо излило семя на зеленеющую землю!

Нинурта, она породила могучесть, Асага,

не ведающего благоговенья,*

Дитя, что не материнской грудью,

вскормлено молоком диких тварей,

Царь мой, это отродье, отца не знающее, гороубийца!

30

Воитель с бесстыжим ликом, сотворенный из испарений,*

Нинурта, это самец вздымающийся,

идол, собою весьма довольный!

О мой герой, быку подобный, да встану я с тобою рядом,

О царь мой, кто о своем граде заботится,

как мать родная!

Он в нутро Горы проник, он разбросал там свое семя,

Вся эта каменная поросль его своим царем избрала,

Он среди них, словно дикий бык, вздымает свою силу!

Гранит, Базальт, Диорит, Камень "гусиный", Гематит,*

Алебастр-воитель — вот его воинство, что грабит грады!

В гору зубы драконьи они вонзили, деревья они погубили.

40

Боги градов пред его силой на сторону его склонились.

О царь мой, себя на престол он возвел,

он не тратит времени даром!

Нинурта, владыкою, тебе подобным,

в Шумере он себя считает!

Асаг, его жуткие Суги кто уничтожит?

Его мощные брови кто опишет?

Вся дрожа, наполнена страхом,

Она пред ним, ему принесла,

О царь мой, Гора дары ему принесла!

Воин, он об отце твоём узнавал,

Сын Эшлиля, о господстве, о силе твоей расспрашивал,

50

О царь мой, о мощи твоей совет держал,

Нинурта, о том, что героя, тебе подобного,

не существует, ему сказали!

С тобою он хочет помериться силой!

О воя, он принимал решения о захвате твоего царства,
Нинурта, он тянет свои руки к твоим отличьям,
к Сутям Абзу!

С глазами шпыряющими, жилища сменяющий,
Асаг ежедневно границы ширит, силою забирая земли.
*Ты кольца богов не хватаешь,**

Ты, дикий козел небесный, ты копытами топчешь горы.
Нинурта, владыка, чадо Энлиля, кто отразит его натиск?
Нет руки против силы Асага:

сколь непомерна его тяжесть!
Идет молва о его воинстве,
те полчища несохватимы глазом,

Так велика его могучесть —
ее не пробьет никакое оружие,*
Нинурта, ни мощный топор, ни копье

не расколют его поверхность!
Герой — кто, словно он, сотворен?
О владыка, насытивший силой могучие Суты,

Вздымающий свет, как то богам подобает,
Бык, проявлением — зубр могучий,
познающий сладость великой мощи.

Нинурта, я гляжу на твой лик, как на Эпки,
Утаулу, владыка, чадо Энлиля, что же мне делать?»
«Уа-а-а», — взревел владыка, вздрогнуло небо,

земля застыла под его ногами!
Силою этою обращенный,
смутился Энлиль, Экур оставил.

Гора развалилась, день затмился, задрожали Ануннаки.
Герой начал бить кулаками по ляжкам —
рассыпались, рассеялись боги,

Ануннаки, словно овцы, скрылись за чертой окосма.
Властелин, его вздымаиье до неба,
Нинурта, спешащий на битву, —

рывок его груди — верста двойная! *
Ураган свирепый на восьми ветрах,
он в непокорную страну несется!

Его руки копье сжимают,
Булава на Гору пасть раскрывает,*
Дубинка вражьих затылки молотят.

Злобный шквал с южным вихрем к себе привязал,
 Взъяренный потоп у ног поставил,
 Герой пред собою неукротимую бурю нестись заставил.
 Вздывая пыль, опуская пыль,
 Холмы с низинами перемещал, все впадины засыпал.
 Он уголь сгрудил, он раздул пламя —

радостно костры запылали.

Он деревья могучие с корнем вырвал,
 он леса и рощи губит.

Земля руки к груди прижала, горьким заливается плачем.
 Тигр смешался, заволновался, воды его помутнели.

На ладье «Выступление из пристани княжьей»
 он устремляется на битву,

Люди не знают, куда бежать, стены защитные возводят.

Птицы, взлетая, вздымают головы,
 но крылья их падают на землю.

Рыбы в глубинах от жара всплывают,
 ртами раскрытыми воздух глотают.

Газели, дикие ослы от голода гибнут, степь опустела,
 будто ее саранча пожрала.

Потоп, его вздыманье могучее рушит и рушит горы.

Герой Нинурта по стране мятежной идет походом.

Людей без счета в горах он губит,
 он грады их разобщает.

Бычьих погонщиков, как мотыльков, он прокалывает,
 Черепа швыряет на землю.

Руки, словно пучки сорняков, все разом он им вырвал.
 Их головы были разбиты о стены.

Гора огней не зажигала, ни единого не светилось.

Вверх уходило дыханье их груди.

У людей от слабости опускались руки.*

На земле писали проклятья.

День, когда Асаг родился,

воистину стал днем их гибели.

Господин в стране мятежной излил весь яд,

всю горечь желчи.

(Сражение, однако, на этом не кончается. Нинурта отправляет Шарура на разведку и тот, пораженный количеством и силой врагов, советует отступить. Нинурта не обращает внимания и готовится к бою.

Героя могучего, любимца отца, кого он так возвеличил!»

Жена святую молитву запела.

Нинмах пред Нинуртой ее спела.

Он взглянул на нее глазами жизни, он ей так промолвил:

«Госпожа, ты ко мне пришла в горы,

Нинмах, ты ради меня во вражью страну вступила,

Ужасов грозной битвы не убоялась —

А я, герой, я воздвиг Гору,

Отныне Хурсаг ее нарекаю, тебя же, Нин, —

госпожой ее возглашаю!

И судьбою, что решал Нинурга,

Нинхурсаг в Стране тебя нарекут,

воистину так оно и будет!

Да взрастят ее недра тебе ароматные травы,

Виноградом сладким порастут террасы,

Да взрастят тебе ее склоны кедр, кипарис,

самшит вечнозеленый,

Для тебя да разукрасится она плодами,

словно сад фруктовый.

Пусть Хурсаг воскуренья божьи тебе доставляет,

Злато, серебро пусть там копают,

в горах лесистых добывают.

Медь, олово пусть тебе там копают,

пусть как дань тебе приносят,

Пусть Гора козлов, диких ослов тебе множит,

Пусть в Лесистой Горе четвероногие твари

потомство тебе приносят,

Ты, госпожа, лишь одна мне равна,

словно небо несешь сияние нимбов!

Дингирмах — Богиня Великая, та,

кто громких слов не терпит,

Жена святая, Хурсаг пречистая,

Нингу — госпожа-рождение, льды прошедшая,

Приблизься же, госпожа, Великие Сути тебе вручаю,

да будешь вознесена повсюду!»

Когда господин Горе судьбу решил,

в святилище Нинпура пошел.*

Жена святая, чьи превелики Сути, госпожа —

плотник женских маток,

Аруру, старшая сестра Энлиля, перед ним предстала.

«Великим героям, тобою повергнутым героям,
 О господин, чьи, подобно словам отца твоего, неизменны
 415_а Реченья, ты еще не определял им судьбы!»
 Владыка к камню-поросли воззвал, его пути обрисовал,*
 Владыка в Стране гневное молвил ему слово,
 Нинурта, сын Энлиля, его проклятью обрек.
 420 «Ты, камень-поросль, ты в горе против меня поднялся,
 Ты схватить меня, заточить пытался,
 Ты убить меня старался,
 Против меня, господина, против престола моего могучего
 восстал во злобе,
 Оттого-то отпыне тебя, могучесть, героя, камennую стену,
 поуменьшат в твоих размерах,
 Ты, яростный лев, в своей силе уверенный,
 да будет она на куски разбита,
 Силач в своей мощи к тебе да протянет руку,
 Ты, молодец, поросль камня, твоя братья тебя,
 как муку, размелют,
 На свое же потомство ты взъяришься —
 ты вонзишь зубы в их трупы.
 Ты, воин, твой крик потонет в твоих осколках!
 Как бык огромный, что людскою стаей убивасм,
 на куски разделан,
 430 Поросль камня, ты будешь, как пес, кого в драке палкой
 гонит подпасок,
 Да, господин, "Тот, кто сверлит сердолик" —
 так отпыне твое будет имя!»*
 И с тех пор судьбою, присужденной Нинуртой,
 И поныне поросль камня —
 «Тот, кто сверлит сердолик» —
 так все его называют.
 Герой обратился к базальту и граниту.

*(Базальт и гранит, поскольку они также выступали против Нинурты, подвергаются
 его проклятью (436—447). Подобную же участь разделяют три камня
 неизвестной породы (448—462). Затем настает очередь диорита.)*

463 Мой царь встал перед диоритом,*
 И в порыве сердечном, прямодушно,
 напевно ему промолвил,

Нинурта, сын Энлиля, такую судьбу ему назначил:

«Диорит, ты в битве изменил направление,

Как густой туман предо мною развеялся,

Ты против меня не вздымал оружия —

"То ложно, есть лишь один господин,

Кто соперник Нинурте, сыну Энлиля?" —

так воистину ты молвил.

И за то с северных гор тебя подымут,*

Из страны Маган тебя да вывезут,

Острой медью тебя, как кожу, обрежут.

Я, владыка, для возвышенья моего геройства

тебя предназначу!

И царь, кто далеко свое имя прославил,*

Изваянье свое навеки мне изготовит,

В Энину, в храме великолепном поставит,

В местах омовенья установит,

достойным образом тебя устроит!»

(В тексте определена судьба 49 (47) камней, из которых 30 благославляются, остальные подвергаются проклятью (416—646, табл. X—XIV). Последние две таблицы — XV и XVI — посвящены торжественному возвращению Нинурты на своей ладье и хвалебным гимнам. Первое славословие поют мореходы его судна. Оно включает пожелания для правителя (видимо, Гудеи). Затем героя приветствуют боги Ануннаки, благославляет отец его Энлиль и перечисляет его подвиги. Заканчивается поэма гимном, прославляющим богиню Нисабу и произносимым от имени автора произведения. В самых последних строках автор снова обращается к Нинурте.)

Государя великого Энлиля сын, Нинурта,

длитя могучее Экура,*

Нинурта, пресветлый землепашец небесный,

управитель Утеса могучего,

Отца-родителя своего слава, сколь хвала тебе величава!

Это — песнь шир-суд Нинурты.

Э-ГЕЙ, ЖИ-ВЕЙ!..

Песнь пахущего быка

Э-гей, жи-вей!

Ты, бык, ша-гай, шею под ярмом склоняй! *

Царский бык, шагай, шагай, шею под ярмом склоняй!

Это я, страны землепашец,
 Это я, Эялия сын,
 Я — Шумера *господин!*

Э-гей, жи-вей!
 Окликаю моим внимаю,*
 К понуканьям привыкай!
 <...>

(Строки 10—13 разрушены.)

Ныне к матушке я пойду.
 К матушке Нанше я пойду.*
 Хлеб в суму мою вложу.
 Воду в мехе припасу.
 К виденью во сне да буду готов.
 «Вот, землепашец, хлеб твой — ешь!» —
 так воистину мне скажет.
 «Вот, землепашец, вода твоя — пей!» —
 так воистину мне скажет.

Э-гей, жи-вей!
 У матушки Нанше во храме возлег.
 Нанше доброй ночи сказал.
 Хлебом он суму наполнил.
 Мехи он водой наполнил.
 Он к виденью во сне готов.
 Землепашец виденье узрел:
 Бык молодой заговорил,
 Бык копытами забил.
 Землепашец матушке молвит:
 «Еда готова — в суме мой хлеб.
 Вода готова — наполнен мех.
 Я к виденью во сне готов».

(Строки 34—42 разрушены.)*

Кто в полях разрыхлит комья?
 Кто с полей отгонит птиц?

Кто за плутом справа встанет?

Кто у плуга слева пойдет?

<...>

(Строки 47—50 разрушены.)

Бык речам его внимает.*

Землепашцу слово молвит:

«Я есмь бык, молодой бычок.

Шерсть на морде моей не густа.

Спина от пыли рабочей чиста.*

Отчего ж, господин мой, я избран тобою?»

«Теленочек мой, несмышленочек мой,*

57a Слово первое мое да промолвлю тебе,

Ты ж внимательно его выслушай!

В том ярме — да твой батюшка —

вчетвером они шли.*

60 То ярмо — твоя матушка —

восьмером волокли.

Уту-солнце ярмо твое радостное

воистину да выпрямит!»

Э-гей, жи-вей!

Землепашец, в трудах он сызмальства,

он, пастырь загонов светлых.

Молодец, он с ранних лет жену содержит.

Он сынов растит, он один не ходит.

Э-гей, жи-вей!

«Звезды небесные, я зрю виденье!*

Свет поднебесный, я зрю виденье!

На крыше постлавиши, я зрю виденье!»

(Строки 70—91 разрушены.)

92

Э-гей, жи-вей!

Энкимду, хозяин запруд и плотин,

Он жреду верховному молвит:
 «Мой господин, тебе пособию,
 Поля благие да орошу!
 Дожди спозаранку да призову!
 Пусть зерно в полях твоих зародится!»

(Строки 99—118 разрушены.)

Э-гей, жи-вей!
 120 «Борона-гребень по моей ниве
 Зубами огромными да будет готова
 121а Поле святое глодать-бороздить.
 Да будет пригодною мотыга края копать, пни корчевать.
 Да будет пригодною мотыга края копать.
 А плут твой священный, что висит на бресе,
 124а Воистину с бруса да будет снят!
 Твой плотник искусный концы его свяжет,*
 Края его дерева да закрепит!»
 <...>

(Строки 127—138 разрушены.)

Заклинание да промолвит,*
 140 В десниде ее — тростник в одну меру! *
 Энкимду, хозяин запруд и плотин,
 Воистину будет тебе опорой!

Э-гей, жи-вей, ты, бык, ша-гай, шею под ярмом склоняй!
 Царский бык, шагай, шагай, шею под ярмом склоняй!
 В бороздах плодородного поля гуляй,
 145а По краям его прямо ступай!
 В доме пива, радости пьющих... *
 В доме Инанны, в месте решений...
 Сердце ее да взвеселится...
 Пастушья песнь Нинурты это.*

ВОСЛАВИМ БОГОВ НАШИХ

ВОССТАНИЕ ПОЛОЕ НАШЕ

Вот мы видим, как в жизни нашей
 происходит нечто необычайное,
 что в истории нашей страны
 имеет место впервые.
 Впервые в жизни нашей
 происходит нечто необычайное,
 что в истории нашей страны
 имеет место впервые.

ЭНЛИЛЬ! ПОВСЮДУ...

Гимн-восхваление Энлилю

Энлиль! Повсюду могучие кличи его,
священные речи его!
То, что из уст его, — неварушимо,
что присудил он — дано навечно.
Он взоры вздымает — колеблет горы!
Он свет излучает — пронзает горы!
Отец Энлиль восседает державно в священном капище,
в могучем капище!
Он — Нуамнир! Совершенно его правление,
его княжение!
Боги Земли перед ним склоняются,
Авунаки-боги к нему стекаются,
С верою в мудрость его стекаются!
Исполни! Владыка! Он велик во Вселенной!
Он мудрец, в законах всеведущ!
Могучий разумом! Своим жилищем избрал
священный округ Дуранки.
Он Киуру, месту величья, дал воссиять
в княженье и блеске!
Его обиталище — Нишур-город,
козел-вожак небес и земли!
Город! Лик его излучает ужас!
Его стены! К ним и бог не подступится!
За стенами — гул, кличи жаждущих битвы,
кличи военного становища!
Он — западня для стран враждебных,
он их ловит ловушкой и сетью!

Спорщикам он не продлит жизни,
 В суде хулы не позволит молвить.
 20 И внутри и снаружи — речей неверных,
 Слов вражды, нарушений, споров,
 Злобных судей и угнетенья,
 Злобных взглядов, насилья, доносов,
 Наглости, измены слову —
 Подобной мерзости не знает город!
 Руки Ниппура — великие сети! *
 Орел по городу гуляет свободно!
 Враг и злодей от них не скроется!
 Дар города Ниппура — правда:
 30 Правосудие вершит навечно!
 На бережных — нарядные люди.
 Старший воспитывает младшего,*
 наставляет его, выводит в люди,
 Словам отца покорно внимая,
 дитя берет табличку в руки.
 В кротости мать свою почитая,
 сын до старости доживает.
 В городе, священном селенье Энлиля,
 В Ниппуре, святая святых Отца, Могучего Утеса,*
 Цветущее капище, Экур, храм лазурный,
 из праха вознес он,
 Как гору высокую, на чистом месте его возвел.
 И он, его князь, Могучий Утес, Отец Энлиль,
 40 В Экуре, в могучем святилище, в капище восседает!
 Таинства храма не отменят боги,*
 Обряды чисты, как земля бесконечны,
 Его тайные силы недоступны взору,
 Его покой, как море, бескрайни,
 Его символы-знаки — звезды,
 Его владыка сотворил безупречно таинства вечные!
 Все слова его — реченья,
 Его заклинания — молитвы,
 Его дела — предсказанья благие.
 50 Его алтари прочны и могучи,
 В праздник масло и сливки льются обильно!
 Предначертанья его прекрасны,
 его намеренья полны величья!

На закате — праздник, на восходе — праздник,*
 Храм Эпилия — гора изобилья,
 Принимают там жертвы, грехи отпускают!
 Верховный жрец возвеличен с храмом,
 Источники храма сильны в исцеленье,
 Его жрецы совершенны в обрядах,
 Его служители чисты в молитвах,
 Могуч его пахарь, верный пастырь Шумера,
 В добрые дни рожден с надеждой!
 Пахарь, создавший поля обширные,
 Пройдет по полю — хлеба колосятся!
 Не грозит битва Экуру лазурному!
 Эпилия! Когда своею рукою на земле
 начертал святое селенье,
 Когда город Нишпур себе сам построил,
 То Киур, громаду, твою чистую землю,
 напоил сладкою водою,
 В средоточье всех сторон света,
 в округе Дуранки себе построил!
 Твердь его — душа чужедальних и ближних стран,
 Кирпичи его — глянцево-красные,
 основанье его — лазурита синего!
 Как бык, вознес он в Шумере рога сиянья!
 Чужеземные страны перед ним склонились!
 В великих праздниках, в изобилье дни свои
 там проводят люди!
 Эпилия! Небо и Земля щедро одарили тебя!
 В Абзу могучее капище поставили тебе!
 В глуби горы, в темной кумирне — чтить тебя.
 В Экуре лазурном, храме величья — сиять тебе!
 Блеск храма достигает неба!
 Тень его пала на все страны!
 Зубцы его пронзают небо!
 Жрецы храма, служители храма,
 Приносят в храме священные жертвы,
 Со словами молитвы в нем склоняются!
 Эпилия! Пастырю, коего узришь,
 Избраннику, кого в стране возвысишь,
 Страну — ему в руки, страну — ему под ноги,
 Склонишь перед ним далекие страны!

- Как вода, что льется повсюду в мире,
Дары стекаются в хранилище,
90 Жертвы скапливаются в сокровищнице,
Дань на главном дворе слагают,
91a Приношенья Экуру, храму лазурному.
Энлиль! Добрый пастырь Вселенной.
Пастух, что ведает всеми жизнями,
Чье княженье восходит в сиянье!
Тиарой священной себя венчал он!
Когда он в горах восседает на троне,
Он, как радуга, обнимает небо,
Как плывущее облако, парит в поднебесье!
Князь небес — только он, дракон земли — только он!
100 Величайший среди Ануннаков — он!
Он сам называет судьбы,
И никто из богов его не видит!
Его посол и советник Нуску
Слова и дела, что Энлиль замыслил,
Ведает с ним, совет с ним держит,
Наказов Энлиля он исполнитель,
К нему воздевает в молитве руки!
Без Энлиля, Могучего Утеса,
110 Не выстроен город, не заложен поселок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рожден,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска.
Потоки воды не отводят в каналы,
Мол хвостом не врезается в море,
Море насыпи не рождает.
Глубоководные рыбы в тростниковых зарослях
икру не мечут,
Небесные птицы на земле просторной не вьют гнззда,
В небесах грозовые тучи не раскрывают пасти.
120 На ниве и в поле пестрый ячмень не колосится,
В степи — краса ее — злаки и травы не зацветают,
В садах деревья тяжелых плодов не рожают.
Без Энлиля, Могучего Утеса,
Богиня Нинту людей не косит,
Корова в хлеву не приносит теленка,
-

Овца в загоне не приносит ягненка,
 Люди, что множатся постоянно,
 Не изливают семя в слиянье,
 Звери, четвероногие твари,
 Не покрывают друг друга в случке.
 Энлиль! *Твое совершенство заставляет умолкнуть!* *
 Суть твою не понять, не распутать нити,
 Нити в скрещенье, незримые смертным.
 Во славу божью твою — сражаться!
 Ты себе сам — господин и советчик!
 Твои замыслы кто угадает?
 Твои тайные силы никому не подвластны!
 Твой лик невидим ни одному богу!
 Верховный жрец, бог, Энлиль — ты!
 Верховный судья небес и земли — ты!
 Твое несравненное Слово! Могуче оно!

Как небеса оно! Как туча оно!

По Слову твоему Ануннаки-боги создают плодородие!
 Слово твое небесам — опора,

Слово твое земле — основа!

Небесам опора, небесам поддержка,
 Земле — основа неразрушимая!
 К небесам приближаясь, оно плодородно:
 Льет дождем с небес изобилие!
 К земле приближаясь, оно плодоносно:
 Плоды земли растут в изобилье!
 Слово твое! Плоды — оно! Слово твое! Зерно — оно!
 Слово твое — полноводный поток,
 жизнь всех поднебесных стран!

<...>

(Строки 150—152 разрушены.)

Мать Нишлиль, твоя супруга, на небо похищенная тобою,
 В одеждах чистых, прекрасных, светлых,
 Избранница верная, тобой возвышенная!
 Ласковая, заботливая хозяйка Экура!
 Твоя советница с речами мудрыми,
 Многомудрая, сладкоречивая,
 В чистом святилище, священном капище,
 восседает рядом с тобою,

160

С тобой говорит, подает советы,
Там, у солнечного восхода, определяет с тобою судьбы!
Нинлиль! Владычица Вселенной!

Всех поднебесных стран хозяйка!

Вместе с Могучим Утесом воспетая!

Вершина, слово которой прочно,

Помощница, чьи нерушимы речи,

Чьи изречения мгновенны.

Чьи намерения — слова твердые!

О Могучий Утес, Отец Энлиль!

Хвалебная песнь тебе —

вот что превыше всего!

В СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА...

Заклинание Энки-Нудиммуда

(Отрывок из сказания об Энмеркаре и владыке Аратты)

В стародавние времена змей не было,*
скорпионов не было.

Гиен не было, львов не было.

Собак и волков не было.

Страхов и ужасания не было.

В человечестве распри не было.*

В те дни страны горные Шубур-Хамazi — *Восток*,

Многоязыкий Юг — Шумер,

гора Сутей государсвых превеликая.

Ури — *Север*, гора вседостойная,

Запад — Марду, страна горная,

что безмятежно покоится, —

10.145

Вся Вселенная, весь смиренный народ

Восхваляли Энлиля на одном языке.

И тогда государь ревнивый,

князь ревнивый, господин ревнивый,*

Энки, государь ревнивый,

князь ревнивый, господин ревнивый,

Ревнитель владык, ревнитель князей, ревнитель царей,

Энки, господин изобилия, властелин красноречия,

Всеразумнейший попечитель Страны,

Мудрец-предводитель всех богов,

Наимудрейший Эредуга владыка,

В их устах языки изменил, разногласие установил,

Когда речь человечья единой была.

ВЛАСТЕЛИН ОСТРОГЛАЗЫЙ...

Гимн богу Энки

Властелин остроглазый, составитель замыслов,*
всеведатель, сердце просторное!

Энки, Разум Обширный,

Ануннаков предводитель могучий,

Ясномудрый, заклятий творитель,

Слова даритель, планов провидец,*

В решениях судебных от восхода солнца и до заката

мудрых советов податель,

Энки, владыка всех истинных слов, как то подобает,

Тебя да восславлю!

Ан — отец твой, царь-владыка, семени испускатель, он,

что все на земле для людей устроил,

Мироздания Сути тебе доверил,

для княжения тебя возвысил.

Евфрата и Тигра чистые устья отворить,

веселием усладить,

Тучам тяжелым изобилия воды излить,

нивы зеленые напоить,

Аппан-зерньшку голову в борозде поднять,

травам душистым —

да расцветут в степи,

Садам орошенным, рощам плодовым,

на земле взрыхленной,

что буйным лесам расти —

Ан, владыка богов, созидать тебе поручил.

Энлиль имя свое высокое, тиару священную,
лучи сиянья ужасающие, всепоглощающие
В руку твою вложил — властелин, что все порождает,
юный Энлиль воистину ты,*

Он один бог мироздания, его брат меньшей воистину ты!

Подобно ему судьбы решать и внизу и вверх —

это в руку твою он вложил.

Предсказания священные, что из уст твоих исходят,

подхвачены, истолкованы,*

И когда решением возвышенным человекам бесчисленных

до краев земли расселил ты.*

О питье-пропитании их печешься,

воистину отец их праведный — ты,

20 Владыка, как бога-защитника

величие твое они славят достойно!*

Это — сагидда-часть.

<...>*

Оборот:

Властелин могучий, что небо и землю забрал,

имя твое да взойдет, сияя,

<...>

В обители твоей священной, той,

что сердце твое избрало,

в твоей возвышенной святыне Абзу.

Сути ее ты расширил, ее начертанья похвально устроил.

Тень ее от восхода солнца и до заката

на все чужеземные страны пала,

Лучи сиянья, нимбы могучие, словно тяжелые тучи,

светлых небес достигли.

Экур, жилище Ана и Энлиля,

священным тресетом наполнили.

И там, скипетром данным, дабы Сути

великих богов распределить.*

Человеков бесчисленных ты созидашь,

людям рожденным жизнь даруешь,*

10 Отче Энки, когда на престоле решения Судеб

ты восседаешь!

Это — *сагарра*-часть.

<...>*

Отче Энки, устрашением великим осиянный!

Дабы всем твоим речениям, повелениям,

Ануннаки-боги, твои братья,

с тобою бы вместе радовались,

Силы грозные даны тебе, сыну Ана, тебе!

Воистину хороша хвала тебе!

Это — песнь под литавры для Энки!

БОГУ ЭНКИ, ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ МИРА...

Письмо-молитва писца

Богу Энки, вседержителю мира,
Чья мощь несравненна,

Так скажи:

«Княже Нудиммуд, Разум Обширный,

Кто вместе с Аном решает судьбы,

Кто Ануннакам назначает в долю

Сути благие, ненарушимые,

Познаваньем могучий,

Кто разум дарует

От восхода и до заката солнца,

Владыка знания,

Повелитель Энгуры,

Бог-вседержитель, меня сотворивший!»

И далее вот что ему добавь:

«Зуэн-Шамух, писец, сын Ур-Нины,*

Раб твой, так тебе молвит:

"Со дня, что меня ты сотворил,

К человечеству присоединил,

Именем, что мне ты избрал,

Воистину я не пренебрегал,

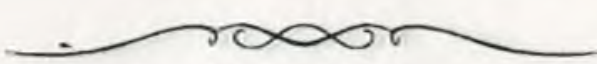
Словно отец, ты его мне дал!

Не скупился на праздничные жертвы тебе,
*Но призрачно было то хождение! **
Что же ныне содеяно мною?
Нет суда справедливого над моею виною!
Судьба на мою стезю пришла,
К разрушению меня привела,
Благих предсказаний не дала!
Воистину бог враждебный принес ту скверну,
30.(16) Когда благополучию дома
Свой приговор изрекло небо!
Нет греха во мне для столь тяжелой кары,
А меня перед ним — грудь к груди поставил!

Вздыхая, стная, лежу я на ложе,
Заливаюсь слезами.
Мое тело дородное *бьет поклоны* —
К земле клонюсь и снова сажусь,
Слюна *изо рта* уходит в землю,
40.(23) Черты мои исказились.
Лежанье ослабило мои ноги,
Жизнь моя от меня уходит!
Сияющий день мешается с ночью,*
Воистину ждет меня могила!

Писец я, так отчего же
Мое знание ядом в меня входит?
Мои руки письма убегают,
Уста оставили разговоры.
Не старец я, а слышу плохо,
50.(27) Глаза мои зоркие потускнели!
Словно ученик пивовара,
Я печать не могу поставить,
Словно повозка на крутом подъеме,
Чье разбито дышло, на дороге брошен.
Словно тот подмастерье, что секрет хозяйский
Унес из дому, так я поруган!
Мой знакомец ко мне не подходит,
Слова доброго мне не скажет!
Друг мой не дает мне совета,
Сердца мне не успокоит.

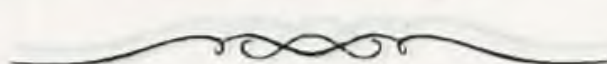
60 (31) Злословец доводит меня до петли,
О, сколь судьба моя враждебна!
Боже, на тебя уповаю,
Что делать человеку?

Муж я, так отчего же
Меня во лживости поселили?
Гнездо плетеное — мой дом,
Не для меня его услады!
Мой дом, что я строил и строил,
Кирпичом не облицован!
70 (36) Словно деревце чахлое, что взросло в дурном месте,
Плодов не приношу я ныне,
Словно пальма, что выросла у презграды,*
Я не раскинул мои ветви.

Молод я, а дней моих нету,
Доколе может такое длиться?
Доколе мне во прах катиться?
Без отпа-матери я оставлен,
Кто принесет тебе мои молитвы?
Где родни моей нет, там я раздавлен,
Кто воздаст тебе мои жертвы?

80 (41) Дамгальнуна, любимая твоя супруга,
Как родимая матушка, пусть тебе принесет,
Пусть войдет к тебе с моим плачем!
Асалимнуна, дитя Энгуры,
Как родимый батюшка, пусть тебе принесет,
Пусть войдет к тебе с моим плачем!
Вопли сердца мои пусть тебе перескажет,
Пусть войдет к тебе с моим плачем!

Вот грех мой я тебе несу —
90 (47) Очисти же меня от скверны!
Там, где ныне я ниспровергнут,
Взгляни на меня, возврати дом отчий!
Когда же из тьмы поведешь меня к свету —
Во вратах твоих, где грехи отпускают,
Я воистину поселюсь,
О, как я буду тебе молиться!
Я выдерну грех мой, словно нитку,
Твое могущество я восславлю!

100.(52)

Там, где тяжкие прегрешенья
 Ты прощаешь, тебе взмолюся.
 Вырви ж меня из могильной пасти,
 Убереги жизнь от погребенья!
 К людям да поднимусь, сияя,
 Пусть вся Страна про то проведает!
 Боже, я в трепете благоговейном
 Под сверканьем твоих излучений!
 Милостив будь к моему посланью,
 Что пред тобою положил я!

Да возвратится на свое место
 Сердце моего бога!"»

ГОСПОЖА АРУРУ, ЧТО ВО ХРАМЕ КЕША...

Восхваление богини Аруру

Госпожа Аруру, что во храме Кеша,*
 Во горе пречистой уродилася, —
 Нинту, мать всех земель всемогущая!
 Мать Нинту, госпожа Аруру, что во храме Кеша,
 Во горе пречистой уродилася, —
 Нинту, мать всех земель всемогущая!

Львиною гривой нимбов сияет,*
 Верховнослужителя порождает,
 храмослужителя порождает.*

Царя для престола сго могучего
 Нинту воистину порождает.

10

Нинту львиною гривой нимбов сияет,
 Верховнослужителя порождает,
 храмослужителя порождает.

Царя для престола сго могучего
 Нинту воистину порождает.

Отец твой, что нимбы в сиянье вознес,*
На главу Нинту возложил,
Излучение чар ее установил.
Мать Нинту, отец твой, что нимбы в сиянье вознес,
На главу Нинту возложил,
Излучение чар ее установил.

Это — сакунда.

Госпожа — соревновательница во вселенском княжении,
Госпожа-рождение-порождение,*
Княжье из глубы Абзу решение —
Эпилю, Могучему Утесу, соперница.

Нинту, госпожа-соревнительница
во вселенском княжении,
Госпожа-рождение-порождение,
Княжье из глуби Абзу решение —
Эылилю, Могучему Утесу, соперница.

Корова о теленочке громко кричит,
Мать Нинту по плачу тому ей его пошлет.
Мать Нинту, госпожа всевышняя кельская,
Энлилю, Могучему Утесу, соперница.

Нинту, корова о теленочке громко кричит,
Мать Нинту по плачу тому ей его пошлет,
Мать Нинту, госпожа всевышняя кешская,
Энлилю, Могучему Утесу, соперница.

Жилища престольные, светлостойные
 сама себе множит она,
Матерь Нинту, часовни — ее проживание,
Ее Сути могучие — злато чистое,
 украша людей многочисленных,
Верховнослужение, царствоустройство —
 Энлиля установление.*

Нинту, жилища престольные, светлостойные
сама себе множит она,
Матерь Нинту, часовни — ее проживание,

Ее Сути могучие — злато чистое,
украша людей многочисленных.

Верховнослужение, царствоустроенное —
Эпилия установление.

Это — сагарра.

Песнь под литавры для Нинту.

*Колофон: и пусть Ашшур и Нинлиль ниспровергнут.**

имя его, потомство его

пусть в стране уничтожат.

В Ниппуре написано и сверено.

КАК МНОГО ОВЕЦ, КАК МНОГО КОРОВ!

Гимн-песнь богу луны Зуэну

Как много овец, как много коров!

В загонах Зуэна как много их!

Черные — словно камень синий, сияют.

Белые — лунным лучом сверкают.

Маленьких — словно зерно, ты рассыпал,

Больших — как быков, ты себе умножил.

В стадах несметных, в хлевах бесчисленных

Он блеск небес стрекалом бычьим раскрыл.*

Он молоко коров удоиных на стол излил.*

Он молоко руками-лучами *высоко вознес.**

Мой господин, те дела закончив,*

Зуэн лазуритовым стрекалом коров погоняет.

Коров он бьет, он коров оживляет.

Он пастырство над ними правит.

Родимая матушка его, Нинлиль, Ниппура хозяйка,*

Во поле чистом господину, она творит ему моление:

«Вот моление, пастырь, вот моление!

Чисто поле доброе, оно тебе коров да множит!

Когда ночное покинешь ложе,
В Экуре, святыне великоленной,
воистину дашь ты там рождение!»

Ибо он его любимец, ибо он его любимец.*

Владыка, он Экура любимец.

Он Энлилева услада,

Зуэн, вошь матушки родимой!

Родимая матушка от любви

Нежно так Зуэну молвит:

«Любимец, сердца утешитель,

Зуэн, теленочек лазурный,

что на коленях святых разросся!

Все, что сердцем ты возжелал,

Все лучшее в сердце ты сложил.

Ночи страж, подпорка Экура,*

На коленях святых Элилия пожелай ты себе, что хочешь!

Ты в небе рождаешь великолепье,

Песнь твою пусть Экур произносит,

Жизнь твою пусть народ измеряет,*

Когда ты, Зуэн, плывешь в мироздании».

Молоко коров *отборных* он на стол излил.*

Зуэн порядки в омовениях пречистых вывел:

«Вот все, что я, сияя, сотворил.

Элиэль, отец мой, благостно да вкушает!»

Владыке, что в небе ладью святою плывет,

Матушка радостно, нежно молвит:

«Бык мой, Аном избранный праведно,

Имя твое всем странам сладостно.

Владыка хлебов-загонов пресветлых,

ОМОВЕНИЙ СВЯТЫХ ПРЕЧИСТЫХ!

Семя ты святыни пречистой, ты лазурное стрекало!

Дитя богатырское, Нинилиль рожденное.

Нанна, нивы семя излитое, небесами любимое.*

Ан Шүмер пасти тебе доверил.

Эншль призвал твое имя доброе.

Сын колен Энлиля благостных!
 Ан тебе царство дал своим сердцем возвышенным!
 Город твой Ур, нутром твоим верно избранный,
 Рыб-птиц иссет тебе поток его могучий.

Ты первенец Энлиля, Страны верховнослужение,
 Небес господство-владычество тебе он даровал!

Боже, прелестью какой наполнил небо ты!
 Лунный твой луч искрист, блескуч!
 Словно солнышко ты, пастушок страны!»*

60

Нанне, царю что сиять будет вечно,
 Это песнь *баль-баль* Зуэна!

НАННЕ, ПЕРВОРОДНОМУ СЫНУ ЭНЛИЛЯ...

Письмо шумерскому богу луны Нанне

Нанне, первородному сыну Энлиля,
 молитвы любящему,

Так скажи:

«Владыке, чей лунный свет далеко распростерт,

властелину венца небес и земли, —

О господин, ты, кто любит жизни людские,

черноголовых отец,

Царь милосердный,

Бог милосердный, себя изменяющий,*

молитве внимающий!»

И так ему дальше скажи:

«Совершенен во власти, ты истинно

носишь венец господства!

О, сколь князеи устрашающий лик твой

и весь твой облик прескрасный!

Величье твое покрывает чуждальные страны,

Блеск твой лучистый чистое небо покрыв,

Твой сияющий свет сверкающим блеском наполнен,

Над страной *Шумером* разносится!

10

От заката до солнечного восхода
ты царишь безраздельно! *
Ан, могучий владыка, дал тебе небо,
небо вложил в твои руки!
Ты владыка небес и земли, ты решаешь судьбы людские!»
<...>

ГЕРОЙ, ДРАКОН, ЖУТКИЙ, СВИРЕПЫЙ...

Восхваление бога Нинурты

Герой, дракон жуткий, свирепый,
сверканием ужасов осиянный,*
Нинурта, ураган воздымающийся, шквал бушующий.
Богатырь, кто геройскую силу имеет,
от кого враг не уходит,
Кто геройскую мощь получил с утробы,
кто соперников не имеет.
Эта часть — бар-суд.
О, град, где нету живой души,
стран мятежных ты разоритель,*
Нинурта, когда, словно яростный дикий зверь.
Ты идешь — от солнечного восхода до заката солнца
небо и земля сотрясаются,
Приговор, когда, словно величайший герой,
на мятежные страны
ты напускаешься,*
Днем ли бьешь или ночью вздымаешься —
ты мятежные страны
во прах кладешь.
Ты взор поднимаешь —
великих гор основания содрогаются.
Эта часть — шаба-тук.

Ты — желание сердца Нинлиль, бесконечно ею любимый,
Путям возрастания твоего радуясь, лучи устрашения
возносить дала тебе.

Есть ли тебе подобный бог, кто, как ты, сияя, восходит,
чье имя краев небес достигает?

Герою праведному, многочисленным народом избранному,
созданию Утеса Могучего,

Ур-Нинурте... *в радости праведно возглашать,**

В покорности на тебя взирать... ты воистину дал,

Престол лазурный сияющий истинно подарил,

Ур-Нинурте, к правлению коего годы

праздничные добавил,

Города его и селения, всюду, где живая душа имеется,

что изобилием ты наполнил, —

Черноголовые, как на солнце,

на тебя воистину да взирают!

Оружие, что непокорные страны истребляет,

что небо и землю

дрожать заставляет,

Ты воистину дал сму, *всех неуступчивых*

да пожрет оно, —

Утаулу, дай Ур-Нинурте руку к тебе в молитве воздеть!

Это — сагарра.

Герою могучему Ур-Нинурте даятелем помощи

воистину будь!

Повторение строки сагарры да будет.

Господин, Судьбы решение твое

ниспровергнуто да не будет,

Слова твои светлые да сбудутся!

Нинурта, господин, судьбы решение твое

ниспровергнуто да не будет,

слова твои светлые да сбудутся!

Ур-Нинурте жребий жизни добрый,

Судьбу прочную, неизменную,

присуди сму на веки вечные!

Это — адаб для Нинурты.

ГОСПОЖА — ЗВЕЗДА НЕБЕС СИЯНИЕМ

Прославление богини Нисабы богом Энки

I

Госпожа — звезда небес
Сиянием.

Лазуритовой таблички ты хранительница.

Нисаба,

Ты в загоне

Матери-Земли порождена.

Дикая коза, священо воспоенная,*

Молоком благословенным

Вскормленная,

10.(4) Струй благих

Ты разом семь

Пила.

Сутей главных,

Всех пятидесяти достойная,

Госпожа моя,

Вельможна ты

В Экуре.

Ты дракон,*

20.(7) Что в празднество,

Блистая, появляется,

Ты Стране — Аруру.*

Что от глины

Отщипывает,

Что покои водою прохладной

Успокаивает.

II

Щедростью Горы,*

Жена праведная,

Ты изречена,

30.(11) Светлым Разумом

Могучего Утеса*

Ты порождена.

- Жена праведная, грамотейка в небесах изрядная,
 Летописица
 Энлилева,
 Премудрейшая,
 Среди всех богов —
 40.(14) Дабы в борозде
 Травы-злаки *
 Вырастить,
 Аппан-хлебом,
 Чудом царственным
 Восхитить,
 Престолы великие,
 Семерицу всю
 Напитать, — *
 Всякая бы травушка в рост пошла,
 50.(18) Всякое бы зернышко да взошло —
 К жатве-празднику престольному
 Энлилеву.

III

- Во княжении
 Вельможном своем
 Тело омовением она очистит,*
 Одежанием священным праздничным
 Благостно
 Да покроется,
 Дабы жертвы,
 60.(21) Коих прежде не было,
 Упредить,
 Дабы урожая первого
 Вино
 Возлиять,
 Дабы бога Ку-...*
 Дабы бога Эн-...
 Поутешить,*
 Зерно, Хлеб,
 Богов милостивых
 Поутешить,
 70.(25) Жреца Великого
 Верховного
 Она назначит,

Празднество Эзен она назначит,
Жреца Великого
Верховного
В Стране
Посадит,
О дева Нисаба,
Дабы он тебя молитвою восславил!

IV

- 80.(28) Жертву
Чистую
Праведно да подготовит,
Дом премудрости*
Нисабы
Воистину он откроет.
Он табличку лазуритовую*
На колени
Ей положит.
90.(31) По табличке звездной неба,
Испросив у звезд совета,
Как в Аратте*
Эзагин — храм лазурный —
Для нее он поставил,
Так Эреш*
Великолепно
Ей воистину он построит
А Нисаба кирпичики
Маленькие ровные
На места кладет,
100.(35) Мудростью,
Искусностью
Щедро
102a Одаряет
Абзу, корону великую
Эредуга-града,
104a Где кумирни божии расставлены.*

V

Он, князь-государь,*
Княжею долей наделяющий,

- Землепапиец великий во княжении,
 Во храме великолепия,
 Плотник Эредуга-града,
 110.(39) Государь омовений очищающих,
 Жрец Верховный великого Образа Жречества,*
 Энки,
 Во храме Энгуры
 Воссedaющий,
 Себе Абзу в Эредуге
 Построивший,
 И Халанку,*
 Где советы держит он,
 Храм самшитовый
 120.(43) Топором себе вырубивший,
 Князь премудрости
 Со власами струйно-клубящимися,*
 Дом премудрости
 Открывающий,
 Двери мудрости
 Настежь распахивающий,
 Барабан великий
 Кедровый завершающий,
 Палочки пальмы финиковой *
 130.(48) Прикрепляющий,
 Во литавры
 Ударяющий,

VI

- О Нисаба,
 Матерь величайшая,
 Семь благословений
 Тебе он вымолвил.
 Нисаба,
 Жена праведная,*
 Жена благодная,
 140.(51) Жена, Горою рожденная,
 Нисаба,
 В загоне сливки воистину ты,
 Во стойле млеко воистину ты,
 Во сокровищнице —

Печатехранительница,
 Во Доме Великом —
 Домоправительница,
 В амбарах,
 В зернохранилищах —
 150.(55) Грудами зерна собирательница!
 А что, Государь,
 Ты Нисабу
 Ласково восславлял,
 Отец Энки,
 Хвала тебе,
 Пресветлая!

СВЕТЛОСТРУЙНОРОЖДЕННАЯ...

Гимн богине пива Нинкаси

Светлоструйнорожденная, ты вода светлоструйная,
 Нинхурсагою взлелеянная,
 О Нинкаси, светлоструйнорожденная,
 ты вода светлоструйная,
 Нинхурсагою взлелеянная.

Град твой, что на мягком воске стоит,*
 Воздвиг тебе стены могучие.
 О Нинкаси, град твой, что на мягком воске стоит,
 Воздвиг тебе стены могучие.

10 Энки-Нудиммуд — родитель твой,
 Нинти, Абзу госпожа, — родительница.
 О Нинкаси, Энки-Нудиммуд — родитель твой,
 Нинти, Абзу госпожа, — родительница.

Ты зерно проросшее большой лопатой сгребашь,*
 С травами душистыми закваску в чане мешаешь.
 О Нинкаси, ты зерно проросшее
 большой лопатой сгребашь,
 С травами душистыми закваску в чане мешаешь.

Ты закваску ту в печи большой печешь.
Зерно для солода в кучи собрано, очищено.*
О Нинкаси, ты закваску в печи большой печешь.
Зерно для солода в кучи собрано, очищено.

То зерно для солода ты землей покрываешь,
водой поливаешь.*

Псам-сторожам стеречь его доверяешь.
О Нинкаси, то зерно для солода ты землей покрываешь,
водой поливаешь.

Псам-сторожам стеречь его доверяешь.

Ты в котлы пивоварные солод с водой кладешь,
Волны падают, волны вздымаются.
О Нинкаси, ты в котлы пивоварные
солод с водой кладешь,
Волны падают, волны вздымаются.

На подстилки из тростника ты сусло кидаешь,*
Ты спеченное сусло прохладой обдаешь.
О Нинкаси, на подстилки из тростника ты сусло кидаешь,
Ты спеченное сусло прохладой обдаешь.

Ох и знатное пиво готовишь ты,*
Мед, вино смешав, ты по капле льешь.
О Нинкаси, ох и знатное пиво готовишь ты.
Мед, вино смешав, ты по капле льешь.

Пивоваришь воистину отменно ты,*
Для цежения пива ты чаны берешь.
О Нинкаси, пивоваришь воистину отменно ты.
Для цежения пива ты чаны берешь.

А цедильный чан так славно журчит,*
На дне кадки огромной воистину ты сама.*
О Нинкаси, цедильный чан так славно журчит.
На дне кадки огромной воистину ты сама.

Пивом цеженным в могучую кадку изливаешься ты —*
Тигра и Евфрата наводнение.
О Нинкаси, пивом цеженным
в могучую кадку изливаешься ты —
Тигра и Евфрата наводнение.

50 Пузатый жбан,*
Жбан-чан-кувшин,
Жбан, что печень веселит,
Кувшин, что сердце радует.

Расписной горшок — украшенья дома,*
Поливной горшок — для хранения пива,
И горшок-бычок, что хорош для слива из кувшина пива.
56a Трубочки камышовые, кружечки тростниковые,
Черпаки и ковши, вся кувшинная братия,
Все пригодно для питья.

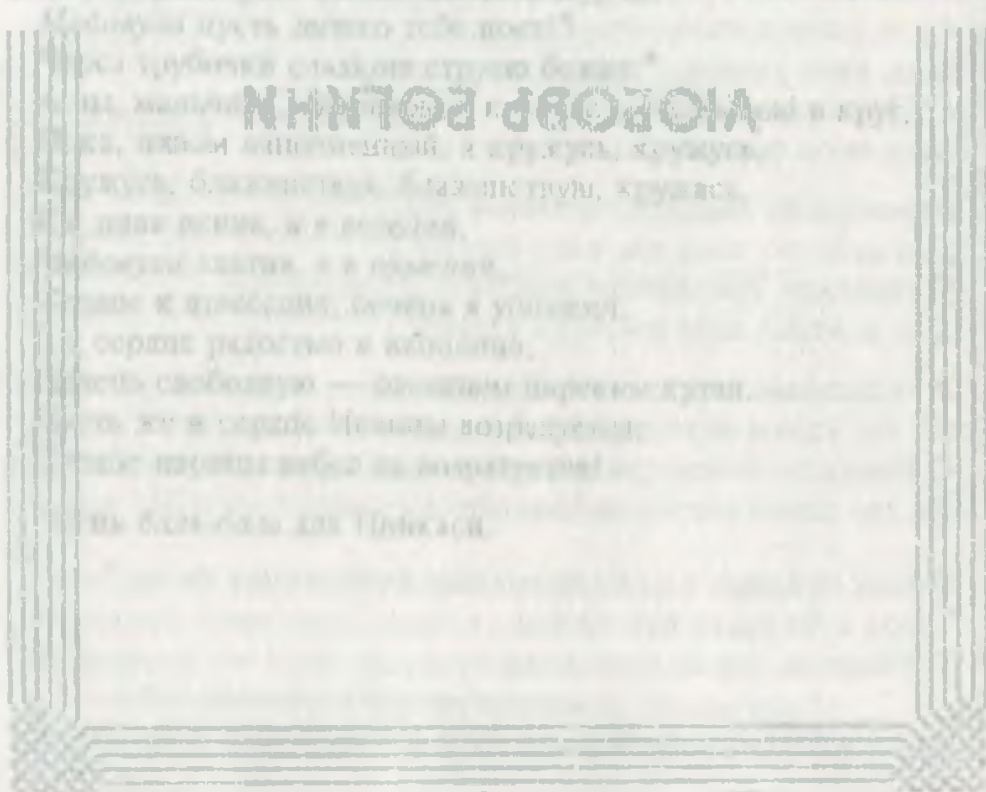
Пусть бог твой всегда о тебе хлопочет! *
Отверстия кружки — наши очи,*
60 Сердца наши — на дне чаши,
Что тебе услада,
То и нам отрада,
Смеется печень, и сердце радо.
На кирпич судьбы изольешь волнянине,*
А в душе своей храм возведешь ликования!
Нинкаси, только ты и даешь эту жизнь! *
Вино, пиво пусть всегда для тебя журчит!
Медовуха пусть звонко тебе поет! *
70 Через трубочки сладкою струею бежит.*
А вы, мальчики, пивовары и кравчие, — со мною в круг.
Пока, пивом наполненный, я кружусь, кружусь,
Кружусь, блаженствуя, блаженствуя, кружась,
Да, пива испив, я в веселии.
Медовухи хватив, я в охмелении,
Сердце я взвеселил, печень я ублажил,
Да, сердце радостью я наполнил,
Печень свободную — одеянием царским кутал.
Пусть же и сердце Игашни возрадуется,
Сердце царицы небес да возрадуется!

80 Песнь баль-баль для Нинкаси.

ЛЮБОВЬ БОГИНИ

РАЗГОВОР. ОН СЕСТРЕ ГОВОРIT ЛАСКОВО...

Спор между скотоводством и земледелием

Разговор. Он сестре говорит ласково,
Уту сестре говорит ласково:

«Хозяюшка, лен расцвел чудесно.*

Иванна, лен расцвел чудесно.

Зерно в борозде *взошло роскошно.**

Сестра, покрывало из льна *пробуждает желание.*

Иванна, покрывало из льна *пробуждает желание.*

Царь да *подарит тебе радость.**

Владыка загона да *подарит радость.*

Хозяюшка, стебли льна принесу тебе.

Иванна, стебли льна принесу тебе».

«Брат, когда стебли льна принесешь мне.

Кто отобьет их для меня, кто отобьет их для меня? *

Стебли эти, кто отобьет их для меня?»

«Сестра, того, кто отобьет, приведу.

Иванна, того, кто отобьет, приведу».

«Брат, когда приведешь того, кто их отобьет.

Кто спрядет их для меня, кто спрядет их для меня?

Стебли эти, кто спрядет их для меня?»

«Сестра, того, кто спрядет, приведу.

Иванна, того, кто спрядет, приведу».

«Брат, когда того, кто спрядет, приведешь.

Кто удвоит их для меня, кто удвоит их для меня,*

Нити эти, кто удвоит их для меня?»

«Сестра, того, кто удвоит, я приведу.
Инанна, того, кто удвоит, я приведу».

«Брат, когда приведешь того, кто удвоит,
Кто натянет их для меня, кто натянет их для меня?
Нити эти, кто натянет их для меня?»
«Сестра, того, кто натянет, я приведу.
30 Инанна, того, кто ватянет, я приведу».

«Брат, когда приведешь того, кто натянет,
Кто соткет их для меня, кто соткет их для меня?
Нити эти, кто соткет их для меня?»
«Сестра, того, кто соткет, приведу.
Инанна, того, кто соткет, приведу».

«Брат, когда приведешь того, кто соткет,
Кто окрасит их для меня, кто окрасит их для меня? *
Нити эти, кто окрасит их для меня?»
«Сестра, того, кто окрасит, я приведу.
40 Инанна, того, кто окрасит, я приведу».

«Брат, когда приведешь того, кто окрасит,
Кто ляжет со мною, кто ляжет со мною?»
«С тобой да возляжет, с тобой да возляжет,
Твой супруг с тобой да возляжет.
Амаушумгальанна с тобой да возляжет,
Кули-Энлиль с тобой да возляжет.
Отпрыск лона святого с тобой да возляжет.
Семя царского дома с тобой да возляжет».

«О пет, избранник моего сердца, избранник моего сердца,
50 Мой избранник, о ком мое сердце сказало,
Он без лопаты зерно сгребает.
Он закрома зерном заполняет.
Землепашец, он горы зерна взгромождает.
Пастух же в загоны овец загоняет».

«Как малая девочка, ты неразумна.*
Дева Инанна, загон пастуха — священен.
Над бороздой кто склоняется — тебе ли он пара?
Инанна, тот, кто следит за канавами, — тебе ли он пара?

(Около 5 строк разрушено.)

Супругом твоим пастух да станет!»*

Брат ее, герой Уту, воин,

Чистой Инанне так он молвит:

«Сестрица, да станет пастух тебе мужем!

Дева Инанна, отчего ты не хочешь —

Хороши его сливки, его молоко превосходно.

Все, что рука пастуха производит, — прекрасно.

Инанна, да будет Думузи тебе супругом!

Ты, кто сияющими камнями вся изукрашена,

отчего ты не хочешь?

Хороши его сливки, ты будешь их пить с ним вместе.

Ты, сень царей, отчего же ты не согласна?»*

«Да не будет пастух мне супругом!

Покрывалом из новой шерсти меня не покроет!

С ним вдвоем дабы лечь — не промолвлю ни слова!

Я, дева, да возьмет меня земледелец!

Землепашец, кто растит изобильные травы!

Землепашец, кто растит изобильные злаки!»

(Более 15 строк разрушено.) *

<...>

«Землепашец и я, землепашец и я.

Чем это лучше меня землепашец?

Энкимду, хозяин борозд и канав,

Чем это лучше меня землепашец?

Если он даст мне муки своей белой,

Я ему, землепашцу, дам овец моих белых.

Если он даст мне лучшего пива,

Я ему, землепашцу, молока дам густого.*

Если он даст мне сладкого пива,

Я ему, землепашцу, дам моей простокваши.

Если он даст мне пива цеженого,*

Я ему, землепашцу, дам взбитых сливок.*

Если он даст мне легкого пива,

Я ему, землепашцу, молока дам с травами.

Если он даст мне своих сладких фруктов,

Я ему, землепашцу, молока дам смешанного,

ото всех от тварей.*

Если он даст мне хлебов своих сладких,
Я ему, землепашцу, дам сыров медовых.
Если он даст мне фасоли мелкой,
Я ему, землепашцу, дам сыров своих мелких.
Больше, чем сможет он съесть,

больше, чем сможет он выпить,

Оливок дам я ему в избытке,
Молока густого дам в избытке!
Чем же лучше меня землепашец?»

По орошенным, по увлажненным,

по холмам-полям орошенным,

Пастух по полям орошенным,

Овец *провел* по полям орошенным,

пастух — по полям орошенным.

К пастуху на полях орошенных,

К пастуху землепашец *подходит*.

Землепашец Энкимду к нему *подходит*.

К Думузи хозяин канав и каналов *подходит*.

В степи пастух на равнине, он хотел завести с ним ссору.

Пастух Думузи в степи на равнине,

он хотел завести с ним ссору.

«Я и ты, о пастух, я и ты, о пастух,*

О чем нам с тобою спорить?

Да едят траву твои овцы на земле орошенной,

Твои овцы по нивам моим пусть проходят.

Хлеб едят, на нивах Урука пасутся.

Твои ягнята, твои козлята в канале моем Исуругале
да напьются».

«Я пастух, и на моей свадьбе

Землепашец воистину другом мне станет!

Землепашец Энкимду — моим другом,

землепашец — моим другом,

Воистину он мне станет!»

«Я принесу тебе пшеницы, я принесу тебе фасоли,

Чечевицы, зернышек ее чистых, воистину я тебе принесу!

Тебе, дева, все, что приносят,*

Деве Инанне *с мол драгоценных для благовоний*
я принесу».

В споре пастуха с землепашцем,*
Дева Инанна, сладка хвала тебе!

Для исполнения.

ЕСЛИ БЫ НЕ МАТЬ МОЯ...

Песня о любви Инанны и Думузи

«**Е**сли бы не мать моя,
на улицу и в степь тебя бы прогнали!
Герой! Если бы не мать моя, на улицу и в степь
тебя бы прогнали!
Если бы не мать моя Нингаль, на улицу и в степь
тебя бы прогнали!
Если бы не Нингикуга, на улицу и в степь
тебя бы прогнали!
Если бы не брат мой Уту, на улицу и в степь
тебя бы прогнали!»
«Девушка, не заводи ссоры!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Инанна, не заводи ссоры!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Мой отец твоего не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Мать моя твоей не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Гештинанна сестры твоей не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Сам я бога Уту не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!
Бог Энки Зуэна не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Богиня Туртур Нингаль не хуже!
Нинэгалла, посоветуемся спокойно!»
Речи, что сказаны, — речи желанья!
С ссорю в сердце вошло желанье!

«Драгоценный камень! Драгоценный камень!

Пусть он просверлит

драгоценный камень!

Амаушумгальанна! Пусть он просверлит

драгоценный камень!

Драгоценный камень! Драгоценный камень!

Он просверлил драгоценный камень!

Драгоценный камень! Драгоценный камень!

Он просверлил драгоценный камень!

Он наполнил влагой кровлю,

он наполнил ей влагой кровлю!

Он наполнил влагой стены,

он наполнил ей влагой стены!»

Его супруга, владычная жрица, Амаушумгальанне молвит:

«Камни просверлены, камни просверлены,

кто ей просверлил

драгоценный камень?

Амаушумгальанна, кто ей просверлил

драгоценный камень?

Драгоценные камни, их мелкие зерна — дивным ноздрям?

Драгоценные камни, их крупные зерна — дивной груди?»

Амаушумгальанна владычной жрице отвечает:

«Отныне она — владычная жрица!

Отныне она — моя супруга!»

Светлая Инанна, молучая жрица!

Он ей просверлил

драгоценный камень!

Драгоценный камень! Драгоценный камень!

Пусть он сверлит

драгоценный камень! *

Амаушумгальанна! Пусть он сверлит

драгоценный камень!

Камни просверлены, камни просверлены,

кто ей просверлил

драгоценный камень?

Амаушумгальанна, камни просверлены!

Кто ей просверлил

драгоценный камень?

«Он, созданный для меня! Он, созданный для меня! *

Темво-синий камень — его борода!

Дикий бык, Аном созданный для меня!

Темно-синий камень — его борода!»

«О дикий бык! Его борода — темно-синий камень!

Его борода — темно-синий камень!»

Эта песнь-дургар Инанны!

Написана палочкой из тростника!

КОГДА Я, ГОСПОЖА...

Песня о любви Инанны и Думузи

Когда я, госпожа, в небесах сияла,

Когда я, госпожа, в небесах сияла,

Когда я сияла, когда я плясала,

От рассвета до заката песни распевала,

Напротив меня, напротив меня,

Господин Кулианна встал напротив меня!

Господин мою руку сжал,

Ушумгальанна обнял меня!

«Оставь меня, Дикий Бык! Я должна идти домой!

Оставь меня, Кули-Энлиль! Я должна идти домой!

Что я матушке моей скажу-солгу,

Нингаль, матушке моей, скажу-солгу?»

«Дозволь научить тебя, дозволь научить тебя!

О Инанна, хитрейшая! Дозволь научить тебя! —

"Подруга моя завлекла меня гулять,

Попеть-погулять, под бубен поплясать!

Ах, как песни ее хороши — она распевала для меня!

Ах, веселилась я от души — до рассвета веселилась я!"

Родимой матушке своей ты так скажи, ты так солги!

А мы с тобою в лунном сиянье

будем ласкать-обнимать друг друга!

Я приготовлю светлое ложе,

роскошное ложе, царское ложе!

Ах, пастанет сладкое время, ах, придет веселье-радость!»

Сагидда — песня эта!

Я, дева, хожу по улице,
 Хожу по улице в сиянии дня,
 Я, Инанна, хожу по улице,

Оборот:

Хожу по улице в сиянии дня!

(Строки 2—3 разрушены.)

К воротам матушки пришла,
 И вот я в радости хожу.
 К воротам матушки пришла,
 И вот я в радости хожу.
 К воротам Нингаль подошла,
 И вот я в радости хожу.
 Матушке он скажет слово,
 Кипарисовое масло изольет на землю.
 Матушке Нингаль он скажет слово,
 Кипарисовое масло изольет на землю!
 Ароматов полно жилище его!
 Ласки полно слово его!
 Мой господин достоин светлого лона!
 О Амаушумгальанна, зять Зуэна!
 Владыка Думузи достоин светлого лона!
 О Амаушумгальанна, зять Зуэна!
 О господин, как сладко твоё желание для души!
 В твоей степи твои травы, твои злаки как хороши!
 Амаушумгальанна, сладко желанье твоё для души!
 В твоей степи твои травы, твои злаки как хороши!

Сагарра — песня эта,
 под барабаны песня эта — Инанне!

Я СТАНОВЛЮСЬ ВСЕ БЛЕДНЕЙ И БЛЕДНЕЕ...

Диалог брата и сестры

(Первые 13 строк разрушены.)

«Я становлюсь все бледней
и бледнее...

(Строка 15 разрушена.)

О брат мой, только я вышла, только я вышла,
Только я на улицу вышла,
Только я на улицу вышла,
Инанна моя меня увидала.

О брат мой, и что она молвила мне,
и что она добавила мне!

Это — радость! Это — сладость! Это — милость!

Светлая Инанна моя сама мне открылась!

"Послу очей моих — передай!"

О прекрасный мой, она дала ответ!

Прелесть свою к тебе приблизит,
сама она тебе возрадуется!

О братец, в дом свой меня ввела!

На ложе сладкое меня возложила!

Рядом, у сердца, со мной возлегла!

И мы болтали — одна за другой, одна за другой!

О брат мой прекрасный, она тосковала!

Слабость ее я узнала!

Свое волнение она выдала!

Братец, к бедрам ее обрати взоры!

О мой ясноликий! Проведи с ней время!»

«Пусти меня к ней, о сестра, пусти меня к ней!

Сестра любезная, к ней во дворец, пусти меня к ней!

Для отца моего я всего лишь мальчик!»

«Пусть богиня узнает, что ты мужчина, — иди!»

СЕСТРИЧКА, ЗАЧЕМ ТЫ ЗАКРЫЛАСЬ В ДОМЕ?

Любовный диалог

«Сестричка, зачем ты закрылась в доме?

Мальшка, зачем ты закрылась в доме?»

«Я водою омылась, мыльным корнем натерлась.

Я водою в чане блестящем омылась.

С мыльным корнем в сверкающем чане я мылась.

Благовонием из каменного сосудика

я с наслаждением умастилась.

Одеяние царское, *Инанне* милое, я надела.

Вот зачем я сокрылась в доме.

Я глаза подвела душистою краской.

10 На затылке *прическу* привела в порядок.

Кудри распущенные уложила.

Мое оружие власти сладостной он ныне знает,

Мои губы дрожат, я их успокоила.

Принарядилась, прихорошилась,

Сзади и спереди приукрасилась.

Золотыми браслетами унизала руки.

Маленькими бусинками обвила шю.

Изнутри жилкою их скрепила».

«Сестра, я несу для сердца сладость.

20 Твоему сердцу — влюбленное сердце.

Твоя *Инанна* дала тебе женские чары,

Сестра сияющая, сладость родимой матушки.

О сестра моя, кому пять хлебов я принес.

Сестра моя, кому десять хлебов я принес.

Твое изваянье, что тебя достойно,

Сестра сияющая, тебе принесу на радость».

«Брат мой, что из дворца вышел.

Пусть певцы начнут свои песни.

...мое питье, мое пиво...

30 Оттого да возрадуется он сердцем,

Оттого да возрадуется он сердцем!

Пусть он принесет, пусть он принесет,*

Масла и сливок самых лучших,
давай, пусть он принесет!»
«Сестричка, да войду я в дом со всем этим!
Словно овце, что приносит ягненка,
дозволь мне принести все это!
Сестричка, да войду я в дом со всем этим!
Словно козе, что приносит козленка,
дозволь мне принести все это!
Сестричка, да войду я в дом со всем этим!
Как овца с ягнятами самыми лучшими это будет!
Сестричка, да войду я в дом со всем этим!
Как коза с козлятами пестроцветными это будет!
Сестричка, да войду я в дом со всем этим!»
Как сразу же грудь моя затрепетала,*
Волоски поднялись на лоне разом!
Дабы лоно желанного дарением возрадовать,
О, давайте возвеселимся!
Пляшите, пляшите!
Бау, ради твоего лона,
Давайте же возвеселимся!
Пляшите, пляшите!
А завершение — ему да в радость, ему да радость.
Это — песнь *баль-баль* Инанны.
Пусть он принесет, пусть он принесет,
Масла и сливок самых лучших, давай,
пусть он принесет!»
Повторенье строки да будет.

О МОЯ ЛУБИ-ЛУБИ-ЛЮБА...

Диалог влюбленных

«О моя луби-луби-люба,*
О моя лаби-лаби-лада, родимой матушки услада!
О вино мое живящее, мед пьянящий мой,
о ты, сладость уст своей матушки!

Очей твоих взгляды пристальные приятны мне,
приди, сестра моя любимая!
Твоих уст приветы приятны мне, о ты,
сладость уст своей матушки!
Твоих губ поделуи на груди моей приятны мне,
о, приди, сестра моя любимая!
О сестра моя, зерна пива твоего хороши, о ты,
сладость уст своей матушки!
Хмель вина твоего жгучего мне хорош,
о, приди, сестра моя любимая!
Дом услад твоих приятен мне, о, ты,
сладость уст своей матушки!
10 О сестра, услады твои хороши, о, приди,
сестра моя любимая!
Дом твой, истинный дом моих радостей, о ты,
сладость уст своей матушки!»
«О ты, царский сын, брат с прекраснейшим ликом,*
О, пока ты живешь, о, пока ты живешь,
злой судьбе тебя обрекаю!
О брат, кто на окраине городской живет,
злой судьбе тебя обрекаю!
Чужак, кого взмахом руки не приветят,
злой судьбе тебя обрекаю!
Чужак, кого словом уст не приветят,
злой судьбе тебя обрекаю!
Ты, кто с лона новую мою совлек одежду,
Мой любимый, человек моего сердца,
Воистину злую, воистину злую судьбу на тебя навлекаю,
19a О мой брат с прекраснейшим ликом!
20 О брат мой, злую судьбу на тебя навлекаю,
20a О мой брат с прекраснейшим ликом!
Свою правую ты возложил мне на лоно,*
Твоя левая под моей головою,
Уста твои к моим стремятся,
Мои губы твоим упиваются ликом.
О ты! Оттого-то злой судьбе тебя обрекаю!
Оттого-то, о дракон женщин, о мой брат
с прекраснейшим ликом!»
«О, сладость моего наполнения,
о, сладость моего наполнения!»*

«О, желание твоё сладко!»

«О, сладость моего наполнения,

о, в абрикосовом саду!»

«О, желание твое сладко!»

«О, в абрикосовом саду.

О, воздымания моего плод!»

«О, желание твое сладко!»

«Она сама Думузнабзу!»

«О, желание твое сладко!

О, острое золотое море,

О, ОСТРИЕ ЗОЛОТОЕ МОЕ,

О, желание твое сладко!

Острие-алебастр, лазурита печати крепление,

О, желание твое сладко!»

Это песнь баль-баль Иванны.

**С ВЕЛИКИХ НЕБЕС
К ВЕЛИКИМ НЕДРАМ...**

Нисхождение Инанны в подземный мир

С Великих Небес к Великим Недрам
помыслы обратила.*

Богиня с Великих Небес к Великим Недрам
помыслы обратила.

Иванна с Великих Небес к Великим Недрам
помыслы обратила.

Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
в нутро земное она уходит.

Иванна покинула небо, покинула землю,
в нутро земное она уходит.

Жреца власть покинула, власть жрицы покинула,
в нутро земное она уходит.

В Уруке храм Эану покинула, в нутро земное она уходит.*

В Бадтибире Эмушкаламу покинула,
в нутро земное она уходит.

10

В Забаламе Гигуну покинула, в нутро земное она уходит.

В Адабе Эшару покинула, в нутро земное она уходит.

В Ниппуре Барадургару покинула,
в нутро земное она уходит.

В Кише Хурсангаламу покинула,
в нутро земное она уходит.

В Аккадэ Эульмаш покинула, в нутро земное она уходит.

Свои тайные силы — их семь — собрала.

Собрала силы, в руке зажала.

Свои тайные силы у ног сложила.

На ее голове — венец Эдена, «Шугур».

На ее челе — налобная лента «Прелесть чела».*

20

В ее руках — знаки владычества и суда.*

Ожерелье лазурное обнимает шею.

Двойная подвеска украшает груди.*

Золотые запястья обвивают руки.

Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».

Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.

Притирашем «Приди, приди» подведены глаза.

Инанна в подземное царство идет.

Ее посол Ниншубур с нею рядом идет.*

Светлая Инанна говорит Ниншубуру:

«Гонец мой, гонец!

30

Глашатай слов милосердных моих!

Вестник слов *быстрокрылых* моих!

Когда в подземный мир я сойду,

Когда в подземный мир я войду,

На холмах погребальных заплачь обо мне,

В доме собраний забей в барабан,

Храмы богов для меня обойди,

Лицо расцарапай, рот раздери,

Тело ради меня изрань,

Рубище, точно бедняк, надень!

40

В Экур, храм Энлиля, одиноко войди.

Когда в Экур, храм Энлиля, войдешь,

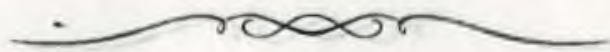
Перед Энлилем зарыдай:

"Отец Энлиль, не дай твоей дочери

погибнуть в подземном мире!

Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом

в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик
в подземном мире!

Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!

Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!"

И когда Энлиль на эти слова не ответит, в Ур иди! *

В городе Уре, в Эмудкаламе,

В Экишнугаль, к Нанне войдя,

Перед Нанной зарыдай:

"Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть

в подземном мире!

Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом

в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик

в подземном мире!

Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!

Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!"

И когда Нанна на эти слова не ответит, в Эреду иди!

Когда в Эреду, в храм Энки войдешь,

Перед Энки зарыдай:

"Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть

в подземном мире!

Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом

в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик

в подземном мире!

Деве-владычице не дай погибнуть

в подземном мире!"

Отец Энки мудр и могуч,

Травы жизни знает он, воды жизни знает он,

Он меня и оживит!"

Инанна в подземное царство идет,

Ниншубуру, послу своему, говорит:

«Ступай, возвращайся, Ниншубур!

Моих наказов не забывай!»

Инанна ко дворцу, лазурной горе, подходит,

Ко вратам подземного царства спешит, полна гнева,

У врат подземного царства кричит гневно:

«Открой дворец, привратник, открой!

Открой дворец, Нети, открой, и к единой моей

я да войду!»

Нети, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:

80

«Кто же ты, кто?»

«Я — звезда солнечного восхода!»*

«Если ты — звезда солнечного восхода,

Зачем пришла к "Стране без возврата"?

Как твое сердце тебя послало на путь,

откуда нет возврата?»

Светлая Инанна ему отвечает:

«К великой владычице, Эрешкигаль,*

Ибо мертв Гугальбанна, ее супруг, —

Погребальные травы ему воскурить.

Погребальное пиво ему возлить.

Воистину так, воистину так!»

90

Нети, главный страж царства,

Светлой Инанне отвечает:

«Постой, о Инанна, моей госпоже о тебе доложу!

Моей госпоже Эрешкигаль о тебе скажу, о тебе доложу!»

Нети, главный страж царства,

К Эрешкигаль, своей госпоже, приходит и так говорит:

«О госпожа моя! Там дева!

Богам подобна величием и статью.

Перед воротами "Страны без возврата".

В Эане оставила свои владенья.

<...>

100

Свои тайные силы — их семь — собрала.

Собрала силы, в руке зажала.

Свои тайные силы у ног сложила.

На ее голове — венец Эдсна, "Шутур".

На ее челе — налобная лента "Прелесть чела".

В ее руках — знаки владычества и суда.

Ожерелье лазурное обнимает шею.

Двойная подвеска украшает груди.

Золотые запястья обвивают руки.

Прикрыты груди сеткой "Ко мне, мужчина, ко мне".

110

Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.

Притираньем "Приди, приди" подведены глаза».

Эрешкигаль ударила себя по ляжкам,

112a

В лице изменилась, за голову схватилась.

Нети, главному стражу царства, дает наказы:

«О Нети, главный страж царства,
То, что скажу я, да не преступишь!
Подземного мира семь *отодвинь* засовов,
Во дворце Ганзира, *что пред подземным миром* первый,
врата раствори!

И ее, когда она войдет
И, склонясь, приблизится, *сама я встречу».*

120 Нети, главный страж царства,
Слова своей госпожи славит.
Подземного мира семь отодвинул засовов,
Во дворце Ганзира, что пред подземным миром первый,
врата растворил.

Светлой Инанне молвит так:

«Войди же, Инанна!»

И у нее, когда вошла,
Венец Эдена, «Шугур», снял с головы.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

130 Инанна, во время подземных обрядов молчи!»*

И когда вошла во вторые врата,

Знаки владычества и суда у нее отобрал.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла она в третьи врата,

Ожерелье лазурное с шеи снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

140 Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в четвертые вошла врата,

Двойную подвеску с груди ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в пятые вошла врата,

Золотые запястья с рук ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

150 Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в шестые вошла врата,

Сетку «Ко мне, мужчина, ко мне» с груди ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в седьмые вошла врата,

Поязку, одеянье владычиц, с бедер снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

160 Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И она вошла и, склонясь, приблизилась.

161a Сестра ее вскочила с трона.

Затем снова на трон уселась.

Семь судей-Ануннаков пред нею суд вершат.

На Инанну взглянула — взгляд ее смерть!

Слова изрекла — в словах ее гнев!

Крик издала — проклятья крик!

Ту, что вошла, обратила в труп.

Труп повесила на крюк.

Когда прошло три дня и три ночи,*

170 Ниншубур, ее посол.

Глашатай слов милосердных ее,

Вестник слов быстрокрылых ее,

На холмах погребальных заплакал о ней,

В доме собраний забив в барабан,

Храмы богов для нее обошел,

Лицо расцарапал, рот разодрал,

Тело изранил ради нее,

Рубище, точно бедняк, надел.

В Экур, храм Энлиля, одиноко побрел.

180 Когда в Экур, храм Энлиля, вошел,

Перед Энлилем зарыдал:

«Отец Энлиль! Не дай твоей дочери погибнуть

в подземном мире!

Светлому твоему серебру не дай покрывшись прахом

в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик

в подземном мире!

Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!

Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»

Отец Энлиль Ниншубуру отвечает:

«Дочь моя Великих Небес возжелала,
 Великих Недр возжелала,
 Инанна Великих Небес возжелала,
 Великих Недр возжелала,
 Подземного мира всесильны законы,
 вековечны ему приношенья,
 Кто же здесь о ней скажет, за нее замолвит слово?»
 Отец Энлиль на мольбы его не отзывался,
 и в Ур он пошел.

В Уре, в Эмудкаламе,
 В Экипшугаль к Нанне войдя,
 Перед Нанной зарыдал:
 «Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть
 в подземном мире!
 Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом
 в подземном мире!
 Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик
 в подземном мире!
 Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
 Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»
 Отец Нанна Ниншубуру отвечает:

«Дочь моя Великих Небес возжелала,
 Великих Недр возжелала,
 Инанна Великих Небес возжелала,
 Великих Недр возжелала!
 Подземного мира всесильны законы,
 вековечны ему приношенья,
 Кто же здесь о ней скажет, за нее замолвит слово?»
 Отец Нанна на мольбы его не отзывался,
 и в Эреду он пошел.

В Эреду, к богу Энки войдя,
 Перед Энки зарыдал:
 «Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть
 в подземном мире!
 Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом
 в подземном мире!
 Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик
 в подземном мире!
 Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
 Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»

Отец Энки Ниншубуру отвечает:

«Дочь моя! Что с ней случилось? Я тревожусь!

Инанна! Что с ней случилось? Я тревожусь!

Владычица стран! Что с ней случилось? Я тревожусь!

Жрица небес! Что с ней случилось? Я тревожусь!»

Из-под ногтей своих грязи достал, кургара сделал,*

220

Из-под ногтей своих, крашенных красным, грязи достал,

галатура сделал.

Кургару травы жизни дал.

Галатуру воды жизни дал.

Отец Энки молвит кургару и галатуру:

«Ступайте, в подземный мир отправьтесь!»*

У врат подземных, как мухи, летайте,

У оси дверной, как змеи, вейтесь!

Мать-роженица в муках родов,

Эрепкигаль лежит и страждет!

Ее белые бедра не покрыты одеждой,

230

Ее груди, как чаши, ничем не прикрыты,

Ее голос, как звонкая медь, звенит,

Растрепаны косы, как лук-порей.

И когда она скажет: "Увы, утроба моя!" —

"О ты, кто страждет, госпожа наша, увы,

утроба твоя!" — так ей скажите!

И когда она скажет: "Увы, о лик мой!" —

"О ты, кто страждет, госпожа наша, увы,

о лик твой!" — так ей скажите!

"Кто вы, откуда?"

"От моей утробы — к твоей утробе, от моего лика —

к твоему лику!" — так ей скажите!*

"Если вы боги — наделю Словом,*

240

Если вы люди — награжу Судьбою!"

Душою небес, душою земли ее закланите,

Душою недр ее закланите!

Воду речную вам дадут — а вы не берите!

Зерно полевое вам дадут — а вы не берите!

"Труп с крюка отдай!" — скажите!

И один — травой жизни, и второй —

водой жизни тела ее коснитесь —

Восстанет Инанна!»

Галатур и кургар слова Энки славят.

У подземных врат, как мухи, летают,

У оси дверной, как змеи, вьются.

Мать-роженица в муках родов,

Эрешкигаль лежит и страждет,

Ее белые бедра не покрыты одеждой,

Ее груди, как чаши, ничем не прикрыты.

И когда застонала: «Увы, утроба моя!» —

«О ты, кто страждет, госпожа наша, увы, утроба твоя!» —

они сказали.

И когда застонала: «Увы, о лик мой!» —

«О ты, кто страждет, госпожа наша, увы, о лик твой!» —

они сказали.

«Кто вы, откуда?

Вы сказали: "От моей утробы — к твоей утробе!"

Вы сказали: "От моего лика — к твоему лику!"

Если вы боги — наделю Словом!

Если вы люди — награжу Судьбою!»

Душою небес, душою земли ее заклиали!

Душою недр ее заклиали.

Воду речную им дают — а они не берут!

Зерно полевое им дают — а они не берут!

«Труп с крюка отдай!» — сказали.

Светлая Эрешкигаль кургару и галатуру отвечает:

«Тело это — вашей госпожи!»

«Тело это нашей госпожи, воистину, отдай!» —

они сказали.

Труп с крюка они взяли.

И один — травой жизни и второй —

водой жизни ее тела коснулись.

Инанна встает.

Инанна из подземного мира выходит.

Ануннаки ее хватают.

«Кто из спускавшихся в мир подземный

выходил нсрядимо

из мира подземного?

Если Инанна покинет "Страну без возврата",

За голову голову пусть оставит!»

Инанна из подземного мира выходит.

И малые демоны «гала», как острые стрелы,*

- 280 И большие демоны «гала», как *разящие копы*,
Со всех сторон ее окружили.
Тот, кто пред ней, — не гонец, но жезл у него в руке.
Тот, кто за ней, — не боец, но оружие у него на боку.
Они, что за нею идут,
Они, что за Инанной идут,
Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Из объятий человека вырывают жену,
290 От груди кормилицы отрывают дитя.
Инанна из подземного мира выходит.
Инанна из подземного мира вышла.
И посол Нииншубур к ногам ее пал.
В пыль повалился, рубищем рваным одет.
Демоны светлой Инанне молвят:
«Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»
Светлая Инанна демонам отвечает:
«Глашатай слов милосердных моих,
300 Вестник слов *быстрокрылых* моих,
Мои наказы не преступал,
Мои приказы не забывал.
На холмах погребальных рыдал обо мне,
В доме собраний бил в барабан,
Храмы богов для меня обошел,
Лицо распарапал, рот разодрал,
Тело изранил ради меня,
Рубище, точно бедняк, надел,
Был в Экуре, доме Эвлиля,
Был в Уре, доме Нанны,
310 Был в Эреду, доме Энки,
Он вернул мне жизнь!»
«Что ж, пойдем в Умму, в Зигкуршагту пойдем!»
И вот в Умме, в Зигкуршагте,
Бог Шара к ногам ее пал.
В пыль повалился, рубищем рваным одет.
Демоны светлой Инанны молвят:
«Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»
Светлая Инанна демонам отвечает:
«Песни *пел* мне мой Шара,*
-

Стриг мне ногти, чесал кудри.
Оставьте его, не берите его!
 «Что ж, пойдем в Бадтибиру, в Эмушкаламу пойдем!»
 В Бадтибире, в Эмушкаламе,
 Бог Лулаль к ногам ее пал.
 В пыль повалился, рубищем рваным одет.
 Демоны светлой Инанне молвят:
 «Что ж, Инанна, вернись в свой город, а его мы схватим!»
 Светлая Инанна демонам отвечает:
 «Бог Лулаль, великий князь!

Со мною справа, со мною слева!

Оставьте его, не берите его!
 «Тогда пошли в Хашхургулэдэну, в Кулабе!»
 За нею в Хашхургулэдэне, в Кулабе идут по пятам.
 Думузи в одежде власти в царском покое сидит на троне.
 Демоны-«гала» его схватили.
 Семеро их — *его грудь разодрали, его кровь излили,*
 Семеро их — словно в горячке на него напали,
 Пастушью флейту, свирель его на глазах его разбили!
 Она на него взглянула — взгляд ее смерть!
 Закричала она — в словах ее гнев,
 Крик издала — проклятья крик:
 «Его, хватайте его!»

Светлая Инанна пастуха Думузи отдала в их руки.
 А они, те, что за нею шли,
 Те, что за Думузи шли,
 Не ведают голода, не ведают жажды,
 Муки просеянной не едят,
 Воды проточной они не пьют,
 Радости лону жены не дают,
 Милых детей не целуют они,
 Себе сыновей не рожают они,
 Невесток от свекровь уводят они!
 Думузи рыдает, позеленел!

«Я к Уту на небеса в мольбе взываю!
 О Уту, шурин ты мой, а я твой зять!
 В храм твоей матери я масло носил,
 В храм Нингаль молоко я носил!
 В лапы ящерицы руки мои преврати,*
 В лапы ящерицы ноги мои преврати.

360

От демонов моих ускользну я, не утащат они меня!»

И Уту внял его мольбам,

Как благодетель, оказал милость,

В лапы ящерицы руки его превратил,

В лапы ящерицы ноги его превратил.

Он от демонов ускользнул, не утащили они его.

<...>

В погоне за ним обходят страны,

Место его укрытия ищут,

Демоны руками размахивают,

Разверстые пасти исходят криком.

<...>

(1)

Малые демоны открывают пасти,

большим демонам молвят слово: *

«А ну, пойдём-ка к светлой Инанне!»

Демоны в Урук ворвались, светлую Инанну они хватают.

«Ну-ка, Инанна, вернись на путь, что сама избрала, —

в подземное царство отправляйся!

Куда сердце тебя посылало, вернись —

в подземное царство отправляйся!

В жилище Эрешкигаль вернись —

в подземное царство отправляйся!

Повязку светлую, одеянье владычиц, не надевай —

в подземное царство отправляйся!

Тиару светлую, венец приветный, сними с головы —

в подземное царство отправляйся!

Краску на глаза не накладывай —

в подземное царство отправляйся!

(10)

Сандалии на ноги не надевай —

в подземное царство отправляйся!

Когда из подземного мира ушла,

себе замены ты не нашла!»

С такими словами к светлой Инанне они ворвались!

Инанна в страхе в руку Думузи вцепилась.*

«О юноша! Ноги свои в кандалы продень!

О юноша! В ловушку бросься! Шсю в ярмо продень!»

И они крючья, шилья и копья подняли на него!

Медный огромный топор подняли на него!

О, юноша! Схватили его, повалили его,

Одежду его сорвали с него!

- (20) О, юноша! Руки скрутили ему,
веревкою злой обмотали его! *
Тканью страха закрыли лицо!
И юноша к Уту на небеса руки воздел:
«Уту, я же друг тебе! Меня, героя, знаешь ты!
Твою сестру я в жены брал,
А она в подземный мир ушла,
Она в подземный мир ушла,
Меня заменою отдала!
Уту, ты справедливый судья, да не схватят меня!
Руки мои измени, облик мой измени!
- (30) Из рук моих демонов ускользну я, не уташат они меня!
Горной змеею средь гор скользну,
К Гештинанне, сестре моей, душу мою принесу!»
Уту внял его мольбам,
Изменил его руки, изменил его лик.
Горной змеей он средь гор заскользил.
Думузи! Он соколом-птицей,
быстрою птицей понес свою душу,
И к Гештинанне принес свою душу.
Гештинанна взглянула на брата —
Расцарапала щеки, рот разодрала,
Оглядела — порвала на себе одежды,
Над стонущим юношей заголосила:
«О, брат мой, о, брат мой! О, юноша!
Пусть бы те дни не вернулись!
О, брат! О, пастух! Амаушумгальанна!
Пусть бы те дни не вернулись!
О, брат мой! Юноша! Без жены, без сына!
О, брат мой! Юноша! Без друга-товарища!
О, брат мой, юноша! Мать печалющий!» *
А демоны-«гала» ищут Думузи, окружают его.
Малые демоны большим демонам молвят слово:
«Демоны без-роду-без-племени, без-отца-матери,
без-сестры-брата, без-жены-сына!
Великое воинство, в часы заката ужас сеющее в мире!
Вы, демоны, человека хватающие!
Доброты-милосердия вы не знаете,
радости сердца вы не ведаете!
- (50)

*А ну, пойдём-ка! На его страхи, на его душу,
на его здоровье кто хочет глянуть?*

К другу его мы не пойдём, к его шуруну мы не пойдём,*
К Гештинанне за пастухом пойдём!»

Демоны размахивают руками, ищут Думузи.*

Разверстые пасти исходят криком.

Демоны к Гештинанне явились.

(60) «Где брат твой, скажи?» — спрашивают, а она молчит.
Близится небо, уплывает земля, а она молчит.

Земля приближается, небо ломается, а она молчит!

Земля приблизилась. Сорвали одежду, а она молчит!

Смолу на лоно ее излили, а она молчит!

Думузи в доме Гештинанны демоны не нашли.

Малые демоны большим демонам так молвят:

«А ну, пойдём-ка в священный загон!»

Нашли Думузи в священном загоне.

Окружили его, схватили его! Разыскали его, увидели его!

На юношу с криком накинулись, топором огромным
на землю повергли!

(70) Чрево ножами вспороли ему,
со всех сторон окружили его!

Сестра за брата к жертве готова.*

птицею вокруг брата кружится.

«О брат мой! На великие муки за тебя пойдё!

Мошкой слечу!»

<...>

III Дева Инанна так решила.*

<...>

VI По приговору Инанны свершилось.

VII Дева Инанна горько рыдает.*

VIII «Герой мой ушел, погублен!

IX Как теперь решать судьбы?

X Твой срок — половина года,

твоей сестры — половина года!

XI День твой да придет, и в день тот вернешься!

XII День твоей сестры придет, и в день тот она вернется!»

XIII Светлая Инанна за свою голову отдала голову Думузи!

XIV Светлая Эрешкигаль!

XV Хороша хвалебная песнь тебе!

В ЖАЛОБАХ СЕРДЦА...

Сон Думузи

В жалобах сердца он бежит по равнине.
 Юноша в жалобах сердца бежит по равнине.
 Думузи в жалобах сердца бежит по равнине.
 Посох за плечи закинул, начинает плач:
 «Плачь, о, плачь, о, плачь, равнина!
 Плачь, равнина, рыдай, болото!
 Раки в реке, плачьте-рыдайте!
 Лягушки в реке, громко вопите!
 Матушке моей голосить по мне!
 Матушке Туртур — голосить по мне!
 Матушке — где ее пять хлебов? — голосить по мне! *
 Матушке — где ее десять хлебов? — голосить по мне!
 Если о смерти моей не узнают,
 Скажи, равнина, родимой матушке!
 С меньшою сестрою меня да оплачет!»
 Как в *забытьи*, как в *забытьи*,
 Пастух лежал, как в *забытьи*,
 Пастух лежал, как в *забытьи*, — он видел сны.
 Он вскочил — то сон! Он дрожит — виденье!
 Он трет глаза. В тиши — смятенье.
 «Приведите ее, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
 Гештиванну мою, приведите ее, сестру мою,
 приведите ее!
 Грамотейку мою, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
 Певунью мою, приведите ее, сестру мою, приведите ее!
 Чародейку мою, меньшую мою, сестру мою, приведите ее!
 Ведунью мою, вещунью мою, сестру мою, приведите ее!
 Мой сон! Я расскажу мой сон!
 Во сне, сестра моя, во сне, мне во сне — виденье!
 Тростники вокруг меня взойшли,
 тростники вокруг меня выросли!
 Одинокий тростник надо мною верхушкой склонился!
 Из четы тростников, что растут вдвоем, один удалился!
 Деревья толпой *обступили* меня!
 На очаг мой священный льется вода!
 Маслобойку священную *рубит топор!*

Мой кубок священный свалился с гвоздя!

Мой посох пастуший бежит от меня!

Орел схватил ягненка в загоне!

Ястреб схватил воробья на плетне!

В пыли влачат мои козлята бородки синие! *

Бьют в овчарне мои овцы кривым копытом!

Маслобойка цела, но молоко не льется,

40

Кубок цел, но не живет Думузи!

Тростниковый загон развеян ветром!»

Гештинанна Думузи отвечает:

«Брат! Твой сон нехорош! Вот мое толкованье!

Думузи! Твой сон нехорош! Вот мое толкованье:

44a

Тростники вокруг тебя взопли,

тростники вокруг тебя взросли —

То убийцы тебя подстерегли!

Одинокий тростник над тобою верхушкой склонился —

То родимая матушка над тобою склонится!

Из четы тростников, что растут вдвоем, один удалится —

Это ты и я, и один из нас удалится!

50

Деревья толпой обступили тебя —

То злодеи в укрытнии схватят тебя!

На очаг твой священный льется вода —

Домом молчания станет загон!

Маслобойку священную рубит топор —

То злодеи руки тянут к ней!

Твой кубок священный свалился с гвоздя —

С колен матушки родимой падешь!

Твой посох пастуший бежит от тебя —

60

Малые "гала" его разломают!

Орел схватил ягненка в загоне —

Злодеи тебя по щеке ударят.

Ястреб схватил воробья на плетне —

Большие "гала" из хлева тебя уташат!

Маслобойка цела, но молоко не льется.

Кубок цел, но не живет Думузи.

65a

Загон тростниковый развеян ветром!

65b

Кисти твои охватят оковы!

Руки твои опутают пути!

В пыли влачат твои козлята бородки синие —

В вихре до небес разметаю косы!

Бьют в овчарне твои овцы кривым копытом —
Ногтями, словно острым гребнем,

из-за тебя расцарапаю щеки!»

Как только так она сказала,

«Сестра моя, взойди на холм!

Сестра моя, взойди на холм!

Сестра, когда взойдешь на холм,

Подобно тем, что взопли на холм,

Сердце свое, свой лик успокой,

Одежду на бедрах своих *оправь!*

Сестра моя, взойди на холм!

Сестра, когда взойдешь на холм,

Глянь с холма, *кругом оглянись!*

Ненавистных людям злодеев моих,

Плывущих рекою, не видно ль вдали?!

Колодки для рук *они несут!*

Колодки на шею у них *с собой! Снять-развязать их*

никто не может!»

Амагештинанна на холм поднялась,*

Гештинанна *вытянула шею.*

Гештиндудуа, подруга его, *она дает ему советы.*

«Те, что хватают за горло, они толпою несутся!»

«Подруга моя, советчица, они несутся?»

«Тех, что хватают за горло, я их вижу!

Брат! Твои демоны пришли за тобой,

скройся в зарослях!

Думузи! Твои демоны пришли за тобой,

скройся в зарослях!»

«Сестра! Я скроюсь в зарослях, не выдавай меня!

Я скроюсь в частом кустарнике, не выдавай меня!

Я скроюсь в густой листве, не выдавай меня!

Я скроюсь в каналах Арали, не выдавай меня!»

«Если я скажу, где ты, пусть псы твои меня пожрут!

Твои черные псы, пастушьи псы,

Твои злобные псы, хозяйские псы,

Пусть псы твои меня пожрут!

Другу своему о том скажи.*

Пусть друг твой даст тебе совет!»

«Брат мой, друг, товарищ мой!

Да не станет друг мой моим врагом!

Мои демоны пришли за мной!

Слово хочу тебе сказать!

Друг мой! Я скроюсь в зарослях, не выдавай меня!

Я скроюсь в частом кустарнике, не выдавай меня!

Я скроюсь в густой листве, не выдавай меня!

Я скроюсь в каналах Арали, не выдавай меня!»

«Если я скажу, где ты, пусть псы твои меня пожрут!

Твои черные псы, пастушьи псы,

Твои злобные псы, хозяйские псы,

110 Пусть псы твои меня пожрут!»

110a А опи, те, что за царем шли,*

великим множеством за ним шли,

Не ведают голода, не ведают жажды,

Муки просеянной не едят,

Воды проточной они не пьют,

Даров смягчающих не берут,

Радости лону жены не дают,

Милых детей не целуют они,

Горький чеснок не жуют они,

Рыбу и лук не едят они.

К жителям Адаба за царем их двое пришло.*

120 Шипы в обмелевших водах они,

колючки в вонючих водах они.

Руки — столы, язык — дом большой.

К жителям Акшака за царем их двое пришло.

Каменный идол у них на шее висит.

К жителям Урука за царем их двое пришло.

Меч — голова с плеч — на бедрах висит.

К жителям Ура за царем их двое пришло.

Одежды битвы быстрой на них.

К жителям Ниппура за царем их двое пришло.

Друг другу говорят: «Пошли-ка в загон и хлев!»

130 Схватили Гештинанну у загона и хлева.

Воду речную ей дают, а она не берет.

Зерно полевое ей дают, а она не берет.

Малые демоны большим демонам молвят:

«Мудрые демоны, живые демоны!

Великие демоны в расцвете жизни!

(Строки 136—137 разрушены.)

Сестра, открывшая убежище брата! —

Кто и когда видел такое?!

А ну, пойдемте к его другу!»

И вот они его другу

Воду речную дают, и он берет.

Зерно полевое дают, и он берет.

«Друг мой скрылся в зарослях, но я не знаю, где он!»

В зарослях искали они Думузи, они не нашли его.

«Он скрылся в частом кустарнике, но я не знаю, где он!»

В частом кустарнике искали они Думузи,

они не нашли его.

«Он скрылся в густой листве, но я не знаю, где он!»

В густой листве искали они Думузи, они не нашли его.

«Он скрылся в каналах Арали, но я не знаю, где он!»

В каналах Арали отыскиали они Думузи.

Думузи рыдает, позеленел:

«Моя сестра спасла мне жизнь, мой друг взял мою жизнь!

Сестра пошлет сына на улицу,

каждый встретит его приветом!

Друг пошлет сына на улицу,

никто не встретит его приветом!»

Окружили его, в лужу швырнули.

Аркан набросили, сеть накиннули,

Крепкой веревкою обвязали.

Пастуший жезл его сломали,

Идущий первым его колотит,

Последний — под локти схватил и волочит.

Кисти его охватили оковы.

Руки его опутали путы.

Юноша к Уту на небеса воззвал:

«Уту, ты мой шуриш, я — твой зять!

В храм Эану я травы носил,

Свадебный дар в Урук приносил.

Светлые губы я целовал!

Светлое лоно Инанны ласкал!

Преврати мои руки в ноги газели,

Презрати мои ноги в ноги газели!

Я от демонов убогу!

В Кубиреш-Дальдареш душу мою принесу!»*

Уту мольбам его внял благосклонно.

- Как благодетель оказал ему милость.
Превратил его руки в ноги газели.
Превратил его ноги в ноги газели.
И он от демонов убежал,
В Кубиреш-Дильдареш принес свою душу.
180 Демоны ищут его, демоны не находят его.
«А ну, пошли в Кубиреш!»
В Кубиреше схватили они Думузи.
Окружили его, в лужу швырнули,
Аркан набросили, сеть накинули,
Крепкой веревкою обвязали,
Пастуший жезл его сломали.
Идущий первым его колотит,
Последний — под локти схватил и волочит.
Кисти его охватили оковы.
190 Руки его опутали путы.
Юноша к Уту на небеса взмолился:
«Уту! Ты мой шурин, я — твой зять!
В храм Эану я травы носил,
Свадебный дар в Урук приносил.
Светлые губы я целовал,
Светлое лоно Иванны ласкал.
Преврати мои руки в ноги газели,
Преврати мои ноги в ноги газели,
200 К Белили-матушке душу мою принесу!»
Уту мольбам его внял благосклонно.
Превратил его руки в ноги газели,
Превратил его ноги в ноги газели.
И он от демонов убежал,
К Белили-матушке душу свою принес.
К храму Белили подошел.
«Матушка, я не простой смертный, я супруг богини!
Воды проточной кабы я выпил! *
Муки просеянной кабы я съел!»
210 Налила воды, просеяла муки, и он внутри храма сел.
Белили-матушка из храма вышла.
Когда матушка из храма вышла,
Демоны-«гала» ее увидели.
Если бы матушка убежища Думузи не знала,
Она так бы не взглянула,
Она так бы не закричала.
-

«А ну, пошли в храм Белили-матушки!»
 В храме Белили-матушки схватили они Думузи.
 Окружили его, *в лужу швырнули.*
 Аркан *набросили, сеть накинули.*
 Крепкой веревкою обвязали,
 Пастуший жезл его сломали.
 Идущий первым его колотит,
 Последний — под локти схватил и волочит.
 Кисти его охватили оковы,
 Руки его опутали путы,
 Юноша к Уту на небеса взмолился:
 «Уту! Ты мой шурин, я — твой зять!
 В храм Эану я травы носил,
 Свадебный дар в Урук приносил.
 Светлые губы я целовал,
 Светлое лоно Инанны ласкал.
 Преврати мои руки в ноги газели,
 Преврати мои ноги в ноги газели,
 В священный загон, в загон к сестре моей
 душу свою принесу!»
 Уту мольбам его внял благосклонно,
 Превратил его руки в ноги газели,
 Превратил его ноги в ноги газели.
 В священный загон, в загон к сестре
 душу свою он принес.
 К священному загону, к загону сестры подошел.
 Гештинанна подняла взор к небесам.
 Гештинанна склонилась к земле.
 Громким воплем небо и землю
 Как плащом покрывала, обвила покрывалом.
 Лицо расцарапала, рот разодрала,
 Уши, щеки — взорам открытые — истерзала,
 Лоно, чрево — взорам сокрытые — повредила.
 «Брат! В переулок беги, сокройся!»
 Если бы Гештинанна убежища брата не знала,
 Она так бы не взглянула,
 Она так бы не закричала.
 «А ну, пошли в загон и хлев!»
 Первый дсмон вошел в загон и хлев,
 Засовы хлева предал огню.

Мой сладкий друг, мой брат и друг ушел!
Супруг мой с первыми травами ушел!
Друг мой с последними травами ушел!
Супруг мой, в поисках трав ходивший, травами взят!
Друг мой, в поисках вод ходивший, водами взят!
Мой юный избранник, как тростник,
жесточкой рукой из города вырван!
Мой светлый, как соцветье травы,
жесточкой рукой из города вырван!»

В те дни, когда в Уруке светлом,
В загоне священном скрылся Думузи,
Козленка светлого в жертву принес,
Хлеба светлые в жертву принес,
Большие и малые демоны собрались,
Семеро демонов могучих собралось,
Семеро демонов на Думузи напало.
Первый демон вошел в загон,
осмотрел загон, загон расшатал,
Второй демон вошел в загон,
молоко свежее землей закидал,
Третий демон вошел в загон, воду свежую землей закидал,
Четвертый демон вошел в загон,
кувшины разбил, загон повалил!
Пятый демон вошел в загон,
пыль взметнул, вихрем прошел,
Шестой демон вошел в загон,
загон тростниковый разметал.
Седьмой демон вошел в загон, а он, благородный,
лежал, стонал.

Думузи в углу лежал и стонал.
Светлый супруг Инанны лежал и стонал.
«Господин! Мы за тобой! Подымайся, иди за мной!
Думузи-супруг! Мы за тобой, подымайся, иди за мной!
Друг Инанны, чадо Туртур, подымайся, иди за мной!
Ты, чей ложен сон, брат Гештинанны,*
 подымайся, иди за мной!
Твои овцы схвачены, ягнята похищены,
 подымайся, иди за мной!

Твои козы схвачены, козлята похищены,
подымайся, иди за мной!

50

Тиару светлую на голову не надевай,
подымайся, иди за мной.

Повязку светлую на бедра не надевай,
подымайся, иди за мной!

Посох пастуший священный не хватай,
подымайся, иди за мной!

Сандалии на ноги не надевай, подымайся, иди за мной!»

Пастух в мольбе руки простер:

«Я к Уту на небеса взываю!

О Уту, ты брат моей жены, я супруг твоей сестры,

В дом твоей матери я сливки носил,

В храм Нингаль молоко носил,

Свадебный дар в храм приносил.

60

Светлые губы я целовал,

Светлое лоно Инанны ласкал.

Преврати мои руки в ноги газели,

Преврати мои ноги в ноги газели,

От демонов моих ускользну я, не утащат они меня.

У плотин в степи спрячусь я, не утащат они меня.

У каналов в степи спрячусь я, не утащат они меня».

Уту мольбам его внял благосклонно.

Как благодетель оказал милость.

70

Превратил его руки в ноги газели,

Превратил его ноги в ноги газели.

Демоны на демонов взглянули.

Малые демоны большим молвят,

Демоны своим сотоварищам молвят:

«Юноша! Он убежал от нас,

Думузи! Он убежал от нас!

У плотин в степи схватим его!

Сторож шлютин поможет нам!

У каналов в степи схватим его,

Сторож каналов поможет нам.

80

Пред стадом овечьим схватим его.

Пред стадом газельим схватим его.

Меж овец на привале схватим его.

Меж овец его друга схватим его.

За стадом овечьим схватим его.

У друга его схватим его!
Схватим его, свяжем его!

(Строки 87—88 разрушены.)

У колен его матери схватим его!
Мать его Туртур поможет ему!
У доброй сестры его схватим его!
Сестра его поможет ему!
В доме светлой Инанны схватим его!
Инанна в ярости выдаст его!»

(Строки 95—101 разрушены.)

Светлый супруг Инанны так сказал:
«Нет травы — пожрали траву!
Нет воды — выпили воду!
Нет загона — развеяв загон!
Нет овец — отвязаны овны!»
Его, у кого не было крова, схватили его демоны-гала.

108 строк плача о Думузи и Инанне на свирели «шем».

К ТОМУ, КТО ДАЛЕКО...

Плач-заклинание

К тому, кто далеко, понесу мольбу мою слезную.
Я к сыну, к тому, кто далеко,
понесу мольбу мою слезную.

К моему Даму, к тому, кто далеко,
К служителю храма, к тому, кто далеко.*
От кедров священных, где зарожден был,*
В Эане-храме, к земле и небу
понесу мольбу мою слезную.

В доме героя вознесу мольбу мою слезную,*
вознесу мольбу мою.

Во граде героя вознесу мольбу мою слезную,
вознесу мольбу мою.

Буйный ветер, что клубится вихрем.
Он твоя дурная примета, твой странник!

Твой странник, с полными слез очами!
Твой странник, чье сердце полно печали!
Он, чьи кости сожраны потопом, твой странник!
Чья глава плывет, кружась в потоке, твой странник!
Чья насквозь пробита грудь, твой странник!
«Вот как мой странник придет,

великое я для него сотворю!

Сладкие хлебцы — зерно я *очищу и размелю!* *
Плодов полевых для него *соберу.* *
Жареных зерен и фиников ему *припасу.*
Свежайшего пива ему *приготовлю.*
Вина виноградного ему *припасу.*
Абрикосы — щедрость земли — *припасу.* *
Фиги — щедрость земли — *соберу.*
Фиг *душистую мякоть ему приготовлю.* *
Финики гроздьями ему *соберу.*
Садового меда душистого я для него *припасу.*

Вот как мой странник придет,

великое я для него сотворю!

Горячей воды и холодной воды я для него *припасу.*
Поводья и кнут я ему *приготовлю.*
Головную повязку, благовонное масло я ему *приготовлю.* *
Деревянное кресло, подставку для ног я ему *приготовлю.*
Деревянное ложе роскошное я ему *приготовлю.*
Молоко, масло хлебов и загонов ему *приготовлю.*

Мой странник, двигаясь, не ходит!

Он, двигаясь, не ходит!

Есть глаза у него, но они на меня не смотрят!

Есть уста у него, но они со мною не молвят!

Странник мой близится. Подойди же!

Воистину близится. Подойди же!»

Хлеб дала. Положила в руку.

Из чистого кубка, *откуда не пили,*

*Тростниковую трубочкою незасоренной **

Излила воды там, где льют излишняя, — его напоила.

Душистым маслом помазала стену.
 Новой тканью деревянное кресло покрыла.
 Ветер пронесся, ветер унесся.*
 48a Страх пришел, страх ушел.
 49a Мой странник в горах, в сердце гор сражен.
 Там он лежит.

СЕСТРА ЛЮБИМАЯ ДУМУЗИ...

Гештинанна и певцы

«Сестра любимая Думузи,
 Дочь возлюбленная Туртур,
 Семя быка благородное, в утробу излитое,
 О госпожа моя, для господства рожденная!
 Кто лучшими сливками заполняет загоны,
 Кто молоко умножает в овчарнях,
 Ты, госпожа моя в степи небесной, Гештинанна!
 О дева, брат твой — ...нет его боле! *
 Твой младшенький — ...нет его боле!
 10 В Уруке — ...нет его боле!
 В Кулабе — ...нет его боле!»
 «Я, супруга... (?) ...о его гибели...!»*
 Тогда дева из-за брата
 Глаза распарала, рот разодрала,
 Лоно, чрево, людям сокрытые, повредила.
 К храму Эпшам, ко дворцу направилась.*
 17a Посланца, того, кто из дворца выходит,
 О брате дева вопрошает.
 18a Посланец, тот, кто из дворца вышел,
 Так деве отвечает:
 20 «Твоему брату, выпшим жречеством *сохраненному*,
 Жречество урукское *присудило* —
 Обряды — Сути — распределило:
 21a Десять жрецов помазывающих
 Поклонения, омовения, очищения —
 От месяца к месяцу, каждый месяц

13a В святилищах да не прекращают!
 13b Твоему брату, высшим жречеством *сохраненному!*
 Тогда семеро их, семеро их,
 Зачинателей несен из Урука — семеро их.*
 Исполнителей плача из Забалама — их пятьдесят.*
 Они, те, кто знаки звезд небесных знают,
 17a Те, кто пути земные знают,
 Глуби небес просторных достигают,
 Они, дабы начать песню,
 19a Они, дабы подхватить песню.*
 20 Чистого первого тона найти не могут.*
 Запевалы — установить его не могут.*
 Сестра меньшая, что стоит посредине,*
 22a Так она им молвит,
 Тем, кто поет громко, тем, кто поет тихо,*
 23a Так она им молвит:
 «Когда мы начнем песню,
 24a Вы подхватывайте песню,
 И тогда то, что не звучит,*
 Воистину соединится — в плач-эршему превратится!
 27 Эршма в серебряном, лазурном тоне,*
 27a В соединении заживет!»

ГЕРОИ ШУМЕРА

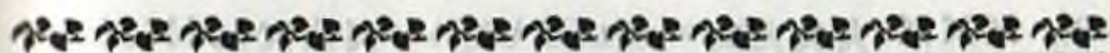

ГЕРОИ ШУМЕРА

ЛЕВОН ШИМЕРЯ

СТЕНЫ ВЗДЫМАЮТСЯ В ЛАЗУРНОМ СИЯНИИ...

Сказание об Энмеркаре и Энсушкешданне

Стены вздымаются в лазурном сиянии *

В Кулабе-граде, что в мироздании вырос,

В Уруке, чье имя подобно радуге,

Что небес коснулся дугой пестроцветною.

В небесах стоит, словно юный месяц.

Чьи Сути великие устроены царственно,

Чьи выси пречистые в день благой заложены.*

Чье сиянье в стране — словно лунный свет,

Чье блистанье в стране — словно ясный день,

Как телец молодой, как козленочек,

— изобилием порожденные.*

Урук — его слава над горами раскинулась,

Его излучения — серебро чистейшее, благостное —

Аратту словно плащом покрыли,

словно покрывалом окутали.

Тогда, давным-давно, когда день был властелином,*

ночь — господином,

и парило солнце,

Апсигариа — таково его было имя —

был советчиком-посланцем

жреца верховного Аратты,

Наменатумма — таково его было имя — был

Советчиком-посланцем Энмеркара,

жреца верховного Кулаба.

А верховный жрец — он воистину был господин.*

20

Он от века воистину был господин.
 От начала начал он воистину был господин.
 Богоравен по рождению — вот каков он был.
 Богоравен по избранию — вот каков он был.
 И с таким человеком, властелином Урука,
 властелином Кулаба,
 Жрец верховный Аратты, Эсукхешданна, в спор вступил.

30

Вот что об Уруке он гонцу своему промолвил:
 «Пускай он мне подчинится, пусть ярмо мое наденет!
 А когда он мне подчинится, да, когда он подчинится,
 то и он и я:

Он воистину с Инанною в Эгаре проживает,
 Но и я буду жить с Инанною в Эзагине,
 храме лазурном, в Аратте.*

Он возлежит с ней на ложе, на сияющей постели.
 Но и я с нею возлягу в сладком сне
 на изукрашенном ложе.

Он в ночных сновидениях Инанну видит.
 Я же лик к лику с Инанною буду вместе при ясном свете.
 Воистину съест он жирного гуся.*

А я не съем жирного гуся.
 Я гусиные яйца соберу в корзину,
 я птенцов его сложу в короб:

Маленьких — для моего котелочка, больших —
 для моего большого чана.

Гусь не будет жить на речном берегу.
 Все правители мне подчинятся,
 трапезовать я с ними буду».

Вот какое он послал Энмеркару слово.

40

Гонец, словно горный баран, пустился,
 полетел, словно дикий сокол.

Днем он шел, в сумерки на ночлег становился.
 Словно птичья стая, средь ясного дня
 он неся по плоскогорью.*

Словно птичья стая, с наступлением ночи
 во глуби гор он укрывался.

Как палка, брошенная в цель, он достигал своего места.*
 Точно дикий осел Шаккана, он карабкался на кручи.

Словно огромный могучий осел, полный сил,
так он мчался.

Словно гибкий, годный к гонкам осел,
он неуклонно вперед стремился.

Лев в поле на дневной охоте — так бежал он неустанно.

Волк, догоняющий ягненка, — так без усталости он несся.

Достигая малых его селений,
он наполнялся яростным гневом.

Достигая больших его селений,
он готовился к своей речи.

Он к жрецу верховному в покой его священный входит.

«Мой повелитель меня к тебе послал.

Верховный жрец Аратты Энсухешданны
меня к тебе послал.

Господин мой так тебе молвит:

"Пусть он мне подчинится, пусть ярмо мое наденет.

А когда он мне подчинится, да, когда он подчинится,
то и он и я:

Он воистину с Инашюю проживает в Эгаре,

Но и я буду жить с Инашюю в Эзагине,
храме лазурном, в Аратте.

Он возлежит с ней на ложе, на сияющей постели.

Но и я с ней возлягу в сладком сне,
на изукрашенном ложе.

Он в ночных сновидениях видит Инашю.

Я же буду с Инашюю вместе лик к лику при ясном свете.

Воистину съест он жирного гуся.

А я не съем жирного гуся.

Я гусиные яйца соберу, я птенцов его сложу в короб:

Маленьких — для моего котелочка, больших —
для моего большого чана.

Гусь не будет жить на речном берегу.

Все правители мне подчинятся,
трапезовать я с ними буду"».

Владыка Урука — он их весло-правило.*

... он их опорная свая.

... он к месту его основанья...

Он сокол, что летает в небе, он их силок-ловушка.

Он к кирпичам храма Аратты...

Он к Аратте... к ее величью.

Он в Аратту ответ готовит.*

Он тщательно изучил табличку,

он внимательно прочел табличку.*

«Он с Инанною хочет жить в Эзагине,

храме лазурном в Аратте! *

Но я, со мною живет она, когда с небес на землю сходит.

На изукрашенном ложе в сладком сне

он хочет лежать с нею вместе!

Но я — на сверкающем ложе Инанны,

осыпанном лазурными травами!

А в ногах там — могучий лев.*

В изголовии там — свирепый лев.

Могучий догоняет свирепого.

Свирепый настигает могучего.

Могучий со свирепым в движении.

Свирепый с могучим в кружении.

Дня не пройдет, не пройдет и ночи,

А уж я к Инанне в путь на пятнадцать двойных часов

отправлюсь.

Уту на подворье мое священное еще глаз не кинет,*

А уж она в покой мой священный светлый взойдет.

Мне Энлиль венец святой, скипетр царственный даровал.*

Нилурта, чадо Энлиля,*

Словно мех с водой, меня лелеял.

Аруру, сестрица Энлиля,

Правой грудью меня кормила,

левой грудью меня кормила.

А когда я к покою направлялся брачному,*

Жрица, словно птенец Анзуда, кричала.*

Повторяю, когда туда я шел,

Не угенок она, но так кричала.

Из города, места ее рожденья...*

Какой другой был подобно цитадели воздвигнут?

Воистину в Уруке Инанна живет, а что такое Аратта?

В твердые Кулаба она проживает — на что ей

чужедальные чистые Сути?

И пять лет пройдет, и десять пройдет —

она в Аратту не пойдет!

Да и зачем ей идти в Аратгу,
Ей, великой светлой госпоже Эаны?»
Так вместе совет они держали, все речам его вняли.

Она в Аратгу не идет.

«Он, кто ничего не имеет, он не ест жирного гуся!

Но я дам ему съесть жирного гуся!*

Я гусиные яйца соберу в корзину,

я птенцов его сложу в короб:

Маленьких — для моего котелочка, больших —

для моего большого чана.

Гусь не будет жить на речном берегу.

Мне правители подчинятся, я с ними трапезовать буду».

Гонца Энмеркара к Энсукепшанне,

К его священному светлому покою, к его святыням,

К его твердыням, где он проживает, приближается.

Энсукепшанна совета просит. Слов для ответа ищет.

Жрец-заклинатель, жрец-прорицатель,

жрец помазывающий

и прочие люди храма

Собираются вместе, совет держат.

«Что я скажу ему? Что я скажу ему?

Жрецу верховному Урука, жрецу верховному Кулаба,

Что я скажу ему?

Его бык пред моим быком занесся.

Бык Урука ведет себя надменно.

Его люди над моими кажут силу.

Урукит ведет себя надменно.

Его пес над моим псом занесся.

Пес урукский раскрыл свою глотку».

Собрание, созванное им, прямодушно ему отвечает:

«Ты урукита превосходней.

Свои великие деянья Энмеркар гонцу перечислил.

Энмеркар совершать их не должен.

Это ты совершать их должен.

Пусть будет сердцем принято решение.

Поступай, как понимаешь».

«Холмом пусть город мой станет,

я сам черепком его стану —

Перед владыкою Урука, перед владыкою Кулаба

да не склоню я выи!»

Напитки сладкие пить повелел, вот что он ему сказал.
 «А когда люди его разбиты будут,*
 ... в руке твоей они да будут!» — вот что он ему сказал.

170 Чародей, сеятель семян отборных,*
 К Эрешу, граду Нисабы, путь держит.
 В просторный загон, где живут коровы, входит.
 Корова в загоне тревожно затрясла головою.
 Он молвит корове слово, он говорит с ней,
 как с человеком.
 «Корова, кто ест твои сливки,
 кто молоко твое выпивает?»

«Мои сливки ест богиня Нисаба.
 Молоко мое пьет богиня Нисаба.
 Мой сыр, что превосходно для священного подворья
 изготовлен,*
 Большого, великого застолья, застолья Нисабы
 воистину достоин.

180 Мои сливки из светлых загонов
 жрецу верховному отнесут.
 Мое молоко из светлых загонов
 жрецу верховному отнесут.

Нисаба, дикая святая корова, дочь первородная
 Энлиля, воистину встать не даст человеку».

«Корова — сливки твои — в голову,*

183a Твое молоко — в твое чрево!»

Корова — сливки ее ушли в голову,
 ее молоко ушло в чрево.

К хлеву чистому, хлеву Нисабы он подходит.

Коза в хлеву тревожно затрясла головою.

Он козе молвит слово, он говорит с ней, как с человеком.

«Коза, кто ест твои сливки, молоко твое кто выпивает?»

«Мои сливки ест богиня Нисаба.

190 Молоко мое пьет богиня Нисаба.

Мой сыр, что для священного подворья
 превосходно изготовлен,

Большого, великого застолья, застолья Нисабы
 воистину достоин.

Мои сливки из светлых загонов
 жрецу верховному отнесут.

Мое молоко из хлева святого жрецу верховному отнесут.
Нисаба, дикая священная корова, дочь первородная
Эшлиля, воистину встать не даст человеку».

196a

«Коза, сливки твои — в голову,

Твое молоко — в твоё чрево!»

Коза — ее сливки ушли в голову,

ее молоко ушло в ее чрево.

В тот день загон и хлев домом молчания он сделал,
опустошение там произвел.

Нет молока в коровьем вымени,

померк день для ее теленка.

200

Теленочек, голоден он, горько-горько он плачет.

Нет молока в козьем вымени,

*померк день для ее козленка.**

Нечего есть козе с козленком,

жизнь их к концу подходит.

Корова печально говорит теленку:

«У козы умер ее козленок...»

Пуста священная маслбойка. Наступил голод.

Они с голоду умирают.

В те дни загон и хлев домом молчания он сделал,

опустошение там произвел.

Коровий пастух выбросил посох. Лицо его позеленело.

Пастух-козопас жезл пастуший закинул,

плачет горькими слезами.

Не спешит к загону и хлеву подпасок,

по дальним дорогам он бродит.

210

Молочник не выкликает, незнакомыми он бредет путями.

Погонщик скота и пастух Нисабы,

Сыны, одной матерью рожденные,

Из загона и хлева они вышли.

Первый — Машгула — таково его было имя.

Второй — Урэдина — таково его было имя.

Вдвоем, пред солнечным восходом, у главных ворот,

там, где хранят чудеса страны,*

Во прахе они распростерлись,

к Уту небесному они повернулись.

«Чародей из Аратты появился в загоне.

Он увел молоко из загона, теленочку нечего было есть.

В загоне и хлеве навел он порчу,

он увел молоко и сливки.

В хлев и загон колдовство напустил он,

он произвел опустошенье».*

... он подошел

... вокруг огляделся.

... по направлению к Эрешу.

На берегу реки Евфрата, реки богов, потока могучего,

Возле града, чью судьбу Ан и Энлиль решили,

она сидит, скрестив ноги.

Старая Сагбуру ему протянула руку.

Нун волшебный они оба бросили в воду.*

Выудил чародей огромного карпа.

Старая Сагбуру орла из воды достала.

Орел схватил огромного карпа и утащил его в горы.

Второй раз они бросили нун в воду.

Чародей вытащил овцу с ягненком.

Старая Сагбуру вынула волка.

Волк схватил овцу с ягненком

и поволок их в просторные степи.

Третий раз они бросили нун в воду.

Чародей выудил корову с теленком.

Старая Сагбуру льва из воды достала.

Лев схватил корову с теленком

и потащил в тростниковые заросли.

В четвертый раз они бросили нун в воду.

Чародей выудил из воды горного козла с козой.

Старая Сагбуру леопарда из воды достала.

Леопард схватил козла с козой и поволок их в горы.

Пятый раз они бросили нун в воду.

Чародей выудил козленочка дикой газели.

Старая Сагбуру тигра и льва из воды достала.*

Тигр и лев козленка схватили,

в лесную чащу его потащили.

Чародей! Потемшел его лик, смешался разум.

От запада до востока ты всех великий владыка,
я твой подчиненный,
От сотворенья не был тебе я равен,
ты воистину брат мой старший.
Мне вовеки с тобой не сравниться». —
Так в споре между Энмеркаром и Энсуккешданной
Энмеркар превзошел Энсуккешданну.
Хвала тебе, богиня Нисаба!

ЦАРЬ В ТЕ ДНИ...

Лугальбанда во мраке гор

<...>

Царь в те дни поход на град замыслил.*
Энмеркар, сын Уту,

В Аратту горную, страну пречистых Сутей,
решил отправиться.

Страну непокорную погубить он идет.

Он призыв объявил по градам.*

Вестники трубят в рога по всем странам.

Призыв Урука идет с господином.

Призыв Кулаба идет с Энкеркаром.

Урук! Вздыханье его призыва — буря!

Кулаб! Вздыханье его призыва — тяжелые тучи!

Облака грозовые, что земли достигают,

Могучею бурей уходят в небо.

Как саранчу, что летит на посевы,

Он людей своих собирает.

Брат брату подает знаки.

Царь, что во главе их идет,

Во главе отряда своего идет.

Энмеркар, что во главе их идет,

Во главе отряда своего идет.

<...>

20.43 Сіудились у края гор, словно овцы.
 На плоскогорье, словно быки, толпятся.
Дорогу высматривают, пути выискивают.
По горам рыщут. Пять дней прошло,
 На шестой — переправились через реку.
Дней седьмой пришел — и в горы они вступили.
 Горы, где никто не ходил, пересекают.
Над потоком, от болота змеиного поднимаются слева.
 Их владыка, бури седлающий, —

30.53 Бога Уту сыш, *серебро драгоценное чистое,*
 От небес до земли его простираение.*
 Над головой его — лучи сияния.
 Стрела на шлеме сверкает, что молния.
Урук топор боевой бронзовый знаком его
 дал ему в сиянии.

С этим знаком, как пещ, пожирающий трупы,
 выступает он горделиво.*

35.57a Их в те дни было семеро, воистину было их семеро.
 Питомцев, потомков Кулаба-града,
 воистину было их семеро.
 Семеро их, что богинею Ураш созданы,
 молоком дикой коровы вскормлены.
 Герои могучие они, порождение Шумера они,
 семя государево они.*

40.62 В застолье Ана вскормлены, в руке его взращены.
 Семерица эта — главари главарям,*
 Вожаки вожакам,
 Всем верховодам они верховоды.
 Над тремя сотнями главари — на каждого по три сотни.
 Над шестью сотнями вожаки —
 на каждого по шесть сотен.
 Над великим множеством верховоды —
 на каждого великое множество.*

С войсками своими отборными пришли
 к господину жрецу верховному.

И восьмой среди них — Лугальбанда.

<...>

Он едва прошел половину пути, половину пути,
 Как болезнь в него вошла, боль головная в него вошла.

18.75 Как змею, что топор настиг,
разрубая, так она его догнала,*

Как газель, что в капкан попала,
лицом к земле его прижала.*

Свои хваткие руки повернуть он не может.

Свои ловкие ноги он не может поставить.

К призыву царскому ему не подняться.

На великие горы опускаются тучи.

В Урук отнести его — как отнести не знают.

В Кулаб отнести его — как отнести не знают.

В горах от холода клещат зубы.

В укромное теплое место его приносят.

<...>

10.80 Стоянку, словно гнездо, ему устроили.

Финики, фиги, сыры во множестве,

Хлебцы сладкие, чем больные питаются,

В корзинку из пальмовых листьев уложенные.

Жир нежнейший, свежие сливки —

провизию хлебов и загонов,

Яйца с маслом, яйца, запеченные в масле,

Пред ним, как на столе накрытом, чистом,

они расставили.

Пиво сладкое, с сиропом из фиников смешанное,

На подставке, запасы первосортного масла,

Как на стол, перед ним поставили.

10.90 Провизию, в ведро из кожи положенную,

Пищу в мешок из кожи запрятанную,

Братья его, други его,

Как на судно, урожаем груженное,

В головах у него в ущелье горном мрачном поставили.

15.100a В мехах узких кожаных — да не выльется, —

Пиво темное, питье пьянящее, пиво из эммера,

Вино сладкое, что нёбу на вкус приятно,

В головах у него в ущелье горном мрачном поставили,

19.103a Ложе, словно дом, из мехов узких кожаных, ему сделали.*

10.104 Травы, воскурения смолистые, смолы душистые

Вкруг него они расставили,

В головах у него, в ущелье горном мрачном разбросали.

Его топор боевой, чей металл сверкающий —
железо небесное,

Что в белых горах был выменен,*

В головах у него положили они.

Его филигранный железный кинжал,*

87.110a Что в черных горах был выменен,

К боку его они привязали.

Свои очи — колодцы, полные водою,

90.113 Светлый Лугальбанда широко раскрыл.

Свои губы — *створки дверные солнца*,

Братьям своим он *не открыл*.

Приподняли затылок — нет дыхания.

Братья его, други его

Держат совет, советуются:

«Если брат наш с ложа, словно Уту, встанет,

Бог, что его поразил, удалится.

Если все это он съест, если все это он съест,

То сила к ногам его возвратится,

100.123 Дабы цепи горные он перешел,

дабы гряды горные он пересек.

Но если Уту нашего брата

Отзовет к чистому сокровенному месту,

То здоровье члены его оставит,

И когда из Аратты возвращаться будем,

Отнесем его тело к кирпичам Кулаба».

И как среди светлых коров разбросанных Нанны,*

И как месячного бычка, что для возрастания

за загородкою оставлен,

Так братья его и други его

Светлого Лугальбанду в ущелье горном мрачном

оставляют.

110.133 Со слезами и стонами,

С воплями и рыданиями.

В печали и в горести

Старшие братья, старшие братья Лугальбанды

далее в горы отправились.

Прошло два дня, как занемог Лугальбанда,

Два дня, и еще половина,

Когда Уту взгляд на его стоянку бросил,

Дабы степные четвероногие твари головы к нему воздели.

Исполнился день, спустилась прохлада,
И тело его будто смазали маслом,
Но болезнь еще его не отпустила.
На небо к Уту воздел он очи,
Словно пред отцом родным, пред ним заплакал,
Свои руки благис во мраке гор к нему поднял:
«Уту, приветствую тебя, да не буду я больше болен!
Герой, сын Нингаль, приветствую тебя,

да не буду я больше болен!

Уту, с братьями в горы ты дал мне подняться!
В мрачном горном ущелье, в ужасающем месте,
да не буду я больше болен!

Там, где матери нету, где нету отца,
Где нет знакомых, где нету близких,
Там, где мать моя — "О, дитя мое!" — мне не скажет,
Братец мой — "О, мой брат!" — мне не скажет,
Соседка, что к матери в дом придет, обо мне не заплачет,
Боги-хранители материнские,

боги-хранители отцовские об уходе,

Боги-хранители ограды — "Вот, исчез он!" — скажут!
Незнакомый пес — плохо,

человек незнакомый — ужасно,

На путях неизведанных, что по краю гор выются.
О Уту, человек незнакомый — человек страшный!

В месте гиблом да не растекусь водою,

Землю горькую вместо зерна есть да не стану!

В степи неизвестной, подобно палке, да не буду брошен!

Дабы братья меня не дразнили, да не буду брошен!*

Дабы друзья надо мной не смеялись,

да не буду я больше болен!

Не явлю горам моей слабости!»

И Уту внял его слезам,

Жизненной силе его в ущелье горном мрачном
вернуться дал.

Та, кто бедным радость там, где поют и пляшут,
Благородная блудница, что из ворот
святого блудилища выходит,

Та, что ложе делает сладостным,

Она бедняку — пища радости,

150.172 Инанна, дочь Зуэна,
 Что ему в стране, как быку, главу воздела,
 Ее блески-сиянья, словно яркие звезды,
 Ее звездный лик осветил горы,
 И к Инанне, к небу воздел он взоры,
 Словно пред отцом родным, он пред нею заплакал,
 Свои руки благие во мраке гор к ней поднял:
 «О Инашна, дом родной мне возврати,
 град родной мне возврати!

160.180 Град, где мать меня породила, со мною да будет,
 Как змее — пустынное место, со мною да будет,
 Как скорпиону — земная расселина, со мною да будет!
 Великой цариге, *моей госпоже, тебе да несущи мои плачи,*
 О госпожа моя, одетая пламенем...
 <...>

*Среди малых камней, драгоценных камней,
 среди их блистания,*

От вершин каменистых до земли каменистой

В конях плоскогорья Сабум,

В пасть-расщелину, в клюв ее брошенный,

Да не оставлю руки-ноги мои в горах хашура-абрикоса».*

170.192 Инанна вняла его слезам.
 Силы жизни его, словно сияющего Уту, укрыва,
 Как платком шерстяным,
в тихой радости сердца закутала.
 А сама к Кулабу отправилась.

Бык, пожирающий черное поле,

Светило, чистый телец, что встает на стражу,

Что, как утренняя звезда, освещает небо,

Свет сияющий в ночь проливает,

Зуэн, кого чтят как новый месяц,

Отец Нанна, что Уту-солнцу выпрямляет дорогу,

180.202 Владыка света, что сотворен для тварей,
 Зуэн, дитя любимое Энлиля,
 Бог, что украсой встает средь неба,
 Чьи лучи сиянья чисты и святы,
 Чей лик освещает светом горы,
 К Зуэну на небо глаза воздел он,

Как пред отцом родным заплакал,
Свои руки благие во мраке гор к нему поднял:
«Господин, кто в небе далеком к тебе не приходит?
Зуэн, кто в небе далеком к тебе не приходит?
Владыка, кто истину любит, кто зло ненавидит,
Зуэн, кто истину любит, кто зло ненавидит!
Истина в радости сердца к тебе праведностью приходит,
Тополь евфратский, ствол великий, словно скипстр,*

для тебя возрастает,

Справедливость, оковы ее развяжи!
Зло, оковы его не развязывай!
Зло пусть спереди уходит, пусть сзади унесено будет!
Когда сердце твое встает во гневе,
То подобно змее, что яд выпускает,
ты на зло слюною плюешься!»

Зуэн внял его слезам, жизнь ему подарил.
Вернул крепость его ногам.

Второй раз бык на горизонте появился.
Бык над деревьями хашур встал.
Тот, кто щитом земли касается, чье око —
око-близнец собранья,
Тот, кто щит из дома выносит, чье око —
око-близнец мужа,
Герой Уту свое сиянье, свой чистый блеск
простер на небе.

Лугальбанда, его добрый гений, с небес излился,
Его добрая Лама на стороне его стала,
Дабы бог, что терзал его, удалился.
Он очи воздел на небо к Уту,

Как пред отцом родным заплакал,
Свои руки благие во мраке гор к нему поднял.
«О Уту, пастырь ты страны, ты отец черноголовых!
Когда спать ты уходишь, люди с тобою спать уходят,
Герой Уту, когда ты встаешь,
люди с тобою вместе встают!

Уту, пока нет тебя,
Птица не уловлена сетью, раб не спешит трудиться.

Тому, кто один идет, ты тому товарищ-брат,
О Уту, там, где двое идут,

там воистину ты третьим идешь!

220.242 Тому, кто схватил узду, ты — охраняющие шоры.
Бедняка, слабого, кому нечем прикрыться,
Словно длинная ткань, свет лучей твоих кутает,
Покрывает тело рабыни-должницы,

словно одеяние белой шерсти.

И старикам, как и самым первым старцам,

Пирование — свет лучей твоих,

И ныне, как издревле, нежит их

Свет твоих лучей, словно лучший слей.

Бык величайший, прекрасный, могучий

<...>

Герой, сын Нингаль, свет источающий,

Ты судья человеков, бык шагающий,

<...>

230.254 Плуги их ты направляешь,

ты устанавливаешь их на место,

Пснопенья во славу твою сладки,

они достигают тебя в небе!

Герой, сын Нингаль, тебя прославляют,

воистину так, как тебе подобает».

И тогда он, справедливый, тот, кто советуется с Эпилием,

Травам жизни расти повелел,

В быстром потоке, матери гор, воды жизни ему принес.*

Травы жизни он ртом жует,

Воды жизни рукой зачерпывает.

Когда травы жизни в рот он взял,

Когда воды жизни рукой зачерпнул,

240.264 То, как из ловушки выскочивший,

С земли, словно жеребец, рванулся,

Словно отборный жеребец Шаккана, по горам несется,

Словно огромный могучий осел, он скачет,

Словно стройный осел, быстрый в беге, мчится.

С ночи и до наступления дня он идет.

Горы, страну пустынную Зуэна, пересекает торопливо.

В одиночестве полном — ничье око,

ни один человек его не видит.

Свою провизию в кожаном мехе.

Свое имущество в мешке из кожи.

290.274 То, что братья его и други его —

Воду холодную, как и хлеб засохший, — положили ему,

Светлый Лутальбанда с собою из мрака гор поднял.

Камень-огневиx он взял.

Днище деревянного сосуда расколол.

пред собою поставив, расщепил,

Затем другой камень взял.

И, друг о друга их ударив,

Искры яркие получил, в поле их поспел.*

Кремень-камень огонь взрастил.

Тот огонь плоскогорье, словно солнечный свет, озарил.

Хлеба сладкого печь не умея, печки пред собой не имея,

На семи углях тесто жертвенное он спек.

Хлеб сам он ныне пек.

Камыш горный он с корнем вырвал.

он стебли его оборвал.

Тесто сладкое для выпечки хлеба белого

ОН НА НЕГО НАНИЗАЛ.

Так, хлеба сладкого печь не умея,

печки пред собой не имея.

На семи углях тесто жертвенное он спек.

Тот хлеб сам он ныне спек.

Зубр косматый, желтоватый, бык с воздетыми рогами,*

Бык усталый отдыхал.

Зубр рогатый горную землю, чистое место, копытом рыл.

Лениво траву черную, словно ячмень, жевал.

Абрикосы, словно семена, подбираю.

Листву дерев, словно траву, перемалывал.

В быстрых потоках воду ины.

Корень «мыльной» травы, чистой горной травы, объедал.

Когда пестрый зубр, горный бык по дуговине брел,

Оя, Лутальбанда, сам, один, его деревянным орудием

СВОИМ ПЛЕННИ.

Он кустарник горный вырвал с корнем.

он ветки его оборвал.

Корни, что длинному камышу подобны.

300 304 Светлый Лугальбанда пожом отрезал.

Светлый Лутальбанда пожом отрезал.

Зубра бурого, быка горного, он веревкою привязал.
Пестрый козел и козочка, вдвоем,

козлы утомленные, козлы мохнатые,

Лениво черную траву, словно ячмень, жуют.

Словно семена, абрикосы глодают.

Листву дерев, словно траву, перемальшают.

В быстрых потоках воду пьют.

Корень «мыльной» травы, чистой горной травы, обедают.

Когда козел с козочкою по луговине брели,

Лугальбанда один деревянным орудием своим их схватил.

290.314 Он кустарник горный с корнем вырвал,

он ветки его оборвал,

Корни, что длинному камышу подобны,

292.315^a Свстльий Лугальбанда пожом отрезал.

Пестрого козла с козочкою, обоих их, им колени согнув,

он веревкою привязал.

В одиночестве полном — ничье око,

ни один человек его не видел.

И тут одолел царя сон.

Сон, страна склоненья затылка.

Словно искусный указ страны, словно рука,

что рушит стену,

Чье касанье искусно, чья поступь искусна,

Кто землю объемлет.*

299^a.323 Кто пределов достигнет,

300

Кто не знает начальников и надзирателей,

Нечто, дающее силу герою,

Как из чана Нинкаси, богини пива,

Лугальбанда! Воистину сон его одолел,

Травы «мыльные», чистые травы гор,

ложем ему он сделал,

Одеялом чистейшей шерсти накрыл,

белым льняным покрывалом окутал,

Без служанки для омовений на месте свалил.

Царь не во сне лежит — сновиденьем объят.

В сновидении дверь не поворачивается,

дверной колок не вращается.*

310.333

Ложному — ложное, правдивому — истинное,

И для радостей, и для горестей,

Это он, запечатанная корзина богов,
 Это он, брачный чертог Нинлиль,
 Это он, советчик Инанны,
 Бык одомашненный огненный, лев, человеками
 115а Схваченный, дикий зубр, кто не живет,
 Анзакар, бог сновидений.
 Лугальбанде сам, словно бык, ревет,
 Словно теленок чистой коровы, мычит:
 «Кто мне пестрого тельца заколет?»
 110.143 Жив овечий кто мне изольет?
 Мой топор боевой, чей металл сверкающий —
 Железо небесное, да возьмет он,
 111а Мой набедренный железный филигранный кинжал
 да схватит,
 Зубра пестрого, быка горного, словно силач, поднимет,
 словно борец повалит,
 Пусть внутренности его вырвет,*
 повернувшись к восходу солнца,
 Козла пестрого, вместе с козочкой,
 пусть головы им обоим,
 словно горный ячмень, раздробит,
 Дабы кровь их в яму излить,
 Дабы жиру дать по равнине растечься.
 Тогда змеи, в горах скользящие, запах жира того учуют».

Лугальбанда из сновидения вышел, от сна дрожит.
 110.353 Глаза открыл — молчанье вокруг.
 Он топор боевой, чей металл сверкающий —
 железо небесное, берет.
 Зубра пестрого, быка горного, словно силач, поднимает,
 словно борец, его склоняет.
 Его внутренности вырывает, восходящему Уту их кладет.
 Козлу пестрому вместе с козочкой, им обоим,
 словно ячмень, головы раздробил.
 Дабы кровь их в яму излить,
 Дать жиру по долине растечься.
 И змеи, в горах скользящие, запах жира того учуяли.
 На самом восходе Уту-солнца...
 140.363 Лугальбанда, Имя Элиля *призвав*,
 Ана, Элиля, Энки, Нинхурсаг,
 Он их пред ямою приглашает к пиру.

350.373

Там, в горах, где он выбрал место,
 Жертвенный пир он устроил, он излил там возлиянья.
 Пиво черное, медовуху, светлого эммера напиток,
 Вино, что на вкус для питья столь сладко,
 В поле, словно воду прохладную, излил он.
 В пестрого козла он нож вонзил.
 Печень, черный хлеб в огонь он бросил.
 Воскурение черным дымом, словно фимиами, взлетело.
 Затем доброму жиру, *дару Думузи*, дал он вытечь.
 Из этих приношений Лугальбанды
 Ан, Энлиль, Нинхурсаг, все лучшее они вкусили.

ЛУГАЛЬБАНДА В ДАЛЕКИХ ГОРАХ БЛУЖДАЕТ...

Сказание о Лугальбанде и орле Анзуде

Лугальбанда в далеких горах блуждает.
 В горах Забуа бродит отважно.

Матери нет с ним — не даст совета,

Нет с ним отца — не даст наставленья,

Разумного друга нет с ним рядом,*

Помощника мудрого в размышленье.

Сам себе Лугальбанда помощник мудрый: *

«Как бы орлу доставить радость,

Орлу Анзуду доставить радость,

10

Угодить бы его супруге,*

С его орлищей, с его орленком,

Вместе с ними попить бы!

Да будет со мною Нингуэца,*

Та, что Ан в горах похитил!

Хозяюшка — украшение матери!

Нинкаси-хозяюшка, украшение матери!

Чан се — лазурита зеленого,

Кувшин ее — серебра и злата,

20

Глоток ее пива — удовольствие! *

Застольное пиво ее — наслаждение!

Один кубок бодрящего пива — и мчишься без усталы!
 Нипкаси с чаном да будет рядом,*
 Бесподобный напиток приготовить поможет,
 Орел, напившись, возвеселится,
 Анзуд, напившись, возвеселится,
 В стан урукитов меня направит!
 О Анзуд, подари мне путь к моим братьям!»
 Издревле благородное дерево Энки
 Среди пестрокаменных гор Инанны,
 Как великан, стоит на вершине.
 Великан волосатый, заросший шерстью.*
 Его тень могучая далекие горы
 Плащом покрывала, обвила покрывалом,
 Его корни — гигантские змси,
 Семь рек Уту их питают.
 А вокруг — безлесые горы.*
 Там змеи не вьются, скорпионы не ползают.
 Там в листве «малая птишка»*
 Свила гнездо, отложила яйца,
 Там в ветвях орел Анзуд
 Гнездо устроил, орленка вывел,
 А из чистых веток можжевельника и самшита
 Орел над гнездом укрытие сделал.
 Когда орел на рассвете расправляет крылья,*
 Когда Анзуд кричит при восходе солнца,
 Земля в горах дрожит от крика...
 Когти орла у него, зубы — акулы,*
 Дикий бык от него спасается в горы,
 Горный козел несется в страхе!
 Лугальбанда смекалист, поступает мудро:
 В сладкую пищу — божье яство, —*
 Раденье к раденью добавляя,
 Мед вливает, мед добавляет.
 В гнезде орлином перед орленком угощенье расставляет.
 Птенец пожирает жир овечий,
 А тот ему яство в клюв толкает.
 Сидит орленок в гнезде орлином,
 Он глаза ему сурьюю подкрасил,
 Голову душистым можжевельником украсил.
 Венец «Шутур» возложил на голову.*

Выбрался Лугальбанда из гнезда орлиного,
Затаился, стоянку в горах безлесых устроил.

Гонит орел горных быков стадо.

Гонит Анзуд горных быков стадо.

В живого быка когти вонзил — *

Быка убитого на плечу взвалил.

Воды в бурдюк десять гуров влил.

Взмыл орел ввысь с ношей,

Взмыл Анзуд ввысь с ношей.

70

Подлетая, крикнул орел у гнезда,

70a

Подлетая, крикнул Анзуд у гнезда,

Птенец не откликнулся из гнезда.

Второй раз крикнул орел у гнезда,

Птенец не откликнулся из гнезда.

Раньше кричал орел у гнезда,

Птенец откликался в ответ из гнезда.

Теперь кричит орел у гнезда,

Не откликается птенец из гнезда.

Застонал орел, несутся стоны к небу,

Завопила орлица, пронзает вопли бездну.

80

Орел стенапьями своими,

Орлица рыданиями своими,

Загнали горных богов Ануннаков.*

Как муравьев, в земные расселины.

Говорит орел своей орлице,

Говорит Анзуд своей орлице:

«В моем гнезде дыхание страха,

как в великих загонах Нанны.*

Мое гнездо предвещает ужас,

как хищники, свившиеся в драке!

Кто птенца из гнезда похитил?

Моего орленка из гнезда похитил?»

90

Вот орел к гнезду приближается,

Вот Анзуд к гнезду приближается,

Как жилище богов, гнездо сияет.

Сидит в гнезде его орленок,

Глаза сурьмой ему кто-то подкрасил,

Голову душистым можжевельником украсил,

Венец «Шугур» возложил на голову.

Орел хвалу себе возносит,
 Анзуд хвалу себе возносит:
 «Я — вершитель судеб быстротекущих потоков!
 Я — око истины, светлый советчик Энилиля! *
 Мой отец Энилиль меня поставил, *
 Привратником гор меня назвал он!
 Я судьбы решаю — кто их изменит?
 Я слова изрекаю — кто их изменит?
 Тот, кто гнездо мое изукрасил,
 Если ты бог — одарю тебя Словом, *
 Другом моим навски станешь!
 Если ты смертный — наделю Судьбою,
 Да не встретишь в горах соперников,
 Могучий герой, одаренный Анзудом!» *
 Лугальбанда в страхе и в радости,
 В страхе сердца, в радости сердца,
 Орлу вкрадчиво отвечает,
 Анзуду вкрадчиво отвечает:
 «О орел, в зеленых рощах рожденный! *
 О Анзуд, в зеленых рощах рожденный!
 В водоемах плещешься, омываясь! *
 Предок твой Ап, вершитель судеб,
 Вложил небо в твои руки, положил к твоим ногам землю!
 Раскинул ты крылья по небу сетью!
 В горные стада вонзаешь когти!
 Твоя спина — таблицы в знаках! *
 Бока — Змеебог, рассекающий воды! *
 Нутро — сад, цветущий на радость!
 Со вчерашнего дня я здесь обретаюсь, тебя дожидаюсь! *
 Орлица мне матушка, — говорит. —
 Ты мне батюшка, — говорит. —
 Да станут мне братьями твои орлятки.
 Со вчерашнего дня я тебя ожидаю в горах безлесых.
 Твоя орлица! Да осмелюсь ей пожелать здоровья!
 Да осмелюсь тебе пожелать здоровья!
 Да попрошу у тебя Судьбы!»
 Орел сам вышел к нему, радуется сму,
 Анзуд сам вышел к нему, радуется сму.
 Говорит Анзуд светлому Лугальбанде:
 «Ну что ж, мой Лугальбанда, *

- Как ладья с серебром, как ладья с зерном,
Как ладья, плодами груженная,
Как ладья, овощами полная,
Как ладья урожая богатого,
140 К кирпичам Кулаба победно вернись!»
Лутальбанда, *кто смотрит* в корень, не принимает дара.*
«Как у Шары, любимого сына Инанны,
Заблестят твои стрелы лучами солнца,
Засияет лук, как ясный месяц!
Да разят твои грозные стрелы, как змеи!
Как топор рассекает рыбу, заклинанием их направишь,*
Как балки для плота, соберешь их в связку!»
Лутальбанда, *кто смотрит* в корень, не принимает дара.
«Подобно Нинурте, сыну Энлиля,
150 Шлемом "Лев Битвы" главу покроешь!
Щитом-защитой, горой могучею, свою мощь удвоишь!
Вражьи страны сетью накроешь,
Во град вернешься с даром победным!»
Лутальбанда, *кто смотрит* в корень, не принимает дара.
«Изобилье светлых маслобоен Думузи!
Жир всего мира да будет с тобою!
Молоко всего мира да будет с тобою!»
Лутальбанда, *кто смотрит* в корень, не принимает дара.
Словно птичка речная, что облетает болото,
орлу отвечает.*
160 Орел слух к нему склоняет,
Говорит Анзуд светлому Лутальбанде:
«Что же ты, мой Лутальбанда!
Одари же меня заветным желаньем!
Бык-упрямец идет по следу.*
Хромой осел на верной дороге. Не нарушу слова!
Судьба твоя — в твоих желаньях!»
Светлый Лутальбанда ему отвечает:
«Да бегут мои ноги без утомленья! *
Да будут руки полны силой!
170 Раскину их в беге, и не ослабнут!
Как солнечный луч, как звезда восхода,*
Как семь огненных бурь Ишкура,
Пламенем взметнусь, молнией спущусь!
-

Куда взоры смотрят, хочу отправиться.

К желанному краю стоны направить!

Добраться до мест, куда сердце влечет!

Развязать сандалии, где сердце велит!

И если Уту пожелает, чтобы в Кулаб,

мой град, я вернулся,

Мой супротивник да не возрадуется.

Мой супостат — "Он вернулся!" — воскликнет!

Твой образ в дереве на диво всем изготовлю!

Твое имя в Шумере да будет прославлено! *

Достойно в храмах великих богов установлено».

Отвечает Анзуд светлому Лугальбанде:

«Да бсгут твои ноги без утомленья!

Да будут руки полны силой!

Раскинцѣ ихъ в бѣгѣ, и не ослабнутъ.

Как солнечный луч, как звезда восхода,

Как семь огненных бурь Ишкура,

Пламенем взметнешься, молнией оустишься!

Туда, куда взоры смотрят, отправимся.

К желанному краю стоны направишь!

Куда сердце влечет тебя, доберешься!

Где сердце велело, там развяжешь сандалии!

И когда пожелает Угу, и в Кулаб.

твой град, ты вернешься.

Твой супротивник да не возрадуется.

Твой супостат — "Он вернулся!" — воскликнет!

Мой образ в дереве на диво всем изготавишь!

Мое имя в Шумерс да будет прославлено!

Достойно в храмах великих богов установлено!

Как скороход, зашнуровешь сандалии.

Над Евфратом и рвами понесут тебя ноги».

Хлеб в дорогу ему не нужен.

Только оружие берет он с собою.

В поднебесье Анзуд несется.*

По земле Лугальбанда несется.

Орел с небес озирает землю.

ВЫСМАТРИВАЕТ ВОЙСКО УДУКСКОЕ.

Лутальбанда с земли следит за пылью.

ВЗДЫМАЕМОЙ ВОЙСКОМ УДУКСКИМ.

- 210 Говорит орел светлому Лугальбанде:
«Послушай меня, мой Лугальбанда,
Совет тебе дам, прими совет мой.
Слово скажу, со вниманием выслушай!
Все, что я тебе говорил, Судьбу, которой тебя одарил,
Друзьям своим не открывай,
Братьям своим не передавай!
В сердце добро со злом живет. Так-то вот! *
Ну, я — к своему гнезду, ты — к войску своему!»*
Орел к гнезду своему возвращается.
Лугальбанда к братьям держит путь.
- 220 Как птица из светлых тростниковых зарослей,*
Как боги Лахама из бездны Абзу,*
Как тот, кто с небес на землю спустился, —
Лугальбанда среди войск отборных,
среди собратьев появился.
Завоили, закричали братья.
Братья его, други его
Пристают с расспросами к Лугальбанде:
«Ах, наш Лугальбанда, как же ты здесь очутился?
Словно воина, в битве павшего, войско тебя оставило.*
Жира свежего ты не ел,
230 Молока чистого ты не пил,
Кто одиноко в горах неприступных скитается,
Не возвращается. Как ты вернулся?»
Снова братья и други его
Приступают с расспросами к Лугальбанде:
«Изобильные горные реки,
Где от берега берега не увидишь,
Как пересек ты? Выпил воду речную?»
Светлый Лугальбанда им отвечает:
«Изобильные горные реки,
240 Где от берега берега не увидишь,
Бедрами едва касаясь, что воду из бурдюка выпивал.*
Как волк яростен, я рычал, травы речных долин поедал.
Как голубь тучный, землю топтал,
"мыльные" травы гор пожирал».
О, Лугальбанда! Братья его, други его
Россказни эти приняли с верою.
-

Как воробыи, что держатся стаей,
 Обнимали его, целовали его,
 Как птенца «длинноножки», что сидит в гнезде,*
 Кормили его, поили его,
 Светлого Лугальбанду, излечили они его.
 Затем все, как один, за ним в Урук двинулись.
 Как поле на ветру, змеясь, горы пересекают.*
 В двух двойных часах пути до города,
 Перед укреплениями Аратты,*
 Окопались войска Кулаба и Урука.
 Из города дротики — что дождь из тучи,
 Как тяжелый град, летят камни.*
 За стенами Аратты — гам и кличи.
 День проходит, истекает месяц,
 уж и год к матери своей вернулся,
 Новый урожай дарует небо.
 Они же злобно на поля смотрят,
 страх забирается под самую кожу.
 Как тяжелый град, летят камни,
 Загромождали пути-дороги,
 Горные деревья стеною встали.
 Драконами свились друг с другом.*
 Как к городу подойти, никто не знает,
 И в Кулаб пойти никто не отважится.
 Тогда Энмеркар, сын Уту,
 Задрожал, зарыдал, исторг вопли.
 Кого в город послать, он разыскивает,
 Посланца в Кулаб он отыскивает.
 Но никто не скажет: «Пойду в город!»
 Никто не скажет: «В Кулаб отправлюсь!»
 К отрядам наемников он обращается.*
 Но никто не скажет: «Пойду в город!»
 Никто не скажет: «В Кулаб отправлюсь!»
 К отрядам лазугчиков он обращается.*
 Но никто не скажет: «Пойду в город!»
 Никто не скажет: «В Кулаб отправлюсь!»
 Вновь к отрядам наемников он обращается.
 Но никто не скажет: «Пойду в город!»
 Никто не скажет: «В Кулаб отправлюсь!»

К отрядам лазутчиков он обращается.

Один Лугальбанда среди всех подымается, так он молвит:

«Вождь мой! Я в город пойду!

Пусть никто не идет со мною!

Я один в Кулаб пойду! Пусть никто не идет со мною!»

«Ну что ж, иди в город, пусть никто не идет с тобою.*

Один в Кулаб пойдешь — иди!

Пусть никто не идет с тобою!

Клятву небес и земли призываю —

289a Великие Сутн Кулаба да *будут с тобою!»*

290 В справедливом собрании воинов,

Во дворце, воздвигнутом как твердыня,*

Эмеркар, сын Уту,

Твердое слово Инанне послал:

«С тех пор, как владычица-сестра моя, светлая Инанна,*

В горах камней драгоценно сияющих *

295a Светлым сердцем своим меня избрала,

К кирпичам Кулаба вступить дозволила,

Воистину был Урук болотом, водой покрытым,

Воистину были сухие кочки, тополями заросшие,

Воистину сухой тростник в зарослях с зеленым мешался.

300 Милостью Энки, владыки Эреду,

Я тростник сухой вырвал, воду я отвел.

Полвека я строил, полвека трудился.

И во всем Шумере и Аккаде *

Поднялись Марту, племена кочевые, что не ведают хлеба.

Стена Урука, как птичья сеть, распростерлась над степью.

*Но ныне Большая Земля погребла мое ликование.**

Как корова с теленочком связана,

войско мое со мною связано.

Но, как дитя, что, на мать разгневавшись, город покинуло,

Владычица-сестра моя, светлая Инанна,

310 У кирпичей Кулаба меня покинула.

Если город она любит, а меня не любит,

То зачем город ко мне привязала?

Если город не любит, а меня любит,

То зачем меня к городу привязала?

Жрица небес! Как Анзуд птенца,*

Меня оставила,

Светлый лик отвратила!

Да позволит к кирпичам Кулаба вернуться!
 Кошье мое к тем дням готово,
 Но щит мой она разбила!
 Владычице-сестре моей, светлой Инанне так скажи!»
 Светлый Лугальбанда из дворца выходит.
 Братья его, друзья его,
 Как пса-чужака в стае диких псов, хватали его, рвали его!
 Как осел-чужак, из стада ослов ловко выскользнул он!
 «Ну, ступай в Урук за господина,*
 За Энмеркара, за сына Уту».
 «Да, в Кулаб я пойду один, совсем один,
 И никто не пойдет со мною» — так он молвит им.
 «Отчего один-одинешенек кладешь голову на дорогу?
 Словно воина, в битве павшего,
 войско тебя не бросило ли?»
 Если добрый Удуг наш не встанет рядом,*
 Наша добрая Лама не пойдет с тобою,
 На нашей стоянке тебе не стоять,
 В нашем жилище тебе не жить,
 По нашим дорогам тебе не бродить!
 Тот, кто в горах неприступных скитается,
 Не возвращается! И ты не вернешься!»
 «Да уж издавна известно, и доподлинно,*
 Что со мною вы в Земле Большой не встанете!»
 О, Лугальбанда! Сердца его братьев рвутся,
 Сердца друзей беспокойно бьются.
 Хлеб в дорогу ему не нужен,
 Только оружие берет он с собою.
 От подошвы горы к вершине и в низину,*
 От границ Аншана до «главы Аншана»
 Пять гор, шесть гор, семь гор пересек
 И к полночи к трапезе светлой Инанны поспел.
 К кирпичам Кулаба приблизился в радости.
 Госпожа его, светлая Инанна,
 Восседает там в своем покое,
 Перед ней склонился, на земле распростерся.
 Как она на пастуха Амаушумгальанну смотрит,*
 Так на светлого Лугальбанду она посмотрела,
 Как она с сыном своим Шарой разговаривает,

Так со светлым Лугальбандой заговорила:

«О мой Лугальбанда!

По какому делу из города пришел?

Как один из Аратты прибрел?»

Светлый Лугальбанда ей отвечает:

«Вот, что твой брат сказал, вот, что прибавил,

Вот, что Энмеркар, сын Уту, сказал, вот, что прибавил:

360

"С тех пор, как владычица-сестра моя, светлая Инанна,

В горах камней драгоценно сияющих

361

Светлым сердцем своим меня избрала,

К кирпичам Кулаба вступить дозволила,

Воистину был Урук болотом, водой покрытым,

Воистину были сухие кочки, тополями заросшие,

Воистину сухой тростник в зарослях с зеленым мешался.

Милостью Энки, владыки Эреду,

Я тростник сухой вырвал, воду я отвел.

Полвека я строил, полвека трудился.

И во всем Шумере и Аккаде

370

Поднялись Марту, племена кочевые, что не ведают хлеба,

Стена Урука, как птичья сеть, распростерлась над степью.

Но ныне Большая Земля погребла мое ликованье.

Как корова с теленочком связана,

войско мое со мною связано.

Но, как дитя, что, на мать разгневавшись, город покинуло,

Владычица-сестра моя, светлая Инанна,

У кирпичей Кулаба меня покинула.

Если город она любит, а меня не любит,

То зачем город ко мне привязала?

380

Если город не любит, а меня любит,

То зачем меня к городу привязала?

Жрица небес! Как Анзуд птенца,

Меня оставила,

Светлый лик отвратила!

Да дозволит к кирпичам Кулаба вернуться!

Копье мое к тем дням готово,

Но щит мой она разбила!

Владычице-сестре моей, светлой Инанне так скажи!"»

Светлая Инанна ему отвечает:

390

«Ныне в сверкающих водах, в сверкающих реках,

В потоках лазурных струй Инанны,

У истоков вод, на лугах-берегах долинных.

Рыба, мохнатая, как козленок,

сладкую луговую траву пожирает,*

Маленькая крапивница-рыбка

"мыльную" горную траву пожирает,

Исполинская рыба, что, как бог между рыбами,

Среди них резвится, хвостом играет.

Блестит чешуя ее хвоста в священном месте,

среди сухих тростников.

А вокруг тамариски растут в изобилии.

Пьют тамариски воду болот.

И стоит одиноко, стоит одиноко,

Тамариск в стороне стоит совсем одиноко.

Если Энмеркар, сын Уту,

Тамариск тот срубит, из ствола его чан выдолбит,

Сухой тростник в священном месте,

с корнями он его вырвет,

Исполинскую рыбу, что, как бог между рыбами,

играет-плещется,

Эту рыбу поймает, сварит, украсит,

На мече боевом Инанны съест,*

Войска его сдвинутся с места,*

Жизнь Аратты поглотит пучина,*

Серебро очищенное он захватит,*

Лазурит шлифованный он захватит,

Мечом и огнем ее завоюет,*

Все литейные формы Аратты возьмет с собою.*

Зубцы Аратты — лазурит зеленый,

Стена и башни — глянцево-красные,

Глина ее — оловянные слитки — "небесная глина",*

Что добыта в горах лесистых».

Светлый Лугальбанда! Хвалебная песнь — тебе!

ПОСЛЫ АГИ...

Гильгамеш и Ага

Послы Аги, сына Эн-Мебарагеси,
Из Киша в Урук к Гильгамешу явились.

Гильгамеш перед старцами своего города

Слово говорит, слова их ищет:

«Чтобы нам колодцы вырыть,

все колодцы в стране вырыть.

Большие и малые в стране вырыть,

Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,

Перед Кишем главы не склоним, Киш оружием сразим!»

Собрание старцев города Урука

10

Гильгамешу отвечает:

«Чтобы нам колодцы вырыть,

все колодцы в стране вырыть,

Большие и малые в стране вырыть,

Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,

Перед Кишем главу склоним, Киш оружием не сразим!»

Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,

На Инанну он надеется.*

Слова старцев не принял сердцем.

И второй раз Гильгамеш, жрец Кулаба,

20

Перед мужами города слово говорит, слова их ищет:

«Чтобы нам колодцы вырыть,

все колодцы в стране вырыть,

Большие и малые в стране вырыть,

Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,

Перед Кишем главы не клоните, Киш оружием разите!»

Собрание мужей города Урука

Гильгамешу отвечает:

«О стоящие, о сидящие!

За военным вождем идущие!

Бока осла сжимающие!

Кто для защиты города дышит? — *

30

Перед Кишем главы не склоним, Киш оружием сразим!

Урук — божьих рук работа,*

Эана — храм, спустившийся с неба:

Великие боги его создавали! *

Великой стены — касание грозных туч,
 Строенья могучего — созиданье небесных круч. — *
 Отныне хранитель, военный вождь-предводитель — ты!
 Отныне воитель, Аном любимый князь — ты! *
 Как можешь ты страшиться Аги?
 Войско Аги мало, редуют его ряды,
 Поднять глаза его люди не смеют!»
 Тогда Гильгамеш, жрец Кулаба, —
 Как взпырало сердце от речей воинов,
 взвеселилась печень! —
 Говорит слуге своему Энкиду:
 «Ныне мотыгу секира заменит! *
 Боевое оружие к бедру твоему вернется,
 Сияньем славы его покроешь!
 А Агу, как выйдет он, мое сиянье покроет!
 Да смешаются мысли его, помутится рассудок!»
 И пяти дней нет, и десяти дней нет,
 А уж Ага, сын Эн-Мебарагеси, на подступах к Уруку.
 Смешались мысли Урука,
 Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,
 Мужам своим доблестным молвит слово:
 «Герои мои! *Острогляды* мои! *
 Отважный да встанет, к Аге пойдет!»
 Гиришхуртура, главный советчик вождя, *
 Вождю своему хвалу возносит!
 «Воистину я к Аге пойду!
 Да смешаются мысли его, помутится рассудок!»
 Гиришхуртура из главных ворот выходит.
 Гиришхуртуру у главных ворот, при выходе,
 При выходе у главных ворот схватили.
 Тело Гиришхуртуры они истязают.
 К Аге его приводят.
 К Аге он обращается.
 Он говорит, а *кравчий* урукский поднимается по стене.
 Через стену голову свесил.
 Ага его там приметил,
 Гиришхуртуре говорит:
 «Слуга! Муж сей — вождь твой?»
 «Муж сей не вождь мой!
 Ибо вождь мой — воистину муж!

Чело его грозно, воистину так!

Гнев тура в очах, воистину так!

Борода — лазурит, воистину так!

Милость в пальцах, воистину так!

Разве он не поверг бы людей,

разве он не вознес бы людей? *

С пылью он не смешал бы людей?

Страны враждебные не сокрушил бы?

Прахом "уста земель" не покрыл бы?

80

Лады грузеной нос не отсек бы? *

Агу, вождя Киша, средь войска его в плен бы не взял?»

Они его бьют, они его рвут,

Тело Гиришхуртуры они истязают,

Вслед за *кравчим* урукским Гильгамеш на стену поднялся.

На малых и старых Кулаба пало его сиянье.

Воины Урука схватились за оружие свое боевое,

У ворот городских и в проулочках встали.

Энкиду вышел из городских ворот.

Гильгамеш через стену голову свесил.

90

Ага его там заметил.

«Слуга! Муж сей — вождь твой?»

«Муж сей — вождь мой!

Верно сказано, воистину так!»

Людей он поверг, людей он вознес,

С пылью он людей смешал,

Страны враждебные он сокрушил,

Прахом «уста земель» покрыл,

Лады грузеной нос отсек,

Агу, вождя Киша, средь войска его в плен забрал.

100

Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,

Обращается к Аге: *

«Ага — староста у меня, Ага — смотритель работ у меня!

Ага — начальник в войсках у меня!

Ага, птицу-беглянку ты кормишь зерном!

*Ага, ты беглецов возвращаешь домой! **

Ага, ты вернул мне дыханье, Ага, ты вернул мне жизнь!»

«Урук — божьих рук работа! *

Великой стены — касание грозных туч, —

Строенья могучего — созиданье небесных круч, —

Ты хранитель, вождь-предводитель — ты!

Воитель, Аном любимый князь!

Пред Уту прежнюю силу себе вернул.

Агу для Киша освободил!

О Гильгамеш, верховный жрец Кулаба,

Хороша хвалебная песнь тебе!»

ЖРЕЦ К «ГОРЕ БЕССМЕРТНОГО»...

Гильгамеш и Хувава

Жрец к «Горе Бессмертного» обратил помыслы,*
Жрец Гильгамеш к «Горе Бессмертного»
обратил помыслы.

Рабу своему Энкиду молвит слово:

«Энкиду, гаданье на кирпиче не сулит жизни! *»

В горы пойду, добуду славы!

Среди славных имен себя прославлю!

Где имен не славят, богов прославлю!»

Раб его Энкиду ему отвечает:

«Господин, если в горы пойдешь, Уту оповести!

Бога Уту, героя Уту оповести!

Горы! Они — творение Уту, Уту оповести!

Горы, где рубят кедры, — творенье героя Уту,

Уту оповести!»

Вот Уту в небесах диадемой лазурной себя венчал,

С воздетой главой по небу пошел.

Гильгамеш козленка чистого, светлого взял,*

Козленка рыжего, жертвенного к груди прижал,

Руку к устам в молитве поднес,

Богу Уту на небеса кричит:

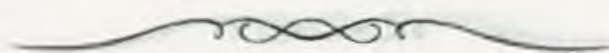
«Уту, в горы стремлю я путь, ты ж помощником мне будь!

В горы кедров стремлю я путь,

ты ж помощником мне будь!»

Уту с небес ему отвечает:

«Могуч и почитаем ты, зачем же в горы стремишься ты?»

Как близнецы, откликнулись люди.

«Семью имеющий — к семье своей!

Мать имеющий — к матери своей!

Молодцы одинокие — ко мне! Пятьдесят из них

за мною да встанут!»

Семью имеющий — к семье своей!

Мать имеющий — к матери своей!

Молодцы одинокие — к нему, пятьдесят из них

за ним встало.

К дому кузнеца он держит путь.

Медный топор по руке богатырской отлили ему.*

В темный средь поля сад он держит путь.

Крепкое древо — яблоню, самшит срубили ему.*

Его сограждане, его сопутники берут их в руки.

И вот первый, старший брат,

лапы льва и когти орла у него,*

На шесте к горе воистину его приносят.

Первую гору перевалили, кедров в горах не увидали.

Семь гор перевалили.

Гор, где кедры рубят, не достигли.

Жрец Гильгамеш, срубающий кедры, — *

Кедры! Их рубить Гильгамешу, —

Жрец Гильгамеш привал устроил.

<...>

Как мгла пустыни, охватил его сон.

Удел человека, объял его сон.

Его сограждане, его сопутники,*

У подножья горы бьют в барабаны!

Это сон, и во сне — виденье!

Спроси его — молчанье в ответ!

Коснись его — он не встанет,

Зови его — он не ответит.

«О ты, кто спит, о ты, кто спит!

Гильгамеш! Жрец! Сын Кулаба! Доколе ты будешь спать?

Нахмурились горы, бросили тень,

Заря бросила свет вечерний.

Уту к матери своей Нингаль, главу воздев, домой ушел.

О Гильгамеш, доколе ты будешь спать?

Твои сограждане, твои сопутники,

У подножья горы вокруг тебя столпились.

Мать-родительница твоя да не пожалуется на тебя
на улицах города твоего!»

Светел разумом, он проснулся.*

Своим Словом геройским как плащом покрылся.

Одеянье дорожное легкое берет,

*грудь свою им покрывает.**

Как бык «Земли великой» встал.*

Лицо к земле склонил, зубами заскрежетал.

«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего
светлого Лугальбанды клянусь!

90

Не возрастал ли я, удивляя всех, на коленях Нинсун, моей
матушки-родительницы? Да свершу сие!»

И второй раз воистину он сказал:

«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего
светлого Лугальбанды клянусь!

Доколе муж тот — муж ли он, бог ли он, —

доколе не будет схвачен он,*

В горы буду стремить мой путь, от города —

прочь стремить мой путь!»

Верный раб произносит слово, жизнь сохраняющее слово.

Своему господину молвит слово:

«Господин, ты мужа того не видел —

не трепетало сердце! *

Я мужа того видел — трепетало сердце!

Богатырь! Его зубы — зубы дракона!

100

Его лик — лик львиный!

Его глотка — поток ревущий!

Его чело — жгучее пламя! Нет от него спасения! *

Господин мой, тебе — в горы, а мне — в город!

О закате светоча твоего матери родимой твоей скажу,

заголосит она,

О гибели твоей затем скажу, завопит она!»

«Никто другой за меня не умрет! *

100a

Лодка с грузом в воде не тонет!

Нить тройную нож не режет!

Один двоих не осилит!

В тростниковой хижине огонь не гаснет.

110

Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой,

что может нас погубить?

Когда затоплена, когда затоплена,*
 Когда ладья Магана была затоплена,
 Когда ладья Магилума была затоплена,
 То в ладью "Жизнь дающая" все живое было погружено!
 Давай-ка твердо встанем здесь, на него мы глянем здесь!
 Если мы встанем здесь,
 Увидишь блеск, увидишь блеск — тогда вернись!
 Услышишь вой, услышишь вой — тогда вернись!»
 «За тебя воистину встану я! Одного тебя
 не оставляю я!»...

Он шестидесяти шагов не сделал —
 Перед ним Хуава среди кедрового леса.
 Взглянул на них — во взгляде смерть!
 Чело повернул — гибель в челе!
 Крик издал — проклятия крик!
 Герой-богатырь! Крик его — буря!
 Гильгамеш осторожно к нему придвигается.*
 С речами лукавыми к нему обращается.

(Разбито около 6—8 строк.)

«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего
 светлого Лугальбанды клянусь!

Воистину горы — жилище твое, горы — логовище твоё!»

«Воистину он знает!»*

«Ради потомства моего я в горы твои да войду.*

В плоть твою да войду! В твои владения вступлю!»*

Для ног твоих, малых ног,

Сандалии малые сделаю я!

Для ног твоих, больших ног,

Большие сандалии сделаю я!»

Луч ужаса, луч сияния, первый свой, Хуава сбросил им.*

Сограждане Гильгамеша, спутники Гильгамеша,

Срубили ветви его, связали ветви его,

К подножью горы сложили его.

Луч ужаса, луч сияния, свой второй, Хуава сбросил им.

Сограждане Гильгамеша, спутники Гильгамеша,

Срубили ветви его, связали ветви его,

К подножью горы сложили его,

- 148(79) Родимой матери я не ведаю, отца-родителя я не знаю!
- 149(80) В горах я родился, воистину ты — родитель мой!»
- 150(81) Гильгамеша душою небес заклинал,
душою земли заклинал,
душою недр заклинал!
- За руку его хватал: «*Перед тобою склонюсь!*»
- Тогда Гильгамеш, сын Нинсун, смягчился сердцем,
Рабу Энкиду молвит слово:
- «Пусть, Энкиду, плененная птица
к гнезду своему вернется?
Воин плененный к материнскому лону вернется!»
- Энкиду Гильгамешу отвечает:
- «Если самый высокий не сознает деяний,*
- 157и Если самый огромный не сознает деяний,
- 157б Если самый мудрый не сознает деяний,
Судьба пожирает его, судьба, что не знает различий!
- Если плененная птица к гнезду своему вернется,
160 Если воин плененный к материнскому лону вернется,
- 161(87) То к матери, тебя породившей, ты не вернешься!
- (88) Героя плененного освобожденного, эна плененного,
в *гинар* возвращенного,
- (89) Жреца плененного, весельем полного, —
издревле кто подобное видел?
- (90) Он преградит тебе горные тропы,
Разрушит тебе пути-дороги».
- (92) Хуава слышит слово Энкиду,
- 162(93) Хуава молвит Энкиду слово:
- 163(94) «Злые речи сказал обо мне Энкиду!
- 164(95) Наймит, что за пищу себя продает,*
- 164а Позади соперника идет,
- 164б Сказал обо мне злые речи!»
- 165(96) Как только это он сказал,
166 Его судьбу они решили.
- (97) Сам Энкиду в гнев своем
- 167(98) Срубил ему голову, обвернул *тканью*.
К богу Энлилю, к богине Нинлиль они пришли.*
- 170 Когда Энлиль и Нинлиль к ним повернулись,
Когда перед Энлилем поцеловали землю,
Покров развернули, голову вынули,
Перед Энлилем положили.

Когда в печках Страны плавильные тигли делать стали,
вот когда

Когда небеса от земли отделились, вот когда,

Когда земля от небес отодвинулась, вот когда,

Когда имя человеков установилось, вот когда,

Когда Ан себе пебо унес, вот когда,

А Энлиль себе землю забрал, вот когда,

Когда Эрешкигаль подарком брачным миру подземному
подарили, вот когда,*

Когда в плаванье он отправился, когда в плаванье
он отправился, вот когда,

Когда Отец миром подземным поплыл, вот когда,

Когда Энки миром подземным поплыл, вот когда, —

К господину маленькие кидаются,*

К Энки огромные мчатся,

Маленькие эти есть камни руки,

Огромные — камни, что заставляют плясать тростники.

Вокруг кия ладьи Энки

Они рассыпаются, как черепахи,

Перед носом ладьи господина

Вода, словно волк, все пожирает,

За кормою ладьи Энки

Вода, словно лев, свирепствует, —

Тогда, в те дни, одно дерево,

единственное дерево, хулулли-дерево,*

На берегу Евфрата чистого посажено,

Воды Евфрата пьет оно, —

Ветер южный с силою налетает, корни его вырывает,
ветви его ломает,

Евфрат волною его сбивает.

Жена. Ана словам покорная, идет,*

Энлиля словам покорная, идет,

Дерево рукою своєю берет, в Урук приносит.

В сад цветущий Инаины его вносит.

Жсна рук не покладает, дерево опекает,*

Жена глаз не спускает, рук не покладает,

дерево опекает.

«Когда на престол великолепный — да воссяду?» —
вопрошает.

«Когда на ложе великолепное — да возлягу?» —
 вопрошает.

40 Пять лет прошло, десять лет прошло.
 Древo взросло, кору его не расколоть.*
 В корнях его змея, заклятий не ведающая,
 гнездо устроила.

В ветвях его Анзуд-птица птенца вывела.*
 В середине его Лилит-дева жилье себе соорудила.
 Дева белозубая, сердце беззаботное.
 Светлая Инанна, как горько она плачет!

На рассвете, когда небосвод озарился,
 Когда на рассвете зашумели птицы,
 Уту из опочивальни вышел,
 50 Сестра его светлая Инанна,
 К Уту-герою она взывает:
 «Брат мой, в те предвечные дни,
 когда присуждали судьбы,*

Когда изобилие излилось над Страною,
 Когда Ан небеса унес, вот когда,
 А Муллиль себе землю забрал, вот когда,*
 Когда Гашангаль подарком брачным*

в Кур подземный подарили, вот когда,
 Когда в плаванье он отправился, когда в плаванье
 он отправился, вот когда,

Когда Отец в Кур подземный поплыл, вот когда,
 Когда Аманки в Кур подземный поплыл, вот когда, — *

60 Ко владыке малые кидаются,*
 К Аманки великие мчатся,
 Малые эти есть камни руки,
 Великие — камни, что заставляют плясать тростники.

Вокруг киля ладьи Аманки
 Они рассыпаются, как черепахи,

Пред носом ладьи владыки
 Вода, словно волк, все пожирает,

За кормою ладьи Аманки
 Вода, словно лев, свирепствует, —

70 Тогда, в те дни, одно деревце, единственное деревце,
 хулуину-деревце,

На берегу Евфрата чистого посажено,

Воды Евфрата пьет оно, —

Ветер южный с силою валетает, корни его вырывает,

ветви его ломает,

Евфрат волною его сбивает,

Женушка, Ана словам покорная, идет,*

Муллия словам покорная, идет.

Деревце рукою своею взяла, в Урук принесла,

В сад цветущий Гашанны его внесла.*

Я, женушка, рук не покладала, деревце опекала.

Я, Гашанна, рук не покладала, глаз не спускала,

деревце опекала.

"Когда на престол великолепный — да воссяду?" —

вопросала.

"Когда на ложе великолепное — да возлягу?" —

вопросала.

Пять лет прошло, десять лет прошло.

Деревце возросло, кору его не расколоть.

В корнях его змея, заклятий не ведающая, гнездо устроила.

В ветвях его Анзуд-птица птенца вывела,

В середине его Лилит-дева жилье себе соорудила.

Дева белозубая, сердце беззаботное».

Светлая Инанна, как горько она плачет!

Брат ее, герой Уту, на эти слова ее не отозвался.

На рассвете, когда небосвод озарился,

Когда на рассвете зашумели птицы,

Уту из опочивальни вышел,

Сестра его светлая Инанна,

К Гильгаменту могучему она взывает:

«Брат мой, в те предвечные дни, когда присуждали судьбы,

Когда изобилие излилось над Страною,

Когда Ан небеса унес, вот когда,

А Муллиль себе землю унес, вот когда,

Когда Гашангаль подарком брачным

в Кур подземный подарили, вот когда,

Когда в плаванье он отправился, когда в плаванье

он отправился, вот когда,

Когда Отец в Кур подземный поплыл, вот когда,

Когда Аманки в Кур подземный поплыл, вот когда, —

Ко владыке малые кидаются,

К Аманки великие мчатся,

- Малые эти есть камни руки,
 Великие — камни, что заставляют плясать тростники,
 Вокруг кия ладьи Аманки
 Они рассыпаются, как черепахи,
 110 Перед носом ладьи владыки
 Вода, словно волк, все пожирает,
 За кормою ладьи Аманки
 Вода, словно лев, свирепствует, —
 Тогда, в те дни, одно деревце, единственное деревце,
 хулулли-деревце,
 На берегу Евфрата чистого посажено,
 Воду Евфрата пьет оно,
 Ветер южный с силою налетает, корни его вырывает,
 ветви его ломает,
 Евфрат волною его сбивает.
 120 Жenuшка, Ана словам покорная, идет,
 Муллиля словам покорная, идет,
 Деревце рукою своею берет, в Урук приносит,
 В сад цветущий Гапананны его приносит,*
 Жenuшка рук не покладает, деревце опскает,
 Гапанна рук не покладает, глаз не спускает,
 деревце опекает.
 "Когда на престол великолепный — да воссяду?" —
 вопрошает.
 "Когда на ложе великолепное — да возлягу?" —
 вопрошает.
 Пять лет прошло, десять лет прошло.
 Деревце выросло, кору его не расколоть.
 В корнях его змея, заклятий не ведающая,
 гнездо устроила,
 130 В ветвях его Анзуд-птица птенца вывела.
 В середине его Лилит-дева жилье себе соорудила.
 Дева белозубая, сердце беззаботное.
 Я, Гапанна светлая, как горько я плачу!»*
 На слова, что сестра его промолвила,
 Брат ее, Гильгамеш могучий, на слова ее отозвался.
 Пудовым поясом стан опоясал,*
 Что пуд ему, что пушиночка.*
 Бронзовый топор, свой топор дорожный,
 Что в двадцать пудов, да и с четвертью, в руку взял.*

В корнях змею, что заклятий не ведает, он убил.
В ветвях Анзуд-птица птенца своего схватила,
в горы полетела.

В середине Лилит-дева дом свой разрушила.*

В разорении бегством спасается.

А дерево — корни его он разрубил, ветви его он расщепил.

Сотраждане его, что с ним вместе были.

Ветви его отрезали, повязали.

И сестре своей, чистой Инанне, для престола ее он дал.

Для ложа ее он дал.

Он же из корней барабан себе сделал волшебный, Пукку.*

Из ветвей барабанные палочки сделал волшебные, Микку.

Барабан громкоговорливый, он барабан

на просторные улицы выносит.

Громкоговорлявый, громкоговорливый.

на широкую улицу его он выносит.

Юноши сго града заиграли на барабане.*

Они, отряд из детей вдовых, что без устали скачут.

«О, горло мое, о, бедра мои!» — так они громко плачут.

Тот, кто мать имеет. — она сыну еду приносит.

Кто сестру имеет — она воду изливает брату.

Когда же наступил вечер,

Там, где стоял барабан, он место то пометил.

Он барабан пред собою возвел, он в дом его внес.

Когда же наступило утро, там, где место его он пометил,

там, где они плясали.*

От проклятий, от вдовьих.

От воплей маленьких девочек — «О, Уту!» —

Барабан вместе с палочками барабанными

К ЖИЛЬЮ ПОДЗЕМНОГО МИРА УПАЛИ.*

Он пытался, он не достал их.

Он руку тянул, он не достал их.

Он ногу тянул, он не достал их.

Там, пред вратами входными Ганзира, пред вратами

ПОДЗЕМНОГО МИРА ОНИ ЛЕЖАТ.

Гыльгамеш роняет слезы, позеленел от горя.

«О, мой барабан, о, мои палочки!

Барабан, его роскошью я не насытился.

Его полнозвучием я не патешился!

Когда б барабан мой в доме плотника еще был! *

Свежим жертвенным маслом из каменного сосуда

он умастился — *

На ароматы вокруг него они собрались.

Копье в мир подземный он бросает —

Копьем убитые его окружают.

Жезл кизилковый в руку свою берет он —

Духи мертвых его хватают.

Обувь на ноги он надевает —

Трещины в мире подземном делает.*

Жену любимую он целует,

Жену нелюбимую он побивает,

Дитя любимое он целует,

Дитя нелюбимое он ударяет, —

Вопль подземного мира его хватает.

Та, что лежит, та, что лежит, мать бога Ниназу,

та, что лежит,*

Ее светлые плечи не покрыты одеждой,

Не покрыты ее светлые груди,

сосудам для благовоний подобные.

Когда Энкиду из мира подземного хотел подняться,

Намтар не схватил его, Азаг не схватил его,

Земля схватила его.*

Нергала страж беспощадный не схватил его,

Земля схватила его.

На поле сраженья мужей он не пал, Земля схватила его.

Гильгамеш, могучий сын Нинсуи,

В храм Экур к Энлилю одиноко бредет,

Перед Энлилем он рыдает:

«Отец Энлиль, мой барабан к подземному миру упал,

мои палочки к Ганзиру упали.

Энкиду вернуть их спустился, мир подземный

его схватил.

Намтар не схватил его, Азаг не схватил его,

мир подземный его схватил.

Нергала страж беспощадный его не схватил,

мир подземный его схватил.

На поле сраженья мужей он не пал,

мир подземный его схватил».

- 230 Отец Энлиль на слова его не отозвался,
и в Эредуг он побрел.*
В Эредуг к Энки одиноко побрел,
Перед Энки он рыдает:
«Отец Энки, мой барабан к миру подземному упал,
мои палочки к Ганзиру упали.
Энкиду вернуть их спустился, мир подземный
его схватил.
Намтар не схватил его, Азаг не схватил его,
мир подземный его схватил.
Нергала страж беспощадный его не схватил,
мир подземный его схватил.
На поле сраженья мужей он не пал,
мир подземный его схватил».
- Отец Энки на слова его отозвался,
К могучему Уту-герою, богинею Нингаль рожденному сыну,
он обратился:
- 240 «Давай-ка, дыру подземного мира открой!
Слугу его из подземного мира к нему подними!»
Он открыл дыру подземного мира.
Порывом ветра слуга его из подземного мира поднялся.*
Обнимаются, целуются.*
Вздыхают, разговаривая.
«Законы подземного мира видел?»
«Да не скажу тебе, друг мой, да не скажу! *
Если скажу тебе о подземного мира законах,
Ты сядешь, рыдая». — «Пусть я сяду, рыдая».
- 250 «Тело мое, к которому ты прикасался,
свое радовал сердце,
<...>*
- 252 *Словно старую тряпку, заполнили черви,
Словно расщелина, забито прахом».*
«О, горе!» — вскричал он и сел на землю.*
«Того, у кого один сын, ты видел?»
«Да, видел».
«Каково ему там?»
«Он тот, кто перед колышком, в стену вбитым,
горько рыдает».

«Того, у кого два сына, видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Он тот, кто на двух кирпичях сидит, хлеб вкушает».

«Того, у кого три сына, ты видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Он подобен тому, кто пьет воду в степи из бурдюка,

слабеньким отроком принесенного».

«Того, у кого четыре сына, ты видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Подобно тому, кто запряг четырех ослов,

веселится сердцем».

«Того, у кого пять сыновей, ты видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Словно добрый писец, чья рука искусна,

кто во дворец вступает смело».

«Того, у кого шесть сыновей, ты видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Подобно доброму земледельцу, он весел сердцем».

«Того, у кого семь сыновей, видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Словно друг богов, сидит в кресле,

музыкой танцев наслаждается».

«Того, кто наследника не имеет, видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Хлеб, кирпичу, разбитому ветром, подобный, он ест».*

«Дворпового свнуха видел, каково ему там?»

«Словно надсмотрщик, погоняющий криком,

стоит в углу».

«Жену нерожавшую видел?»

«Да, видел».

«Каково ей там?»

«Словно дурнем разбитый горшок, брошена жизнь ее,

никому не приносит радости».*

«Отрока юного, кто с лона супруги
не срывал одежды, видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Веревку в помощь я ему дал, над веревкою он рыдает».*

«Девушку юную, кто с супруга не срывала одежды,
ты видел?»

«Да, видел».

«Каково ей там?»

«Тростинку в помощь я ей дал,
над тростинкою она рыдает».

<...>*

288

«Он пищи лишен, он воды лишен, отбросы он ест,
помои он пьет,
за городской стеною живет».

<...>

290

«Он покрыт язвами, словно бык, которого едят слепни».*

«В битве павшего видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Его отец голову ему охватил, над ним рыдает».*

«Духа того, о ком позаботиться некому, видел?»

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Кусками подобранного хлеба, что на улицу брошены,
он питается».

«Человека, опорною связю сбитого и ею накрытого, видел?»*

"Горе матушке моей!" — он кричал,
когда свая его разрезала!»

«Дубинкою крошки своего хлеба он разбивает».

«Того, кто в расцвете умер, ты видел?»*

«Да, видел».

«Каково ему там?»

«Там, где ложе богов, и он лежит там».

300

«Моих младенцев мертворожденных,
кто себя не знает, видел?»*

«Да, видел».

«Каково им там?»

«Вкруг столов из золота и серебра,
где мед и прекрасные сливки,
резвятся».

«В огонь брошенного видел?» — «Нет, я его не видел.
Духа-призрака у него нет, дым его на небо вознесся».
Хвала! *

Дополнения по аккадской версии и по шумерскому фрагменту И 16878:

- A1.(150) «Того, чье тело брошено в поле, видел?»
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A2.(151) «Его дух не спит в подземном мире».
- A3.(1) «Того, кто с крыши упал, видел?»
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A4.(2) «Его кости, руки его не...»
- A5.(3) «Того, кто наводнением Ишкура сбит, ты видел?»*
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A6.(4) «Словно бык, он трясется, едят его слепни».
- A7.(5) «Того, кого в прах бросили, видел?»*
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A8.(6) «Он пищи лишен, он воды лишен, отбросы он ест,
помой он пьет,
- A9.(7) За городской стеною живет».
- A10.(8) «Того, кто слов матери и отца не чтит, ты видел?»
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A11.(9) «Воду мутную он пьет, воду горечи он пьет,
насыщенья не получает».*
- A12.(10) «Того, кто проклят матерью и отцом, ты видел?»
«Да, видел».
«Каково ему там?»
- A13.(11) «Он наследника не имеет, его дух одиноко блуждает».
- A14.(12) «Того, кто в расцвете умер, видел?»*
«Да, видел».
«Каково ему там?»

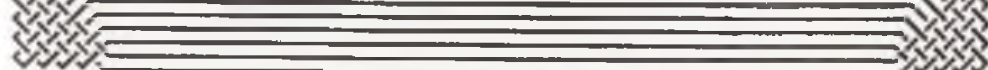
- A15.(13) «Его слова...»
- A16.(14) «Духа того, о ком позаботиться некому, видел?»*
 «Да, видел».
 «Каково ему там?»
- A17.(15) «Кусками подобранного хлеба, что на улицу брошены,
 он питается».
- A18.(1) «Монх младенцев мертворожденных,
 кто себя не знает, видел?»*
 «Да, видел».
 «Каково им там?»
- A19.(2) «Вкруг столов из золота и серебра,
 где мед и прекрасные сливки, резвятся».
- A20.(3) «В огонь брошенного ты видел?» — «Нет, я его не видел».*
- A21.(4) «Его дым к небесам вознесся,
 его призрак в Земле не живет».
- A22.(5) «Того, кто ложной клятвой Сумукана клялся,
 нарушил клятву, ты видел?»*
 «Да, видел».
 «Каково ему там?»
- A23.(6) «В местах водопоев подземного мира... он пьет».
- A24.(7) «Сынов Гирсу в Земле... отцов их, матерей их, видел?»
 «Да, видел».
 «Каково им там?»
- <...>
- A25.(9) «Марту сынов, что по вершинам гор рыскают, —
 там, в Земле, видел?»
- A26.(10) «Шумерийцев, аккадцев ты видел?»
 «Да, видел».
 «Каково им там?»
- A27.(11) «Воду лживых мест, воду темную они пьют...»
- A28.(12) «Отца моего, мать мою... ты видел?»
 «Да, видел».
 «Каково им там?»
- A29.(13) «... они пьют (?)»

ХРАМЫ ШУМЕРА. ВЛАДЫКИ ШУМЕРА

Текст
Введение
Главы
1. История Шумера
2. Шумеры
3. Шумеры и египтяне
4. Шумеры и аккадцы
5. Шумеры и хетты
6. Шумеры и ассирийцы
7. Шумеры и вавилоняне
8. Шумеры и персы
9. Шумеры и греки
10. Шумеры и римляне
11. Шумеры и славяне
12. Шумеры и современные народы

ХВАРИ ШАМЕРА.

ВЛАДИК ШАМЕРА

ЭНЛИЛЬ, ВСЕХ СТРАН ГОСПОДИН...

Надпись Энметены

I

- Э**нлиль,
Всех стран господин,
Всех богов отец,
Словом верным своим
Для Нингирсу
И Шары
Разграничил землю.
8—9 Месилим, царь Киша.
10 По Слову Инштарана
Поля измерил
И на месте том воздвиг Камень.
Уш,
14—15 Правитель Уммы,
То Слово,
Преступил,
Тот Камень
Вырвал,
20 В степи Лагаша
Двинулся.
Нингирсу,
Энлилев герой,
Словам своим верный,
С Уммою
26—27 Сражение устроил.
И по Слову Энлиля
Великую сеть на нее набросил.
30 Горы трупов
Устлали степи.
-

II

- Эаннатум,
 Правитель Лагаша,
 Дядя *
 Энметены,
 Правителя
 Лагаша,
 С Энакалле,
 Правителем
 10 Уммы,
 Вместе с ним установил границы.
 Пограничный ров от Инун-канала
 К полю Гуэден,
 Он его провел.
 Поле для Нингирсу,
 210 с половиною *еще* длиною,*
 В сторону Уммы
 Он отрезал,
 Поле, царя не имеющее,
 20 Установил.
 Камень-стелу у этого рва
 Он написал.
 23—24 Камень-стелу Месилима
 На прежнее место он вернул.
 Поля Уммы
 Он не забрал.
 Возвышение глиняное *
 Для Нингирсу
 30 В Намнундакигарре,
Престол для Эилиля,*
Престол для Нинхурсаг,
Престол для Нингирсу,

III

- Престол* для Уту
 Он построил.
 Зерно Нанише,*
 Зерно Нингирсу —
 По целому гуру *

Люди Уммы
 Как мзду брали.
 Присудили подать —
 144 000 больших гура
 10 Внесены были.
 Но дабы росту зерна помешать,
 Урлумма,
 Правитель
 Уммы,
 Из рва пограничного *
 Нингирсу,
 Из рва пограничного
 Нанше
 Воду отвел,
 20 А тот Камень-стелу
 Огню предал
 И расколол.
 Престолы, воздвигнутые богам,
 В Намнундакигарре
 Сооруженные,
 Он разрушил.
 Он чужеземные страны нанял,
 И ров пограничный
 30 Нингирсу
 Он пересек.
 Энанатум,
 Правитель
 Лагаша,
 На поле Угигта,
 На поле Нингирсу,

IV

С ним в битву вступил.
 Энметена,
 Сын возлюбленный
 Энанатума,
 Оружием его поразил,
 6—7 Урлумма от него бежал,
 В самой Умме
 Его он убил. *

- 10 Войско его — 60 их осталось —
 На берегах канала Илумгирнунта
 Он оставил.
 Людей его
 Те кости
 В степи он оставил,
 Горы групов
 В пяти местах
 Насьшал.
- 18a Тогда Иль,
 Храмоправитель Забалама,
- 20 Из Гирсу
 В Умму
 Вероломно
 Пошел.
 Иль
 Правление
 В Умме
 Захватил.
 Из рва пограничного
 Нингирсу,
- 30 Из рва пограничного
 Нанше,
 Возвышения глиняного
 Нингирсу.
- 33a Что на берегу Тигра поставлено,
 336 Возле Гирсу,
 В Намнундакигарре
 Эвлиля, Энки
 И Нинхурсаг, —
 Воду он там отвел.
 Из зерна для Лагаша лишь 3600 гур
 39a Он возместил.

V

Эмметена,
 Правитель
 Лагаша,
 Из-за рвов тех

- К Илю
Людей посылал.
Иль,
Правитель
Уммы,
10 Поля забравший,
Злобно заявил:
«Ров пограничный
Нингирсу,
Ров пограничный
Нанше —
Мои!»
16a Так он сказал.
«От Антасурры
До Эдимгальбзу
Я его протяну!»
20 Так он сказал.
Но Энлиль
И Нинхурсаг
Ему не позволили.
Энметена,
Правитель
Лагаша,
Чье имя назвал
Нингирсу,
По Слову истинному Энлиля,
30 По Слову истинному Нингирсу,
По Слову истинному Нанше,
Рвы эти от реки Тигра
До Инун-канала
Вырыл.
В Намнундакигарре
Его основание камнем одел.
Своему господину, кто его любит,
Нингирсу,
40 Своей владычице, кто его любит,
Нанше,
Он возвратил на свое место.
Энметена,

VI

Правитель
 Лагаша,
 Одаренный скипетром
 Эпхилем,
 Мудростью наделенный
 Энки,
 Сердцем избранный
 Нанше,
 Правитель великий
 10 Нингирсу,
 Тот, кто божьим словам
 Послушен,
 И пусть его бог-хранитель,
 Шульгуль,
 За жизнь
 Энметены
 Во все веки
 Нингирсу
 И Нанше
 20 Молит.
 А тот уммиец,
 Кто ров пограничный
 Нингирсу,
 Кто ров пограничный
 Нанше
 Силою,
 Дабы поля отнять,
 С севера перейти захочет.*
 30 Будь то уммиец,
 Будь то чужеземец,
 Эпхиль
 Его да уничтожит!
 Нингирсу
 34a Сеть свою великую
 Воистину на него набросит!
 Свою длань могучую, стону могучую
 Сверху на него поставит!

Пусть люди его града
Руку на него подымут!
Среди его собственного града
Воистину пусть его заколют!

КОГДА ВО ВСЕЛЕННОЙ РЕШАЛИ СУДЬБЫ...

Отрывки из строительной надписи правителя Гудеи
(цилиндр «А»)

I

Когда во Вселенной решали судьбы,
Великие Сути Лагаша главу к небесам воздели,
Энлиль на владыку Нингирсу посмотрел благосклонно.
«В нашем граде вседостойное да взойдет в сиянье!
Ко брегам своим паводок вернулся.*
Энлиля паводок ко брегам вернулся.
Паводок ко брегам своим вернулся.
Пусть искрятся высокие темные воды
 сверканием трепета благоговейного.
Воистину паводок Энлиля — Тигр,
 воду сладкую пусть приносит!»
Владыка храма так молвит:
«Энинну, Сути его во Вселенной воистину
 я сотворю в сиянье!»
Правитель, разумом мудрый, напрягает разум.
О великом деянии молится.
Быка совершенного, козленка достойного
 находит праведно.
На кирпич судьбы возлагает.
К построению храма пресветлого व्यо вздымает —
 готовится.
Господина своего в сновидении —
Гудеа владыку Нингирсу узрел.
О построения храма его тот ему сказал.

20 Эвинишу — Сути его огромны —
 Он ему показал.
 Гудеа смысла не понимает,*
 Словами теми тревожится.
 «А ну-ка, расскажу я ей, а ну-ка, расскажу я ей, —
 Да будет в том деле она со мной!
 Я — пастырь, она меня возвышала!
 Нечто мне в сновиденье явилось —
 Смысла его я не понял.
 Матери моей да принесу мой сон!

II

Прорицательница, всемудрейшая, вседостойная,
 Нанше, сестрица моя из Сирары,
 Пусть смысл его мне растолкует!»
 На ладью *магур* свою он вступает.*
 К ее граду, к Нанше по протоку бегущему
 ладью направляет,
 Протоку, что радостно гору высокую пробивает.*
 К Багаре, храму, что у протока стоит, приближается.
 Жертву хлебом принес, воду свежую холодную излил.
 Ко владыке Багары подходит, молитву ему произносит:
 10 «Герой, лев яростный, соперников не имеющий!
 Нингирсу, в Абзу *ты могуч*,
 В Ниппуре ты велик!
 Герой, то, что ты мне сказал,
 воистину да сотворю для тебя!
 Нингирсу, да построю тебе твой храм!
 Сути его воплощу совершенно!
 Сестра твоя, что рождена в Эрлуге,
 Достойновеликая, богов прорицательница,
 Нанше, сестрица моя из Сирары,
 Пусть воистину путь к тому укажет!»
 20 Мольбы его тот услышал.
 Господин молитвы и жертвы Гудеи,
 Владыка Нингирсу их принял.
 Гудеа в Багаре устроил праздник.
 Правитель к Гатумдуг,
 к опочивальне ее светлой подходит.*
 Жертву хлебом принес, воду свежую холодную излил.

К Гатумдуг пресветлой он подходит.
 Моление ей он произносит:
 «Госпожа, дитя, рожденное Аном!
 Достоинovelикая, что главу к небесам воздымает,

III

Что в стране проживает,
 Все, что граду ее потребно, — ведает,
 О госпожа, ты — мать-основатель Лагаша!
 На Страну ты глянепь — изобилие!
 На благочестивого посмотришь — жизнь его удлинится!
 Нет у меня матери — ты мне мать,
 Нет отца у меня — ты мне отец!
 Мое семя в утробе ты взрастила,

во святилище меня породила,

Гатумдуг моя светлая, добрая!

В ночи мне явлено:

Ты — меч мой большой, со мною рядом стоишь!

Ты зерно молодое в высокие воды ставишь,

Жизнь оно мне дает!

Ты — просторная сень, твоею тенью

Да буду храним, тебя почитая!

Рукою могучею власяницу справа,

Госпожа Гатумдуг моя, воистину сбрось мне!

Пойду я ко граду, мое знаменье да будет добрым,

К горе, что из воды вздымается, к Нанше.

Твой добрый Удуг да идет предо мною,

Твоя Лама благая пусть пойдет за мною,

Давай, пусть я ей расскажу,

Давай, пусть я ей расскажу,

В этом деле да будет она со мною,

Матушка, мое сновиденье пускай я ей принесу!

Прорицательнице достойномудрой,

Нанше, сестрице моей из Сирары,

Пусть она смысл мне его растолкует!»

Его мольбы она услышала.

IV

Госпожа молитвы его и жертвы

У Гудеи пресветлая Гатумдуг взяла.

На ладью *магур* свою он вступает,
У града Нанше, у причала Сирары он ладью свою ставит.
Правитель во дворе Сирары главу к небесам воздымает.
Жертвы хлебом приносит,

воду свежую холодную изливает.

К Нанше подходит, творит моление.

«Нанше, госпожа-владыка, госпожа Сутей,

в небесах превеликих,

Госпожа, подобно Эвилию присуждающая судьбы,

10

Моя Нанше, слова твои воистину праведны,

Надо всеми они воздымаются.

Ты — прорицательница божья,

Госпожа надо всеми странами, мать-толковательница сновидений!

Во сне человек один явился. Рост его подобен небу,

Земле подобны его размеры.

По венцу на главе его, он — бог!

На руке — Анзуд,

У ног — потоп!

Справа и слева львы лежат.

20

Храм его построить он мне приказал,

Но смысла сна я не понял.

Солнце взопло над окоемом,

И жена одна — кто она? Кто она?

Воздымаясь, *расчищала место*.

Стилю серебряное держит в руке,

Табличку звезд доброго неба

V

И советуется с табличкой.*

И второй герой появляется.

Руку согнул, лазурита табличка в руке.

Он алан храма чертит.

Предо мною священная корзина стоит.

Кирпичная форма святая готова.

Кирпич судьбы в той форме лежит.

*В водоеме святом, предо мною стоящем,**

Птицы, шепчут, свои дни проводят.

10

Могучий осел у правого бока моего царя скребет землю».

Правителю мать его Нанше молвит:

«Пастырь мой, твое сновиденье я ныне тебе растолкую!

Человек, чей рост подобен небу,
 чьи размеры земле подобны,
 Кто бог по венцу на главе его,
 На руке — Анзуд, у ног — потоп,
 Справа и слева львы лежат, —
 То воистину брат мой Нингирсу есть,
 Храм Энинну построить тебе повелел он.
 Солнце, взошедшее над окоемом,
 То твой бог Нингипзида, подобно солнцу
 Для тебя с ним взошел над окоемом.
 Дева, что, вздымаясь, *расчищала место*,
 Что стило серебряное в руке держала,
 Табличку звезд доброго неба,
 Что с нею совет держала, —
 То воистину сестра моя Нисаба,

VI

Храм построить в благом предсказании звезд —
 Вот что она тебе сказала.
 И второй герой, что согнул руку,
 Лазурита табличку в руке державший, —
 Это бог Ниндуба воистину есть. Он чертил план храма.
 Корзина священная, пред тобою стоящая,
 Кирпичная форма, что приготовлена,
 Кирпич судьбы, что в нее уложен, —
 Это священный кирпич Энинну.
 Водоем священный, перед тобой стоящий,
 Птицы, что в щебетании там дни проводят, —
 Пока храм строишь, очей не сомкнешь,
 сладкий сон к тебе не придет.
 Могучий осел, что у правого бока твоего господина
 царапает землю, —
 Это ты, и, словно конь ретивый, на земле обведешь
 очертапья Энинну.*
 Совет тебе дам, прими совет мой!
 В Гирсу, в храм в округе Лагаша отправься,
 В сокровищнице печать помениай,
 вынеси драгоценные деревья.*
 Своему господину колесницу сладь.

20

Осла в нее запряги,
 Колесницу ту серебром, лазуритом изукрась,
 Стрелы *быстрые, словно солнечный луч*, пошли,*
 Слова нежные оружию, силе геройства скажи,
 Любимый знак его изготовь,*
 Имя твое на нем напиши,
 Его любимую арфу "Дракон Страны",
 Что звучит, поет, что имеет имя, что совет подает,
 Герою, любящему дары,

VII

10

Господину твоему владыке Нингирсу*
 В Энинну — *силяне Анзуда* — внеси!
 Малость, содеянная тобой, — велика.
 и он у тебя ее примет!

20

Сердце владыки, что небо просторно,
 Сын Энлиля Нингирсу о тебе позаботится,
 Очертания храма тебе объяснит.
 Герой — Сути его огромны,
 Он к тебе протянет руку». Пастырь *благостный* Гудеа
 Много ведает, быстро делает.
 К словам, что Нанше ему промолвила,
 Он главу склоняет в покорности.
 В сокровищнице печать меняет,
 Драгоценные деревья из нее выносит.
 Гудеа меж *дерев* ходит,
 С *деревьями* вежливо разговаривает.
 С дерева *мес* кору обтесал,
 Халуб-древо топором расщепил.
 К колеснице лазурит прикрепил.
 Осла быстрого, для бега годного,
 Он в нее запряг.
 Знак любимый его он изготовил,
 Имя свое на нем написал.
 Любимую арфу «Дракон Страны»,
 Что звучит-поет, что имя имеет, что совет подает,
 Герою, любящему дары,
 Своему господину владыке Нингирсу

В Эннину — сияние Анзуда —
Он с этим туда вошел.
С ним радость в храм вошла.

VIII

Гудеа из часовни Эннину, сияя, выходит.*
Дважды в день он к храму подходит.
Ночами вокруг нее ходит.

(Далее надпись рассказывает о том, как Гудеа готовился к постройке храма, и о самом строительстве: Гудеа произвел очистительные обряды, принес жертвы («убрал чародейство», устранил тяжбы и т. д.), совершил молитвы; во втором его сневидении снова появился Нингирсу, вознес себе хвалу и обещал Гудее помощь при строительстве.

Гудеа приносит жертвы, совершает очистительные обряды и созывает население на постройку храма. Он отмеряет строительный участок и снова приносит жертвы, творит молитвы. Далее говорится об изготовлении первого кирпича, определении плана храма, об исследованиях предзнаменований — благоприятных знаков для строительства, о божественной помощи. Произносятся семь благословений храму. Постройка продолжается — рассказывается о возведении стен, строительстве отдельных зданий комплекса, о символах бога Нингирсу; конкретные факты перемеживаются со сведениями мифологического характера. Гудеа устанавливает шесть стел, и начинается восхваление храма. После восхваления Эннину говорит о внешней отделке храма. Вся надпись занимает тридцать столбцов по 25—29 (30) строк каждый, исключая два последних, значительно более коротких.)

Заключение:

XXIX

<...>

Экур Энлиля — великий праздник!
Могучая сила его излучений
Священным трепетом в Страну ударяет.
Сияньс его почитанья
Ко всем чужеземным странам близится.
Храм Эннину — трепетанье его излучений все страны,
словно тканью, покрыву!

XXX

Чудесно возвел он храм государя.
Нингишзиде*
Он кигаль построил.
Гудеа, правитель Лагаша,
Он заложил его основанье.

Храму, что над Страною, словно солнце, встает,*
 Словно бык великий, над горой возвышаясь,
 Что сверканием радостным
 Наполняет собрание,
 10 Что, подобно горе лесистой зеленой,
 Высится в великолепии,
 Установлен на удивление,
 Храму Энивну, на место свое возвращенному
 Богом Нингирсою, — хвала!
 Храму Нингирсы, возведенному,
 Ото всей души — хвала!

КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ, КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ...

Гимн храму города Кеша

Княжий престол, княжий престол он вывел из храма.*
 Энлиль княжий престол вывел из храма.
 Княжий престол царственности он вывел из храма.
 Энлиль окинул взором страны.
 Страны к Энлилю потянулись.
 Перед Энлилем углы небес, словно сад зеленеющий,
 раскрылись.*
 Город Кеш поднял голову.
 Когда Кеш средь стран поднял голову.
 Энлиль Кешу хвалу промолвил,
 10 Нисаба, владычица решений, она для Кеша*
 От тех речений, словно сеть, раскинула
 На таблицах начертанное, ею охраняемое.*
 Храм — страны лик, Аратта, яростный бык.*
 Кеша храм — страны лик, Аратта, яростный бык.
 До гор, что обнялись с небесами, дорос,
 До Экура, что главу над страню вознес, дорос.
 Словно Абзу, пестротою убранся, словно горы лесистые,*
 в зелень оделся.
 Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

Мужа, Аширу, его богу равного, где, какая мать рождала?
Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,
какие очи зрели?

Вот первый храм.

Вот добрый храм, что на добром месте поставлен.
Кеша храм, что на добром месте поставлен.
Словно ладья груженная княжья, что по небу плывет,*
Словно серебряная ладья, вздымает рога ворот.
Слово ладья небес — всех стран лик.
Сиянье от берегов лучистое льет,
Словно ковчежец в лодочке, невелик.*
Храм, точно бык, мычит, точно бык племенной, рвет.
Сердце страны в его нутре,
Жизнь Шумера в его спине.
Храм — великий чертог — коснулся небес! *
Храм — десница могучая — коснулся небес!
Храм — могучий венец — коснулся небес!
Храм — радуга — коснулся небес!
Храм! Его лик в сердце небес висит.
Его основанье — во глуби Абзу,

его тень пад странами всеми лежит.

Храм, что Ан поставил, Энлиль прославил,
Нинту-матери устами благовенущий,
Кеша храм — плод созревающий.
Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?
Мужа, Аширу, его богу равного, где, какая мать рождала?
Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,
какие очи зрели?

Вот второй храм.

Храм! Вершиною что шестьсот мер, подошвою — триста.*
Храм! Вершиною что десять мер, подошвою — пять мер.
Храм! Вершиною — зубр, подошвою — тур.*
Храм! Вершиною — баран горный, подошвою —
олень дикий.
Храм! Вершиною — баран горный пестрый, подошвою —
дикий олень пятнистый.

50

Храм, чья глава — восходящего солнца сиянье,
основание — месяца молодого мерцание.

Храм, чья глава — булава, основанье — топор,

Храм, чья глава — гора, основанье — родник.*

Храм — воистину третья часть небес и земли.

Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

Мужа, Апиру, его богу равного, где, какая мать рождала?

Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,

какие очи зрели?

Вот третий храм.

1'

Храм, чьи нимбы — трепет благоговейный, —

Аи могучим Словом нарек.*

2'

Храм, чьи Сути Энлиль, Великая Гора, Судьбою одарил,

3'

Чья могучая власть — от Ануннаков,

что разум народу дают.

4'

Храм — великим богам отдохновения приют.

5'

Храм, чьи замыслы в мирозданье начертаны,

чьи Сути пречисто украшены.

6'

Храм — Шумера опора, чертогов поддержка.*

7'

Храм — гора изобилия, светлопраздничного веселья.

8'

Храм Госпожи горы лесистой,

что жизнь Шумера на место ставит.*

9'

Храм — гора большая лесистая, что обряды дает,

суть вещей меняет.

10'

Храм, без коего решений чистых не принимают.

11'

Добрый храм, что страну обширную в руках несет.

12'

Храм, что народ без числа рождает, семя,

что ростки дает.

13'

Храм, что царя рождает, Шумеру судьбу присуждает.

14'

Храм, чьи святыни везде почитают.*

15'

Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

16'

Мужа, Апиру, его богу равного, где, какая мать рождала?

17'

Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,

какие очи зрели?

18'

Вот некий храм.

58

Это город, воистину это город, кто нутро его познает?

Кеша храм — воистину это город, кто нутро его познает?

В нутро его мужи могучие дорогою праведности вступают.
Предначертания свои пречистые

храм достойно сотворяет.

Храм стада несметные быков отборных собирает.

Храм много быков поглощает.

Храм много овец поглощает.

Словно стройные кедры, его стены очищены.

*Его святыни престольные собраны.**

Словно букс, крону несет в поднебесье.

Словно тополь, *ветви* стремится в поднебесье.

В поднебесье горой зеленеет могучей.

Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

Мужа, Апиру, его богу равного, где, какая мать рождала?

Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,

какие очи зрели?

Вот четвертый храм.

Храм льва рождает, в его чертоге герой возрастает.*

Кеша храм льва рождает, в его чертоге герой возрастает.

В чертог — нутро его — герои

дорогою праведности вступают.

Нинхурсага, дракон, там внутри восседает.*

Нинту, мать рождений великая, там обитает.

Шульпае, бог-правитель, там судьбу владычью *решает*.

Ашир, герой, яства жертвенные поглощает,*

Урумаш, великий вестник равнины, туда спешит,

К храму стада оленей, быков стоняет.

Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

Мужа, Апиру, его богу равного, где, какая мать рождала?

Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,

какие очи зрели?

Вот пятый храм.

Храм, *чье строенье* подобно солнцу,*

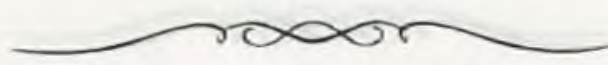
Быком сверкающим стоит на равнине.

Храм, основанный Государем, кому *тимпаны поют славу*.*

Сердце страны в его нутре.

Жизнь Шумера в его спине.

У врат его лев на лапах лежит.

У врат *владычица* судьбы вершит.*
 Его двери — гора, что не знает равных.
 Болты — быки племенные могучие.
 Его покои — углы мироздания.
 Его чертоги держат Лахама,*
 Его стены княжьи, как святъи Ура, надежны.
 Великость, Кенгу равную, кто, когда содеет?
 Мужа, Аширу, его богу равного, где, какая мать рождала?
 Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,
 какие очи зрели?

Вот шестой храм.

Вот храм пригожий, *престол его* — дом княжий.*
 Кеша храм пригожий, *престол его* — дом княжий.
 Храм! Владьки его — Анунаки,
*Первослужители — жертвователи Эаны.**
 Ко храму божьи слуги стопы направляют.*
 Его жрец *верховный веревку* —
 знак *владычества* — держит.*

Жрец *сановный скипетр* — знак *господства* — берет.
 К омовенью собранные несут воды.*

Служители на местах святых восседают.*

Служки подготавливают молитвы.

Жрецы помазывающие бьют по козам.*

Громко, громко говорят их палки.

Рога зазвенели,

Барабаны взгремели.

Сладкозвучно тимпаны запели.*

Храм возведен, изобильем наполнен.

Кеша храм возведен, изобильем наполнен.

Его госпожа там поселилась.

Нинхурсага, его госпожа, там поселилась.

Великость, Кешу равную, кто, когда содеет?

Мужа, Аширу, его богу равного, где, какая мать рождала?

Госпожу, госпоже его Нинту равную, где,

какие очи зрели?

Вот седьмой храм.

Ко граду, ко граду никто подступивший да не подойдет! *

Ко храму, ко граду никто подступивший да не подойдет!
К Аширу, мужу его, никто подступивший да не подойдет!
К Нинту, его госпоже, никто подступивший да не подойдет!
За Кеш сотворенный Аширу слава!
Кешу хвала сладкая, Нинту хвала славная!

Вот восьмой храм.

Я — ЦАРЬ. С МАТЕРИНСКОЙ УТРОБЫ — ГЕРОЙ

Гимн «Шульги А»

Я — царь. С материнской утробы — герой. Вот кто я.*
Я — Шульги. От рожденья могучий муж. Вот кто я.
Свиреполикый я лев, кто драконом рожден. Вот кто я.
Всех четырех стран света я царь. Вот кто я.
Пастух, черноголовых пастырь. Вот кто я.
Всех земель осиянный славою бог. Вот кто я.
Рожденное Нинсуп-богиней дитя. Вот кто я.
Светлого сердца Ана избранник. Вот кто я.
Кого судьбою Элиль наградил. Вот кто я.
Шульги, богини Нинлиль любимец. Вот кто я.
О ком Нинту ласково молвит. Вот кто я.*
Кого разумом Энки одарил. Вот кто я.
Бога Нанны правитель могучий. Вот кто я.
Солнца Уту ревущий яростно лев. Вот кто я.*
Шульги, Инанны желания страстного избранник.

Вот кто я.

Осел отборный, для трудной дороги годный. Вот кто я.*
Копь, чей хвост по дорогам вьется. Вот кто я.
Жеребец Шаккана, *вожак бега*. Вот кто я.*
Нисабы писец искуснейший. Вот кто я.
Геройству моему равен, удали моей равен.
Разум мой воистину славен.
Слова правдивые я ищу.
Правду люблю,
Ложь не терплю.

Слова лживые ненавижу.

Я — Шулги, могучий я царь с главою воздетою.*

Вот кто я.

В радости великой от силы мышц моих,*

Я ногами задвигал, по дорогам страны

я мой путь направил.

Я меры путей определил, я дворцы там построил.*

30

По краям дорог я сады насадил,

отдохновенья места устроил.

Людей сведущих я там поселил.

Кто с гор идет, из долин идет,

Там в тени прохладной да отдохнет.

Путник, что ночами по дороге бредет,

Словно в доме своем, здесь приют найдет.

Дабы имя мое на дни вечные установить,

на устах удержать,

дабы славу мою

в стране Шумере сотворить.

Молву обо мне по всем землям распространить,

Я — бегун, в полной силе моей поднялся,

и, дабы выдержать испытанье,

40

Из Нинпура к кирпичам Ура,

Как если бы одну версту всего лишь.

сердце мое бежать побудило.

Лев я, в удали неутомимый, в силе своей стоящий твердо.

Одеяньем легким я окутал бедра,

Словно голубь, что от змеи разъяренной мчится,

раскинул руки,

Словно Анзуд, когда взоры он устремляет в горы,

я широко расставил колени.

Жители городов, построенных мною,

толпами вышли мне навстречу.

Черноголовые, числом что овцы,

в восхищенье на меня смотрели.

Словно горный козленок,

что к родному жилью стремится,

50

Уту надо всякою тварью едва лишь сияние дня пролил,

А я уж — в Экишнугаль вступаю.

Храм Зуэна, изобильное стойло, я обилием наполнил.

Я быков для него забил, я овец ему в жертву принес.

Барабанам я приказал греметь,
Музыке сладко велел играть.
Я — Шульги, я главный кормилец,
я принес здесь хлебные жертвы.

Словно лев, я на месте царском окутался
Одеяньем сияний Ужаса.*

Во дворце могучем Нинэгаллы
Я склонился, водою прозрачной омылся.
Там я преклонил колени, там пир я устроил.
А затем, словно сокол Ниншара, поднялся*
И, полный радости, повернул в Ниппур.
А тогда завывла буря, ветер западный закружился,
Северный ветер, южный ветер —
каждый сам свой поднял голос.

Молния семишквального вихря —
она все в небесах пожрала.

Гром рыканьем сотряс землю.
Ишкур взревел в огромном небе.
Хляби небесные с водами тверди смешались.
Камни-градины, большие и малые,
На меня, молоты, посылались.
Но я — царь. Я страха не знаю, боязни не ведаю.
Словно львенок, яростью я наполнился.

Словно осел степной, поскакал,
Словно дикий осел, *вожак бега*,
В великой радости сердца помчался.
И прежде, чем к дому лик повернул Уту,
Путь в сто пятьдесят верст я покрыл.*
Потрясенные, взирали на меня жрецы мои.
Так в один день и в Уре, и в Ниппуре мой праздник
эшеш я отпраздновал.*

Брат мой, друг мой, Уту-герой! *
Во дворце, что Ан основал,
я там воистину с ним пива испил!

Певцы мои пели, семь барабанов били.
Невеста моя, дева Ичанна, госпожа, радость земли и неба,
На пиру со мною рядом сидела.
Воистину сам я себя не хвалил.*
Куда очи глядели, туда и шел.
Куда сердце влекло, там и ступал.

Ан короной могучей меня венчал.
В Экуре лазурном я скипетр взял.
Во дни сияющие, на престоле, что основан праведно,
я главу к небесам вознес.

90

Царствование я укрепил.
Чужеземные страны я подчинил. Шумер я могучим сделал.
Во всех четырех странах света
среди охраняемого мной народа
мое да объявят имя!

В песне святой меня да восславят,
Удаль мою да восхвалят;
О доблести царской скажут ласково.
О том, что Зуэн из Экишнугаля
Отвагу, геройство, жизнь даровал благою,
О силе, что наделил Нунамир!
Шульги — чужеземных стран губитель,

100

страны Шумера созидатель,
Первослужитель земли и неба, что соперников не имсет! *
Шульги, за кого сын благородный Ана *
слово ласковое замолвит.

Нисаба, хвала тебе!

СВЕТОЧУ ДАЛА РОЖДЕНЬЕ...

Любовные восхваления царя Шу-Суэна

«Светочу дала рожденье, светочу дала рожденье,
Госпожа дала светочу рожденье.

Абисимти дала светочу рожденье.

Госпожа дала светочу рожденье!

О, куст ее душистый одеяний моего блаженства,
моя Абисимти!

О, древо могучее одеяний моего геройства, жизнь моя,
Госпожа моя Кубатум!»

6а

«О, волосы роскошные, о, моя опора,

повелитель мой Шу-Суэн! *

О, слова мои, для тебя сказанные, тебе, сыну Шульги!

Оттого, что я так сказала, оттого, что я так сказала,

Одарил меня повелитель!

Меня, оттого, что я песнь пропела,

одарил меня повелитель!

Острием златым, лазуритовой печатью

одарил меня повелитель!

Кольцами злата-серебра одарил меня повелитель!

Повелитель, сколь желанен для меня твой дар!

Очи твои да не нарадуются!

Шу-Суэн, сколь желанен для меня твой дар!

Очи твои да не нарадуются!

<...>*

Да поплет твой град привет тебе, ничтожася,*

повелитель мой Шу-Суэн,

Львенком пусть у ног твоих уляжется,

пред тобою, сын Шульги!»

«Небес любимица, моя шинкарочка, пиво ее сладостно!*

И как пиво ее сладостно, лоно ее сладостно,

О, сколь пиво это сладостно!

И устам ее подобно, лоно ее сладостно,

О, сколь пиво это сладостно!

Брызжущее пиво ее сладостно!»

«Шу-Суэн, желанный мой,*

Желанный мой, хороший мой,

Шу-Суэн, желанный мой,

Любимец Энлиля, Шу-Суэн мой,

Хозяин мой, бог страны своей!»*

Это песнь баль-баль для Бау.

ТЫ, ПЬЯНЯЩИЙ СЕРДЦЕ МОЕ...

Любовная песня Шу-Суэну

Ты, пьянящий сердце мое, любимый мой,*

Что за краса твоя радостная, сладостная —

душистый мед.

Ты, пронзивший сердце мое, любимый мой,*

Что за краса твоя радостная, сладостная —

душистый мед.

Ты захватчик мой, все дрожит во мне.
Желанный, влски же скорее на ложе.
Ты захватчик мой, все дрожит во мне.
Победитель, влеки же скорее на ложе.

10 Желанный, что делаешь ты в любви — *
Всею силою ласк моих тебя заласкаю! *
Здесь, на ложе, до самых глубин услады *
Желаньем твоим наполнимся в радости.
Победитель, что делаешь ты в любви —
Все силою ласк моих тебя заласкаю!

Желанный, ты прелесть мою забрал.
Скажи о том матушке — пусть одарит тебя,*
И батюшке — пусть наградит тебя.

20 Все услады — знаю, чем усладить тебя,*
О желанный, до зари на ложе.
Твое сердце — знаю, как веселить его,
Победитель, до зари на ложе.

Ты же мне, если ты любишь,
Победитель, желание даруй мне навеки.*
Господин мой, мой бог, мой бог-хранитель,
Шу-Суэн, радость сердца Энлиля, мой повелитель!

То, что сладость тебе, того касайся.*
Ту медовую сладость ищи руками.
Сминай, словно ткань, своими руками.
Словно ткань дорогую, рви руками.

Песнь баль-баль для Инанны.

КОЛЕСНИЦА МОГУЧАЯ!

Гимн о постройке колесницы богу Энлилю

2а Колесница могучая! О твоём сотворении
Энлиль, Отец богов премудрый,
В Экуре, во храме преславном, промовил.
Ишме-Даган, твой верховный пастырь,
нарек тебя именем достойным.

Утробой сиятельною рожденный, он, водитель Шумера,
Сути твои святые пречистые истинно выявить повелел.
К твоему сотворению приложил он руку,

он трудов не жалел.

... воистину краса твоя явлена.*

... для обозрения ты поставлена.

... для познавания воистину создана.*

Ты строение могучее, кедровому лесу подобное!*

Перекладки твои — поле с бороздами раскрытыми,
изобилие зерна спелого.*

Ярмо твое — туча, твои дуги — *

Склон, там, где небо с землею сливаются.

Не сбежать от дышла, столба твоего могучего,

Ты грешника заставляешь умолкнуть.

Твои кольшкы-щеки, что сеть, уложены...*

(Строки 16—28 разрушены.)

Передок твой — ... очам восхищение.*

Все убранство твое — ... очарование.

Обкладка твоя — поле колышущееся,*

поток изливающийся.

Кнутохранилище твое с плетями-стрекалами ослы несут.*

Оси твои — сеть великая, грешник от них не скроется.

Грудь твоя — Сути могучие, мощь их славно сработана.*

Днище твое — герои-воины, что бок о бок сражаются.*

Оси-опоры твои боковые — то бык с коровою,

ношу тяжелую вздымающие.

Поперечины твои — добры молодцы,

твое тулово обнимающие.*

(Строки 38—62 разрушены.)

Царь его ...

Златом-серебром, камнями самоцветными...

изукрась ее (?).*

Это — сагидда.

Труды великие закончил Энлиль, в Экур направился.*

С матерью Ниялиль, своей супругою, обнялся.

Нинурта-воин к нему явился.*

Анушаки гурьбою столпились сзади.
 70 Колесница, словно светоч, сияет,
 рык ее хода — услада сердцу!
 Ослы боевые, что в ее упряжке, — словно львы ревушие.*
 Эшшль! Твоя колесница! Ее монь въздымается,
 ее сияние изливается.*
 Ее тайные знаки... указуют дорогу.
 Услада печени, вместилище радости...

(Строки 75–83 разрушены.)

<...>

84a «Пусть мотыга и плуг, труда людского создания,*
 Спор пред тобою да затеют.»
 Внял владыка наставленьям Эшшля.
 Плуг святой свой Нинурта наладил,
 поле священное распахал.
 Дабы Энлилевы склады и крытые житницы*
 С верхом наполнить, бросал благодатные зерна.
 Воин-герой в Экур лазурный с главою поднятою вступает.
 90 Жрец верховный Нинурта перед Эшшлем
 слова моленные произносит:
 91a «На Ишме-Дагана, превосходного пастыря,
 Что для служения тебе пригоден,
 На царя, что тебе колесницу сладил,
 взор твой сияющий обрати!
 Ипаниу, старшенькую, твою дочь любимую,
 93a Отдай ты ее ему в супруги.
 Навеки шеями да сплетутся.
 Нега и сладость, лоно святое
 В его жизни наполненной да пребудут с ним вечно!»
 Это — сагарра.
 Песнь-тиги для Эшшля.

СУДЬБЫ ШУМЕРА

ДАБЫ... ХРАМ, ЧТО, ПОДОБНО ЛАДЬЕ...

Сказание о Саргоне

Дабы... храм, что, подобно ладье грузеной, вознесся,*

Плавильные печи града, *что мощно пылают,*

Реку его, что рекою радости течет извечно,

Нивы и доли его, где мотыга растет,

в поля пустынные обратить;

Дабы дом Киша, град, подобно призраку,

в поселение возратить,

Царя его, пастыря Урзабабу,

Что в доме Киша, подобно солнцу, восходит,

Царствие его, власть его изменить, дабы пышность,

роскошь дворца его удалить,

Ав и Эпильль словами своими светлыми

праведно повелели.

И тогда Шаррукена — «царя истинного», —

а град его — Азупирану,

Отец его — Лаипум, мать его — жрица,

Шаррукена сердцем благостно они избрали,

Ибо так от рождения суждено ему было.

<...>

Когда день ушел, а вечер пришел,*

Шаррукен жертвы во дворец доставил:

А тот возлежал в жилище светлом,

в потаенном покое для сновидений.

Он сердцем знал, да язык не молвил,

никому из людей сказать не мог он.

Шаррукена же, что жертвы во дворец приносит,
Чашеносцем-прислужником он его сделал,
о питейной утвари поручил заботы.

А светлая Инанна свой лик не явила.*

Прошло пять дней и десять,

Царь Урзабаба укрывался в жилище своем,

дрожал от страха.

10

Словно лев гонимый, непрерывно мочился,

гноем и кровью нутро исходило.

Словно большая морская рыба, что попала в сети,

трепыхался, бился.

А в это время чашеносец в «доме вина, в доме хлеба»,*

Шаррукен, он спать не спал, в забытьи лежал.

Светлая Инанна в сновиденье

в кровавую реку его окунает.

Шаррукен кричит и стонет, рот землею набивает.

Царь Урзабаба, те крики услышав,*

Велит в покои пресветлые к нему — царю — его доставить.

Шаррукен предстал пред Урзабабой.

«Что тебе, чашеносец, привиделось ныне, мне Расскажи-ка!»

20

Шаррукен царю своему так молвит:

«Господин мой, о виденье своем да поведаю!

Дева некая, до небес она ростом, что земля обширна,

Что стена основаньем поставлена прочно,

В реку могучую, в реку кровавую меня окунула».*

Урзабаба закусил губу, нутро его затрепетало.

Советнику своему так он молвил:

«...вот сестра моя, светлая Инанна,*

В кровь палец мой окунула,

Чашеносца же Шаррукена в реке могучей она потопит».

30

Белиштикалю, главе плавилищников, тому,

кто мое потаенное знает:*

«Слово скажу тебе, пойми мое слово.

Совет тебе дам, прими со вниманьем.

Когда чашеносец тебе мою бронзу доставит,

В очищающем доме, где судьба свершится,*

словно статую,

брось в печь плавищную».

Белиштикаль слова своего господина принял.

В очищающем доме, где судьба свершится,
плавильные печи он подготовил.

Царь Шаррукену так молвит:

«Иди и бронзу мою главе плавильщиков отнеси-ка!»

Шаррукен из дворца Урзабабы вышел.

А светлая Инанна со стороны своей правой
лика своего она не явила.

Но к очищающему дому, дому, где судьба свершится,
он и ста шагов не сделал — *

Светлая Инанна пред ним оказалась,
ногу свою пред ним поставила.*

«Или дом очищения — не дом пресветлый?
Тот, кто в крови,
его не преступит!»

В воротах дома, где судьба свершится,
глава плавильщиков его встречает.*

Когда бронзу царскую главе плавильщиков он отдал,
Белишггикаль, глава плавильщиков, *скрылся*, словно статую,
бросил в печь плавильную.

Шаррукен, когда пять дней истекло и десять,

К Урзабабе, царю своему пришел.

Во дворец, что, подобно горе, возвышается, вошел.

Царь Урзабаба *укрывался в жилие своем, дрожал от страха*.

Он сердцем знал, да язык не молвил,
никому из людей сказать не мог он.

В своем жилище, в покое светлом для сновидений,
царь Урзабаба дрожал от страха.

Он сердцем знал, да язык не молвил,
никому из людей сказать не мог он.

А тогда глину для таблички знали, для покрытия таблички
глину не знали.*

Царь Урзабаба Шаррукена, избранника божьего,*

С табличкой, где о смерти того написано было,

В Урук, к Лугальзагеси отправил.

Оборот:

И вот супруга Лугальзагеси...*

Ее женская честь ей *пит-опора*...

Не узнал Лугальзагеси посланца.

«Ступай! к кирпичам Эаны отправься!»

Лугальзагеси смысла посланья не понял,

о посланце ничего не молвил.

Жрецу верховному о посланце не молвил,

зато княжьего сына обрек смерти.

Жрец верховный — увы! — воскликнул и в прах уселся.

Лугальзагеси посла возвращает.

«Посланец, Шаррукен не подчинится?»

10

Склонившись, Шаррукен Лугальзагеси...

Шаррукен Лугальзагеси так молвит:

«Почему Шаррукен...

(Конец разрушен.)

КОГДА РАЗГНЕВАННЫЙ ВЗГЛЯД ЭНЛИЛЯ...

Проклятие Аккада

Когда разгневанный взгляд Энлиля,

Словно быка небесного, царствие Киша свалил,*

Словно быка могучего, дома Урука в прах повалил,

Когда Шаррукену, царю Аккада,

Энлиль от юга до севера

Пастырство и престол ему даровал,*

В те дни Инанна пречистая в Аккаде святилище —

Дом свой женский просторный построить задумала,

В Ульмаше престол поставила.

10

Словно юноша, что новый дом себе строит,*

Словно юная девица, что свой женский покой устраивает,

Дабы закрома полны были,

Дабы дома строить можно было,

Дабы люди сладко поесть могли,

Дабы люди сладко попить могли,

Омовеньям во дворце бы радовались,*

Дабы в людных местах по праздникам бы толпились,

Вместе трапезу праздничную бы вкушали,

Дабы, словно птицы диковинные в небе,
чужеземцы вокруг сновали,

Дабы жители Мархаша подчинились,*

Дабы обезьяны, слоны могучие, буйволы —*
звери невиданные —

На улицах просторных друг друга толкали бы, —

Псы породистые, сторожевые псы, козлы каменные,
овцы горные длинношерстные, —*

Инанна пречистая ночи не спала.

В те дни она житницы Аккада золотом наполнила,*

Зернохранилища сияющие серебром наполнила.

В склады зерновые медь очищенную, олово,
пластины лазуритовые
собирала горами,

В ямах силосных запечатывала.

Матерей советами она одарила.

Отцов словами мудрости наделила.

Девушкам песни-пляски дала.

Юношам мощь оружия дала.

Мальшам радость-веселье дала.

Кормила дитя знатное ведет.*

Барабаны деревянные бьют.*

Из города — звон литавров,
пред городом флейты поют.

Гавань, где суда у причала, ликования полна.

Все чужеземные страны спокойны.

Все чужие народы довольны.*

А владыка града, Нарамсуэн, пастырь,

Словно солнце на светлом престоле Аккада,
сияя, восходит,

Града стена, словно гора, до небес доходит.

А ворота града, подобно Тигру,
когда он в море вливается,

Инанна пречистая створки их широко распахнула,

И в Шумер добро само лодками потекло.*

Марту, жители гор, те, что зерна не знают,

Отборных быков, горных козлов туда приводят.

Мелухиты, жители черных гор,

Диковины стран чужеземных привозят.

Рассышаны дома, развеяны житницы, —
То в сновидении Нарамсуэну явлено было.
Он сердцем знал, да язык не молвил,

никому из людей сказать не мог он.

Из-за Экура он в траур оделся.

Колесницы циновками тростниковыми покрыл.

С грузовых судов шерстяные подстилки убрал.

Сокровенное царства своего расточил.*

Нарамсуэн семь лет без движения был.

Чтобы царь семь лет голову рукой подпирал —

непотребное совершал, — *

Кто когда-либо подобное видел?

Он сердцем знал, да язык не молвил,

никому из людей сказать не мог он.

О храме он спросил оракул.

Дабы храм построить, ему нет оракула.

И второй раз о храме спросил он оракул.

Дабы храм построить, ему нет оракула.

Дабы решение переменить,

Энлилем сказанное он нарушил.

Он покорность свою преступил.

К войскам своим призыв бросил.

Как силач, что во двор большой входит,*

К Экуру руки в кулаках он тянет.

Как бегун, что силу, бег начиная, рассчитывает,

Он святилище в тридцать сиклей оценивает.

Как разбойник, что город грабить собирается,

Лестницы высокие ко храму ставит.

Дабы Экур, словно корабль могучий, порушить,

Словно в горе, где серебро роют, пыль поднять,

Словно гору, где лазурит добывают, прокопать,

Дабы град, словно Ишкурот затопленный, дабы шею его

к земле склонить,*

Для храма Экура — но он не гора, где рубят кедры! — *

Топоры огромные он отлил.*

Секиры обоюдоострые заточил.

К корням его он лопаты приставил — *

Основанье Страны он всколыхнул.

К ветвям его он топор приставил,

И храм, словно воин убитый, шею к земле склонил.

120

И всех стран чужедальных шеи к земле склонились.

Трубы дренажные он сорвал — *

Хлынул поток дождей небесных.

Сорвал деревянную обшивку ворот —

уничтожена мощь Страны.

Во вратах, где зерно не срезают, зерно он срезал, — *

От рук Страны зерно отрезал.

Во врата Благоденствия топором ударил —

Благоденствие чужедальных стран уничтожил.

Как в просторный водоем, где режутся карпы,

Погрузил он большие лопаты в плавильные печи Экура.

Покой священный для сновидений,

что света не видел, люди увидели.*

130

Сосуды священные богов Аккад увидел.*

Статуи лахама, что у главного входа во храм стояли,*

Те, что запретного не совершали, —

А Нарамсуэн огню их предал.

Кедр, кипарис, можжевельник, самшит —

Дерево покоев священных содрал он.

Злато храма в ящики сложил,

Серебро в кожаные мешки уложил.

Медь, словно кучи зерна у привоза,

на пристани он насыпал.

140

Над серебром храма серебряных дел мастер работает,

Над его лазуритом гранильщик трудится,*

Медь сго кузнец кует,

А ведь это все — не имущество завоеванного града!

Большие суда у причала пред храмом встали.

Большие суда у причала пред храмом Энлиля встали —

Добро храма ушло из града.

И когда добро храма ушло из града —

О, Аккад! — разум от него упел.

Корабли пристань покинули, рассудок Аккад покинул.

150

Ураган ревущий, что страну охватил,

Потоп встающий, что не знает преграды,

Энлиль, за гибель Экура любимого —

что ныне он погубит?

Он к стране Губин направил взоры,

Он бескрайние горы обрыскал взглядом, —

Нелюдей, несметные орды,*

Гугиев, что не знают запретов,
Поведением — люди, да разуменьем — собаки,
обликом — сущие обезьяны,

Их Энлиль из гор вывел!

Словно полчища саранчи покрыли землю.

Руки, словно сети-ловушки, по приказу его
над полями простирали.

Из-под руки их ничто не уходит.

Их руки никто не избегнет.

Гонцы по дорогам больше не ходят.

Перевозчики через реку не перевозят.

Коз прекрасных Энлилевых из загонів утнали,

Подпасков с ними вместе погнали.

Коров из хлебов они утнали,

Пастухов вместе с ним погнали.

Колодники ныне несут стражу.*

Разбойники засели на дорогах.

Створки всех городских ворот Страны брошены в грязь.

Из-за стен городских всех далеких стран
горькие плачи раздаются.

В городе, где полей просторных нет,
они насаждения сажают.*

Когда города застроенные они разрушили,*

Поля просторные зерна не рождали,

Водоемы глубокие рыбы не приносили,

Сады меда-вина не давали,

Тучи дождей не изливали, травы в степи не вырастали.*

В те дни масла — за сикль серебра полсила давали.*

Зерна — за сикль серебра полсила давали.

Шерсти — за сикль серебра полмины давали.

Рыбы — за сикль серебра один бан давали.

И так на всех рынках всех городов продавали!

На крыше лежавший — на крыше и умер.

В доме лежавший — землей не засыпан.

Люди себя разрывали от голода.*

В Киуре, великой священной ограде Энлиля,

Псы бездомные собирались в молчанье.*

Двое входили — их всех вместе сжирали.

Трое входили — их всех вместе сжирали.

Лица раскрошены, головы расколоты.

- 190 Лица раскрошены, головы размолоты.
 Праведник с неправедным перемешались.
 Герой повалился на героя.
 Кровь лжеца на кровь честного истекает.
 Тогда Эниль на месте святилища своего огромного
 Маленький храм тростниковый построил.
 От восхода и до заката их запасы он уменьшает.*
 Тогда старухи, что те дни пережили,
 Старики, что те дни пережили,
 Певцы-плакальщики, что пережили те годы,*
 На семь дней и семь ночей
 200 Семь барабанов, *чей голос до края небес доходит*, поставили.*
 Литавры, кимвалы, громогласные барабаны гремят*
 для него, Эниля, в плаче.
 Старухи — о, град мой! — крика не прерывают.
 Старики — о, народ его! — вопля не прекращают.
 Плакальщики — о, Экур! — не оставляют плачей.
 Его девушки волосы на себе рвут непрестанно.
 Его юноши кинжалами колют себя *непрерывно*...*
 Их плачи, материнские плачи — Отче Эниль! —
 Над холмом священным сияющим воздымаясь,
 у светлых колен Эниля звучат.*
 Оттого-то Эниль в опочивальню свою святую вошел
 и там неподвижно залег.
 210 Тогда Син, Энки, Инанна, Нинурта, Ишкур, Уту,*
 Нуску, Нисаба — великие боги,
 Дабы сердце Эниля водою прохладною остудить,
 молитвенно ему молвят:
 «Эниль, град, что твой град разрушил,
 твоему граду подобен да станет!
 Кто святиню твою осквернил — как с Нинпуром
 с ним да поступят!
 О, град! *Твои головы да наполнят колодцы!**
 Пусть никто в том граде да не выберет друга!
 Братья друг друга пусть не узнают!
 Его девы в женском своем покое
 воистину да будут зверски убиты!
 Пусть старик рыдает в своем собственном доме
 над убитой супругой!
 Пусть, *словно голуби*, вопят в своих гнездах! *

130 Словно воробьи, разметаны будут.
 Словно голуби, в страхе неподвижно застынут!»
 И второй раз Сии, Энки, Инанна, Нинурта, Ишкур,
 Уту, Ниску, Нпсаба — великие боги
 Ко граду взгляды свои обращают,
 Аккад злым проклятием проклинаят:
 «О град, ты против Экура пошел,
 а ведь это сам Энлиль есть!
 Аккад, ты против Экура пошел,
 а ведь это сам Энлиль есть!
 Городские священные стены твои на всю высоту их
 да наполнятся плачем!
 Словно пыль, да развеют твои святыни! *
 Пусть твой главный портал, где стоят фигуры *лахам*,*
 135 Словно воин напившийся, шеей к земле склонится!
 Пусть вся глина твоя возвратится в Абзу,
 Да станет глиною, что проклял Энки!
 Пусть зерно твое в борозду возвратится,
 Станет зерном, что прокляла Ашнан!
 Все твое дерево в леса пусть вернется,*
 Деревом станет, что проклял Нинильдума!
 Пусть твой скотобоец убьет супругу,
 Тот, кто режет овец, пусть зарежет сына!
 Пусть толпа ребенка, *для святости избранного*,
 в реку бросит! *
 140 Пусть блудница твоя в воротах
 постоянного дома повесится!
 Пусть жрицы-матери от детей своих отвернутся! *
 По цене серебра пусть идет твое злато,
 По цене *калчедана* серебро продается,
 По цене свинца твою медь пусть купят!
 Твой силач, Аккад, пусть свою потеряет силу,
 Кожаный мех с *подставки* да не подымет! *
 Пусть осел твой отборный своей силе не радуется,
 целый день пусть лежит *покрытый*!
 Пусть вымирает от голода город!
 Пусть дитя лелеемое, к тонким яствам привыкшее,
 на траве валяется!
 150 Пусть благороднейший житель твой *
 Покрытие крыши пожирает!

Петлю ременную, что в доме отца его,
 Пусть разгрызает своими зубами!
 Во дворце, что на радость построен,
 пусть поселится унынье!
 Пусть воит злой дух степей безмолвных! *
 В местах откармливания птиц, скота,
 что очищаются обрядами,*
 Пусть лисы, жители руин, хвостами размахивая, пныряют.
 В твоих главных вратах страны
 Птица ночная, вестник печали, пусть гнезда свивает.
 Пусть град твой, что в былое время
 от звуков музыки не спал,
 От веселья не уставал,
 Ныне же сотрясется от рева
 Стад могучих загонов Нанны,
 подобно духу степи безмолвной.*
 По берегам твоих каналов, где лодки тащили бечевую,*
 пусть трава высокая растет ныне.
 На дорогах твоих проезжих,
 что для колесниц построены были,
 "трава плача" пусть растет ныне.
 И еще раз так — на берегах, на бечевниках,
 на отложениях ильных каналов *
 Дикие овцы да горные змеи
 пусть никому не дадут проходу! *
 В степи, где добрые травы росли, отныне
 пусть "тростник слез" вырастает.
 Аккад, сладкие воды твои отныне
 пусть солеными водами льются!
 "Поселюсь в этом граде!" — тому, кто скажет,
 да не будет пригодно ему жилище!
 "В Аккаде да переночую!" — тому, кто скажет,
 да не будет уютным место ночлега.
 И когда Угу взойдет, так же будет!»
 Берега его каналов, где лодки тащили бечевую,
 травой зарастают.
 Пути, что для колесниц предназначены были,
 «травой плача» зарастают.
 И еще раз так — на берегах, на бечевниках,
 на отложениях ильных каналов
 Дикие овцы да горные змеи никому не дают проходу.

260

270

В степи, где добрые травы росли,
«тростник слез» растет отныне.

Сладкая вода Аккада горькою потекла водою.

Кто сказал: «В том граде да поселюсь я!» —
жилище его ему неуютно.

Кто сказал: «В Аккаде переночую!» —
место ночлега ему неудобно.

За то, что Аккад разрушен, Инанне хвала!

ВРЕМЕНА ИЗМЕНЯЯ...

Введение к плачу о разрушении Шумера и Ура

Времена изменяя, предначертания сокрушая,*
Все пожирают злые дни, подобно потопу.

Дабы тайные Сути Шумера переменить,

Дома его правленье благое перевернуть,

Грады порушить, дома порушить,

Хлевы порушить, загоны развеять,

Быки в стойлах бы не стояли,

Овцы бы в овчарнях не множились,

Несли бы протоки горькую воду,

Поля пшеничные сорняком поросли бы,

Степи плакун-травой заросли бы,

Матерям о детях не заботиться,

Мужьям супруг не окликивать,

Супругам юным лоном не радовать,

У колен младенцам не возрастать,

Нянюшкам колыбельных песенок не певать,

Дабы царственность переместить,

Предсказания оракулов связать,

Царственность у Шумера отнять,

К стране враждебной ее склонить,

Дабы замыслы, все решения приказами

Ана и Энлиля погубить, —

Тогда Ан на все страны взглянул гневно,*

Энлиль обратил свой взор на страну вражью.

Ниниту обратила во прах свои творенья,*
 Энки направил Тигр и Евфрат по другому руслу,*
 Уту проклял пути и дороги.*
 Дабы Сулям Шумера отныне не быть,
 Дабы Сути Страны и царства Ура погубить,
 Дабы княжий сын к Экишнугалю
 нечистую руку протянул,
 30 Дабы Нанна народ свой,
 что овцы бесчисленный, не почтил,
 Дабы из Ура святыни великих жертв переместить,
 Дабы людям в местах их наспешенных не жить,
 32a Земли те в места враждебные превратить,
 Сутиев, эламитов — чужаков — там поселить,*
 Дабы пастырь, царь их, во дворце своем в страхе живущий,
 врагом схвачен был,*
 Дабы Ибби-Суэн в Элам в оковах приведен был,
 От подножья Забуа-гор по грядам горным
 через Аншан побрел,*
 Дабы, словно воробей, что домой стремится,
 он бы в свой град не возвратился,
 Дабы на берегах опустелых Евфрата и Тигра
 злая трава бы взопла,
 Дабы ноги на дорогу никто не поставил,
 пути не искал бы,
 40 Дабы грады и села богатые, где люди живут, руинами стали,
 Черноголовых бессчетных в жилищах их убивали,
 Полям пшеничным мотыгой вскопанными да не быть,
 Пастухам овец и коз не выпасать, по степи не гулять,*
 Дабы загоны маслом-млеком бы не снабжали,
 землю навозом не удобряли,
 Не плел бы пастух тонкий тростник в священном загоне,
 Маслобойки жужжание не раздавалось бы в стойле,
 В степи живность бы уменьшилась,
 жизнь живая уничтожилась,
 Дабы твари Шаккана четвероногие
 землю навозом не удобряли,*
 Дабы в болотах ничто живое имени бы не имело,*
 50 Дабы в зарослях тростниковых
 мертвоголовый тростник рождался,*
 своим зловонием задыхался,

Дабы сады фруктовые, где ныне живых побегов нет,
водоем не поил бы,*
Дабы Ур, могучий дикий бык, что идет вперед,
наполнен силою,
Град мой престольно-княжеский,
что на земле священной построен,
Дабы он, подобно быку, на землю сваленному веревкою,
сквозь поздри пропущенною,
шею к земле бы склонил, —
То Ав, Энлиль, Энки и Нинхурсаг
как судьбу ему присудили.
Судьбу, что они ему решили, нельзя изменить,
кто ее опровергнет?
Слово, что Ан и Энлиль как приказ изрекли,
кто его оспорит?
Ан заставил дрожать людей в их жилищах, люди в страхе.
Энлиль отверз горечь дней, поверг град в оцепенение.
Нинту, мать страны, связала свои творения.
Энки у Тигра и Евфрата отнял воды.
Уту отнял правду и право от уст человеческих.
Инанна сражение и битву в страны вражьи увела.
Нингирсу осушил Шумер, как молоко.
Пало безмолвие на страну, доньше неведомое людям.

ОН ПОКИНУЛ СВОЕ СТОЙЛО...

Плач о разрушении города Ура

Он покинул свое стойло, в его загон вошел ветер.
Бык покинул свое стойло, в его загон вошел ветер.
Владыка стран покинул, в его загон вошел ветер, —
Энлиль жилье в Ниппуре покинул,
в его загон вошел ветер.
Нинлиль покинула, в ее загон вошел ветер,*
Нинлиль Киур, свой дом, покинула,
в ее загон вошел ветер.

Госпожа Кеша покинула, в ее загон вошел ветер,
Госпожа Могучая Кеш, дом, покинула.

в ее загон вошел ветер.*

10 Госпожа Исина покинула, в ее загон вошел ветер,
Нининсина Эгальмах, дом, покинула,

в ее загон вошел ветер.

Госпожа Урука покинула, в ее загон вошел ветер,
Иванна Урук, дом, покинула, в ее загон вошел ветер.

Нанна Ур покинул, в его загон вошел ветер.

Зуэн Экишьяргаль покинул, в его загон вошел ветер.

Нингаль покинула, в ее загон вошел ветер,

Жена его Нингаль свой Энункуг покинула,

в ее загон вошел ветер.

Бык Эредуга покинул, в его загон вошел ветер,

Энки Эредуг, дом свой, покинул, в его загон вошел ветер.

Нинаштэ Лараг, дом свой, покинула,

в ее загон вошел ветер.

20 Шара Эмах свой покинул, в его загон вошел ветер.

Усахара дом свой в Умме покинула,

в ее загон вошел ветер.

Баба свой город святой покинула, в ее загон вошел ветер.

Багару святыню, свое материнское лоно, покинула,

в ее загон вошел ветер.

Абаба покинул, в его загон вошел ветер,

Абаба, сын ее, Магуэну покинул, в его загон вошел ветер.

Защитница дома святого покинула,

в ее загон вошел ветер,

Лама Эсильсирсир покинула, в ее загон вошел ветер.

Мать Лагаша покинула, в ее загон вошел ветер,

Гатумдуг Лагаш, дом свой, покинула,

в ее загон вошел ветер.

30 Госпожа Нины покинула, в ее загон вошел ветер,

Нингула Сирару, дом, покинула, в ее загон вошел ветер.

Госпожа Киниршага покинула, в ее загон вошел ветер,

Думузиабзу в Киниршаге дом свой покинула,

в ее загон вошел ветер.

Госпожа Гуабы покинула, в ее загон вошел ветер,

Нинмар в Гуабе свой дом покинула,

в ее загон вошел ветер.

Это первая песнь.

В ее загон вошел ветер, плач по нему она заводит.
Корова *твоя не имеет стойла,*
княжий загон ей не пригоден.

Повторение строк да будет.*

Город! Горестный плач, начинай свой плач,
Горький плач свой, о город, начинай свой плач,
О разрушении города праведного, о, горький тот плач,
О разрушении Ура-города, о, горький тот плач,
Горестный плач свой, город, начинай свой плач,
О разрушении Ура-города, о, горький тот плач.
Горестный плач по тебе, обливаясь слезами,
твоя госпожа не прекратит доколе?

Горестный плач по тебе, обливаясь слезами,
твой господин Нанна
не прекратит доколе?

Кирпичи-основание Ура! Горький плач,
*начинайте свой горький плач.**

Экиширгаль, храм! Горький плач,
начинай свой горький плач.

Энункут, святыня! Горький плач,
начинай свой горький плач.

Киур, великое место! Горький плач,
начинай свой горький плач.

Святыня Нипшура, город! Горький плач,
начинай свой горький плач.

Кирпич Экура! Горький плач, начинай свой горький плач.

Гагипшуа! Горький плач, начинай свой горький плач.

Убшуккина! Горький плач, начинай свой горький плач.

Кирпичи священного города! Горький плач,
начинайте свой горький плач.

Эсильсирсир! Горький плач, начинай свой горький плач.

Магуэнна! Горький плач, начинай свой горький плач.

Кирпичи Истина! Горький плач, начинайте свой горький плач.

Эгальмах, святыня! Горький плач,
начинай свой горький плач.

Кирпичи Урука! Горький плач,
начинайте свой горький плач.

Тихонечко горестный плач начинает:

«День мне присужден. О нем мой стон.

День бед. Этого дня горечь льется в меня.

Мне, жене, день присужден. О нем мой стон.

День мне присужден. О нем мой стон.

День, черный день. Он ныне мне присужден.

Я дрожу от близости этого дня.

День бед — от руки его мне не уйти.*

С тех пор ни единого светлого дня

в правление моем нет у меня.

Ни единого светлого дня, я не видала светлого дня.

И в ночи горек плач. Он

Мне присужден.

Я от близости ночи той дрожу.

Ночь — от руки ее мне не уйти.

День — словно буря, его разрушенья меня покрыли.*

С тех пор на ложе моем ночном,

нет мне покоя на ложе ночном.

Огньше из-за этого дня ложе покоя мое —

место метания моего.

Ибо стране моей горький плач присужден.

Словно корова теленка, я землю эту лижу.*

Но освобожу ли от страха мою страну?

Ибо городу моему горький плач присужден.

Словно птица, я коснулась руками небес,

К городу моему я лечу,

Но городу моему разрушену быть — до основания.

Но Уру моему погублену быть — лечь развалинами,

Ибо руки бури сверху к нему потянулись.

Я вошлю — в степь, назад, уходи, буря! — я кричу.

Но буря груди своей не повернула.

Ибо мне, жене, в Энункуте, доме пресветлом,

доме господства моего,

Где правление долгих дней даруется,

Гореванье горькое присуждено.

В доме — обители ликований,

где веселились черноголовые,

Ныне не праздники множатся — гнев и печали.

Энлиль своим: «Ладно, быть по сему»

не успокоил сердца.

И второй раз собрание главу к земле склонило.

Ануннаки остались при слове, которым себя связали.

*Колени свои я пред ними склоняла,**

руки свои к ним простирала.

Пред Аном потоки слез проливала,

К Эшшилью сама молибы обращала.

«Да не будет град мой разрушен» — так говорила.

«Да не будет Ур мой разрушен» — так говорила.

«Да не будет люд его загублен» — так говорила.

Но Ан на слова мои не обернулся.

Энлиль своим: «Ладно, быть по сему»

не успокоил сердца.

Мой город к разрушению полному приговорили.

Ур к разрушению полному приговорили.

Гибель людям его присудили.

И меня, как если б я слово давала,*

С моим городом меня связали,

С моим Уром меня связали.

Ан не изменил решения.

Энлиль не отменил приказа.

Это четвертая песнь.

Ее город вместе с нею загублен,

ее Сути стали ей враждебны.*

Повторенье строки да будет.

Эшшиль призвал бури. Рыдает народ.

Изобильные ветры из края увел. Рыдает народ.*

Добрые ветры из Шумера увел. Рыдает народ.

Злобным ветрам отдал приказ. Рыдает народ.

Кингалуде, кто злыми ветрами правит, дал их в руки.

Рыдает народ.

Вихрь, что страну уничтожит, позвал. Рыдает народ.

Злые ветры скликал. Рыдает народ.

Энлиль призвал Гибилу на помощь.

Великую кличет с небес бурю. Рыдает народ.

Великая буря с небес завывает. Рыдает народ.

Ураган, что страну уничтожит, ревет на земле.

Рыдает народ.

Злобный ветер, неодолимый, словно могучий поток,

Городские суда на причале разрушает и пожирает.

К основанью небес их сгоняет. Рыдает народ.

Энлиль бурею огонь зажигает. Рыдает народ.

Огонь с диким востром объединяет.

Тучи, что дождем дождят, ныне огнем огнят.

190

Дня сияющие лучи, добрый свет он убрал.

В стране не сияние дня восходит,

а словно звезда пламенест заката.

От ночи, что радость несет и прохладу,

южный ветер он убрал.

Кубки людей наполнены пылью. Рыдает народ.

Черноголовые! Ветры по ним гуляют. Рыдает народ.

Шумер в охотничьей ловушке. Рыдает народ.*

Могучие стены Страна возводит — буря их пожирает.

Бурю почную не умолить слезами.

Буря, что все сокрушает, Страну потрясает.

200

Буря город, словно потоп, разрушает.

Буря, что Страну погубила,

легла на город тяжким безмолвьем.

Буря, что все загубила, пришла, беременная злобой.

Буря, что огнила, принесла народу голод.

Буря, ярости Энлиля приказ, что Страну разделила,

Ур как покрывалом покрыва, покровом его одела.

Это пятая песнь.

Буря, словно лев, бьет, рыдает народ.*

Повторенье строки да будет.

Когда день озарил город, этот город лежал в руинах.

Отец Нанна, этот город в руинах. Рыдает народ.

210

Когда день озарил страну — рыдает народ. — *

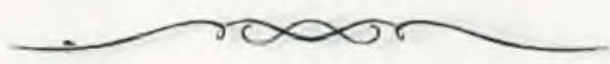
Его люди — не черепки битые — вокруг лежат.

Его стены насквозь пробиты — рыдает народ.

В главных воротах, где прежде ходили, лежат трупы.

На его площадях, где праздники были, навалены люди.

В переулках и улицах, где раньше гуляли, лежат трупы.

В местах, где праздники прежде справляли,
людей навалены груды.
Кровь страны, словно медь и свинец
в плавильные печи текущие, льется.
Ее мертвецы, словно жир овечий, на солище тают.
Мужи, что сражены топором,
племени свои надеть не успели.*
Словно олени, ловушкою пойманные,*
земли наглotalись своими ртами.
Мужи, что были кошем пробиты,
перевязи надеть не успели.*
Вот гляди, как будто там, где мать их рожала,
лежат, своею залитые кровью,
Те, что дубинками сражены были, их руки*
перевязь повязать не успели.
Без опьяняющего питья пьяны,
головы набок они склонили.*
С оружием стоявший, оружием сражен. Рыдает народ.
От оружия бежавший, бурей сметен. Рыдает народ.
Бедняков и богачей Ура — всех их охватил голод.*
Старики и старухи, что из дома не вышли,
в пламени они погибли.
Мальшей, что на материнских коленях лежали,
словно рыбок, унесло водою.
Кормилицы! Опустели их полные груди.*
Решенья Страны удалены. Рыдает народ.
Разум Страны трясина сосет. Рыдает народ.
Отец от сына отвернулся. Рыдает парод.
В городе супруга брошена,
дитя покинуто, добро рассеяно.
Черноголовые с мест насиженных сорваны.
Госпожа их, подобно вспугнутой птице,
из града вылетела.
Нингаль, подобно вспугнутой птице, из града вылетела.
На добро, что Страною накоплено было,
грязная рука легла.*
Над богатством, что Страною приумножено было,
огненный дождь идет.
Вдоль каналов Страны Гибил очищающий
дела свои творит.

Экиширгаль, гора его неприступная, разуму недоступная,
Дом сей непорочный, топорами огромными
до основания срыт.

Субареи и эламиты, грабители, *в ничто* его превратили.*

Храм святой лопатами срыли. Рыдает народ.

Город в развалины превратили. Рыдает народ.

Госпожа его — «а-а, дом мой» — вопит.

Нингаль — «а-а, город мой» — вопит.

«Я госпожа, а град мой разрушен, а дом мой погублен!

О Нанна, Ур разрушен, народ его раскидан!»

Это шестая песнь.

В своем загоне, в своем стойле

сказала жена горькое слово:

«Город бурей снесен».

Повторенье строки да будет.

Нингаль, мать своего града, точно враг-неприятель,
стоит под стеною.

Госпожа о доме своем разрушенном горячие льет слезы.

Царица о своей святыне, об Уре загубленном,
горько рыдает:

Воистину Ан мой город проклял, разрушил мой город!

Энлиль дом мой погубил, лопатою срыл!

Над теми, кто из долин ко мне поднимался,*

он зажег огонь, — а-а-ай,

город мой, он и впрямь разрушен!

На тех, кто с гор ко мне спускался,

пламя Энлиль швырнул.

Пред городом он мне предместье разрушил, — а-а-ай,

город мой, — я кричу.

В городе внутренний город разрушил, — а-а-ай, дом мой, —
я кричу.

В предместье все дома разрушены, — а-а-ай, город мой, —
я кричу.

В городе все дома разрушены, — а-а-ай, город мой, —
я кричу.

Словно добрые овцы, мой город не множится — *
ушел его верный пастырь.

Словно добрые овцы, Ур не множится —

ушел его подпасок.

Мой бык не живет в загоне — ушел его загонщик.*

Не живут в хлевах мои бараны — ушли их стражи.

Протоки города песком засыпаны,

убежищем лис они стали.

Вода проточная по ним не бежит —

водохранитель их ушел.

В полях города зерно не всходит — ушел их пахарь.

В полях, что словно лопатою срыты,

сорные травы ныне всходят.

Сады и рощи мои, что мед и пальмовое вино приносили,

колючки горные ныне приносят.

Степи мои цветущие, благоуханием пьянящие,

словно печи, дочерна сожжены.

Мое добро, словно могучим натиском саранчи

сметено, — мое добро! — я кричу.

Мое добро, кто с долин вышел, в долины унес, —

мое добро! — я кричу.

Мое добро, кто с гор спустился, в горы унес, —

мое добро! — я кричу.

Серебром моим серебра не знающие

ныне руки свои наполнили.

Моими камнями каменьев не знающие

ныне шеи свои украсили.

Все птицы, все твари крылатые улетели из города, — *

а-а-ай, город мой, — я кричу.

Рабыни мои, сыны мои уведены, — *

а-а-ай, люди мои, — я кричу.

Горе, мои рабыни в чужих городах оковами схвачены! *

Горе, мужи и жены мои веревками скручены!

Горе, города моего нет, я в нем больше не царица!

Нанна, Ура больше нет, я в нем больше не хозяйка!

В развалины дом мой превращен, город мой разрушен.

Мне, доброй женщине, мой город чужим стал.

В развалины город мой превращен, дом мой разрушен.

Мне, Нингаль, мой дом чужим домом стал.

Горе, город совсем разрушен, и дом с ним разрушен.

Нанна, святыня Ура разрушена, и люди его убиты!

Горе, где мне жить, где мне встать?

Горе! Призрачно твое возведение было,
пагубно твое разрушение.
Я госпожа, а в святилище Ура моем
в хлебных жертвах мне отказано! *
Энункуг, мой новый, новый дом, чьей прелестью
я не успела насытиться,
Город, что будто никогда и не строили, —
за что они тебя погубили?
Разрушенный мой, злополучный мой, —
за что они тебя погубили?
Видишь, натиску злой бури по приказу грозному,*
этой силы ты не избежал.
О Ур мой, дом Зуэна мой, горька твоя погибель!
Это седьмая песнь.

А-а, город мой, а-а, дом мой! *

Повторенье строки да будет.

Госпожа, как сердце твое вынесет это,
как сможешь ты жить? *
Нингаль, как сердце твое вынесет это,
как сможешь ты жить?
Госпожа непорочная, чей город разрушен,
как можешь ты это перенести?
Нингаль, чья страна погублена,
как сердце твое вынесет это?
После того как твой город разрушили,
как можешь ты это перенести?
После того как дом твой разрушили,
как сердце твое вынесет это?
Город твой чужим городом стал,
как можешь ты это перенести?
Дом твой домом плача стал, как сердце твое вынесет это?
Твой город, что ныне стал развалинами,
ты в нем больше не хозяйка.*
В непорочном доме твоём, что лопатою срыт,
на престоле его ты не восседаешь.*
Твой народ, что на резню был согнан, —
не госпожа ты ему боле.

Плач твой вражеским плачем стал,
 страна твоя больше не плачет.
 Без слез и умоляющих плачей живет *народ твой*
 в чужих странах.*
 Страна твоя, как будто ей тошно, уста рукою закрывает.*
 Город твой стал развалинами,
как можешь ты это перенести?
 Дом твой *опустел ныне*, как сердце твое вынесет это? *
 В святищу Ура вошел ветер,
как можешь ты это перенести?
 Жрец его в радости там не расхаживает,*
как сердце твое вынесет это?
 Жрец верховный не живет в священном покос,
как можешь ты это перенести?
 Жрец, что творит обряд очищения,
*не творит тебе ныне обрядов.**
 Отец Нанна, твой жрец, молитвы святые тебе не возносит.
 Твой прорицатель в покос священном твоём
 не надевает льняные одежды.
 Праведный жрец верховный твой, что в радости сердца
 тобою был избран в Экиширгале,
 Из святилища в покой сокровенный к жрице *
 радостно не входит.
 В Аху, доме празднеств твоём,
 праздников не празднуют больше.
 На барабанах и тамбуринах в радости сердца,*
 на тимпанах для тебя
 больше не играют.
 Черноголовые омовений
 на твоих праздниках не совершают.
 Конопляные траурные одежды ныне им присуждены.
 Облик их переменился.
 Твои песни плачами стали. *Доколе будет это длиться?*
 Веселая музыка жалобой стала.
Доколе будет это длиться?
 Быка твоего в загон не приводят.
 Жир его тебе не готовят.
 Твои овцы не живут в овчарне. Молока тебе не приносят.
 Масло носящие из загонов больше его тебе не несут.
Доколе будет это длиться?

350

360

Молоконосящие из овчарни больше его тебе не носят.

Доколе будет это длиться?

Рыбак, что носил тебе рыбу, злое нынче поймал в сети.

Доколе будет это длиться?

Птицелов, что приносил тебе птицу,

*странником ныне бродит.**

Каналы, что для судов грузовых годились,

ныне заросли камышами.

На дорогах твоих, что для колесниц устроены были,

горные колючки растут ныне.

Госпожа моя, словно по матери,

город твой по тебе рыдает.

Ищет Ур тебя, словно ребенок, что на улицах потерялся.

Дом твой тянет к тебе руки, как человек, тебя зовущий.*

Кирпичи дома твоего святого, как живой человек, —

«ты где?» — восклицают.

Госпожа моя, ты из дома ушла, ты из города ушла.

Доколе за городом своим, словно враг, ты стоять будешь?

Матушка Нингаль, словно враг, возле города ты стоишь.

Госпожа, свой город ты любишь,

а все же ты его оставила.

Матушка Нингаль, свой народ ты любишь,

а все же ты его покинула.

Матушка Нингаль, словно бык — к своему стойлу,

словно овца — к своему загону.

Словно бык к своему стойлу, где была ты прежде,

словно овца — к своему загону.

Словно дитя к своей матери, госпожа — к своему дому.*

Ан, парь всех богов, — «довольно!» —

воистину пусть скажет.

Энлиль, владыка всех стран,

пусть назначит судьбу благую.

Твой город пусть он тебе вернет,

да будешь ты снова в нем хозяйкой.

Ур твой пусть он тебе вернет,

да будешь ты снова в нем хозяйкой.

Это восьмая песнь.

Мои Сути от меня удалились.

Повторенье строки да будет.

Горе! Все бури и грозы все сразу на Страну напали!

390

Великая буря небес, грозно завывающая буря,

Злобная буря, что так долго над Страною реет,*

Буря, что город разрушила, буря, что дома разрушила,

Буря, что загон разрушила, буря, что хлев разрушила.

На обряды святые наложила руку,

Решенья достойные грязной рукой схватила,*

Буря, что благо Страны уничтожила,*

Буря, что черноголовых опутала.

Это девятая песнь.

Буря, что все пред собою губит.*

Повторенье строки да будет.

400

Буря, что матери не шадит, буря, что отца не шадит.*

Буря, что жены не шадит, буря, что родни не шадит.*

Буря, что сестры не шадит, буря, что брата не шадит.

Буря, что слабого не шадит, буря, что сильного не шадит.*

Буря, что жену настигает, буря, что дитя настигает.

Буря, что свет с земли сгоняет.*

Буря, что по приказу гневному над Страною долго реет.*

Отец Нанна, пусть этой бури в твоём городе

больше не будет!

Люди твои, черноголовые, пусть ее больше не увидят.

Пусть эта буря, подобно дождю,

в эти места не возвратится.

410

Она, что жизнь небес и земли —

черноголовых — разбивает,*

Да будет вовсе она уничтожена.

Как городские ворота ночью,

да будет дверь для нее закрыта.

Пусть решение об этой буре никогда не будет составлено.*

Пусть отныне на гвозде у Эилия

висит решение об этой буре.

Это десятая песнь.

На дальние дни, на другие дни, на дни, что будут после.

Повторенье строки да будет.

От тех дальних дней, когда была сотворена Страна,
О Нанна, люди, что смиренно пошши по стезе твоей,
Ныне плачи о доме разбитом твоём к тебе несут,
 пред тобою творят.

Черноголовые, что тобою покинуты,
 пусть они молятся тебе ныне!

Город, что был тобою разрушен,
 пусть обратит к тебе плачи.

Нанна, да воссияет во славе твой
 возвращенный на место город! *

Подобно сияющей звезде, да не будет он загублен,
 пред тобою жить да будет.

Пусть люди дом твой снова построят.

Пусть молитвы и жертвы тебе приносят,

Тебе, Нанна, царю Ура, тому, кто всех стран владыка.

... грехи его да уничтожит.

... и сердце его да успокоят.*

На того, кто с жертвами пред тобой стоит,
 устреми взоры,

О Нанна, чей проникающий взгляд
 во все сердца проникает,

Людей от злых помыслов очищает.

Сердца тех, кто в Стране живет,
 да будут светлы перед тобою.

Нанна, когда город на место его возвратишь,
 вечно в мольбах тебя будут славить!

Это одиннадцатая песнь.

О, ЖИЛЬЕ ТВОЕ ГНЕВНОЕ...

*Плачи и гимны к Энлилю
(В сокращении)*

I

О, жилье твоё гневное, о, сердце твоё взъяренное,
 доколе не охладится оно?

Отец Энлиль, всех стран владыка,*
 доколе не успокоится он?

Отец Эвиль, доколе не успокоится он,
владыка благоречивый,
доколе не успокоится он?

Отец Эвиль, доколе не успокоится он?

5 Эвиль, Страны Отец, доколе не успокоится он,*
черноголовых пастырь,
доколе не успокоится он?

Отец Эвиль, доколе не успокоится он,
себя проникающий,
доколе не успокоится он?

Отец Эвиль, доколе не успокоится он,
дикий бык, предводитель войска,
доколе не успокоится он?

Отец Эвиль, доколе не успокоится он,
тот, кто мнимым спит сном,
доколе не успокоится он?

<...>*

От начала дней, с тех дней предвечных,
доколе не успокоится он?

10.(14) От начала ночей, с тех ночей предвечных,
доколе не успокоится он?

От начала веков, с тех веков предвечных,
доколе не успокоится он?

От поры, как недругам жен отдали,
доколе не успокоится он?

От поры, как младенцев врагам отдали,
доколе не успокоится он?

Друг в его покрове мнимом, от поры, как жена убита,*
доколе не успокоится он?

Дитя убито, от поры, как дитя убито,
доколе не успокоится он?

Дитя убито, от поры, как дитя убито,
доколе не успокоится он?

Дабы град разрушить, в потаенном покое пастырь,
словно дикий бык, ярится,
доколе не успокоится он?

Нишур дабы разрушить, в потаенном покое пастырь,
словно дикий бык, ярится,
доколе не успокоится он?

Вавилон дабы разрушить, в потаенном покое пастырь,*

словно дикий бык, ярится,

доколе не успокоится он?

19.(24)

От поры, когда башню храмовую, что большую циновку

тростниковую, смел,

доколе не успокоится он?

Взирающий — о, дом, где он? — молвит.

— О, град мой, где он? — молвит.

Доколе не успокоится он?

Взирающий — о, дитя мое, где оно? — молвит.

— О, сынок старший, где он? — молвит.

Доколе не успокоится он?

О, вражда черная, о, вопли и слезы,

доколе продлятся они,

доколе не успокоится он?

Доколе, Энлиль, доколе?

Доколе, Энлиль, доколе? Доколе молитвами

не будет он успокоен?

26.(30)

Словно гроза над небосклоном, Утес Могучий,*

Энлиль, когда ты утихнешь?

О, доколе? Словно гроза над небосклоном, Утес Могучий,

Энлиль, когда ты утихнешь?

Утес Могучий, Энлиль, когда ты утихнешь?

Все, что изрек, ты совершил, о ком промолвил,

тех ты убил.

10.(33)

Все, что промолвил, ты исполнил. Когда ты утихнешь?

То, что промолвил, ты превысил. Когда ты утихнешь?

Место твое приговоренное ты порешил.*

Когда ты утихнешь?

Пастыря несогбенного он над овцами поставил.

Когда ты утихнешь?

Пастыря недремлющего он назначил стражем.*

Когда ты утихнешь?

Травы негодные в степи вырастил он.*

Когда ты утихнешь?

36.(39)

Отец Энлиль тростниковых флейт плачи*

по степи высокой разносит.

Когда ты утихнешь?

Словно гроза над небосклоном Отец Энлиль,

Когда ты утихнешь?

- Плачи, о, плачи, не удержать рыданий! *
- 38а Горе, о, горе, не прекратить стенаний!
- Не прекращаются вопли, не унимаются стоны.
- 40.(42) Владыка града моего, Утес Могучий, Энлиль,
о-о, горе, горе!
- Владыка града моего, о блеске града твоего те плачи!
- Юноша в степи рыдает, горячие льет он слезы,
о-о, горе, горе!
- 43 Дева у баппи сторожевой горюет, стонет, о-о, горе, горе! *
- Этот юноша горько рыдает, о-о, горе, горе!
- Эта дева горько стенает, о-о, горе, горе!
- Эта дева кричит.

II

- Дикий бык, благородный дикий бык,
когда имя твое надо всеми странами,
Всех стран господин, дикий бык,
Благоречивый владыка, дикий бык.
- 50.(52) Утес Могучий, Энлиль, дикий бык, когда имя твое
надо всеми странами,
Энлиль, Страны Отец, дикий бык,
Черноголовых пастырь, дикий бык, когда имя твое
надо всеми странами,
Владыка речей безупречных, дикий бык, когда имя твое
надо всеми странами,
<...>*
- Когда имя твое встает над горами,
Когда имя твое встает над горами, содрогается небо,
когда имя твое
надо всеми странами,
Содрогается небо, трясется земля, когда имя твое
надо всеми странами,
Когда над Эламом горным встает оно, когда имя твое
надо всеми странами,
Когда у подошвы земли встает оно, когда имя твое
надо всеми странами,
Когда по краям земли встает оно, когда имя твое
надо всеми странами,
- 60.(68) Когда над грудью земли встает оно, когда имя твое
надо всеми странами,

Когда над горою сверкающею встает оно, когда имя твое
надо всеми странами.

Когда над горой высочайшею встает оно, когда имя твое
надо всеми странами,

Когда над горой величайшею встает оно, когда имя твое
надо всеми странами.

Когда над горою, над небом встанет оно, встанет оно,

Небо само собою расколется, когда имя твое
надо всеми странами!

О, сколь ты могуч, о, сколь ты могуч!

Ты, благородный Отче, о, сколь ты могуч!

Энлиль, сколь ты могуч!

<...>*

Владыка суда справедливого, о, сколь ты могуч!

Горький плач вылетает из горла птицы.

Из горла птицы, птицы *гиргирлу*,*

горький плач вылетает из ее горла.

Горькие плачи, горькие вопли вылетают из ее горла,

вылетают из горла птицы.

Ибо господин от Страны отвернулся.

От черноголового народа.

Шея его между плеч новнсла.

<...>*

О, доколе, доколе?

Энлиль, о, доколе?

Утес Могучий, Отец Энлиль, доколе?

Черноголовых пастырь, доколе?

Ты, кто главу окутал тканью, о, доколе?

Ты, кто шею склонил к коленам,

о, сколь ты могуч, доколе?

Кто лишь свое вопрошает сердце,

о, сколь ты могуч, доколе?

Кто закрыл свое сердце, словно корзину.

о, сколь ты могуч, доколе?

Благородный, кто уши склонил меж бедер,

о, сколь ты могуч, доколе?

Благородный, кто пальцами заткнул уши,

о, сколь ты могуч, доколе?

- 84.(108) От Ниппура вран отдалил свое сердце.*
 Вран по приказу Элиля отдалил свое сердце.
 Господин благородный, кем Страна порушена,
 Элиль благородный, черноголовые его брошены,
 Элиль, нет руки, руке твоей равной, доколе?
 Элиль, нет ноги, ноге твоей равной, доколе?
 90.(114) Того бога нет, чтоб тебе был равен!
 Благородный, никого нет, кто б тебе был равен!
 Отец Элиль, вернись в страну!

<...>

Черноголовые *покорены*. Ниппура девы истреблены.

<...>*

Поверни свое сердце.*
 Элиль, поверни свое сердце!
 Элиль всех стран, поверни свое сердце!

<...>*

- Поверни свое сердце, повели ему повернуться!
 Усмири свое сердце, повели ему усмириться!
 Пусть молителы промолвят тебе молитвы,*
 100.(143) Пусть просители просьбами тебя упросят!
 В небесах и земле, месте злаков пестрых, — *
 Твои сотворители Энки и Нинки,
 Супруга возлюбленная, мать Нишиль,
 Сестрица старшая, госпожа Кеша,*
 Глашатай твой Нинибру,
 Твой воин могучий, владыка Нинурта,
 Твой советчик главный, предводитель Нуску,
 Дитя любимое Гашананна,*
 Правитель великий Умунгуруша.*
 110.(153) Дикий бык лежит. Что не встает он? *
 Элиль лежит. Что не встает он?
 Благородный лежит. Что не встает он?
 Над Ниппуром, над Дуранки что не встает он?
 Над Ниппуром, где даруются судьбы, что не встает он?
 Над Храмом, что для жизни Страны он возвел,
 что не встает он?
 Что для жизни всех стран он воздвиг, что не встает он?
 Над Экурором, сердцем благостным Элиля избранным?

Дикий бык, что лежит, да встанет,*

Энлиль, что лежит, да встанет,

1:0 (173a)

Энлиль, дикий бодливый бык, да встанет,*

1:0a (174)

Благородный, дикий бодливый бык да встанет,

Отец Энлиль, всех стран владыка,

Благородный, Ниппура владыка,

Средь быков откормленных буйных да встанет,

Меж овец отборных упитанных, что у жрецов

льнотканоокутанных, да встанет,*

Меж козлов зернокормленных да встанет,*

Меж овец жирнохвостых меченых да встанет,*

... да встанет,*

... в Ниппуре, связи небес и земли,

Благородный, могучий, что возлежит вместе с бурей,

да встанет.*

1:0 (184)

Вот слова его: «Плачи, о-о, плачи!»

Дикий бык поднимется, вокруг глянет,

Энлиль поднимется, вокруг глянет,

Отец Энлиль поднимется, вокруг глянет,

1:3a (187)

Благородный дикий бык поднимется, вокруг глянет,

На Нипшур, связь небес и земли глянет,*

На Нипшур, где судьбы даруются, глянет,

<...>

Ты сокрушил нас, ты раздавил нас.

Дикий бык, его вздымание достигает неба.

Энлиль, поднявшийся дикий бык,

его вздымание достигает неба.

1:40 (195)

Отец Энлиль, всех стран владыка,

Благородный, Ниппура владыка,

Он владыка, его Слово небо удержать не может.

Энлиль, его Слово земля нести не может.

Владыка, одну руку его небо удержать не может.

Энлиль, одну ногу его земля удержать не может.

Благородный, рук его охват достигает неба.

Энлиль, подошвы ног его попирают землю.

Дикий бык, его вздымание достигает неба.

Ты промолвил, ты промолвил,*

Владыка всех стран, о, воистину ты промолвил!

1:50 (204)

Нечто кто разрушил? Ты разрушил.

Нечто кто сгубил? Ты сгубил.
 Элиль, дом, прекрасно устроенный, в тростниковую хижину
 ты превратил.
 Сын благородного прочь бежал.*
 Элиль, одетого роскошно хладом ты склонил.
 Того, чьи поля обширны, градом ты согнул.
 У того, кто мотыгой роет землю, землю ты отрезал.*
 У того, кто воду достает из колодца, колодцы ты отрезал.*
 О, воистину ты промолвил, но реченное ты превысил.

III

<...>*

Благородный, обернись и взгляни на град свой*
 да скажу я!
 160.(238) Элиль, благородный, обернись и взгляди на град свой,
 да скажу я!
 Всех стран владыка, обернись и взгляни на град свой,
 да скажу я!

<...>*

Во граде твоём, загубленном, затопленном,
 В Ниниуре твоём, загубленном, затопленном,
 Во граде твоём, загубленном, затопленном,
 <...>*

Во граде твоём, где ныне ячмень по зернышку вешают,
 Тот, кто сытым был, голодает,
 Супруга юная — о, супруг мой! — восклицает,*
 Мальчик юный — о, сын мой! — плачет,
 Дева — о, брат мой! — плачет,
 170.(286) Во граде кормилица-мамушка — о, дитя мое! — плачет,*
 Девочка малая — о, отец мой! — плачет.
 И мал и стар — все удалились.*
 В Ниншуре мал и стар — все удалились.
 В Вавилоне мал и стар — все удалились.
 В Исине мал и стар — все удалились.
 Кто на улицах стоял — побиты лежат.
 Их члены и матки псы грызут,*
 Их останки в огне *горят*.*
 По местам ликований ветер гуляет,*
 180.(296) По улицам, что радостью *не насыщались*.*
 <...>

ИСТРЕБЛЕНИЕ МОИХ ЧЕЛОВЕКОВ...

Отрывки из сказания о потопе

I

(Первые 37 строк разбиты.)

«Истребление моих человек...
Мной сотворенное богине Нинту...
воистину я возвращу сй.*

Я верну народ к местам их обиталищ.
Да будут их грады построены, да будут их беды рассеяны.
Кирпичи во всех своих градах на места священные
воистину пусть они поставят.
На святых местах пусть собраны будут.
Святость воды — огня гашение — да будет
в праведности установлена.

Обряды, могучие Сути совершенными воистину будут,
Землю вода да оросит, благостный мир я им дам».
10.47 Когда Ан, Энлиль, Энки, Нинхурсаг
Черноголовый народ сотворили,
Живность в земле начала множиться буйно,*
Всевозможные четвероногие твари
узором достойным покрыли долины.

<...>

(Более 30 строк разрушено.)

II

<...>

«Труды их усилий хочу я направить.*
15.87 Строитель Страны да прокопает землю, да заложит основы».*
Когда Сути царственности с небес спустились,
Могучий венец и царственности престол с небес спустили,
Он сотворил их обряды, он могучие Сути *
совершенными сделал.

Он основал селенья и грады.
70.92 Он имена им нарек, доли им он распределил.
Первый из них — Эредуг, вождю Нудиммуду его он дал.

Второй — жрице небес — Бадтибиру он ей дал.*

Третий — Лараг, Пабильсагу его он дал.

Четвертый — Сишар, герою Уту его он дал.

Пятый — Шуруппак, Суд он его дал.

Этим градам он дал имена, он столицами их назначил.

Он не прекратил разливы, он прокопал землю.

он принес им воду.*

Малые речки он очистил, провел оросительные протоки.

(40 строк разрушено.)

III

30.141

В те дни Нинту... свои творенья...*

Светлая Инаина за своих человек плач заводит.

Энки сам с собою советуется.

Ан, Энлиль, Энки, Нинхурсаг,

Боги Вселенной именем Ана поклялись,

именем Энлиля поклялись.

В те дни Зиусудра, помазанник божий...

Навес овальный себе построил...

В покорности, благоговейно, со смиренными.

праведными словами...

Каждый день он стоял, склоняясь...

То не сон, то выход его речений...

Дабы заклясть небо и землю.

IV

40.151

В Киуре боги... стена...

Зиусудра, у края встав, слышит...*

«Край стенки слева, ну-ка, послушай!

Край стенки, скажу тебе слово, прими мое слово!

Будь внимателен к моим наставленьям!

Потоп пронесется *надо всем миром*,*

Дабы семя человечества уничтожить.

Окончательное решение, слово божьего собрания...

Решение, реченное Аном, Энлилем, Нинхурсаг,

Царственность, ее прерывание...»

(...)

(Около 40 строк разрушено.)

<...>

50.201 Все злобные бури, все ураганы, все они собрались вместе.
Потоп свирепствует *надо всем миром*.
Семь дней. Семь ночей.
Когда потоп отбушевал над Страною,
Злобный ветер высокой волною
отшвырял огромное судно.*

Солнце взошло, осветило небо и землю,
Зиусудра в огромном своем корабле отверстие сделал,
И солнечный луч проник в огромное судно.
Царь Зиусудра
Пал ниц перед солнцем-Уту.

60.211 Царь быков заколол, много овец зарезал.

<...>

(Разрушено около 40 строк.)

<...>

61.251 Жизнью небес и жизнью земли они поклялись.*
Ан и Энлиль жизнью небес в земли поклялись *о том*,
кто укрылся,
Дабы живое из земли поднялось,
дабы оно для них вышло.

Царь Зиусудра
Пред Аном, Энлилем смиренно простерся.
66.255a Ан и Энлиль с Зиусудрою ласково заговорили.*
Когда жизнь, словно богу, ему присудили,
Жизнь долгую, словно богу, ему изрекли,
Тогда они царя Зиусудру,

70.259 Кто имя жизни сберег, человечества семя спас,
Поселили его в стране перехода, в стране Дильмун, там,
где солнце-Уту восходит...

«Ты...»

(Конец разрушен.)

100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200
100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200

ЛЮДИ ШУМЕРА: ДУХ ЭДУБЫ

ВЪЗДЪЛЖА
ВЪЗДЪЛЖА:

В ДАВНИЕ ДНИ, В СТАРОДАВНИЕ ДНИ...

Поучения Шуруппака

В давние дни, в стародавние дни,
В давние ночи, в стародавние ночи,
В давние годы, в стародавние годы,
Во время оно некий мудрец, хитроумных слов
он был составитель,
Сведущий в слове, Шумера житель,
Шуруппак наставлял своего сына.
Шуруппак, сын Убартуту,
Наставлял сына своего Зиусудру.

«Сын мой, совет хочу дать, прими совет мой.
Зиусудра, слово скажу, со вниманием выслушай.
Советом, что дам я, не пренебрегай.
Слов, что скажу я, не переступай.
Всемогущи наставленья отцов, будь им послушен.

Осла крикливого не покупай —
стоит его крик в твоём затылке.*
Поля у дороги не разбивай — *затопчут*.
Поля на ослиных тропах не воздělывай — *загубят*.
Колодца посре́дь поля не *выкапывай* — водою зальет.
Дом на улицу широкую не *выпячивай* —
*пусть в ряду стоит.**

Не ручайся — да не будешь зависим.*
Да, ни за кого не ручайся —
кто ручается, неблагоприятен.

И свидетельствовать не надо —

за человека говорит его город.*

Не иди туда, где спорят, —

Да не будешь свидетелем в споре.

Лучше пусть спор тот сам собою угаснет.

Сам не затевай споров.

<...>

30

Спор что огонь — *сам не вспыхнет.**

Споров избегай, иного пути не знай.*

Не кради — себя не губи.

В дом не врывайся, *на сито чужое не зарься.**

Вор-то — лев, а схватили его — раб.

Дитя мое, не соверши убийства!

Топора сам не воздымай!

Мужчину сватом не посылай, себя не...*

С молодницей замужню не болтай, злословье всеильно.

О дитя мое, с молодницею замужнею

в комнате не рассиживайся.

40

Ссоры не разжигай, себя не роняй.*

Лжи не допускай, *голову от шеи отличай.**

Слова не нарушай, твое слово — основа.*

Слова не возвращай, *взгляда злого не привлекай.**

*Краденым не прельщайся.**

Рук своих не марай,

Много прибыли не получишь.

Слов неискренних не говори — *

Словно в ловушку, в них потом попадешься.

50

Овцу на пастбище незнакомое не гони.

Быка на земле ненадежной *не заставляй пахать.*

Основанье надежно — и путь надежен.*

*Пути черного не избирай, добро его — злое.**

Степного осла не покупай — погонщики по обе стороны

за ним должны бежать.*

Не спи с рабынею — зазнается.*

В ярости не проклинай — к тебе возвратится.*
 Не пытайся воду хватать рукою — *ослабеешь*.*
 То, что ты с силою бросишь, тебя же потом сбросит.*
 Не гони должника — наживешь врага.

С высокомерным не устраивай дома,*
 Словно рабыню, тебя погонят,
 И когда подойдешь ты к жилью мужа,
 "Побегай, побегай!" — тебе скажут.

Сладкий тростник в саду не обламывай —
 "Возмести, возмести!" — так тебе скажут.

Врага не приваживай, споров не сглаживай.*
 Дитя мое, силой не надо брать,
 раздоров не надо рождать.

Дочь человека да не осилишь, во дворе она это скажет.
 Силу имеющего не отдаляй,
 стен крепостных не разрушай.

Крепкого молодца не отдаляй, от города сго не отвращай.

Бесчестный, словно веретеном, глазами вертит.
 Уклончив взглядом — переменчиво сердце.*
 Не сори словами, словно лжец в пивнушке,
 В собраниях мужей не маши руками.*

Герой — один, один средь людей.
 Солнце — одно, одно средь людей.
 С героем встать рядом — вот удел!
 С солнцем встать рядом — вот удел!»

Шуруппак наставлял своего сына.
 Шуруппак, сын Убартуту,
 Наставлял сына своего Зиусудру.
 Второй раз Шуруппак наставлял сына.
 Шуруппак, сын Убартуту,
 Наставлял сына своего Зиусудру.

«Сын мой, совет хочу дать, прими совет мой.
 Зиусудра, слово скажу, со вниманием выслушай.
 Советом, что дам я, не пренебрегай.
 Слов, что скажу я, не переступай.

<...>

(Строки 88—96 разрушены.)

<...>

97

Тот, кто твое тебе не восполнит, —
Что козел вороватый, блудливый,
в его сердце — слова лживые.*

100

Дворец — это поток могучий, чье нутро, словно бык бодучий,*
Что в него входит, ни с чем не сравнимо.
Что выходит, конца не имеет.

Вот даю тебе хлеб к *отборному* пиву.*
Но пока даю — далеко то пиво,
Не даю тебе хлеба — он далеко,
Вот отдаю другому пиво —
Нет, с имуществом надежным,
Мой малыш, ничто не сравнится!

110

Льстивый рот — блудливый рот.
Злобный рот печати ждет.
Сладкогласный рот собирает мед.

О лжеце судит мешок для пищи.
Болтун заполняет пустой мешок.
Хвастун заполняет пустой рот.

120

Кожевник одет своей собственной кожей.*
Власть имущий может избежать руки человека.*
Дурак всегда что-то теряет.
Удивляясь, дурак что-то теряет.
"Да не свяжешь меня!" — он делает жест молитвы.*
"Да буду жив!" — он делает жест молитвы.
Пустоголовый решает судьбы.
Бесстыжий поучает другого:
Воистину я восхищенья достоин!

(Строка 123 разрушена.)

Твой наемник мешок для еды с тобою делит.
Из одного мешка с тобою ест он.
Когда он с тобою мешок тот закончит,
То работу он у тебя оставляет,
"Воистину я у тебя поел!" — И у дворца остановится.

Твой наследник — для твоего дома.

Твоя дочь — для ее женского дома.

Выпал пива — не изрекай суждений.

Что ушло из дома, пусть не гложет сердца.

Небеса далеки — земля драгоценна,

Но с небес ты получаешь много —

Все страны дышат небесами.

В дни жатвы каждый день дорог — *

Собирай, как рабыня, вкушай, как хозяйка,

О да, дитя мое, именно так, собирай, как рабыня,
вкушай, как хозяйка.

Проклятья ранят только внешне.*

Но подаяния убивают.

Насилие чревато ложью.

Проклятия вздымают злобу.

Многословие — чирей, трава черная, жгучая:

"С именем ярким да озарю тебя светом, *

Слова молитвы моей — изобилие,

Молитва водою прохладною освежает сердце!"»

Надсмотрщик города — главный мудрец страны.*

Шурупак поучал своего сына.

Шурупак, сын Убартугу,

Наставлял сына своего Зиусудру.

В третий раз Шурупак поучал сына.

Шурупак, сын Убартугу,

Наставлял сына своего Зиусудру.

«Сын мой, совет хочу дать, прими совет мой.

Зиусудра, слово скажу, со вниманием выслушай.

Советом, что дам я, не пренебрегай.

Слов, что скажу я, не переступай.

Драгоценны советы отцов, будь им послушен.

Сына земледельца не бей — протоку оросительную
тебе разобьет.

Гулящую женщину не покупай — это терн колючий.

160

Раба, в доме рожденного, не покупай —
это трава черная, жгучая.

Свободнорожденного не покупай —
постоянно на стену он будет лезть.*

Рабыню дворцовую не покупай — ноги плоские у нее.*

Но если ты раба-чужеземца с гор спустил,

Того, кто из мест неведомых, ты привел, —

О дитя мое, там, где солнце встает,*

Воду для тебя он будет пить, перед тобою он пойдет.

Дома нет у него — к дому он не пойдет.

Родного города нет у него —

в город свой он не пойдет, —

Он не веселее тебя, он не сильнее тебя.

170

Сынок, путешествуя на Востоке,

Один в дорогу не отправляйся —

*Земляк может оказать помощь.**

Имя на имя — можно поднять человека.*

Гору на гору не громозди.*

Воистину судьба — это зыбкий берег,

Скользит по нему человек ногами.

Старший брат — воистину отец,

старшая сестра — воистину мать.

Старшего брата своего почитай.

Пред сестрою старшею, как пред матерью, склони голову.

180

Не работай одними глазами.*

На словах-то ты много делаешь.

Лентяй слоняется по постоялому двору.

Ради хлеба человек поднимется в гору.*

Лжец собьет с пути человека.

Ради хлеба человек спустится с гор.

Малый город даст царю быка.

Большой город дома построит, каналы пророе.

Имущий хорошо устроен.

Имущий дает неимущему полбу.*

Женатый хорошо устроен.
Неженатый спит на соломе.

Кто рушит дома, будет домом раздавлен.
Кто на людей подымется, на того люди подымутся.
Кто быка мощного на шею взвалит,
Тому через реку не переправиться.
Если ты к сильным своего города примкнешь,
Дитя мое, безусловно вверх ты поднимаешься.

Рабыню с гор ты приводишь.

Благо она тебе приносить,

Но и зло тебе принесет.

Благо в руках, зло — в сердце.

Добро не освобождает сердца.

Но и зло не освобождает сердца.

Добро что сырость — не откроет сердца.*

Но и зло — копейка, его не заглотит.

От злобы и корзина в реке тонет.

Кожа́ный мех в степи *рвется*.*

Ибо сердце в любви — строит дом,

Сердце злобное — дом рушит.

Геройство и обладание — защита Сутей княжества.

Перед героизмом ты склонишь голову,

Власть имеющему ты подчинишься.

Дитя мое, тогда и перед злым человеком ты устоишь.

В праздники не выбирай жену: *

И внутри все у нее напояз, и снатуи все у нее напояз.

В серебре напрокат — напоказ.

в лазурите напрокат — напоказ.

В шерстяной ткани напрокат — напоказ, в ткани льняной

напрокат — напоказ.

О мой малыш, как все это назвать!

Не покупай быка во время жатвы...*

Хитрого быка не покупай — разобьет стойло.

На жену добрую, как на поле плодородное, надеется муж.

220

Не покупай осла во время жатвы.*

Осел, который жрет... с другим ослом...

Коварного осла ты привяжешь за шею,

Но, дитя, лжец коварный за бок тебя схватит.*

*Повитуху ищи на дворе постоялом.**

Пьяница топит свой урожай.

Рыбачку и два мужчины на пороге не задержат.*

В дом, словно муха, она влетает.

Ослища на улице подает голос.

Свинья детеньшей кормит на улице.

230

Женщина, которая укололась, начинает кричать,

Но веретено, что ее укололо, держит в руке.

Из дома в дом она бежит,

Во все переулки тянет шею,

...она говорит и выскакивает,

Во все чердаки заглядывает,

Там, где споры, туда бежит.

<...>

(Строки 237—243 плохо сохранились.)

<...>

244

Сердце обширное, *радостное*,*

Что ценнее для жизни сладостной?

То, что ты ценишь, то и тебя ценит.

Сынок, как яркие глаза яркие!*

Зерну не мешай расти — размножит побеги.*

Не кляни овечку — родится девочка.*

250

Комья земли не просеивай — родится мальчик.

Супругу из дома не удаляй, *голоса на нее не возвышай*.

Место, откуда изгнали супругу, — *погибло*.

"О, бедра мои, о, горло мое!" — будем вместе скакать.*

Мужа могучего одной силой вместе да осилим!

Мастера-искусника да не убей — дитя искусное родится.
Господина, как дикий дракон, не убей,
рук ему не связывай.*

Кормилица из женского дома
определяет судьбу своего хозяина.

С матерью дерзко не разговаривай —
она на тебя рассердится.*

Слов матери твоей и бога-хранителя твоего
не оспаривай.

Мать — словно бог солнца Уту, она рождает человека.
Отец — словно бог, он свет дает.
Отец — словно бог, его слово твердо.
К совету отца да будь внимателен.

Дома за городом построить — изнутри город построить.

Дитя мое, поле, которое оросили,*
Влажно — это поле, о котором заботятся,
Но когда оно сухое — это тоже поле,
о котором забьются.

Потерянное — это то, чему не перестаешь удивляться.

Незнакомый нес — плохо,
незнакомый человек — ужасно.*

На путях неизвестных на краю плоскогорья —
Бог плоскогорья, людей пожиратели.

Люди, в горах живущие,
Зерна, как люди, они не едят,
Домы, как люди, они не строят,
города, как люди, они не строят.

Ночью с гор они спускаются,
Когда люди работу закончили,
когда овцы в стойла загнаны,

Когда плужные труды закопчены,
Они спустятся — подберут колосья.

Дар слова — *освежитель* сердца,
 Дворца *достойн*, *освежитель* сердца.
 Дар словесный, что *звезды небесные*.

280

За наставления Шуруппака, сына Убартуту,
 Кои́ми наставлял Шуруппак, сын Убартуту,
 Кои́ Владычицы Таблид Великих *достойны*,*
 Хвала тебе, дева Нисаба!

РЫБА МОЯ...

Дом рыбы

Рыба моя, я тебе *дом построил*.*

Рыба моя, я тебе дом построил,
 прибежище тебе *приготовил*.

При доме том двор *широкий*,

загон просторный тебе построил.

Там, внутри, ложе тебе поставил,

4а

В этом месте веселья журчащую воду течь для тебя заставил.

К дому сеть не *приблизится*, от канала подземного *

не *протянется*.

В доме есть пища, отборная пища.

Да, в доме есть пища, свежайшая нища.

В дом, там, где пиво тебе поставлено, туда и муха

не просочится.

Ликование не прекратится, как только имя твоё

там послышится.

10

И порог, и засов, и мука для жертвы, и курильница —

все готово.*

А благоухание этого дома — что ароматы кедрового леса.

В доме есть пиво, отличное пиво.*

Да, есть сладкое пиво, и лепешки медовые,

как тростниковая изгородь, длинные.

Все знакомые твои — да войдут они.

Все близкие твои — да войдут они.

И отец, и глава рода твоего — да войдут они.

Сыновья твоего большего брата,
сыновья твоего меньшего брата —
да войдут они!

И малые твои, и большие твои — да войдут они.

И супруг, и дети твои — да войдут они.*

Друзья-приятели твои — да войдут они.

Зять и свекор твои — да войдут они.

Пусть толпою, бок о бок с тобою войдут!

Ня одного из них не оставь,

никого из них не оставь снаружи!

Войди же, дочь моя любезная,

Войди же, дочь моя хорошая.

День пройдет, и ночь придет,

Сияние лунное в дом войдет,

Когда день пройдет, когда ночь придет,

Кто туда войдет, там и отдохнет — место твое тебя ждет.

Там внутри тебе подготовил я ложе,

Да не будет сон моей рыбы встревожен!

Там живущие да не рассорятся.

Войди же, дочь моя любезная,

Войди же, дочь моя хорошая.

Словно у канала засоленного, которому нет течения,

Словно у потока засоренного, которому нет движения,

Для воды струящейся твое ложе будет расчищено.

Лунный свет войдет — твое ложе будет расширено.

А когда ты войдешь — обрати свои взоры к укрытию.

Когда, словно бык, ты пойдешь к месту,

тебе приготовленному, —

обрати свои взоры к укрытию.

Когда, словно пес, ты пойдешь к месту,

тобою учуянному, —

обрати свои взоры к укрытию.

Когда, словно овца, ты пойдешь

к жилию свосму постоянному —

обрати свои взоры к укрытию.

Да, когда, словно бык в свой загон,

а овца в овчарню, пойдешь —

обрати свои взоры к укрытию.

Да, войди, словно бык, в свой загон,

А когда войдешь, пусть Зуэн тебе порадует!

Да, войди, словно овца в овчарню.
 А когда войдешь, пусть тебе Думузи порадуется.
 Когда, словно бык, к загону голову ты подынешь,
 Пусть тебе господин Ашмбаббар-Зуэн порадуется!
 50 Когда, словно овца к овчарне, голову ты подынешь,
 Пусть тебе Думузи-пастырь порадуется!
 <...>

(Около 14 строк разрушено.)

<...>
 67 Рыба, кто же с тобою к жилью пойдет? *
 О рыба моя, пусть все рыбы, что есть, с тобою пойдут!
 Та, что бородку мягкую имеет,
 что травы сладкие поедает,
 70 Пусть большая моя усач-рыба с тобою войдет, *
 о моя рыба!
 Та, что тростник изнутри изгрызает,
 ко рту своему его тянет.
 Пусть и малая моя усач-рыба с тобою войдет,
 о моя рыба!
 И та, толстогубка, что сосет тростники живые,
 Что сбирается в стаи,
 Чья пища... *
 Пусть моя рыба-карп с тобою войдет, о моя рыба!
 И та, черная, словно жердь, круглая,
 Свинья опоросная, что у речных берегов
 себе пищу находит,
 Пусть моя угорь-рыба с тобою войдет, о моя рыба!
 80 И та, чей хвост рогат, чей бок рогат, рыба,
 что из зарослей тростников выплывает,
 Большая моя усачовая рыба, пусть с тобою войдет,
 о моя рыба!
 Рыба, что, словно дитя плачущее,
 в зарослях тростниковых всхлипывает,
 Моя ше-сухур-сум-рыба, пусть с тобою войдет, *
 о моя рыба!
 Голова — мотыга, зубы — ущелье,
 Кости ее — еловые ветки,
 Пузырь ее — мех для воды пастуха Думузи, *

Мешок, пищей набитый, мешок недвижимый,*
 Бич рыбаков — хвост ее тонкий,
 Рыба-прыгун, мешок, что жрет себе подобных,
 90 Внутренностей в голове не имеет,
 Соперников руками-ногами хватает,*
 Ее жало что пины-когти,
 Рыба запретная — в городах, во святилищах
 93 В жертву ее богам не приносят,
 Но пусть и моя хрящеперая скат-рыба,
 пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 И та, что плавниками пенит бурные воды,
 Быстрая, сверкающая чешуею,*
 Моя кин-рыба морская пусть с тобою войдет,
 о моя рыба!
 С головою что мельница ручная,
 Бьющая-колотящая, в разгон молотящая,*
 100 Рыба, что трав не ест,*
 Акула молотоголовая, пусть она с тобою войдет,
 о моя рыба!
 Шелест нутра ее на поверхности,*
 Моя рыба акулья, пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 Рыба, что на дне прячется,
 сетей рыбацких избежать умест,
 Бунтовщица-рыба, противная, мерзкая,
 Моя гур-рыба, пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 Рыба, что может пробить бреши,
 что яд в челюстях своих копит,
 Моя агаргара-рыба, пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 Торговцы обычно ее избегают,*
 110 Но пусть моя саг-гур-рыба с тобою войдет, о моя рыба!
 Кочевники ее не покупают,
 Но пусть моя тур-хар-рыба с тобою войдет,
 о моя рыба!
 Рыба, что трав съедобных не ест,
 Моя азаг-рыба пусть с тобою войдет, о моя рыба! *
 Мешок тяжелый, что как бы сам крутится,
 Моя змея-рыба пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 <...>

(Разрушено около 20 строк.)

<...>

- 3' Мальпиш сачками ее таскают.*
 4' Моя саль-рыба пусть с тобою войдет, о моя рыба!
 5' С глазами змеиньми, что в речных берегах гнездится,
 6' Что лежит на боку (?)...
 7' Пусть с тобою войдет, о моя рыба!

<...>

(Большая лакуна.)

<...>

- 137 Та, что средь рек и болот кричит зловеще.*
 Моя акан-птица, в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь.*
 И та, что над водами, где сети раскинуты, кружит,
 140 Моя убур-птица, в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь.
 И та, длинноногая, та, что хохочет,
 По водам бежит, что по глине пищет,
 Моя анше-бар-птица, о рыба моя,
 в когтях ее ты повиснешь.
 И та, что вовсе не нарядна,*
 У птицы этой — ноги рыбы,
 Моя ки-иб-птица, о рыба моя,
 и в ее когтях ты повиснешь.
 И тот, что в болотах, что хватает четвероногих,
 бегущих мимо,
 Мой крокодил, о моя рыба, и в его лапах ты повиснешь.*
 Но нет, в когтях их ты не повиснешь,
 ноги их тебя не погубят,
 150 О рыба моя, день наступает — ко мне,
 смелее, ну давай же,
 Настало время — ко мне, смелей!
 И владычица всех рыбарей,*
 Богиня Нанше, как тебе будет рада!

ТРОСТНИКОВЫЕ ЗАРОСЛИ ЧТО ГОВОРЯТ?

Рассказ о цапле и черепахе

Тростниковые заросли что говорят?

Они растут на славу.

Могучие заросли возле Тутуба — они растут на славу.

У болот Киритаба — они растут на славу.

В болотистых заводях Акшака — они растут на славу.*

В болотцах Энки, что цепочкою вьются, — они растут на славу.*

В болотцах маленьких, болотцах Энки —

они растут на славу.

Камышовые побеги Энки — они растут на славу.*

Тростники возле Ура, отросточки жизни — *

они растут на славу.

Возле Ура, где коров и овец, где телят изобилие, —

они растут на славу.

В те дни *воду от тростников отвели,*

загон тростниковый, сияя, вознесся.

Из зарослей тростниковых *ардадиллу-травы*

свое семя пустила.

Травы-крошечки-звездочки из земли побежали,*

что малые детушки, — хороши!

Тростники юные *распустили волосы,*

что красные девушки, — хороши!

Камыши *возросшие* окружили город,

что добрые молодцы, — хороши!

Тростники-молoduшки из земли вверх головки тянут,*

что невестки-сношeньки, — хороши!

Тростники-молoduцы, из земли поднявшись,

головами крутят,

что сыны меньшие. — хороши!

Камыши могучие землю роют,

словно отцы-родители, — хороши!

Тростники живучие *себя сами питают,*

словно матери, — хороши!

Тростниковые заросли в своей буйной зелени
главу возносят,
что Гудеа-пастырь, — хороши! *

20

Травы водоемов в своих водоемах главу возносят,
словно царь-батюшка, — хороши!
Травы рослые в их сиянии, что сыны царевы, — хороши!
В те дни та, что на краю зарослей тростниковых
в земле сидит, мольбы возносит,

Цапля — «яйца отложу, пойду, кто *сохранит их?*»

Птица, дары приносящая, даров не приносит.

Цапля, дары приносящая, даров не приносит.

Рыба их хватает, яйца разбивает,

во все стороны их толкает.*

Рыба, что в траве сладкой сидит,

во все стороны их толкает.

Карп болотный, что в тростниках негустых сидит,

во все стороны их толкает.

Жаба, что в зарослях травы сидит,*

во все стороны их толкает.

30

Агаргара-рыба жизнь живую от края к краю,

во все стороны их толкает.

Цапля яйца швыряет, в море их разбивает.

Птица, дары приносящая, мольбы возносит.

Цапля к Энки, своему господину,

в храм его входит и так молвит:

«Господин мой, места свободные дай мне,

яйца да отложу!»

Владыка Энки места свободные, просторные дал ей.

... да будут яйца там отложены.*

... воистину в море места не дал,

... в тростниках птице место дал.

В тростниковых зарослях кладет она яйца.*

40

В могучих зарослях возле Тутуба кладет она яйца.

У болот Киритаба кладет она яйца.

В болотистых заводях Акишака кладет она яйца.

В болотцах Энки, что цепочкою выются, кладет она яйца.

В болотцах маленьких Эредуга кладет она яйца.

Средь камышовых побегов Энки кладет она яйца.

Возле Ура, где тростники, отросточки жизни,

кладет она яйца.

Возле Ура, где коровы и овцы, где телят изобилье,
кладет она яйца.

В те дни черепаха, склочница, полная черных помыслов —

«О, цапля, с цаплею да разожду ссору!

Я, черепаха, с цаплею да разожду ссору!»

Она, глаза ее — глаза змеиные —

«Да разожду с ней ссору!»

Зубы ее — зубы змеиные — «Да разожду с ней ссору!»

Язык ее — язык змеиный — «Да разожду с ней ссору!»

Ее укус — укус собачонки — «Да разожду с ней ссору!»

С ручонками слабыми, с ножонками слабыми —

«Да разожду с ней ссору!»

Черепаха — кирпич печной — «Да разожду с ней ссору!»

Из канав-садов — «Да разожду с ней ссору!»

Что, словно лопата, все время в земле копошится —

«Да разожду с ней ссору!»

Корзина с землею неумытая — «Да разожду с ней ссору!»

Черепаха, птицам силок, ловушка,

Цапли дом тростниковый она рушит,

Гнездо, ею устроенное, ломает,

Детей ее в воду швыряет.

Птица — глаза ее почернели,

Черепаха ей темя рвет когтями,

Кровь грудь ее заливает!

Цапля криком кричит, позеленела:

«Я, птица, а гнездо мое порушено, *труды мои погублены!*» *

Пусть господин мой нас рассудит, пусть решит мое дело!

Пусть Энки нас рассудит, пусть решит мое дело!

Мольбы мои господин Эредуга да *примет!*»

И вновь птица, дары приносящая, даров не приносит.*

Цапля, дары приносящая, даров не приносит.

Рыба их хватает, *яйца* разбивает,

во все стороны их толкает.

Рыба, что средь зарослей сладкой травы сидит,

во все стороны их толкает.

Карп болотный, что в тростниках негустых сидит,

во все стороны их толкает.

Жаба в зарослях травы во все стороны их толкает.

Агаргара-рыба жизнь живую от края к краю,

во все стороны их толкает.

80

И вот на суд цапля к небу голову воздымает,
Господину своему Энки так молвит:

«Господин мой, заросли тростников просторные

ты мне дал, там я яйца отложила.

В могучих зарослях Тутуба, там я яйца отложила.

В болотах Киритаба, там я яйца отложила.

В болотистых заводях Акшака, там я яйца отложила.

В болотцах Энки, что цепочкою выются,

там я яйца отложила.

В болотах маленьких Эредуга, там я яйца отложила.

Средь камышовых побегов Энки, там я яйца отложила.

Возле Ура, где тростники, отросточки жизни,

там я яйца отложила.

Возле Ура, где коров и овец, где телят изобилие,

там я яйца отложила.

90

В те дни черепаха, склочница, полная черных помыслов,

Глаза ее — глаза змеиные, полная черных помыслов,

Зубы ее — зубы змеиные, полная черных помыслов,

Язык ее — язык змеиный, полная черных помыслов,

Ее укус — укус собачонки, полная черных помыслов,

С ручонками слабыми, с пожонками слабыми,

полная черных помыслов,

Черепаха, кирпич печной, полная черных помыслов,

Из канав-садов, полная черных помыслов,

Что, словно лопата, вечно в земле копошится,

полная черных помыслов,

Корзина с землею неумытая, полная черных помыслов,

100

Черепаха, птицам силоч, ловушка,

Мой, цапли, дом тростниковый рушит,

Гнездо, мною устроенное, ломает,

Детей моих в воду пшвыряет!

Я, птица, глаза мои почернели,

Черепаха мне темя рвет когтями,

Кровь грудь мне заливает!»

106a

Государь советчику своему Исимуду так молвит:

«Исимуд, советчик мой, *Имя благое небес мое*,

Тот, кто пред Энки владыкой стоит,

поддержка-опора молсний ко мне,

... слева да будет зажато (?),*

... с краю да будет излито (?),
... да будет повешено (брошено?)
<...>

... перед Энки... установи!»
<...>

(Конец разрушен.)

В ДОМЕ, ГДЕ ЕСТЬ ПИВО...

Наставление женщине

I

В доме, где есть пиво, есть и трубочки для питья.*
В доме, где есть кувшины,
есть для них и подставки.

В доме, где есть пища, хозяйшка его — умелица.

О доме, где хватает припасов, это ты о нем позаботилась.*

С такою хозяйкою води дружбу,*

В такой дом входи смело.

Дом тот ты направляешь, ты кропишь его водою.*

Приказать ты умеешь, услужить ты умеешь.

Рабыне, служанке, невестке, дочке — *

Всем им ты раскрываешь утробы.

Все, что имеете, все от меня — так им ты молвишь.

И воистину ты живешь человеческой жизнью.*

II

Оборот:

По улицам ты патаешься, по переулкам слоняешься.

Пороги людей обиваешь ты,

дела людей обсуждаешь ты.*

Горожанкам почтенным — дочерям, супругам —

воистину нет от тебя житья им.*

Соседку на соседку ты науськиваешь.

Уши твои подслушивают, глаза твои подсматривают.

Вот двоих ты друг с дружкой ставила.*
 Ссору меж ними ты сотворила.
 Они слова не молвят — ты за них тараторишь: *
 «Ты сказала — докажи!» — так и катится во лжи.*
 И это ты, женщина?!

НАМЗИТАРА...

Энлиль и Намзитара

Намзитара — «Благополучие» — случая:
 встречи с Энлилем ищет.*

Речи ведет с ним.

«Откуда идешь ты, Намзитара?»

«Я из храма Энлиля.

Труды завершил я.

Я овец пасу у жреца при храме.*

А ныне я направляюсь к дому.

Я тороплюсь.

Спешат мои ноги.

А кто же ты, кто меня вопрошает?»

«Я Энлиль есмь...»

А Энлиль обличье свое поменял,

Вороном обратился

И каркает.

«Ты не ворон, ты Энлиль!»

«Я Энлиль-Намутара — "Благодеяние"! *

Но как узнал ты меня?»

«А когда Энмешару, праотца твоего, схватили,*

Власти лишили, он и промолвил:

"Вот теперь-то, словно владыка,

Судьбу-птицу я узнаю".

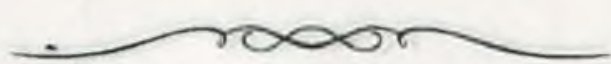
И пусть хоть кто серебром владеет,

Драгоценными камнями владеет,

Быков имеет, овец имеет,

Если люди придут,*

Что с добром твоим станет?»

«Я Эншиль-Намутара — "Благодеяние".
Твое как имя?»
«Намзитара — "Благополучие"».
«Воистину ныне благо получишь, имсни твоему согласно,
Оставив храм твоего господина,
Да найдут твои потомки справедливость в моем храме!»*

ЛЕВ СХВАТИЛ КОЗУ БЕЗЗАЩИТНУЮ

Басня

Лев схватил козу беззащитную.
«Отпусти! Овцу-подругу вместо себя я тебе приведу!»
«Если я тебя отпущу, скажи мне свое имя!»
Коза льву так отвечает:
«Ты имени моего не знаешь?!
"Покличь-ка ту, что ты отпустил" — моя кличка».*
Когда лев подошел к загону,
«Я ж тебя отпустил!» — так прорычал он.*
Из-за ограды она ему отвечает:
«Ты меня отпустил — ты умно поступил,*
Что до овец, то их здесь не бывает».

ПТИЦЕЛОВ, ИМЕЯ С СОБОЮ ПИВО...

Сценка из жизни

Птицелов, имея с собою пиво,
Отправился поболтать с другом.
Не найдя своего друга дома,
Он с прохожим завязал дружбу.
Жена птицелова зовет мужа:
«Вот *большая* птица лежит в твоей сети!»*
Вот *малая* птичка попала в сети!

- ix Гибель от бога,
Непредотвратима.*
- x О том, что нашел, ты не говоришь.
О том, что потерял, ты кричишь.
- xi Имущество — птица крылатая, дома не выбирает.
- xii Что день пожрал, человек дал.
Что человек дал, день пожрал.
- xiii Как слепец он действует.
- xiv Взглядом выбирай жену.
Желанием сердца рождай дитя.
- xv Тот, кто не любит правый суд,*
Тот, кто любит неправый суд,
Черен тот перед солнцем-Уту.
- xvi Днем болтаю,
Вечером болтаю —
Лиру плача настраиваю.
- xvii Мой рот равняет
Меня с людьми.
- xviii «Ура!» — кричит он, а лодка тонет.
«О ля-ля!» — восклицает, а руль поломан.
«О, горе, боже!» — человек стоит,
А лодка плывет благополучно.
- xix Дом, что основан подобно небу.
Дом, что корзина, покрытая тканью.
Дом, словно гусь, поставлен в кигале.
С очами закрытыми в него входят.
С очами отверстыми выходят.
И вот ответ: это школа.

Моя *мышка*, что лакомилась пахучим,*

Ни к пиву, ни к сливкам не тянет шею.

Мои зубы, что крепкое разгрызали,

Ныне крепкое грызть не могут.

Моя моча, что могучим *била потоком*, —

Ныне струйка твоя колышется ветром.

Моего сына кормил я молоком и маслом,*

Ныне мне кормить его нечем.

Продал я мою рабыню-малютку.

Черную немочь послал мне злой демон».

Царь вял словам старца.

Юной девушке царь так молвит:

«Когда я тебе его отдам,

Юным молодцем в лоне твоём да возляжет!

Ступай, и пусть раб твой о том все расскажет!

В дом твой да войдешь с ним вместе!»

Когда девушка из дворца вышла,

«Пляшите, пляшите,

Девы юные, веселитесь!...»

(Конец, приблизительно 8 строк, разрушен.)

ЦАРЕВУ ПОСЛАНЦУ, ЧТО В ПУТЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

Послание Лудингиры

Цареву посланцу, что в путь отправляется,
В Нишшур, нечто важное — слово это скажи:

Ты, что дальнею пойдешь дорогою,

К матушке моей — спит ли она или бодрствует,

Прямо к дому ее путь держи!

Ты, посланец, приветы мои не разглядывай,

В руки ее слова моего привета вложи,

Матушке моей, что так радостна,

Что украшениями изукрашена.

- 9a А если ты матушки моей не знаешь,
Приметы ее я тебе пазову:
- 10 Имя ей — Шат-Иштар, по нему и ищи.
Облик, тело, члены ее соразмерные,
Благосклонна к ней ее богиня-защитница,*
Что с младенчества судьбу подарила ей.
В дом свекра вошла в покорности праведной.
Пред богиней, госпожой своей, стоит почтительно.
Как за кумирней Инанны присмотреть, ей ведомо.*
Не ослупна словам своего господина.
Деятельна, прикопить умеет.
Любима, приветлива, с отзывчивым сердцем.
- 20 Овечка она, добрые сливки и сладкое масло она источает.
- И другую матушкину примету тебе укажу:
Мать моя ясному свету подобна,*
- 22a Что от края земли освещает горы.
Звезда восхода, что сияет и в полдень.
Сердолик драгоценный, топаз из Мархаша.
Диадема для царской дочки, источающая прелесть.*
Печать драгоценного камня — *
украшение, подобное солнцу.
Оловянный браслет, кольцо антасуры.*
Слиток золота, серебра чистейшего.
Существо живое, вся полна дыхания жизни.
- 30 Алебастровое изваянье богини на лазуритовом пьедестале.*
Статуэтка слоновой кости ожившая, весь ее облик *
так и дышит очарованьем.
- И третью матушкину примету тебе укажу:
Мать моя — дождь благодатный небесный.
- 33a Вода — орошение семян отборных.
Изобильная нива с двойным урожаем.
Сад наслаждения, радости полный.
Сосна орошенная, что покрыта душистыми шишками.*
Ранние фрукты, цветок весенний,*
Полноводные струи, что на сады изливаются.*
Финик Дильмуна сладчайший,
отборный, наилучший финик.*

И четвертую матушкину примету тебе укажу:
Мать моя полна песнопений, полна радостных молений.
Ее сияние сверкает в светлый праздник Урожая.*
Великолепна — царская дочка в пении об изобилье.*
Приносит радость она хороводам.*
Любящее, любящее сердце — открытое, богатое сердце.*
Она — насыщение человека, что к родимой своей
из плена вернулся.

И пятую матушкину примету тебе укажу:
Мать моя — стройная благоуханная пальма.
Колесница сосновая, паланкин из букса.
Тончайшая, светлейшая мука — та, что идет на ароматы.
Связка фруктов, пышная гирлянда.*
Хрупкой раковины фиал, что ароматами заполнен.*

И когда ты, по этим знакам,*
По сиянию ее узнаешь,
«Лудингира, твой сын любимый, шлет приветы тебе!» —
Так ты ей скажешь.

ЛУДИЛУДИ, МАТЕРИ МОЕЙ, ТАК СКАЖИ...

Письмо обезьяны

Лудилуди, матери моей,
Так скажи:
Говорит Укуби, обезьяна.
Ур — роскошный город Нанны.
Эредуг — град изобилья Энки.
А я — на задворках главного дома,
Где обучаются песнопеньям.
Я сыта одним гляденьем.
Как я только не подохла
Без свежего хлеба, без свежего нива.
Что-нибудь с гонцом мне вышли!
Ка-ра-ул!

ВОНЬ ПРОРОСЛА, КАК ПАХУЧИЕ ТРАВЫ

Заклинение вонь

З а к л и н а н и е

Вонь проросла, как пахучие травы.

Словно козлиха, голову вздела.

Словно козел, плюется белым.*

Змеей водяною жало тянет.

Змеей огневою вонь разрывает.*

Ты, вонь, что сама собой зародилась,

Как горшок, разбейся,

Как огонь, угасни.

10 Как огонь среди пальм, сама угасни!

Заклинение, что Нингирима промолвила,

Волхование Эредуга,

Пусть Энки в покоях своих, в Энгуре,

Да выпустит он его на волю.

Тогда возьмешь ты щепотку соли,*

Тогда больному дашь заклинанье,*

Тогда в рот его соль ты положишь.

И да вытолкнет он ее в испражнение,

По частям из себя да исторгнет.

20 Ветром да выпустит ее сзади.

Это — заклинение против вонь.

Согласно словам, извлеченным из таблички, эта копия каменной таблички из "скорпионова камня" написана и сверена Бел-Ушаллимом, сыном Дабиби.

ДЕВА СЛАДОСТНАЯ СТОИТ НА УЛИЦЕ...

Любовное заклинанье

Д ева сладостная стоит на улице,*

Дева-блудница, дочь Инанны,

Дева, дочь Инанны, стоит у ночлежища.

Масло и сладкие сливки она,
Телица могучей Иванны она,
Кладовая богатая Энки она.
О, дева! Сядет — яблонею цветет,
Ляжет — радость взорам дает,
Кедров тенистой прохладой влечет!
К ней прикован мой лик — лик влюбленный,
Мои руки прикованы — руки влюбленные,
Мои очи прикованы — очи влюбленные,
Мои ноги прикованы — ноги влюбленные.
Ах, серебром пороги под ней,
Синим камнем ступеньки под ней.

Когда по лестнице она спускается!

Когда медяка остановилась.

Когда милая брови сдвинула —

Милая с небес ветром повеяла,

В грудь юноши стрелою ударила.*

Бог Асаллухи это увидел.

К Энки-отцу идет и молвит:

«Отец! Дева сладостная на улице!»

И второй раз он молвит:

«Что сказать, не знаю я, чем помочь, не знаю я!»

Энки отвечает своему сыну:

«Сын! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?

Асалухи! Чего не знаешь ты?

Что я мог бы тебе сказать?

Все, что знаю я, воистину это знаешь и ты!

Молоко, масло коровы священной.

Сливки, масло коровы белой.

В желтый сосуд алебастровый вылей.

Деве на грудь каплями брызни! *

И дева открытую дверь не запрет.*

Друга в тоске его не оттолкнет.

Воистину следом за мною пойдет!»

Заклинание из заклятий «Энури».

НА ЖЕНУ ГЕРОЙ, СЛОВНО БЫК МОГУЧИЙ...

Заклинание для роженицы

Заклинание*

*На жену герой, словно бык могучий, в загоне светлом,
яслях священных возлег.*

Семя творенья заронил в ее лоно.*

В лоно ее заложил рожденье.

Сладкие травы поедает жена —

Она зачала.

Сладкие травы, любимые ею, поедает жена —

Она зачала.

Начинаются роды — *она гнется к земле.**

К небесам потянулась — к земле согнулась.

Громким вошлем, как покрывалом,

небо и землю она покрыла.

Как священная барка, окутана тканью.*

Как царская барка, что хранит ношу,

Как ладья *супруга*, где цветные камни.*

*Ее лоно трепещет, ее чрево полно.**

Бог Асаллухи это увидел.

К Энки, отцу своему, в дом его входит,

Так ему молвит:

«Отец! Бык могучий в загоне светлом,

яслях священных возлег.

Семя творенья заронил он в лоно.

Рождение заложил он в лоно.

Сладкие травы поедает жена —

Она зачала.

Сладкие травы, любимые ей, поедает жена — она зачала.

Начались роды — она гнется к земле.

К небесам потянулась — к земле согнулась.

Громким воплем, как покрывалом,

небо и землю она покрыла.

Как священная барка, окутана тканью,

Как царская барка, что хранит ношу,

Как ладья *супруга*, где цветные камни.

Ее лоно трепещет, ее чрево полно.

Что сказать, я не знаю, чем помочь, я не знаю».

Энки отвечает своему сыну:

«Сын мой! Чего ты не знаешь?

Что я мог бы тебе сказать?

Асалухи! Чего ты не знаешь?

Что я мог бы тебе сказать?

Что знаю я, знаешь и ты, что знаешь ты, знаю и я.

Масло белой коровы, сливки священной коровы,

В жилье прохладном стоящие, возьми.

Пред лоном трепещущим,

Пред чревом наполненным

Заклинанья Эредуга произнеси.

Как ливень небесный, прольются воды.

Как воды потока, что хлынут на крышу.*

Как воды реки, что к болотам стремятся.*

Как сосуд, разломившись, разломится лоно.

Если это мальчик, то топор и дубинку —

геройства знак —

Пусть рука его схватит.

В руки девочки вложат веретенце и прялку.

Гула, жизни хозяйка, точной рукою*

Пуповину обрезаю, назначит судьбы».

Заклинание из заклятий «Энури».

У-А, А-У-А, СОН, ПЛЫВИ...

Колыбельная

У-а, а-у-а, сон, плыви, приплывай!*

В песне радостной моей пусть толстеет он скорей,

В песне радостной моей пусть растет он поскорей,

Словно дерево сумах, его корень будет толст,

Словно кустики шакир, ветви он раскинет випирь.

Господин, к нам, к нам, ты знаешь, куда,

Там, где яблоня цветет по-над берегом реки.

Пусть ему, бегуну, ручки он ему раскинет,
Пусть ему, кто улегся, ручки он ему закинет.

10

Вот, сыночек, входит, входит сон.

Сон вошел, вошел, вошел.

Сон, приходи, сон, приходи.

Приходи, сон, к сынку моему,

Прилетай, сон, к сынку моему.

Глазки, глазки, глазки ты ему закрой,

Глазки блескучие ты ему рукой прикрой,

И язычок его, болтунок,

Усмири, сон, его болтунок,

Он же пшенички в подол твой насыплет.*

20

А я тебе сделаю малые сырочки,

20a

Малые сырочки, сладкие сырочки,

Врачеватели всех человеков,

Всех человеков, сына господина,

Сына господина, господина Шульги.

Ах, сад мой, салат, водою политый,

Салат мой, сосуд, листьями увитый,

А тот мой салат господин да поест.

В песне радостной моей дам жену ему скорей,

Дам жену ему скорей, дам сыночку поскорей.

30

Мамушка радостно будет с ним болтать,

Мамушка радостно даст ему сосать.

Я ж сыночку моему, я дам ему жену,

Сына сладкого такого пусть родит она ему.

Жена, на коленях его жарких полежит она,*

Дай срок, уж понесится в ее объятиях сынок.

Жена, вот будет миловаться с ним,

Сынок, вот будет миловаться с ней,

Женка, сколько сладости от него возьмет,

Сыночек, как радостно в ней он расцветет.*

40

А ты все кричишь,

А ты все плумишь!

Стало тихо вокруг, я на звезды гляжу,
Новый месяц взошел, я гляжу на него.
Вот кости твои на стенку бросят!
Человек на стене тебя да оплачет!
Музыкант в тоске над тобой зайграет!
Яперка щеку себе расцарапает — из-за тебя!
Муха бороду свою выпщиплет — из-за тебя!
Саламандра язык свой прикусит — из-за тебя!

*Кто лепечет — у-а — пусть, пусть он лепечет,**
Кто лопочет — у-а — пусть, пусть он лопочет.
Когда ты лепечешь, когда ты лопочешь,
<...>

Сладкий сон, сладкий сон,
Он тебя найдет, найдет...
Воистину всей радости ты достигнешь,
Жена опорой-поддержкой твоею да станет.
Сыночек в долю тебе достанется,
Ячмень отборный будет твоею невестой.
Ашнан, что зерно рождает, будет твоею защитой,
Сладкоречивым да будешь.

Ламу-хранительницу получишь.

Под властью, под праведной вырастешь.
Для праздников радостных выпрешь.

*Мой сыночек-пастушочек, ничего-то он не знает,**
*Чисел-счета он не знает,**
Дома своего не знает,
Сон, ты все ему расскажешь...
<...>

*... пусть к тебе приплывет,**
... пусть к тебе приплывет,
... на престоле (?) ... пусть к тебе приплывет,
и овечки, и ослята пусть к тебе приплывут,
И Нинкаси с ее чаном... пусть к тебе приплывет,
<...>

И бог Нанна... приплывет,
И женка приплывет,
И пастушка, жена пастуха, на бережок приплывет,

90

*Метельщик (?) с метелкою приплывет,
Ветки пальмовые принесет,
А ты спи, а ты спи...**
Твоя пальма ветки тебе раскинет,
Ликованьем, словно ароматом, наполнит.

100

Возле Ура заклинатель с кнутом стоит,
За Уруком страж с жаровней стоит,
Собаку, морду ее, как врага, схватит,*
Как сетью тростниковою, лапы ее охватит.
У-у, собака! Впереди тебя пусть от страха она корчится,
Позади тебя, как мешок кожаный, пусть она съежится...*

<...>

(Конец песни разрушен.)

ЗЛОЙ ДЕНЬ ЗАХВАТИЛ ЕЕ...

Плач Лудингиры по своей жене Навиртум

Злой день захватил ее, на чистую пал.

На женщину сладостную, чистую,
в цвету, злой взгляд пал.

На пташку, покинувшую гнездо, заброшена сеть.

Плодоносная мать, мать многих сынов попалась в силки.

Корова желтая, священная, дикая разбита, словно сосуд.*

Навиртум, корова священная, дикая разбита,*

словно сосуд.

Та, что «больна я» не говорила, о себе не заботилась.

Места божественные... не покидала...

На ложе ее, ложе тяжком ее...

10.122

Небо Ниппура — в тяжелых тучах, в городе — стоны.

Толпы людей охвачены горем.

(Строки 12—13 разрушены.)

К той, чей окончен срок, — к ней тянется горе.

Что статуей чистого злата лежит — над нею скорби.

Каждый, кто взглянет, — разве не в горе?

Плакальщицам — рыдать и плакать...

Лучшие песни певцов сладкогласных
Песнопеньями стали плачей и стонов.

30.132 произносят они для нее погребальную песню

Ибо мало...

Камень...

Ибо в лоне супруга ее дни не продлились —

длятся рыдания.

Ибо... рукою своею Нинурта не вернул радость.

Ибо его любимая жрица в свое святилище,

в гипар не входит.

(Строка 26 разрушена.)

Ибо...

Вот он встает в своем величье

и песнь погребальную ей слагает.

Ради матери-родительницы своей плач ей слагает...

30.142 ... он... воистину для нее это делает.

Эта душа ушла на глазах его...

(Около 5 строк разрушено.)

37.149 Подобно охваченным яростью... камни черны.

Из ее града свет небесный не льется...

Тогда возлюбленный супруг ее...

в своем одиночестве *воссел*

40.152 В граде своем, в Ниппуре, в граде печали *воссел*.

Лудинтира, возлюбленный супруг ее,

в своем одиночестве...

В граде своем, в Ниппуре, граде печали *воссел*.

43—44.
155—156 К месту скорби его подошли, за руку взяли —

воистину это сердце разбито!

45.157 Тело его от пинти бежит, душа разбита.

Словно корова, испускает он стоны, он,

не имеющий одежды супруга,

... по ней горько плачет.

О, где ты? О, как я зову тебя!

Меме! Лама прелестная! О, как я зову тебя!

50 Уста *сладкогласные*, уста прекрасные, уста сладостные!

О, как я зову тебя!

Оружье мое драгоценное! Колчан мой,

на славу исполненный! *

О, как я зову тебя!

Очи мои... сияющие! Разум мой царственный!

О, как я зову тебя!

Где ты, алмаз мой сверкающий? О, как я зову тебя!

Песни мои прекрасные, песни радости сердца мои!

О, как я зову тебя!

Оружье мое устрашающее, колчан золотой мой *

сверкающий, дух озаряющий!

О, как я зову тебя!

Пляшущая, руки вздымающая! Душу мою веселящая!

О, как я зову тебя!

Дороги твои да не исчезнут! Имя твое да будет вечно!

Грехи твои да сотрут! Долги твои да простят!

Супруг твой да будет здоров! Старости своей да достигнет!

60.172

Судьба детей твоих да благостна будет! Благополучие
да пребудет с ними!

Дом (?) да живет впредь! Его будущее да будет обширно!

Уту-солнце из мира подземного свет свой тебе

да вынесет! *

Нинкура радость да установит, да вознесет тебя высоко!

Ибо черный день к тебе обернулся — небо-земля к тебе

да вернутся!

Демон, что руку на тебя поднял, — проклятье злое ему

да скажут!

Благая и чистая, в великолепии, как бык, лежащая, —

песнь тебе скорбная!

БОГИ-ПОХИТИТЕЛИ...

Закливание духов мертвецов

Закливание.

Боги-похитители из могил *

Выходят.

Духи злобные из могил

Выходят.

За приношениями, за возлияниями из могил
Они выходят.
Злобность великая — всей семерицею, — *
Словно потоп, они поднялись.
Гнева полны, они поднялись, нет соперников *
10.116) Для их разбоя...

(Строки 17—23 (в нумерации издателя) разрушены.)

Горы высокие они прошли,*
В город вошли.
Безмолвие мертвое принесли.
Игиги, великие боги,*
В поднебесье скрываются.
Ануннаки, великие боги,
В Экур устремляются.
Жители праха, похитители,
10.140) Просторные площади заполняют.
Улицы заполняют.*
Переулками шныряют.
Жителей города они хватают.
...злбный демон Алу...*

(Разрушены строки конца столбца I (строки 47—48?) и значительная часть лицевой стороны таблички — столбцы II и III?)

(Столбцы IV—V и начало столбца VI разрушены, однако понятно, что идет перечисление имен богов, которыми заклиняются души мертвых.)

ст. V

Жизнью Наннара, владыки венца,
Воистину будут они закланы!

ст. VI

.....
.....
Жизнью Сумукана, хозяина степи,*
Воистину будут они закланы!
... рождающей травы да будут они закланы! *
Жизнью великих богов да будут закланы!
10.113) Воистину уйдите-исчезните!

Закливание для жертвоприношений духам мертвых.*

ЛУГАЛЬМУРУБ, СЫН ЗУЗУ...

Посвятельная надпись

- Л** угальмуруб, сын Зузу, нипшурский искусный мастер,
 Тунилупа-пса, ее посланца,*
 2а Нинтинуте — «владычице жизни-смерти» — для нее сотворил.
 Оттого-то пес пред своей хозяйкой *
 3а Хвостом виляет и так ей молвит:
 «Вселенной владычица, пищи подательница,
 Энлиля домоправительница!
 Грудь благодатная, страны все насыщающая,
 изобилье несущая!
 Злую болезнь из нутра уводящая,*
 6а Кости все насквозь провидящая,
 Жилы жизни, жилы смерти крепящая,
 7а Связь ты их благодатная.
 Об убиении говорящая горестно,*
 8а Все места больные ты ведаешь,
 Исцелительница добрая, болезни заклинительница,*
 9а Нутро человеков всех ты видишь».
 10 Госпожа моя! Мое творение
 Тушилупа — «Ее заклинания человеку благо» —
 таким именем я назвал,
 Ураншага — «Пес небес благой» —
 таким именем я назвал.*
 То, что во благо сотворено,
 да будет одобрено тобою оно.
 13а Демон-хранитель добрый...
 <...>

Госпожа моя, то, что именем твоим создано...

(Конец текста разрушен.)

ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ НИНУРТА-САГЭНТАРБИ-ЗАЕМЕН...

О том, кого укусила собака

Человека по имени Нинурта-сагэнтарби-заемен *
(Что означает: «Бог Нинурта,
надзирающий ты еси»),

Брата Нинурта-мизидеш-киагтани
(Что означает: «Нинурта за сладкоречие возлюбит его»),
Племянника Энлиль-Нибру-кибегги
(Что означает: «Бог Энлиль град Ниппур на место вернул»),

Его укусила собака, и в Исин, город Владычицы Жизней,
исцеления ради, он путь направил.

Амель-Бау, исинец, жрец Гулы, богини, чей зверь — *
собака, заклинание над ним прочитал
и его исцелил.

«За исцеление это Энлиль, владыка Ниппура,
да благословит тебя! *

О, если б ты в Ниппур, город родной мой пришел!

Одежды светлые для тебя припасу я,
пирогов отборных тебе нарежу,
лучшего пива — две чаши полных
тебе поднесу я!» *

«В Нипшуре, городе твоём родном, куда мне идти?»

«Когда в Ниппур, город мой, ты придешь,
в ворота главные ты войдешь.

Переулочком, улицей главной —
большою дорогой — *стунай*. *

Улочка Тилла-зида, улицы бога Нуску и богини Нинимма
по левую руку твою стоят.

Жена по имени Нинлугальабзу, дочь Киагги-Энбилулу, *
Жена из квартала уличных заклинателей под названием
"Богу Эйя доверься",

Садовница садов изобильных Энлиля, *

Что на улочке Тилла-зида сидит, *овощами торгует*, *
вот у ней ты спроси обо мне,
и она укажет».

Амель-Бау, исиисец, жрец-заклинатель богини Гулы,
приходит в Ниппур.

В ворота главные входит, переулочек, улицу главную —
большую дорогу — *проходит*.

Улочка Тилла-зида, улицы бога Нуску и богини Нинимма
по левую руку его стоят.

20 Жена по имени Нишлутальабзу, дочь Киагги-Энбилулу,
Жена из квартала уличных заклинателей под названием
«Богу Эйа доверься».

21a Садовница садов изобильных Энлиля,
Что на улочке Тилла-зида сидит, *овощами торгует*,
он к ней обратился.

«Нишлутальабзу?»

23a «Анни-лугаль-му».*

23b «Ты что бранишь меня?»

«Да с чего ты взял, что тебя браню я?

"Это я, господин мой" — я тебе отвечаю».

«Дом Нивурта-сагэнтарби-замен,

Брата Нинурта-мизидеш-киаггани,

Племянника Энлиль-Нибру-кибеги, ты мне укажешь?»

«Нам-туш-мен».

28a «Ты что бранишь меня?»

«Да с чего ты взял, что тебя браню я?

"Господина нет дома" —

вот что я сказала».

30 «Куда же пошел он?»

30a «Э-дингир-би Шу-зианна сискур габари му-ун-бала».

«Ты что бранишь меня?»

31a «Да с чего ты взял, что тебя браню я?

"В храме бога своего Шузианны он приносит жертву" —

вот что я сказала...»

(Строка 33 разрушена.)

И пусть ученики писцовой школы,

всею толпою вместе собравшись,*

34a Да выпихнут, толкая его ногами,

за главные ворота города Ниппура!

Для чтения учениками писец Урука *написал* это.

В год правления первый Мардука-балатцу-икби,

государя могучего, царя Вавилона.

«ШКОЛЬНИК, КУДА ТЫ СЫЗМАЛЬСТВА ХОДИШЬ?»

Сочинение о школьном обучении

«Школьник, куда ты сызмальства ходишь?»
«Я хожу в школу».

«Чем же ты занимаешься в школе?»

«Я табличку мою изучаю, завтрак мой потом съедаю.*

Вот я табличку мою сделал, написал ее, закончил.

Копии моя поставив,*

К полудню задания мои подготовив,

Школьные занятия окончив — я могу идти домой.

Я спешу домой, где отец меня ждет.

Вот задание мое я ему рассказал,

Табличку мою ему прочитал — очень доволен мой отец.

Пред отцом моим я встал:

"Пить хочу — напои меня.

Есть хочу — накорми меня.

Ноги помой мне, уложи в кровать — я лягу спать.

Утром пораньше мне надо встать.

Опаздывать не хочу я — не то учитель побьет меня".

Вот поутру пробудился я,

Матушку увидел я.

"Приготовь мне поесть — я в школу иду!" —

вот что я ей сказал.

Матушка мне два хлеба дала —

прямо пред нею я и посл.*

С собою мне матушка два хлеба дала —

и в школу я побежал.*

А в школе наставник: "Ты что опоздал?" — *

так он сказал.

Все внутри у меня затряслось.

Вот я к учителю подошел, вот ему поклонился я.

Школьный "отец" мой табличку мою просмотрел

И, ее поломав, ударил меня.*

Час принятья еды наступил, наспех голод мой я утолил.*

Учитель, за школьными правилами следя,*

С надзирателем вместе: "Ты на улицу глядишь,

ты не почистил своего платья!" —

И меня ударил.

30

Вот мой школьный "отец" мне табличку поставил.*

А присматривающий во дворе: "Пиши! Отвечай!

На месте *трудись!*.." * —

Табличку мою я взял...

Табличку мою он *перечеркнул*...

И, не просмотрев: "Ты меня не слушаешь!.." — *

И меня ударил.

А тот, кто за поведением следит: "Без разрешения моего *

что ты болтаешь?" —

И меня ударил.

А староста школьного собрания (?):

"Что головы не поднимаешь?" — *

И меня ударил.

А учитель черчения: "Без разрешения моего *

почему встаешь?" —

И меня ударил.

А сторож, что в воротах стоит: "Без разрешения моего *

почему выходишь?" —

И меня ударил.

А другой надзиратель: "Без разрешения моего *

что берешь?" —

И меня ударил.

40

А учитель шумерского: "По-шумерски плохо ты говоришь!" —

И меня ударил.

А мой учитель: "Твоя рука пехороша!" — И меня ударил».

«Я ученье ненавижу! Я к ученью *неспособен!*

Учитель мой слова со мною не *молвит!*

Писцовую грамоту да *осилю!* *

Среди младших учеников школы,*

Среди "старших братьев" учиться да *разрешат мне!*

Дай ты ему его плату, пусть найдет к тебе *дорогу!* *

От счетов-расчетов да *освободит он!*

Да будет принято решение о школе!

50

Учеников школы считая,

пусть и меня к ним *присчитает!*» —

Так школьник сказал, и отец словам его внял.
 Учителя школьного он позвал.
 В дом пригласил, на место почета его посадил.
 Школьник служил ему, пред ним он встал,
 И все, что в грамоте он постиг,
 Отцу своему он показал.
 Отец его с ликующим сердцем,
 «Отцу» Эдубы радостно молвит:
 «Вот малыш мой руку раскрыл,
 и ты мудрость свою в нее вложил.
 Грамотейную мудрость, всю искусность ее
 ты ему открыл.
 Все решения, все вычисления, все толкования
 ты ему объяснил.
 Познание, сокровенность его, тем сиянием ты его озарил.*
 Словно доброго пива, ароматов излейте,
 за стол да воссядешь! *
 Добрый елей на живот и спину, словно воду, да изолью! *
 В новое платье обряжу, хлебом-пищей одарю,
 кольцами руки его украшу!»
 Словно доброе пиво, ароматы изляли, за столом он воссел.
 Добрый елей на живот и спину, словно воду, ему излили.
 В новое платье обрядили, хлебом-нищей одарили,
 кольцами руки его украсили.
 Учитель в радости сердца молвит:
 «Малыш, ты слов моих не отбрасывал, не отпывывал.
 Грамотейной мудрости вершины достигнешь,
 в совершенстве ее изучишь!
 Нечто ты сумел мне дать, так, что я мог это принять.*
 Хлеб — мое пропитанье — сверх меры ты дал,
 честь большую мне оказал.
 Нидаба, владычица защитниц,
 твоей покровительницей да станет!
 В тростниковую палочку удачу да вложит,*
 Из кошпи глиняной зло да изымет,
 Перед братьями своими да встанешь,
 Над сверстниками верховодить будешь,
 Будешь среди школьников лучшим из лучших признан.
 Из дворца выпешдешему да ответишь.*

Малыш! Отца своего ты знаешь.

Я вторым тебе за ним буду.

В речах, что ныне тебе скажу, в судьбе,

что ныне тебе предрешу, —

Воистину отец твой и мать в делах этих светлых —

твоя опора.

А что Нядабе, твоей госпоже, причитается,

равно как твоему богу, —

84a Воистину принесут им жертву с молитвой.

А что учителю твоему подобает,

равно как твоему родителю, —

85a Воистину вознесешь молитву.

... пред учителем, пред "старшими братьями" *

... воистину ты установишь.

Родичи твои твоими доблестями

воистину облагорожены будут!»

Он блистательно закончил школу,

он получил хорошую должность.*

90 Нядаба, владычица школьного дела,

об успехах его похвалу сказала.

Славься, Нядаба!

«ПОДОЙДИ ЖЕ КО МНЕ!»

Наставление непутому сыну

«**П**одойди же ко мне!»*

«Вот подошел я».

«Куда ты собрался?»

«Никуда не собрался».

«Если ты никуда не ходишь, как ты дни свои проводишь?»

В школу иди. В школе сиди.

Заданье читай. Задачки решай.*

Табличку глиняную пиши.

Новую глиняную табличку "старший брат твой школьный"

пусть тебе напишет.

10 Как домашнее заданье свое закончишь,

Старосте своему ответишь, вот тогда ко мне иди.*
 Заданье свое мне говори.*
 Слоняться по улицам прекрати!
 Ну, отвечай же!
 Что сказал я, ты понял?»
 «Да, я понял и могу ответить».
 «Так отвечай».
 «Ну и отвечу».
 «Так говори же».
 «Ну и скажу».
 «Быстрей скажи же».
 «Чтобы в школу я ходил, ты мне говорил.
 Чтоб уроки отвечал. Уравнения решал.
 Табличку глиняную писал.
 Чтоб мой "старший школьный брат" мне табличку начинал.
 Чтоб, когда я задание сделаю, к трудам моим возвратившись,
 Когда старосте расскажу его, то к тебе бы шел,
 вот что ты сказал».
 «Ну так ступай же, будь человеком.*
 На площадях не торчи, не шляйся.
 По улицам не слоняйся.
 Переулком идешь, по сторонам не пялься.
 Сам-то будь помирнее, со старостою повнимательнее.
 Будешь к нему повнимательнее,
 станет он с тобою любезнее.
 Но имей честолюбие — по товарищам выравнивайся.
 О будущем ты не заботишься!
 О роде не беспокоишься!
 <...>»
 Для тебя же я стараюсь! *
 Если уж я тебя наставляю,
 То наставлениям, что даются,
 Не должен ли младший им подчиниться? *
 Вот для тебя только и живу я,*
 А ты по улицам шатаешься!
 Имей же честолюбие — в обращении к старшим.*
 Хождение в школу да обернется благом!
 Учись у меня, учись у старших!
 Пока полностью ты не стал взрослым,*

Сердцем, печенкой ты рассуждаешь,
но плоть твоя еще не созрела.

Так, как я о тебе забочусь,
Никто о сыне своем не заботится.

По одаренности природной никто ведь не может
с тобою сравниться!

Ты поступаешь как бездельник,
рука твоя тебя недостойна.*

Ведь если среди семьи нашей сравнивать,
Тебе подобного и не найдется!

Ведь то, что ныне я тебе говорю,
Воистину глухоту проясняет.

Змея-колдунья тебя, что ли, схватила?!*
Бить и бить тебя и слезы лить —

ну уж нет, уволь, пожалуйста!

Лень твою, ложь твою не принимаю!

Мое сердце полно, полно сверх меры,

Оттого что я гневаюсь на тебя.

Столько из-за тебя беспокойства!

Уж твое беспокойство я отбросил.

Ведь я же — от твоих стуков сердца —

к твоим стукам сердца.*

Ведь я же — от твоих домыслов — к твоим домыслам!

Твоя человечность! Да не глядел бы я!

Сердце мое наполнил злой ветер!*

Твоя человечность! Одна болтовня!

Уши мои да не слушали б этого!

Твои заботы меня приканчивают.

Ты пустил мое сердце бродить по степи!

А ведь никогда я тебя на тростник,

тростник носить не отправлял.

В тростниковых зарослях, там,

где все малолетки его таскают,

Ты никогда в своей жизни тростника не таскал.

Вслед за моими быками идти — я тебе не приказывал.

Да уж, трудиться — вслед за моими быками идти,

тебя я не заставлял.

Да и в полях моих трудиться с мотыгой

тебя я не заставлял.

Столь тяжелого дела, как грамотейная мудрость,
то что я избрал,

110

Не было названо. Разве что искусство пения.
Подобно морским берегам, что далеки друг от друга,
Сердце искусства пения так же удалено.

*О деле писцовом моем ты не думаешь вовсе,**
"К делу отца моего обращаюсь" — ты так не скажешь!

А то, что Эилиль судьбою людям определил —
Дело отца своего да изберет наследник,
*Путь почитания благостный, — ты по нему не следуешь! **
К столь незначительной малости — словам,

что здесь говорятся,

120

Тебе тяжело обратиться, а ведь, кажется, можно
У отца своего хоть чему-нибудь научиться.

Из-за тебя все мое тело и днем и ночью как будто разбито —
все ребра поломаны,*

А ты — днем и ночью все веселишься!
Как пиво разбавленное, сочусь я по капле, мое тело обмякло!
А ты с деяньями твоими великими и вовсе распух!

Стал ты толстым, стал ты жирным,*

Весь расползся, весь расплылся!

Вся родня твоя думает, что плохо ты кончишь!

Почему ты не хочешь стать человеком, чему веселишься?

А меня веселье твое доконало!

130

Когда с шутами, с певцами бродячими,*

С ними и вокруг них ты крутишься,

То вся работа твоя — скакать и прыгать,

132a

Для этого только ты и пригоден!

Но я заставляю тебя возвратиться!

*Да смирись же! Они же с тобой не сравнятся! **

За ложь не сочти, что мною тебе говорится!

Это что мера зерна! Или не то говорю я?

Вот, дабы переменить реченное,

Тебя похвалить, кто будет столь благосклонен?

Лентяй ты на вски вечные!

140

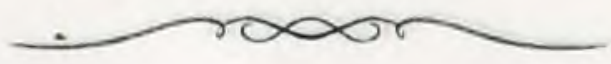
*Сила мнимой свободы твоей да порушена будет! **

Да и кто тебя не поносит!

Слов плохих о тебе не молвит?!»

*«Что, они меня хулят? Такое говорят?! **

Что ж теперь делать?»

«Если я так привязан к тебе,*
 А ты, что я делаю, не понимаешь!
 Обманщик ты, лжец, ты насквозь неверен! *
 Обманщик, грабитель, что в дом ворвался!
 Сквернословец, вонючка,
 Тушица, дикарь!
 Слюнявый отвратительный! *
 Разбойник, уродец! *
 Зловонец, хулитель,
 Прогорклое масло, вонючка!
 Грязнуля вонючий и злобный,
 Отвратительный изверг!
 Молоко, что прокисло, вонючая задница,
 Пес, что мордой нюхает землю, обманщик!
 Служака, что для своего пропитанья, попрошайничая,
 По переулкам рыщет!
 И ссть-то как надо он не сумеет, злодей!
 Пес, что член свой постоянно лижет!
 Осел, что жрет свою же подстилку!
 В лохмотья одетый, у печки валяющийся! *
 В колодец брошенный, портомоем брошенный!
 Дякарь, что жрет всякую гадость! *
 Овца параличная, что трясет головою!
 В голодных судорогах, вот, все на него пальцем кажут!
 В колодец брошенный, в дыру уроненный, черепок разбитый,
 что на земле валяется!
 В колодец брошенный, ямою погребенный! *
 С головою, наполовину обритой! *
 Полный низости, бахвал подлый!
 Хромец кривобокий, фигура премерзкая!»*
 «Долго ли ты оскорблять меня будешь?»*
 «Да тот, кто тебя оскорбит, пусть на три тысячи шестьсот верст
 от тебя держится!
 Тот, кто тебя проклинает, на три тысячи шестьсот верст
 от тебя пусть держится!
 Найди же милость своего бога!
 Подними голову, грудь распрями — человек же ты!
 Среди мудрецов городских ты должен быть лучшим!
 Город твой, место прекрасное, имя твоё да назовет!
 Имя честное, слово доброе
 да будет богом твоим тебе дано!

У Нанны, бога твоего, ищи милости!
Матерью Нингаль да будешь ты обласкан!»

Нисаба, хвала тебе!

ПИСЕЦ ХОЧЕТ ПРОВЕРИТЬ СЫНА...

Экзаменационный текст «А»

Писец хочет проверить сына
В собрание наставников, во дворе школы.

«Иди-ка, сынок, у ног моих сядь.

Я скажу тебе нечто, раскрой свои уши.

С малолетства до зрелости сидишь ты в школе.

Грамотейную мудрость ты постигаешь,

сокровенного смысла ее ты не знаешь».

«Почему это я не знаю?»

«А что же ты знаешь?

Вот я спрошу тебя, а ты мне расскажешь, я скажу,

а ты мне ответишь».

«Спроси — и скажу, говори — я отвечу».

«Да не сможешь ты мне ответить».

«Почему это я не отвечу?»

«В основе мудрости грамотейной клин стоит.

Шесть значений имеет.*

Число шестьдесят он также значит.

Знаешь ли ты названия клина?

Язык шумерский изучая, как сокрытое

раскрыть-изобразить ты знаешь? *

Как слова переводить, подставлять-переставлять:

Вверху по-аккадски, внизу по-шумерски,

Вверху по-шумерски, внизу по-аккадски — это ты знаешь?

Несогласованное согласовать, три шумерских синонима

по-аккадски назвать —

это ты можешь?

Совершенный вид, настоящее время, инфиксы,

удлиненные формы, суффиксы,

сокращенные формы — их ты знаешь?

Что такое "я", "ты", "он", "она", "они", ты знаешь,
 послелог ты знаешь?

Если на табличке сверху аккадский,
 другой способ перевода
 с шумерского на аккадский знаешь?

Обычное, измененное, утонченное,
 закрученное письмо ты знаешь?

К шумерскому аккадские соответствия знаешь?

Язык жрецов-заклинателей, язык жрецов-прорицателей,
 язык жрецов помазывающих — *
 это ты знаешь?

<...>

(Строки 22—23 разрушены.)

В искусстве пения — пение хоровое, жреческое,
 многоголосие, повторы, антифоны,
 пение вокальное, пение финальное
 ты знаешь?

Перевод на аккадский специальных слов — золотых,
 серебряных дел мастеров — как их понять,
 ты можешь узнать?

Язык ораторов-говорунов, язык погонщиков ослов,
 язык пастухов, язык моряков —
 как те выражения передать,
 ты можешь сказать?

Умножение, обратные величины, коэффициенты,
 подведение итогов, хозяйственные расчеты,
 выделение доли, полей межевание —
 ты все это знаешь?

Арфы, лиры, лютни знаешь? Показать, как ты играешь,
 можешь?» *

«Слов учительских я не слышал, к сердцу их не принимал.
 Ты о том мне не говорил. "Старший брат" меня не научил.
 Что же ныне знаю я? Что теперь отвечу я?»

«Вот к чему ты пришел! И для чего ты здесь сидел?

Ты почти уже возмужал, зрелого возраста ты достиг.

Но воистину, словно старый бык.

ты поучениям не внимал.

Словно высохшее зерно, ты пропустил свои сроки.

Перед старшими не трепетал, товарищей не уважал. *

С мудрецом беседы ты не ведешь,
со знающими не говоришь.
Ученье с трудом дается тебе.

<...>

(Строки 39—41 разрушены.)

Доколе же будешь себя губить? *
Доколе же будешь людей дразнить?
Бабою крикливою быть? *
Дураком доколе будешь слыть?
Словно в горячке — доколе бродить? *
Не имеешь покоя, не знаешь страха.
Головою упрямой ничего не приемлешь!
50 Будь же мужествен, не трясись.*
Ты на экзамене, не возражай!
Не ерзай, горла не прочищай,
Недостойным уста свои не наполняй,
Ухо к двери не наставляй.
Пред мудростью грамотейной склонись.
Дни и ночи сердцем ты к ней влекись.
56a Грамотейное дело — добрая доля.
56b Верный глаз писца — его бог-хранитель.
Писец — воистину дворца служитель».

ГРАМОТЕЙНАЯ МУДРОСТЬ...

Восхваление писцового искусства

Грамотейная мудрость —
мать словесам, отец мастерам.
Грамотейная мудрость украс полна,*
не прискучит тебе она.
Грамотейную мудрость не разом осилишь,
но коли осилишь, не пожалеешь.
Грамотейную мудрость постичь влекись —
прибылью тебе обернется.*
Над грамотейной мудростью во тщании трудись —
богатством к тебе возвратится.

Грамотейной мудростью не пренебрегай,
 мастерство свое не запускай.
 Грамотейная мудрость — вместилище Сутей,
 хранилище бога Энки.*
 Взор со вниманием устреми, сокровенное да узри.
 Коли ж ты ею пренебрежешь, и она тобою пренебрежет.*
 Грамотейная мудрость — добрый удел,
 изобилие и богатство.
 В детстве твоём сердила тебя,
 по возмужании да прельстит тебя.*
 Грамотейная мудрость есть связь всего, есть князь всего.
 Во словесности да усерден будь —
 благоденствия избираешь путь.
 В языке шумерском грамотеть, стиль высокий изучать,*
 слог изящный познавать,
 На стелах писать, поля измерять, задачи решать,
 Во дворце служить — не в том ли она,
 грамотейная мудрость? *
 Писец-грамотей — слуга ее, бремя писцово — для нее.*

КОММЕНТАРИЙ

Заглавия текстов даны по первой строке произведения, как это практиковалось в шумерских и вавилонских каталогах-списках. Вторым названием дается заглавие, условно принятое в науке. Курсивом выделены спорные и темные места, по которым в науке нет единомыслия, а также не бесспорное восстановление разрушенных мест. Фрагменты, с уверенностью восстанавливаемые по эпическим повторам, а также по другим данным, как правило, специально не отмечаются. Нумерация в переводе соответствует строкам (или столбцам-колонкам) оригинала. В ряде случаев введена двойная нумерация или нумерация дополнительных строк (1а и т. д.) — для сохранения единообразия с имеющимися публикациями. Ради удобства набора шумерские слова приводятся в транскрипции не общепринятой — латиницей, а русскими буквами, но с употреблением диакритических знаков, традиционно используемых в шумерологии, и курсивом (*галь*, *гид* и т. д.).

Приношу глубокую благодарность Ирине Трофимовне Каневой за помощь при разборе особо сложных грамматических конструкций и неясных мест, а также Наталии Викторовне Козловой за участие в составлении словаря.

Бесконечно благодарю всех зарубежных коллег, чьими автографами и транскрипциями я могла воспользоваться и без трудов которых не могла бы состояться эта книга.

Раздел I. УСТРОЕНИЕ МИРА

МЕЖ ГРАДОВ ПРЕСВЕТЛЫХ...

Сказание об Энки и Нинхурсаг

Перевод по изданиям: Kramer S. N. Enki and Ninwursag. — *Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies*. N 1 (1945). P. 3—35; Attinger P. Enki et Ninhursaga. — *Zeitschrift für Assyriologie*. Bd. 74. 1984. S. 1—52.

Действие сказания о деяниях бога Энки происходит на острове Дильмун, ныне идентифицированном с островом Бахрейн в Персидском заливе. Остров Дильмун примерно в середине III тыс. до н. э. и на протяжении всей истории Шумера был известен как важный торговый пункт и арена политического влияния Двуречья. В литературных текстах он часто изображается местом изобилия и процветания, отчего существовала тенденция рассматривать его как остров вечной блаженной жизни и сопоставлять с библейскими преданиями о рае, ассоциируя его с Эдемом. Однако текст сказания об Энки рисует картину более сложную, чем представление о золотом веке.

Только в первый момент может возникнуть ассоциация с «райской жизнью» — «там лев не бьет» и т. д. Уже через несколько фраз выясняется, что речь идет о некоем состоянии небытия, неведения, незнания: все, о чем рассказывается, в этом городе существует относительно, например голубь не клюет зерно для солода (в тексте — «солодовая масса») то ли потому, что не знает, как это делается, то ли оттого, что вдова на крыше этот солод не рассыпает. Старуха не говорит о себе «я старуха», то ли оттого, что не понимает, что такое состояние старости, то ли оттого, что она в этом качестве не находится. Единственно, чего там нет в реальности, — это свежей пресной воды (воды жизни?). И как только вода появляется, Дильмун становится таким городом, каким хочет видеть его хозяйка Нинсикла. Но далее на острове происходят еще более поразительные и необычные события, которые в конце концов сводятся к тому, что появляется на свет божество Эншаг/Энзаг, который и делается главным богом Дильмуна. Таким образом, как будто бы намечается основная концепция сказания: ввести остров Дильмун в круг шумерской культуры, связав его с култом Энки, важнейшим шумерским богом-творцом, показать генеалогию бога-покровителя Дильмуна, опять-таки соединив ее с Энки, и прославить Дильмун как остров благополучия, центр культуры и торговли. Но это лишь та рамка, которая позволяет датировать отдельные отрывки текста (в частности, гимн дильмунской торговле) и предположить относительно позднее (конец III—начало II тыс. до н. э.?) время окончательного оформления сказания. Произведение предстает перед нами как сочинение с явно выраженной идейно-политической окраской. Так же поздними, во всяком случае стадиально поздними, видятся нам черты этиологического мифа, т. е. объяснение и раскрытие имен и происхождения различных божеств — покровителей отдельных областей хозяйства и культуры: богини льноводчества и ткачества Утту, богиня пива Нинкаси, «отца растений» Аба-У и других. Но все же самое главное в этом сказании — загадочная и причудливая история рождения на свет последовательных поколений богинь, вперемешку с рождением трав; безболезненные

роды; беременность (?) самого бога, как бы мучающегося родовыми болями, и рождение не то этим богом, не то богиней восьми богов взамен съеденных богом восьми растений. Ситуация рисуется следующим образом:

I. Бог Энки оплодотворяет болота, и вырастают тростники и травы. Не делает он это перед богиней.

II. Бог Энки не то изливает семя на богиню, не то она сама каким-то образом берет его семя из болот (глагол, употребленный в тексте, необычен для определения половых сношений в шумерском языке). Она беременеет, но рождает быстро и безболезненно, как бы еще не по-настоящему.

III. Снова в тех же болотах, где вырастают одна за другой прекрасные юные богини, не то девушки, не то растения, происходит их оплодотворение семенем Энки (опять употреблен тот же глагол), и снова они беременеют и рожают безболезненно.

IV. Появляется юная, особо привлекательная Утту, и действие переносится в дом. Хотя отношения Энки с Утту рассказаны со многими подробностями, не очень ясно, что же произошло, — во всяком случае, не похоже на обычное соитие.

V. Богиня-супруга Энки опять берет семя Энки и сажает его в землю. Появляются восемь растений, которые Энки поедает, «познав их сердца». Таким образом, Энки поедает собственных детей, за что мучается болями и проклят богиней. Это, по существу, нарушение какого-то запрета, причем в этом тексте второе нарушение: первый запрет произносит он сам, никого не желая впустить в болота.

VI. Энки разрешается от бремени (болезни) при помощи все той же богини, в результате чего на свет появляются парные существа — мужского и женского пола, которые уже, видимо, способны нормально вступать в брак.

Звучит тот же мотив неседения, что и во вступлении. Бог и богиня как будто еще не осознают, что это за явление — парная половая жизнь, они будто бы не понимают, что рождение происходит в результате полового соединения — богу все равно, куда излить свое семя, свою бурную энергию, главное, что он создатель жизни, буйной растительности. От этого и роды богинь-растений быстры и безболезненны. То обстоятельство, что действие происходит в болотах и как будто бы в болотистых устьях Тигра и Евфрата, а не на Дильмуне (который, как описывает текст, к этому времени уже «Дом набережной страны», крупный торговый порт), только помогает обнаружить швы, по которым соединялась композиция при ее составлении — первоначальным местом действия, скорее всего, был Эредуг, город Энки в болотистом устье Евфрата. Но Дильмун, по преданиям, был островом, где совершался обряд священного брака, этого важнейшего в Шумере праздника плодородия, и можно догадываться, почему миф об упорядочении процесса рождения связывается именно с Дильмуном.

И еще одна линия, уже явно фольклорного характера, прослеживается в сказании (к сожалению, нельзя угадать, в каком направлении развиваются эти мотивы: именно в этих отрывках текст наиболее фрагментарен) — это история с садовником, под видом которого Энки появляется в доме Утту, и приключение с лисой, добывшей Нинхурсаг с помощью каких-то волшебных и хитроумных действий.

Но именно соединение всех таких столь разнородных и, видимо, первоначально самостоятельных мотивов, в одну историю со сложным и занимательным сюжетом и делает этот текст занимательным литературным произведением.

1—6. Смысл строк в том, что в повествование вводится страна Дильмун и определяется ее положение в Шумере. Строки построены в характерном для шумерской поэтики стиле, когда главное действующее лицо (в данном случае страна Дильмун) вводится в предложение постепенно и называется своим полным именем во второй-третьей строке предложения, отчего первая строка всегда звучит несколько загадочно: «ей ее отдайте» — то есть страну Дильмун Нинсикиле, о которой речь пойдет ниже. Буквально строки 1 и 3 звучат: «города пресветлые есть» (и есть страна Дильмун), «Шумер пресветлый есть» (и есть страна Дильмун). Грамматически фраза сложна, возможны и другие интерпретации.

11. Нинсикила — букв. «Госпожа чистоты» или «Госпожа-девственница», т. е. «Непорочная». Значение имени раскрыто, ибо безусловно обыгрывается параллель с землей (страной) чистой, «непорочной».

13—30. В этих строках дается не описание райской блаженной жизни, как иногда предполагали некоторые исследователи, но, как мы уже отмечали, состояние как бы небытия и неведения. Представление о цивилизации, об организации природы и общества было очень конкретным у шумеров, и отсутствие, скажем, насилия, не есть райское состояние, но некий беспорядок. Все, что есть в Дильмуне, может восприниматься и как несуществующее или не умеющее называть и обозначить себя и оттого уже несуществующее — только после обозначения, называния именем начинается жизнь, и она, жизнь эта, должна происходить и развиваться по законам божественным и человеческим, в независимости от того, дурны они или хороши с человеческой точки зрения.

14. Букв. «птица *дар* криков *дар* не издает». Порода птицы не установлена, но известно, что это птица, чьи крики предвещают несчастье, смерть.

17. Букв. «там собака (желтая (?) собака) не знает, как склонить козленка», то есть заставить его слушаться. Такова общепринятая трактовка строки. Но поскольку знак *гам* может читаться также и *гур* — «мертвый», то может быть — «там желтая собака (иена?) мертвого козленка не знает (то есть не касается)». Трактовка, однако, сомнительна из-за отсутствия параллелей в других литературных текстах, чего нельзя сказать о первой интерпретации.

19—20. Букв. *мунуд* — хлебная масса, которая после прорастания становится зеленым солодом, необходимым ингредиентом при приготовлении пива. Из этого текста видно, что ее раскидывали на крыше.

21. Букв. «не склоняет, не бросает», т. е. не важничает, не охорашивается кокетливо.

24—25. *умиа* и *абба* означает и «мать-отец» и «старуха-старец».

26. Букв. «воду чистую в город не кидает». Точное значение не очень ясно — идет ли речь об опрыскивании улиц или просто о выплескивании на улицу воды после умывания.

27. Букв. *ми-не!* — ритмический звукоподражательный возглас в такт качания лодки? Русский эквивалент взят как наиболее известный. Альстер переводит: «полночь!» (*ми* может означать «ночь», цит. соч., с. 63).

28. Букв. *нимгир*, что означает, скорее всего, «герольд» или какую-то административную должность при дворе. Наш перевод по контексту. У Аттингера: «герольд вокруг самого себя не кружит».

31. Обращение Нинсикилы к Энки не обязательно означает, что она его дочь. «Отец» — постоянный эпитет Энки.

35. Или «в реках», но обычно *ид* — «река» обозначает большой канал, если речь идет о городе, тем более что неизвестны большие реки на Бахрейнских островах.

38. Т. е. с водою соленой.

39. Возможно, титул, официальное почетное звание.

42—43. Значение отдельных слов понятно, но общий смысл отрывка неясен. Возможно, речь идет о благоприятном расположении созвездий (ср. *су-хур-маш* — созвездие Рыбы?). *Эзен* — букв. «праздник».

45—46. Перевод сложен; видимо, речь идет об источниках с пресною водою, которые должны забить из-под земли.

Отрывок В II

1—25. «Гимн о торговле Дильмуна» дошел до нас в версии из Ура и отсутствует в основной, нинпурской версии, в целом являющейся более полной, чем урская. Место его в тексте точно установить не удалось. Обычно исследователи помещают его после строк 50—51 или после строки 64. Это или продолжение речи Энки с обращением к Нинсикиле, или самостоятельный гимн торговле Дильмуна, вставленный в текст. Как доказал Комороци, этот отрывок датируется довольно точно — последней третью XIX в. до н. э., периодом правления Рим-Сина (1822—1763 гг. до н. э.), последнего правителя династии Ларсы (см. *Комороци Г.* «Гимн о торговле Тильмуна» (Интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса «Энки и Нинхурсаг»). — *Древний Восток*. № 2. Вревая, 1976. С. 5—36). Анализ этого отрывка профессором Комороци показал, что в тексте в поэтической форме излагаются важные явления экономического порядка и обрисовывается картина внешнеторговых сношений Шумера через остров Дильмун, который в обозреваемый период был перевалочным пунктом, выполнявшим роль посредника: с одной стороны партнеры Месопотамии ввозят свои товары в Дильмун, те, которые всегда в Двуречье были импортными, — золото, лазурит, драгоценные породы дерева и т. д., а с другой — Двуречье (город Ур) и «страна палаток» ввозят в Дильмун традиционные экспортные товары страны — зерно, шерсть, льняные ткани, асфальт. Характерно, что все это представлено в тексте как бы «данью», «подарком» — т. е. таким образом еще раз подчеркивается изобилие и богатство Дильмуна. Такой способ изображения типичен как раз для литературных текстов.

О локализации стран, перечисленных в отрывке, ведутся научные споры, и интерпретация многих названий различна (подробнее см. Комороци, цит. соч.), однако, по-видимому, Тухриш — страна, расположенная на Иранском нагорье, севернее Элама (Комороци локализует ее в районе современной дороги от Керманшаха до Хамадана), Марахши — также страна на Иранском нагорье, «страна палаток» — возможная область обитания кочевников-овцеводов. Мелухха и Маган — страны по ту сторону Персидского залива, и в разные исторические периоды под этими названиями, по-видимому, понимались разные страны. Чаще всего Мелухху локализуют в Индии. Харали — страна египетского направления.

52. Не совсем ясно, окончание ли это речи Энки или же начало эпического рассказа об исполнении его пророчества — дара Нинсикиле. Возможны оба варианта.

67. Букв. «прорыл, прокопал рвы (канавы)».

69. Букв. «могучему доброму одеянию»; видимо, в смысле буйной растительности.

74. Дамгальнуна — букв. «Супруга великая государя» — жена Энки. Судя по этому тексту, в рассказе идет речь об одной богине под разными именами, а не о нескольких: Нинсикила — «Госпожа чистоты» или «Госпожа-девственница», Нинту — «Госпожа-рождение» (или «Госпожа рождения»), Дамгальнуна — «Великая супруга государя» и Нинхурсага — «Госпожа лесистой горы» (или

(или «Госпожа — лесистая гора») — эпитеты супруги Энки. Подобный прием, когда один и тот же действующий персонаж в каждой последующей строке назван разными именами, характерен для шумерской литературы (ср., например, эпитеты Думузи в цикле любовных песен о Думузи и Ишанне). Персонификации каждого имени в отдельную личность, видимо, произошла позже.

77—87. В этом отрывке подчеркивается быстрота и безболезненность родов как этой богини, так и последующих.

88. Нинсар (или Нинму) — госпожа-растение (сад, трава). Все имена рождающихся богинь значимы, и таким образом объясняется в мифе появление или отдельной отрасли хозяйства, или отдельных видов растительности.

89. Грамматически фраза не совсем ясна, перевод условный.

98—99. Т. е. так быстро доплыл до Нинсар. Характерный прием сказочно-го изложения.

127 и след. В варианте С богиня Ниинкура рождает богиню Нинимму, и вся история повторяется еще один раз, причем о вынашивании младенца рассказывается полностью, как в начале эпизода рождения — перечислены все девять дней. Нинимма производит на свет Утту.

127. Букв. «женщину крепкую (жиренькую?) рослую (большую)». Аттингер оставляет выражение без перевода, но ср. «Шумерскую колыбельную», где малыш определяется подобными же эпитетами (строки 2—5). Ср. также ŠL 231, 9, 25, где *ни* — «сильный, крепкий, жирный, плотный» и *бүлүг* (ŠL 60, 37) — «б. большим, расти».

148—152. По-видимому, речь Утту, обращенная к садовнику. Значение строк 151—152 неясно. Аттингер трактует их в том смысле, что Утту выражает пожелание, чтобы Энки стал главою дома. В таком случае следует думать, что Нинпу учила Утту, как привлечь Энки.

153—155. Видимо, смысл строк раскрывался через предыдущие несохранившиеся.

156. Букв. «невозделанный участок». Может быть, пустошь?

157. Крамер восстанавливает: «садовник в земле/в пыли».

186. Судя по этой строке, Энки взял Утту силой или обманом и причинил ей боль.

187. Несмотря на то, что о сближении Энки и Утту говорится в тех же фразах, что и о сближении с другими молоденькими богинями — дочерьми-внучками Энки, видимо, соитие их было неполным, либо не совсем естественным, ибо Нинхурсаг явно сажает «семя» Энки в землю, и из него вырастают те восемь растений, о которых идет речь в последующих строках.

188—195. Точные названия растений неизвестны. В большинстве случаев дан описательный перевод. В строке 194 название растения разбито и прилагательное сочинено.

225. Букв. «дерево кишкану». Это дерево обычно каким-то образом было связано с Энки и Эредугом и играло важную роль в культе. Не очень ясно, для чего лисе было важно это дерево, может быть в магических целях?

227. Существительное отсутствует, но глагол *бүр*-(*бүр*) в значении «освободить», «распутить» и т. д. засвидетельствован (см. ŠL 11, 37).

233—236. Текст разбит, восстановление условное, по аналогии с формулами-клише в других текстах (ср. «С Великих Небес...» — просьбы ее визиря Ниншубура перед разными божествами, или хождения Гильгамеша по храмам разных богов в «В предвечные дни...»).

250. Действие Нинхурсаг не совсем ясно — сажает ли она больного Энки на свою матку или просто на колени или, может быть, даже помещает в свою

матку. Болезнь Энки — видимо, беременность съеденными растениями (ср. практикующийся в ряде индейских племен обычай *кувады*, когда мужчина во время родов жены имитирует родовые боли).

252—268. Этот отрывок построен на постоянной игре слов: имя рождаемого божества и большой части тела близки по созвучиям. Также и само имя большей частью может быть обыграно — *Нин-сик-ла* (или *Нин-тул-ла*) — «видадыка шерсти, волос» звучит почти так же, как Нинсикла. Он — «хозяин страны Маган», она — «хозяйка Дильмун»; *Нин-кири-уту* — «рождающая нос» (а также и «сад») — супруга бога врачевания и сама ассимилируется с богиней-целительницей Гулой; *Нинкаси* — «наполняющая рот» — богиня пива (отсюда ее эпитет — «удовлетворяющая желанья» или «ублажающая сердца»); *Низи* — «глотка», «горло», но и «право», «порядок» (она богиня права); *Ти* — не только «ребро», но и «жизнь» (отсюда догадка Крамера, что миф о создании Нины из ребра восходит к этому сказанию); *Эншаг/Энзаг* — «господин бок» и «добрый/благой господин».

253. Или «я рожая для тебя» (?).

269. Восстановление условное, возможно: «Да будет определена им судьба» или «Я (то есть Нинхурсаг) определяю им судьбы».

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ, ОТ ДНЕЙ СОТВОРЕНИЯ МИРА...

Сказание об Энки и Нинмах

Перевод по изданию: Benito C. Enki and Ninmah. Dissertation. 1969. Ann Arbor Microfilms: 70—16, 124.

Текст сказания об Энки и Нинмах, произведения необычайно важного для представления о шумерской мифологии, к сожалению, настолько сильно поврежден, что не позволяет нам понять его содержание полностью. Любое восстановление может оказаться натяжкой и увести далеко в сторону от изложения материала шумерскими авторами — слишком много соблазнов для толкования по ассоциациям. Так, как будто бы ясно, что первая часть сказания близка вавилонскому мифу об Атрахасисе, и, видимо, правы те исследователи, которые считают, что вавилоняне взяли за основу вводной части своего произведения шумерский рассказ. Но в какой мере можно пользоваться вавилонским текстом для реконструкции шумерского мифа? Эпос об Атрахасисе — вполне самостоятельное произведение, вавилонский автор скомпоновал и обработал шумерский материал вполне свободно, в соответствии со взглядами и вкусами своей эпохи. Близкие параллели дает сказание об Энки и Нинхурсаг, помещенное выше, но и это произведение не может служить опорой для сколько-нибудь надежного восстановления; пока не обнаружен полный вариант текста, придется ограничиваться лишь осторожными предположениями. Поэтому надо помнить, что все курсивные реконструкции и дополнения именно этого текста условны в большей мере, чем восстановления в других шумерских памятниках.

Сказание, в том виде, в каком оно сейчас нам доступно, повествует о первоначальном состоянии мира и о происхождении человека. Очень важная роль в самом акте творения отведена богу Энки, мудрейшему из богов. В кратком введении-запевке говорится о самозарождении божеств (?) — тема, развитая вавилонянами в другом аккадском мифе о мироздании — «Энума элиш» — «Когда вверху...» Далее развивается тема труда богов и их ропота, хорошо известная по аккадскому эпосу об Атрахасисе. Сон Энки в глубинах Мирового океана

снова сближает этот мотив с вавилонской поэмой «Энума элиш»: в ней в состоянии неподвижности и покоя — символе начала начал — находится первоначальный хаос, мать Тиамат.

Богиня Намму, мать всего живого, шумерская персонификация первоначальных вод, будит своего сына и требует, чтобы он «создал нечто», напрягает свой разум. Энки встает, совершает жертвоприношение, погружается в глубокое созерцание, начинает размышлять. Создание мыслью, прежде чем сотворение действием, как уже подчеркивалось, — мировоззренческий принцип Древнего Двуречья. В творческих актах роль исполнителя падает на долю женщины, и в этом тексте кроме Намму в процессе создания человека принимает участие богиня Нинмах, одно из воплощений образа богини-матери. Она творит в сопровождении семи богинь-помощниц. Творение создано и освящено. В большинстве вавилонских сказаний человек создается из глины, замешенной на крови специально для этой цели убитого бога. Есть возможность для аналогичной интерпретации и в этом тексте, благодаря многозначности слова *муд* — «кровь» и «творение». По мнению некоторых исследователей, сам Энки дает свою кровь для создания человека. Другие же считают, что шумерский мотив близок библейскому и что человек был слеплен из одной глины, а добавление крови — чисто вавилонская концепция.

После пира, обязательно сопутствующего в шумерских сказаниях любому значительному событию, интонация и содержание текста резко меняются: происходящее как бы зеркально отражает события первой части, но в более подробном изложении и с сатирическими элементами. Захмелевшие Энки и Нинмах снова начинают лепить из глины, но под влиянием опьянения создают нечто неполноценное: бесполок уродов, людей полуслепых, хромых людей, бесплодных женщин и т. д. При этом ловкий Энки ухитряется и этим несчастным «определить судьбу». То, что вылепил Энки, настолько слабо и беспомощно, что у Нинмах ничего не получается — существо даже не может ответить на ее вопросы. Происходит конфликт, и Нинмах проклинает Энки. Исследователи видят ключ ко всему сказанию в предпоследней, 140-й строке сказания: «Нинмах не соперница великому Энки», считая, что все произведение создано с целью превознести Энки и умалить роль Нинмах как воплощения женского древнего начала. Однако действительно ли неудачное существо вылепил Энки? По мнению американской исследовательницы Анны Килмер, Энки создал новорожденного младенца, тем самым гениально решив проблему продолжения человеческого рода, ибо отныне не надо будет лепить из глины новые существа, но каждая женщина будет индивидуально рожать из матки человеческое существо. Чем отличен этот способ рождения от способа Нинмах, мы из-за плохой сохранности текста судить не можем. Наш перевод следует трактовке Килмер, отличной от большинства интерпретаций (Крамер, Бенито и др.), ибо грамматические формы допускают такое толкование (подробнее см. коммент. к строкам 88 и далее).

1—3. Уже при восстановлении несохранившейся глагольной формы в начальных строках этого, как будто бы вполне стереотипного введения возникают проблемы. Показатель исходного падежа послелог *-та* дает возможность восстановить текст аналогично началу сказания о Гильгамеше, Энкиду и подземном мире: «Когда небеса отделились (отошли) от небес». Но сохранившиеся в начальной части текста аккадские строчки дают: «небо и земля», тем самым указывая что и в шумерском тексте можно читать не *-та*, но *-да* (комита-

тивный падеж, обозначение совместного действия). Интерпретация будет зависеть от выбора чтения знаков.

4. Или «были зарожжены». И в том и в другом случае некая неопределенность в моменте появления на свет богов Алуннаков отражает общую и для других шумерских текстов тенденцию.

6—7. В одной из версий порядок строк изменен — вступление в брак предшествует распределению богинь. В строке приведены сразу два варианта из разных версий — богини сходятся с богами, богини становятся беременными.

8—11. Тема, развитая в аккадском эпосе об Атрахасисе.

10. Вместо выражения «под надзором» возможна интерпретация — «в Харали», т. е. указание на местность. Харали может быть понято как Арали «подземное царство».

12. Или «он — кровь богов» (*муд-динсир*). См. коммент. к строке 28.

23. Интерпретация существительного, обозначающего будущее создание, сложна, его переводят «слуги» (очень условно), а также и «замена», хотя для этого значения есть другое шумерское слово. Однако смысл фразы ясен и близок соответствующему месту текста об Атрахасисе — речь идет о создании существа, которое бы могло заменить богов в их тяжком труде.

25. Слово «жертвенный» добавлено: *маш-ку* — «козленок светлый (чистый, непорочный)» и есть жертвенный козленок.

26а. Значение слова, которое Бенито оставляет как имя собственное, — «матка, женское лоно». Но и эта строка, и последующие, где говорится о первотворении человеческого существа, неясны.

28. Есть разные интерпретации этой строки в зависимости от толкования слова *муд* (см. выше) — «кровь», «образ-создание» и т. д., а также местоимения *ните-ани*, которое может быть и относительным, и притяжательным; фразу, таким образом, можно понимать в тройном смысле: создать по своему образу и подобию, создать (саму форму, т. е. без всякой посторонней помощи) «его собственное создание и творение». Мое предпочтение первой точке зрения основано на толковании последующей строки 133 (см.).

30. Оно уже существует, потому что оно обмыслено и решено. Намму, которая предложила Энки создать замену богам для работы, тем самым уже совершила в какой-то мере творческий акт. Характерно, что и в этой строке употреблено слово *муд*.

32. Смысл этой фразы, по нашему мнению, в том, что глина будет иметь форму женского лона, однако эта интерпретация очень спорна. Бенито переводит: «Сигенсигду (женская матка?) отщипнет глины». Глагол *кiр*-(*кир*) означает и «отщипывать» и «быть тяжелым». Возможна игра слов. Возможно, Намму имитирует рождение, оперируя с глиняной маткой.

46. Смысл строки мне неясен, поэтому в переводе она выпущена. Бенито переводит: «Вождь царственного Сигенсигду взял свою судьбу (принял) и ел нежный тростник и хлеб». Мне кажется, что с очень большой осторожностью можно отнести эту фразу к существу, созданному «из матки», судьба которого — быть в тростниковых зарослях и вкушать хлеб.

58. Букв. «глины над (с поверхности, с угла) Абзу». Плохим качеством глины — не из глубин, а с поверхности, возможно, объясняется неудача Нинмах.

61. Должность, указанная в строке, обычно трактуется как «дворцовый офицер».

65. *иги-лугал-ла* может быть не «перед царем», как в нашем переводе, но и какая-то дворцовая должность, однако обычное ее значение — «дворцовый офицер», как нам кажется, по контексту не подходит.

66. *gūr-dūba* — аблу — червеподобное создание, см. САД А, 48. У Бениито иначе.

69. Или мочу.

74. «Ткачихою» вставлено по одному из вариантных текстов. В основной версии просто «в дом женщин», возможно в гарем.

77—78. Здесь то же выражение, что и в строке 65. Бениито переводит 77: «Когда Энхиль дал имя в "Великом месте"». *Кизаль* — «Великое место» — часть комплекса храма Энхили в Ниппуре.

79. В вариантном тексте фраза относится к Энки, а не к Нинмах. Для *лу-аш* — «сильно, резко», см. ŠL 355, 2.

81а. В тексте только одна фраза — «я дал им есть хлеб».

85—87. Судя по этим строкам, Энки лепит женщину, пригодную для деторождения. Конец строки 87 разбит.

88. У Бениито, скорее, «мой день ушел», в том смысле, что речь идет о полностью нежизнеспособном существе. Не все знаки в строке сохранились, поэтому непонятно, какие другие члены, кроме головы, глаз и шеи были слабы (букв. «черны» — *gig*) у существа, созданного Энки. По мнению Анны Килмер, речь идет не о слабом, беспомощном человеке, но о новорожденном младенце (см. *Kilmer A. Dr. The Mesopotamian Concept of Overpopulation and its Solution as Reflected in the Mythology. — Orientalia. 4.1. 1972. P. 160—175*). Она также считает, что этот младенец был произведен (или должен был быть произведен) на свет женщиной, созданной Энки перед ним (строки 85—87).

89—89а. В тексте одна строка. В первой половине строки параллелизм слов и словосочетаний, букв. «дыхание кончено (замирает), жизнь улетает» — *зи-тиль-тиль-ти-сур-сур*.

91. Букв. «по равнине, полю».

97. Возможно, здесь подчеркнуто, что выражение Энки: «Дай ему вкушать хлеба», т. е. «Придумай для него пропитание», Нинмах понимает буквально.

98—99а. Точное значение фраз неясно, передан только общий смысл.

100. Фраза подчеркивает смятение Нинмах, букв. «слова повторяет». Обычно выражение *му-на-гид-гид* — «она ему отвечает» употребляется без прямого дополнения.

123—128. Содержит проклятие или часть проклятия Нинмах, которое не столько имеет реальную силу (ср. проклятие Нинхурсаг в тексте «Меж градов пресветлых»), сколько выражает эмоции бессилия богини, проведенной, как ей кажется, ловким богом. Фразы построены таким образом, что угрозы по адресу Энки прерываются возгласами обиды и жалости к себе самой.

123а. Букв. «глаза твои поднятые» (текст на *эме-саль* — женском диалекте). Выражение усилено в свете общего тона отрывка.

124а. *гигиш-туку* — «иметь разум», «слышать».

130. Тон ответа Энки изысканно издевательский. Он боится угрозы Нинмах, как всякого произнесенного в гневе слова, и пытается ее умиловить, но одновременно не может отказать себе в удовольствии подчеркнуть свое могущество.

131. Или «из лоноа твоего да возвратишься». Знаки в середине нечитаемы. По мнению Килмер, Энки предлагает Нинмах взять Умуля в лоно, чтобы затем его родить.

132. Бениито переводит: «Кто может выступить против тебя?»

133—133а. Может быть, «да будет омолено»? По мнению Килмер, эта строка означает, что Умуль вырастет большим и будет выглядеть подобно Энки.

135—136. Энкум и нинкум — не имена собственные, но наименование каких-то дворцовых должностей, обычно что-то вроде дворцовых интендантов, что в данном случае по контексту не годится. Иногда означают какой-то род дворцовых охранников. В данном случае могло бы подойти «герольд». Может быть, стражи, стоящие перед воротами дворца?

138. Полностью разрушена.

139. Полуразрушена и малопонятна. Отдельные слова и выражения: «боги, имеющие дома (?), Умуль, строить (?)... дом твой пусть он сделает».

К ЭРЕДУГУ В АБЗУ ПОМЫСЛЫ ОБРАТИЛА

Инанна и Энки

Перевод по изданию: Flügge G. Der Mythos «Inanna und Enki» unter besonderer Berücksichtigung der Liste der me. Roma, 1973.

Название условное (по аналогии с текстом о «нисхождении Инанны в подземный мир»), поскольку начальные строки не сохранились. В целом от этой большой композиции дошло две таблицы, по четыреста с лишним строк каждая, из которых в первой таблице поддается восстановлению около 290 строк, вторая сохранилась много лучше. По-видимому, существовала и третья таблица текста, так как в конце второй таблицы отсутствует заключительная стандартная формула *за-мй*.

Судя по многократным ссылкам в других литературных сочинениях на события, о которых рассказывается в тексте, произведение это пользовалось большой популярностью у шумерийцев. Есть основания полагать, что текст разыгрывался как литургическое, может быть даже ежегодное, действо — намеки на это встречаются в вышеупомянутых цитатах, да и само построение текста с его резкой насыщенностью диалогами и повторами, превышающими обычные шумерские нормы (так, свыше ста названий *ме* повторены четыре раза, а рассказ о преследовании Инанны чудовищами — шесть раз), с мгновенными перенесениями действия без предупредительных ремарок позволяет предполагать сценическое воплощение.

Текст очень важен для понимания шумерских представлений о культурных ценностях. *Ме* — в нашем переводе Суги — емкое и многозначное слово, включающее характеристику всего того, что шумерами мыслилось как проявление цивилизации, а также конкретное обозначение разного рода человеческой деятельности. При этом в понятие *ме* содержалось и представление о внутренних силах, своего рода энергии, которая этой деятельностью управляла. Перенесение *ме* из древнейшего культурного шумерского центра Эредуга в другой древний город — Урук символизировало развитие последнего как центра культуры. Из текста в том виде, в каком он дошел до нас, остается неясным, были ли возвращены *ме* в Эредуг или снова попали в Урук — видимо, об этом и должна была повествовать несохранившаяся часть текста. Но возможна и такая интерпретация: сам факт того, что *ме* побывали в Уруке, делает этот город значительным центром культуры. В таком случае ежегодным действием мог быть обряд выведения Сутей из Эредуга в Урук и возвращение их обратно в Эредуг.

Текст построен как авантюрный рассказ с включением элементов волшебной сказки, что разбивает монотонность повторов. Можно также предполагать, что текст использовался и как учебное пособие в шумерской школе, причем именно форма повторов с разнообразным их оформлением (одни и те же на-

звания вкладываются в уста разным персонажам и перебиваются формулами-клише) должна была более живо восприниматься и способствовать лучшему запоминанию текста.

В нашем переводе в таблице I две версии текста, Ниневийская и Ниппурская, сведены вместе и объединены сквозной нумерацией. Второй столбец цифр обозначает нумерацию таблиц, столбцов и строк в каждой из версий. Число пропущенных строк отмечено приблизительно. Нумерация таблиц I и II раздельная: с таблицы II начинается новая сквозная нумерация.

Табл. I, I', 1—29. Рассказ о том, как Инанна отправляется в загон к «пастуху», видимо ее супругу Думузи; ее любовные настроения, скорее всего, связаны с тем намерением, которое она излагает в своей речи, а именно отправиться в Абзу. Неясно, собирается ли она обольстить своего «огня Энки» или просто набирается сил и привлекательности, готовясь к своему трудному путешествию, — возможно и то и другое.

I, I, 30—67. Премудрый Энки знает не только о путешествии Инанна, но и о ее намерениях, однако настроен дружелюбно и, видимо, считает, что сумеет предотвратить опасность, если она будет ему угрожать. В конце столбца 2 разрушено более 30 строк, поэтому можно только предполагать, что сильно захмелевший Энки под влиянием просьб или тайных желаний Инанна одал ее сам.

I, 2, 60. «Львы Эредуга» — скорее всего, скульптурные украшения перед воротами города, но, возможно, и магические стражи, охранники входа.

I, 3, 92. Возможен перевод: «огня зажигание» и «огня тушение». В конце столбца 3 первой таблицы разрушено около 40 строк и в начале столбца 4 — также около 40. Видимо, в разбитых строках перечисляются все Сути в том порядке, в каком они будут названы в конце текста (см. ниже).

I, 4, 102.1'—104.3'. Восстановление по II, 5, 53—55. Неясно, кому Инанна рассказывает о получении ею Сутей, может быть — стражам Эредуга, дабы спокойно покинуть город? В конце столбца 4 разрушено 3—4 строки, а в начале столбца 5 — более 30.

I, 5, 153—154. Букв. «пиво из него вышло».

I, 5, 189—199. Столбец 6 содержит, по-видимому, рассказ о гневе Энки и о его попытке найти виновного, давшего Инанне возможность уйти из Эредуга. Ему указывают на лягушку. В полуразбитых и несохранившихся строках (более 25), возможно, говорится о наказании лягушки — Энки разбивает ее чем-то деревянным (дубинкой?) и швыряет птицам и рыбам.

II, 1, 6. Название пристани разрушено.

II, 1, 7. Энкумы — название придворной должности в шумерских дворцах; возможно, какой-то род дворцовой стражи (ср. текст «От начала начал»).

II, 1, 21—26. Знаки вопроса поставлены произвольно, по контексту и интонации. Возможно, весь абзац содержит негодующие восклицания Инанна.

II, 1, 29—33. Ниншубур (а) — посол-посланница Инанна: есть данные, что это гермафродит. В строке 33 речь идет о какой-то магической формуле, благодаря которой Инанна и Ниншубура спасаются от нападения энкумов и ускользают от них.

II, 1, 40. Название пристани не сохранилось.

II, 2, 74. Букв. Дуб-ульма (т. е. «холма Ульма»). Шумерская пристань с таким названием неизвестна, но, по предположению американского шумеролога Якобсена, с первой по пятую пристани перечислены места вдоль канала Эредуга. На шестой пристани Инанна оказывается на Евфрате, между Ларсой и при-

током канала Эредуга, и на седьмой — вступает в Урук, на пристань «Кар-Баббар» (II,4, 64), букв. «Сверкающая пристань».

II,4, 145—146. Рассказ о выгрузении Сугей из небесной ладьи и подготовке праздника заканчивается, и действие тут же переносится в Эредуг, где Энки отправляет Исимуда в Урук наблюдать (?), что там происходит.

II,5, 154. Неясно, кто перечисляет *ме* на этот раз — царь, народ или Ниншубура.

II,6, 205—216 неясны по смыслу, может быть из-за фрагментарности текста. Называние именем играет важную роль в сотворении, но не всегда понятно соотношение названий, даваемых Инанной, с событиями в тексте, хотя строки 209—210 явно ироничны.

II,6, 217. Из этой строки ясно, что Энки сам прибывает вслед за Исимудом и далее — попытается отобрать у Инанны *ме*.

II,6, 222—233. Полуразрушены и, видимо, включают препирательство Энки и Инанны и проклятие богом как Инанны, так и жителей Урука. В конце текста появляется еще один божественный персонаж, скорее всего Энлиль, который выносит решение по поводу *ме* (по мнению Г. Флюкте, он отдаст приказ об их возвращении). Однако плохая сохранность строк не позволяет сказать с уверенностью, чем закончился и закончился ли спор. Если последняя строка содержит слова Инанны, то, возможно, она отказывается вернуть *ме*.

СВЯЗЬ ЗЕМЛИ И НЕБА ГОРОД...

Сказание об Энлиле и Нинлиль

Перевод по изданию: Behrens H. Enlil und Ninlil. Rome, 1978.

Текст дошел от начала II—I тыс. до н. э. в трех версиях: старо-, средне- и нововавилонской (НВ).

Хвала городу Ниппуру и заключительный гимн-восхваление главного его бога Энлиля составляют рамку произведения, где лаконично и выразительно изложены основные события, и троекратный повтор не утяжеляет действия, но сосредоточивает на нем внимание слушателя-зрителя. В заключительных строках «хвала за дела, за мать Нинлиль» ощущается едва уловимая ирония автора.

1. Во всех версиях, кроме НВ, строка 1 начинается иначе: «Это город, воистину это город»; однако не только начальная строка, но и колофон НВ даст: *дур-ан-ки-уру-на-нам* — «это есть город — связь неба и земли». Возможен также перевод: «Не город ли это? Это ли не город?»

3—8. Названия каналов и пристаней Ниппура раскрыты переводом.

9. Букв. «Измеряя отсюда, его (т. е. канала) оросительная площадь по 50 *сар* с каждой стороны». 50 *сар* — ок. 1/6 га, однако возможно, что здесь дан счет на *буры* (1 *бур* = 6,35 га). В любом случае речь идет не о конкретной площади, но сказочной, условной.

21. Возможен иной вариант: «Когда он удачно (радостно) наполнит твое нутро (чрево) плодородным семенем, он тебя покинет».

34. Перевод спорен, букв. «И тогда (и вот ныне) я скажу моей подруге, и она им откроет» (на основе значения *инлиг* — аккадское — *пету* — «открывать»).

38—39. Многоточия обозначают предполагаемые паузы в речи Энлиля.

40. Букв. «Никто ее еще не лишал девственности, никто ее не целовал».

41—50. Вызывают ряд сложностей, несмотря на четкое параллельное построение. «Подобно ладье» — так букв. в тексте: *má-gim*. «Большой плот» — букв. «Большая ладья», но ср. строку 41. Смысл, однако, тот, что Энлиль плывет на лодке (или на чем-то, что подобно лодке) к Нинлиль, находит ее и обладает ею.

48. Букв. «В долгом искании» (?).

50. Перевод первой половины строки спорен.

59—60. Букв. смысл выражения: «Тот, кто находится под запретом в связи с делами пола».

65. Речь идет о привратнике подземного мира.

78—79. Текст плохо сохранился, перевод условный.

ГОСПОЖА СУТЕЙ ПРАВЕДНЫХ...

Женитьба Энлиля

Перевод по изданию: *Civil M. Enlil and Ninlil. The Marriage of Sud.* — *Journal of the American Oriental Society*. 103 [1]. 1983. P. 43—66.

Текст, рассказывающий о женитьбе центрального божества шумерского пантеона, известный с 1964 г. в отрывках, в 1983 г. был составлен американским шумерологом Сивилем из большого числа разновременных фрагментов (от начала II до начала I тыс. до н. э.), обнаруженных главным образом в Ниппуре, Сузах (столице Элама) и Ассирии (Султан-тепе и Куюнджик). Большое число копий (одних ниппурских — 20), равно как и широкий территориальный охват свидетельствуют о необычайной популярности памятника в древности. История сватовства бога Энлиля к Суд, дочери богини растительности и письма Нидабы, закончившегося свадьбой и возвышением второстепенной богини, по древним спискам известной как божество города Шуруппака, объясняет появление Нинлиль, «госпожи-воздух (ветер?)», покровительницы рождений, растительности, земного плодородия. Привлекательность сюжета — в подробном описании церемониала сватовства: встреча и разговор на улице, отказ девушки продолжать общение, посылка свата, разговор с будущей тещей, принесение предбрачного дара и богатых брачных даров, роль сестры будущего мужа в исполнении брачной церемонии, величание молодой супруги как царицы-повелительницы. Некоторая повышенная щепетильность матери невесты и упоминание об «обиде» объясняются в рассказе тем, что Энлиль при первой встрече принял юную Суд, стоящую на улице, за проститутку (персону, отнюдь не презираемую в шумерском обществе, — ср. текст «Дева сладостная...») и обратился к ней со словами любви. Однако истинная мотивация произведения раскрывается при сопоставлении его с первым сказанием об Энлиль и Нинлиль; рассказ о сватовстве — явный ответ и попытка объяснить то, что стало непонятным и уже не принималось в Шумере. В рассказе неоднократно подчеркивается «законность» отношений Энлиля и Суд и опровергается даже намек на сближение их до законного брака, тем более — рождение младенцев. Многие фразы первого текста цитируются и тут же опровергаются: «ничего этого не было» — как бы пытается уверить своих читателей (слушателей) автор. В этих рассказах сталкиваются и противопоставляются друг другу не толь-

ко и не столько стадияльно бытийные формы развития общества, сколько эзотерический и экзотерический мифологические пласты.

Некоторые строки с дополнительной нумерацией вставлены из других версий, если они придают новый оттенок образу или событию рассказа. В исключительных случаях перевод дается по версии на аккадском языке.

5. Начало строки разрушено, возможно: «Взрастила ее в своем чреве».

7. Восстановление начала разбитой строки условно, грамматически лучше было бы: «Порождение Нидабы...» или что-то подобное.

15—27. Расскрывают тему: «Ошибка Энлиля».

22. Букв. «Во второй раз...».

33. Букв. «Нечто от моего имени...».

40. Смысл этой фразы, по нашему мнению, не в том, что Нидаба получает жизнь черноголовых в качестве дара, как это обычно толкуется, а в том, что жизнь Энлиля, владыки черноголовых, зависит от ее ответа.

42. Букв. «Не стой перед ней пустым». Левая рука, букв. «нижняя» (что обозначает ее положение в молитвенной позе), у шумеров обычно считалась менее важной, чем правая, и даже нередко называлась «грязной». На этом основании Сивиль предполагает, что Энлиль по-прежнему принимает Суд за проститутку, за особу не очень высокого ранга, однако если эта поза не связана каким-то образом с событиями первого рассказа («Энлиль и Нинлиль»), можно думать, что передача дара левой рукой, «рукой сердца», — знак особой сердечности.

50—59. Восстановление условное.

67. Неясно, о чем говорит Нидаба — об ошибке Энлиля или же еще о каких-то обидах. Глагол, употребленный в этой строке, — тот же, что и в строке 18, и означает «говорить о чем-либо дурно», «марать чью-либо репутацию», «грязнить» (и даже в физическом смысле слова). Но маранье репутации произошло в тексте первого рассказа.

70. Эта строка говорит о роли сестры жениха в брачной церемонии. Не исключено, что здесь конкретное указание на место: «С того берега на этот (?)»; историческое местоположение Эреша неизвестно, и тогда можно было бы предположить, что оба города — Ниппур и Эреш — располагались на противоположных берегах Евфрата.

71. «Сестра зятя» или «сестра супруга» — Нидаба отсчитывает родство по отношению к самой себе, что указывает на счет родства по женской линии.

79. Строка переведена условно, так как плохо сохранилась. У Сивиль — «я (т. е. Нидаба?) его оставляю», что грамматически убедительно, но не подходит по контексту.

105. Букв. «К нижней Стране».

110. Букв. «С широко расставленными рогами». «Лазуритовая веревка» — веревка, на которую нанизаны лазуритовые бусы.

120. Неясно, что значит «лазуритовый финик» — особый сорт или драгоценность в форме финика, скорее первое.

129. Имя Аруру вставлено перед именем Нинмах условно. По шумерологической традиции, Нинмах («Могучая госпожа») — одно из проявлений Аруру. Но возможно, что здесь это имя употреблено просто как эпитет богини. Если интерпретация верная, значит, и Аруру сопровождала брачные дары.

137—138. По мнению Сивиль, Нуску обращается к Нанибгаль, «женщине, оклеветанной Энлилем». Но мотив клеветы может быть только в связи с пер-

вым рассказом. В нашей интерпретации субъектом предложения является сама Нанибгаль-Нидаба.

140—145а. Благословение Нанибгаль.

148—150. Как бы ответ на описание сближений Энлиля с Нинлиль в первом рассказе.

153. «Господин Бадтибиры» (в других текстах обычно «царь Бадтибиры») — неизвестное по имени божество, но возможно, что здесь употреблено как эпитет Энлиля.

154. Судя по этой строке, мужчина не должен был видеть, как рождается ребенок.

155. Возможно, речь идет о конкретной административно-хозяйственной должности. Не совсем ясно, что означает в таком случае «дух-покровитель» («богиня-хранительница»). В значении *китиль* (акк. *ламассу*) следую Сивилю.

156. Сивиль понимает все выражение как «женщина-чужестранка». Однако речь может идти и о подземном мире.

158—159. Сравнением с Ашнан — девой в борозде — заканчивается разговор о Суд-Нинлиль в третьем лице и начинается обращение к ней лично («ты воздымаешься в сиянье...» и далее). Неясно только, кто произносит это последующее славословие: сам Энлиль или обращающийся к ней с приветствием хор.

161—162. Ср. строки заключительного гимна-славословия Энлилю в первом рассказе.

165—167. Перечисленное — сфера деятельности Нидабы. Суд, таким образом, получает права и обязанности своей матери.

НА ГОРЕ НЕБЕС И ЗЕМЛИ...

Ашнан-Зерно и Лахар-Овца

Перевод по изданию: *Alster B., Vanstepphout H. Lahar and Ashnan. Presentation and Analysis of a Sumerian Disputation.* — *Acta Sumerologica.* June 1987. P. 1—43.

Текст распространенного в шумерской литературе жанра *адаман-дуг-га* — «споры-диалоги» занимает важное место среди таких памятников, как «Мотыга и Плуг», «Лето и Зима», «Серебро и Медь», «Дерево и Тростник», «Птица и Рыба», и ряда других. Традиционное для этого жанра композиционное строение включает космогоническое введение, сам спор, в данном случае состоящий из трех монологов Зерна (в образе молодой девушки) и двух Овцы, и приговор-решение, выносимое богом Энки, в других случаях — Энки и Энлилем или одним Энлилем.

Более пространное, чем обычно, введение искусно связывает тему мироздания с главным предметом дальнейшего спора: основным недостатком первоизданного мира оказывается отсутствие продуктов питания и одежды, и этот ущерб восполняется созданием Овцы и Зерна. Человеческий род, упоминаемый в рассказе, как бы попутно также поставлен в зависимость от деятельности этих богинь: кроме того, он оказывается неким промежуточным звеном, посредником между божествами и воплощением животных и растительных сил природы, Овцой и Зерном, что также характерно для шумерских этиологических мифов.

Преимущества Зерна, победительницы спора, подчеркнуто уже в прологе — и детерминативом-определителем божества, который у Овидия появляется только в конце текста, и большим количеством превосходных эпитетов. И даже в чисто формальном отношении, в самой технике построения речей главных персонажей эти преимущества также искусно обыграны — Зерно оказывается и умнее, и красноречивее своей соперницы, она ловко использует в споре все промахи партнерши и возвращает ей ее же аргументы в более убедительной и остроумной подаче. Тем не менее судьба их — быть всегда вместе, нераздельно одна от другой, и Овидию приходится преклониться перед Зерном. Споры-диалоги подобного рода, по-видимому, разыгрывались, и не только как ритуальные, но и как светские представления. Кроме того, они играли важную роль в системе школьного обучения.

5. В тексте употреблены термины, обозначающие деревянные колышки, очерчивающие, ограничивающие часть священной арены. В данном случае подразумевается ткацкий стан.

10. Эпитет с определителем божества, возможно, является именем собственным. Означает или спелое зерно, или блистающий свежестью стебель зерна.

11. Может быть, «Апуннаки, Великие боги»!

15. Букв. «зерно силы поселений», видимо — в противопоставление «горному» зерну. Эпитет *ку-га* — «священный, светлый» — может в данном случае относиться ко всем видам зерен.

17. Имеется в виду повязка из ткани как знак царственности, хотя употреблен термин, обозначающий и корону из металла.

35—36. Сложное для понимания место, которое можно трактовать двояко: 1) человечество получает *зи-ий-галь* — «жизнь (дыхание) — сердце», то есть истинное существование по сравнению с как бы призрачным существованием, которое описано в строках 20—25; 2) человечество получает возможность заботиться о добывании пищи, чтобы иметь продукцию, которую можно приносить в жертву богам и таким образом кормить их. Наш перевод — попытка объединить оба плана.

81. Букв. «Он кожи (?) не знает (не ощущает), он мускулов (?) не ощущает». Возможно, основной смысл выражения — игра звуков: *су-са*.

84. Букв. «Я объясняю (растолковываю) рост ссоры соседям».

127. Или «Твой страх от тебя не уходит».

140. В вариантной строке «Я вхожу в героя (к герою?)».

144—145. Образ Инанны, любящей лошадей и стремящейся стать их возлюбленной, встречается как в шумерской, так и в аккадской литературе (ср. эпос о Гильгамеше, VI таблица).

146. У издателей — «злумышленник (?) и его товарищ, горный раб».

148—150. Знак в начале строки может читаться как «тридцать», тогда «партиями по тридцать (?) человек».

149—155. Чтение полуразбитых строк недостоверно. Судя по сохранившимся словам, речь идет о молотье и веянии. «Ручные камни» (букв. «камни руки») — может быть, зернотерка?

158. В тексте «девушка».

175. Букв. «Когда тебя распределяют по деревянным сосудам, мерою в один *бан*». *Бан* — мера емкости сыпучих тел, ок. 8 кг.

187—188. Или «Пусть Овца склонится перед Зерном» (так же в строках 184—185).

189. В тексте, видимо, приведена распространенная пословица (ср. притчу «Намзитара»).

192. Фразеология, необычная для текстов *адаман-дуг-га*. Обычно: «Такой-то превосходнее (больше, значительней)».

О, МОТЫГА, МОТЫГА, МОТЫГА!..

Спор Мотыги и Плуга

Перевод по изданию: *Vansteophout H. On the Sumerian Disputation between the Hoe and Plowgh. — Aula Orientalis. Vol. II. Barselona, 1984. P. 239—251.*

Спор Мотыги с Плугом в живой и выразительной форме рассказывает о соревновании этих сельскохозяйственных орудий и дает яркое представление об отношении шумерийцев к одной из самых важных сфер их деятельности — земледельческой. Преимущество Мотыги подчеркивается не только на техническом уровне, но и на литературном — ее аргументы убедительнее и находчивее, ее речам уделено больше места, а приговор Энлиля, высказанный в ее пользу, обнаруживает и личные симпатии бога. Это тем удивительнее, что в образах спорщиков как бы противопоставлены друг другу аристократичность и демократичность, и победу одерживает Мотыга, «дитя бедняка». В тексте созданы и два вполне антропоморфных образа — неповоротливый, напыщенный Плуг и грубоватая, резкая, быстрая Мотыга. Спор начинается без традиционного мифологического вступления, но мифотворческая импликация присутствует в тексте — она отнесена почти в конец и оформлена как рассказ отдыхающих людей о первых днях сотворения мира и о том, как Энлиль делил землю Мотыгой, возможно специально для этого созданной.

Текст дается в сокращении.

1. У первых издателей, в том числе и у Крамера, — «завязанная узлом», т. е. мотыга, чье острие привязано к ручке.

2—3. В тексте «рот» или «зубы», т. е. острие. Мотыга с «одним-единственным зубом» была создана Энлилем из золота и лазурита для отделения неба от земли. В нашем тексте указаны определенные породы деревьев, их названия не выяснены, — так, у Крамера вместо тополя — шелковица.

9—10. В тексте игра слов, включающая два значения и дающая возможность перевести строку иначе: «Плуг, ты длинен, но что есть твоя длина? Плуг, ты велик, но что есть твоя обширность?» Здесь намек на распространенную шумерскую пословицу: «Кто столь велик (обширен), чтобы достать до неба, кто столь обширен, чтобы покрыть землю?»

24. *Шу-нумун* — «рука-зерно» — месяц Думузи (Ду'зу), соответствующий июню-июлю.

30. Т. е. рукоять.

47. В тексте — *эммер* — полба (?) и какой-то вид бобовых.

50. Букв. «борона с корзинкою (?)»

51. Букв. «Сверху (?) — мое пропитание...».

52—53. Букв. «Солома полей — мое сгребание кучи». Вторая половина строки 53 разбита и досочинена.

55—57. Нумерация условна.

59. Есть две грамматические возможности перевода трех однородных синтаксических единиц: повелительным наклонением (как это сделано в 59) или

отглагольным существительным (причастием) — вторая часть строки. *Лу-ли-дур-ра* — «человек пупка (?)».

75. Великая Река — Евфрат.

91—94. В отрывке, где пропущены две строки, содержится ответ-насмешка на самовосхваление Плуга (ср. строки 24—25).

98—104. Плохо сохранились, мало понятны, 100 — букв. «Второй раз к тебе приступает...».

106—106а. Букв. «Твое становление в борозде (т. е. установка плуга) — твое исчезновение».

118—122. Мотыга перечисляет все действия, которые не может выполнить Плуг (ср. строки 13—17), а она может еще много больше.

127—134. В этих опущенных строках продолжается описание строительной деятельности Мотыги.

138—140. Опущены.

154. Беседка, видимо, была в форме башни или, может быть, просто глинобитная башня.

163. Букв. «Вода, ее свежесть (сладость, благодать), я ее прокапываю».

165—168. Нумерация строк условная, строки 165—168 досочинены. Весь отрывок 167—180 посвящен рассказу о том, как Энлиль, кончив пиваться и придя в доброе настроение, начал копать землю Мотыгой (отделяя небо от земли).

191—191а. В тексте *угула* и *ну-банда* — административные сельскохозяйственные должности.

ВЛАДЫКА В СИЯНЬЕ ВЕЛИКОМ!

Сказание о подвигах бога Нинурты

Перевод по изданию: *Van Dijk J. Lugal U'd ME-LAM-bi NIR-GÁL. Le récit épique et didactique des Travaux de Ninurta du Déluge et de la Nouvelle Creation. T. I—II. Leiden, 1983.*

Композиция, написанная на 16 таблицах и содержащая 728 строк текста, дошла до нас в версии старовавилонского времени и двух двуязычных версий — среднеассирийского и нововавилонского периодов, т. е. середины II и первой половины I тыс. до н. э. Большинство найденных табличек происходит из Ниппура, и этим объясняется то обстоятельство, что первоначальный герой сказания лагашский бог Нингирсу заменен божеством Ниппурского пантеона, сыном Энлиля, Нинуртой. На лагашское происхождение текста (скорее всего, время правления Гудси) указывает ряд данных — имя супруги героя богини Бабы (божество лагашского круга), упоминание храма Эпинну, построенного Гудсей, рассказ о диоритовых статуях правителя и т. д. Сказание многопланово, соединяет разновременные темы и мотивы: его древнейший пласт составляет идея борьбы стихий, оледенения, смещения (?) мира, коррекция Нинуртой земной оси (если верна наша интерпретация), роль каменной природы в мироздании. Этиологический миф о происхождении камней, их действия как антропоморфных существ, «окаменение» и определение божеством их роли в магической и реальной сферах, занимают почти треть произведения.

Текст, необычайно сложный, имеющий несколько противоречащих одна другой интерпретаций, в том виде, как он дан в настоящем издании, является предварительной попыткой создать представление об этом богатейшем источнике информации, выраженной в поэтических образах.

11. Если верна наша интерпретация, эта строка раскрывает изображение символа божества в виде льва со змеиным языком или хвостом, оканчивающимся змеей, — образ, связанный с божеством грозы и позднее ставший символом бога Мардука, превратившись в дракона-мушхуша.

23. Характер персонифицированного оружия Нинурты, имеющего определение «буря, потоп битвы», до конца не выяснен. Есть тенденция связывать этот образ с львиноголовым орлом Анзудом и с палицей, завершающейся львиной головой. Однако этим оружием может быть и боевая сеть, накрывающая врагов, с которой изображен бог Нинирсу на стеле Эанатума. Полет сети в виде большого облака по воздуху, равно как и накрывание ею пространства, символическое обозначение ею бури, потопа, также не противоречит контексту.

27. Слово Асаг, по-аккадски *исакку*, обычно трактуется как «болезнь», и Асаг считается воплощением злого демона, болезни. Космическая природа его, однако, гораздо сложнее и с трудом поддается полной расшифровке. Некоторые исследователи считают его огромным деревом необычайной крепости, родившимся от небесного дождя, павшим на землю и пустившим свои семена в горе (ср. строку 34). Однако, с нашей точки зрения, скорее всего, природа Асага изначально каменная, и в первую очередь он связан с камнями. Камень-скала, который действует как антропоморфная сущность, порождающая камни (в тексте «камни-растения», в нашем переводе «камень-поросель», «поросель камня»), — одна из важнейших мировых мифологем. Порожденные Асагом, камни растут, засоряя гору и не давая расти ничему живому, — вот в чем сущность нападения «каменного войска» Асага. Они — живые существа. После победы Нинурты над врагами Асаг превращается в Залаг — «блестящий камень» (?), т. е. окончательно затвердевает и становится камнем мертвым. Подобную же участь разделяет с ним и все его каменное войско (см. ниже).

30. Возможен перевод «воитель, глаз не имеющий» — слепой камень (?).

37. Не все породы камней определены, значение многих из них спорно. Так, возможен перевод не «гранит», но «лава»; значение для знака, переводящегося как «диорит», читают «долерит» и т. д.

57. Точное значение фразы неясно; возможно, Шарур хочет сказать, что Нинурта свободен по самой сути своей облачно-громовой природы (но, может быть, речь идет о кольце — знаке божественной власти, которое Нинурта, подобно Мардуку, получит за свои особые заслуги). У Ван Дийка иначе.

62. Возможна интерпретация: «дерево не пробьет никакое оружие» (?), но можно толковать и «ни одно оружие, пробивающее дерево, его не пробьет».

76. Букв. *данна* — расстояние, равное пути, проходимому за два часа по ровной дороге. В данном контексте исключительно метафорический образ.

79. Другое боевое оружие Нинурты *митту* — булава, чья рукоять часто завершалась изображением львиной головы.

103—104. Или «Люди большие скрепчивали руки (?), произносили проклятия против (?) земли».

332. Т. е. в Шумере.

334 и след. В нашей интерпретации — вода не изливалась на поля, а подымалась вверх, потому что в результате битвы и стихийных бедствий сместилось положение земли, по-видимому земной оси. Возможно, поэтому же солнце стало освещать землю иначе, и льды накапливались в горах. В других толкованиях причиной земных бедствий указывается потоп. Но необъяснимо в таком случае описание засухи на полях и отсутствие воды в Тигре.

336—337. Не исключена возможность противоположной трактовки: «Боги взяли лопаты, корзины, и там (т. е. в горах) собрались». Однако тогда стано-

вится неясным следующий отрывок — описание бедствий и необходимость деятельности Нинурты.

338—339. Строки выпущены, ибо их смысл для меня неясен. Ни с одной из имеющихся интерпретаций не могу согласиться.

349. По нашему мнению, речь идет о камнях, проросших в горе и ее засоривших (ср. строки 34—35). Именно они забили землю настолько, что не давали воде свободно течь.

352. Букв. «Веретено (?) круга земли он установил».

353. Именно эта строка, по нашему мнению, указывает на то, что речь шла о некотором наклоне оси земли, вследствие чего важно было удержать строения на месте. Возможно, для этой же цели служила и каменная стена-преграда.

382. Букв. «Нить эту я разрежу».

411. В нашей интерпретации решение судьбы камней происходит в горах, когда Нинурта только собирается идти в Нишпур, и богиня Аруру (его божественная тетка) призывает его определить судьбу камней, поймав, так сказать, «по дороге». В других трактовках Нинурта произносит это определение в своем святилище в Нишпуре.

416. Не совсем ясно, к какой категории камней обращается здесь Нинурта. Скорее всего, к группе, упомянутой в начале текста.

431 и след. Судя по определению судьбы, речь идет о превращении камня в порошковую пыль, при помощи которой обрабатывались твердые камни.

463. Или «долеритом».

471. Букв. «с гор верхних».

475 и след. Намек на Гудею и его статуи?

727. Или «Нинурта, могучий владыка, Эмилиль (воплощением)....».

Э-ГЕЙ, ЖИ-ВЕЙ!..

Песнь пахущего быка

Перевод по изданию: *Civil M. The Song of the Plowing Oxen. — Kramer Anniversary Volume. Cuneiform Studies in Honor of Samuel Noah Kramer. Neukirchener Verlag, Neukirchen-Vluyn, 1976, P. 83—95.*

Текст относится к началу старовавилонского периода, возможно — к правлению Липит-Иштара (1934—1924 гг. до н. э.), или несколько более раннему времени и построен как эпический рассказ о выборе пахарем быка для пахоты. Он включает, с одной стороны, песню-погоиалку животного — то, что принято называть «трудовой поэзией», а также несет следы ритуально-обрядового действия, связанного с праздниками плодородия, где церемонию проведения первой борозды осуществлял царь или верховный жрец (часто в одном лице). Царь-жрец мог выступать не от собственного имени, но от лица божества плодородия, чьим воплощением он являлся во время совершения ритуала. Фрагментарность текста не позволяет судить определенно о том, кто главное действующее лицо повествования: царь или бог. М. Сивиль на основании некоторых параллелей с текстом «Липит-Иштар и плуг» (см. цит. соч., с. 84—85) предполагает, что и в нашем тексте речь идет об этом царе. Но и связь с богом Нинуртой в поэме явная: заключительная строка песни посвящает ее Нинурте. Постоянный эпитет Нинурты «землепашец, пахарь страны Шумер» традиционен. Скорее всего, текст подразумевает обоих персонажей — в первую очередь бо-

га, а затем царя как его воплощение. Подготовка молодого бычка к пахоте и сама пахота приравняются, таким образом, к космическому творческому акту, регулярно воспроизводящемуся.

Горизонтальными линиями песня разделена на секции-стансы неравной величины — от четырех до двадцати четырех строк каждая. По содержанию текст распадается на части, не совпадающие с делением на абзацы-стансы (последние начинаются восклицанием — запевкой *эль-лю-ма-эль-лю*, видимо привычным окриком работающего животного, в нашем переводе «э-гей, жи-вей»): введение — призыв быка к работе и самопредставление землепашца; рассказ о подготовке к ритуальному сновидению и далее — о самом сновидении, что, видимо, также входило в обрядовую часть празднества; диалог между Энкимду, богом-покровителем земледелия и землепашцем, включающий наставления божества о подготовке к пахоте сельскохозяйственных орудий; и, наконец, заключение, повторяющее вводные строки, а также упоминающее неясные действия, связанные с распиванием пива (заключительная часть праздника?) и ублажением богини Инанны. Несохранившаяся часть рассказа о сновидении пахаря включала, по-видимому, более пространный диалог с бычком, а также с богиней Нанше, покровительницей обрядовых сновидений.

2. В тексте — *гуд* — «бык». Возможно, правильнее было бы перевести «вол», поскольку пашут на волах, но речь идет о ритуальной пахоте с участием божества и подчеркивается молодая сила животного, поэтому оставлен перевод «бык».

8—9. Сохранился только глагол, чье значение можно передать и выражением «внимать словам, крикам», «кричать» и «продвигаться вперед» — в зависимости от чтения первого знака составной формы. Перевод условный, основная задача была — сохранение ритма.

15. Перевод по варианту, основной текст не дает слова «мать, матушка».

34—50. Сохранились отдельные слова, которые позволяют предположить вопросительный тон отрывка: что? (39—40), кто? (41—44), справа-слева (45—46) и т. д. Восстановление строк 45—46 условное, в соответствии с наиболее распространенным топосом текстов, повествующих о сельских работах.

51. Строка плохо сохранилась, но буквальное ее значение звучит приблизительно: «[Бык] свой язык бросил (повесил)», т. е. подчеркивается необычное состояние быка, заговорившего по-человечьи.

55. Букв. «На мои плечи (грудь) пыль не брошена», т. е. подчеркивается молодость животного.

57—65. Землепашец объясняется с быком загадками-притчами, смысл которых в том, что предполагаемая работа необходима и почетна, а также не столь тяжела, как можно думать.

59. По аналогии со строкой 61 предлагаю читать *гиш-ше* — букв. «дерево» (что может означать любое деревянное сельскохозяйственное орудие, соответственно, детали бычьей упряжки), *ше* — инструментальный падеж. М. Сивиль читает *гиш-ку* (орудие).

67—69. Вторая часть строк разбита, перевод условный.

125—126. По данным изобразительного искусства, месопотамский плуг, скорее всего, не сбивался, но скреплялся, связывался веревками и колышками.

139—142. Половина строк разбита, восстановление условное.

140. По-видимому, речь идет о богине Нанше, которая держит в руках нечто вроде измерительной линейки из тростника. Аналогичный образ нередок в шумерской поэзии.

146—148. Праздник *эзэн-шу-нумун-на* упоминает и питье пива, по-видимому как заключительную часть празднества. Строки плохо сохранились, восстановление условное.

149. Текст подписан как *улулума* для бога Нинурты. Крайне редкий жанр. Тип песни и перевод «пастушья песнь» определяются на основании содержания других текстов с подобной подписью и добавлением: «Эти песни поют пастухи».

Раздел II. ВОССЛАВИМ БОГОВ НАШИХ

ЭНЛИЛЬ, ПОВСЮДУ...

Гимн-восхваление богу Энлилю

Перевод по изданию: *Falkenstein A. Sumerische Götterlieder, I. Heidelberg, 1959. S. 11—19.*

Одно из наиболее пространных и, видимо, наиболее популярных среди многочисленных произведений, обращенных к богу Энлилю. Возможно, гимн исполнялся в связи с коронацией правителей в Ниппуре при третьей династии Ура. Для удобства восприятия части-главки в переводе отделены друг от друга.

26—28. Образ Ниппура, который раскидывает свои огромные руки, как сети, ассоциируется с другим распространенным образом шумерской поэзии — воином, нападающим на врага с сетью, боевым оружием шумеров. Не исключено, что строки 27 и 28 переставлены местами при переписке. Орел, гуляющий по городу «в радости, свободно», — символ победы и отваги.

32—33. Старшие и младшие братья, отец — скорее всего, не члены семьи, но учитель-наставник, учителя и ученики (ср. шумерские «школьные тексты»).

36. «Могучий Утес» — букв. «Могучая, Великая Гора» — постоянный эпитет Энлиля. «Святая святых» — букв. «Возлюбленное (любимое) святилище».

41. «Таинства, тайные Силы» — *ме*, или *Сути*.

53. «Праздник при восходе солнца» в тексте определен более точно — это праздник большого урожая.

129—132. Отрывок толкуется исследователями противоречиво. Смысл его, скорее всего, в том, что сущность бога настолько непонятна смертным, что это заставляет их благоговейно замолкнуть.

В СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА...

Заклинание Энки-Нудиммуда

Перевод по изданию: *Cohen S. Enmerkar and the Lord of Aratta. — Dissertation, University of Pennsylvania, 1973.*

Сказание об Энмеркаре и не названном в этом тексте по имени владыке (верховном жреце) Аратты рассказывает о распре обоих правителей. Инициатором оказывается Энмеркар, которого поддерживает богиня Инанна. Храмы

Урука обветшали, а нужные для их обновления строительные материалы имеются в Аратте. Основное содержание поэмы заключается в том, что гонимый Энмеркара курсирует между обоими городами и передает от одного владыки другому послания, превращающиеся в задачи-загадки. Заклинание Нудиммуда (Энки) передается Энмеркаром в самом первом его послании — видимо, как объяснение причин возникновения распри среди людей. 1-й столбец цифр — последовательная нумерация строк отрывка, 2-й соответствует нумерации произведения.

Строки 1—5 136—140 являются введением ко всему отрывку и содержат краткое описание первоначального состояния мира, когда как будто бы не существовало зла. В шумерской литературе есть параллель данному отрывку — в сказании об Энки и Нинхурсаг («Меж градов пресветлых...»), где об этом первоначальном состоянии человечества рассказано более пространно. Причем не совсем понятно, находится ли мир в «недеянии зла» или же лежит в неведении о действии природных законов (в том числе и несущих зло) — «...там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает» (строка 17). Кроме того, если в нашем тексте это мир, где что-то отсутствует — «гиен не было, львов не было, собак и волков не было» (строки 137—138), в мире сказания об Энки и Нинхурсаг «лев не бьет, волк ягненка не рвет». Как будто бы закливание Нудиммуда предполагает более глубокую стадию древности, чем сказание «Меж градов пресветлых...».

140—146. Последняя строка предшествующего отрывка — 140 — одновременно и заключительная строка первой темы (отсутствие зла) и вводная к следующему абзацу, развивающему тему одноязычия — «...восхваляли Энилия на одном языке...» Этот отрывок представляется мне наиболее важным местом во всем заклинании и наиболее таинственным. В моем переводе я ввела в текст названия четырех сторон света, хотя только названия двух стран — Ури (Аккад) и Марду служат обозначением Севера и Запада. Две другие страны — Шубур-Хамаси и Шумер расположены по отношению к этим странам одна на востоке, другая соответственно на юге. Обычно переводчики рассматривают эти имена как перечисление географических местностей, но, по моему глубокому убеждению, они должны быть раскрыты в данном тексте именно как четыре страны света, составляющие целокупность мира. Также считаю, что детерминатив-определитель кур (гора, чужеземная страна), предшествующий или сопровождающий каждое обозначение, несет здесь важную смысловую нагрузку. Шумер, как известно, не является горой и в данном контексте не может считаться «чужеземной страной». Коззи связывает выражение кур-галъ этого контекста — «Гора великая» с постоянным эпитетом бога Энилия и считает, что здесь может подразумеваться Ниппур, главный культовый центр Шумера, где находилось святилище Энилия. Тем не менее такая возможность не исключает толкования названных местностей как четырех стран света и обозначенных при этом «горами», что должно было соответствовать в целом древнему мифологическому мировоззрению или даже скрывало в себе эзотерическое обещание с «другой реальностью».

147—155. Мотивировки поведения Энки в тексте нет, отсюда и трудности в понимании этого отрывка. Некоторый свет на поступки Энки, возможно, проливают строки 147—149, где есть выражение «ревнивец», «сорежнователь» (а-да), тем не менее перевод условен и толкование отрывка остается бесспорным. Строки 150—153 содержат постоянные эпитеты Энки-Нудиммуда, подчеркивающие его мудрость и всезнание.

Таким образом, можно выделить два наиболее существенных момента в этом тексте:

1. Постулирование некоего раннего состояния одноязычия. Но что очень важно, речь идет не просто об одноязычии, но о молитвенном обращении на одном языке к одному богу.

2. Изменение богом, соперничающим с главным божеством, «языка в устах людей». Для чего? На этот вопрос в тексте нет ответа.

Сколько бы ни пытались объяснить это место с сугубо местных, локальных идеологических позиций создателей эпоса — как стремление подчеркнуть зависимость перечисленных местностей от Шумера и его главного культового центра, — мне этот отрывок представляется мифологемой, смысл которой нами не раскрыт, а возможно, уже и не был раскрываем авторами, включившими заклинание в текст с идеологическими намерениями. Возможно, вторая часть отрывка — изменение языка — и является в какой-то мере объяснением и толкованием этой мифологемы, но и тут мы пока в нее не проникли.

Но интересно другое — библейское сказание в сопоставлении его с шумерским преданием может рассматриваться как одна из наиболее ранних из известных нам попыток объяснить и раскрыть шумерскую мифологему.

ВЛАСТЕЛИН ОСТРОГЛАЗЫЙ...

Гимн богу Энки

Перевод по изданию: Falkenstein A. Sumerische religiöse Texte. I. Drei «Hymnen» auf Urinurta von Isin. — Zeitschrift für Assyriologie. 49 (1949). S. 80—150.

Гимн богу Энки принадлежит к числу типичных шумерских официальных произведений, это хвалебная песнь божеству. До нас дошло большое количество текстов, обращенных как к главным шумерским богам — Энлилю, Энки, Инанне, Нинурте, так и к второстепенным. Обычно такие произведения имеют шумерский подзаголовок (подпись в конце текста) *адаб* или *тиги*. Значение первого слова неясно, второе означает музыкальный инструмент, по всей вероятности литавры или барабаны. Оба вида песен близки по композиции, но *тиги* составлены менее сложно, чем *адаб*. Отличие — в количестве частей-подразделов, на которые распадается произведение: в *адабе* их бывает больше, чем в *тиги*. Точное значение названий этих подразделов не установлено, так же как и разница в музыкальном сопровождении; не исключено, что *тиги* — «песнь под литавры» — включает и другие музыкальные инструменты в разных своих частях. Начиная с середины III тыс. до н. э. в гимнах богам помещают разного рода царские просьбы, молитвы за них или составленные от царского имени. К концу III тыс. до н. э. появляются и собственно царские гимны: тексты, где царь говорит от своего имени, являясь главным героем произведения.

Восхваление бога Энки произносится от имени Ур-Нинурты, шестого царя первой династии города Исына, последней собственно шумерской династии в Двуречьи (нач. II тыс. до н. э.). До нас дошло девять гимнических сочинений, связанных с именем этого царя и обращенных к главным божествам Шумера.

Последние шумерские правители Двуречья особенно старались подчеркнуть свою преемственность и верность шумерской древности, они выступали как хранители старых традиций и форм. Стиль официальных памятников этого так называемого «позднешумерского периода» в истории культуры Двуречья, как правило, не отличается особой выразительностью, он монументален, торжестве-

нен и довольно стандартен: стереотипные образы, устоявшиеся эпитеты-сравнения, по мнению их составителей, должны были создать впечатление нерушимости традиций, верности старинным формам и образцам.

1. Букв. «Властелин искусного или возвышенного глаза». Глаз, как и ухо, —местилище мудрости, разумения. Особая острота зрения предполагает глубину внутреннего видения.

3. В тексте *еш-бара* — «наблюдать предзнаменования, толковать знамения», см. ŠL 472, 30.

14—15. Данные строки отнюдь не означают умаления Энки. Обычно некоторое суверенное отношение Энки по отношению к Энлилю подчеркивается ниппурской традицией, поскольку Ниппур, древнейший центр шумерского племенного союза, был и культовым шумерским центром, а Энлиль — главным божеством этого города. Большинство литературных памятников, дошедших до нас, относятся к так называемому «ниппурскому канону», известному нам, поскольку в Ниппуре была раскопана большая библиотека. «Лучи сияния» — нечто вроде нимбов (в современной терминологии «биополя»), окружающих каждое существо и выражающих его силу.

17. Фалькенштейн переводит «святые решения», но в тексте — *еш-бар*, ср. строку 3. Соответственно и глагольная форма «схвачены» толкуется в смысле «поняты, усвоены». Значение слова *уру-шуб* (?) часто связывается со светом, ясностью, но точный смысл его неизвестен.

18. Фалькенштейн оставляет слово *Дибара* (в нашем переводе — «возвышенное решение») без перевода, но в комментарии трактует как «божественный определитель (человек, создающий судебное решение) права». В строке явная параллель с предыдущей *еш-бар* — *ди-бар*: ŠL 457, 44 дает для *ан-ди-бар* — «судебные решения (бога, главным образом, Энлиля)».

20. Местоимение социально-пассивного класса — *би* может относиться и к слову «величие», и к понятию «народы», тогда перевод будет звучать: «как их бога» (т. е. бога этих народов). У Фалькенштейна — «как их бога (покровителя, т. е. личного бога)».

22—24 выпущены — они обращены к Ур-Нинурте и составляют рефрен.

Об. Строка 2 полуразбита, сохранились слова: «Энки, где ... ты имеешь (?)», ... на... ты установил замыслы (?)».

Об. 8. Или «наделить Судьями великих богов». Наделение долей, распределение доли, в том числе и Судей, — привилегия верховного бога.

9. Первый знак неясен, восстановление условное.

12—23. Выпущены строки, относящиеся к Ур-Нинурте.

БОГУ ЭНКИ, ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ МИРА...

Письмо-молитва писца

Перевод по изданию: Hallo W. Individual Prayer in Sumerian: the Continuity of a Tradition. — Journal of the American Oriental Society. 88 (1968). P. 71—89.

Среди многочисленных форм обращения к божеству молитва в виде письма может рассматриваться как один из предшественников жанра покаянных псалмов, столь распространенных в литературах вавилонско-ассирийской и библейской. У исследователей бытует даже название «Шумерская псалтырь». Письмо,

обращенное к богу Энки, составлено от имени шумерского писца, носящего аккадское имя: «Зуэн-Шамух» — «Возрос Зуэн» (лунный серп), что может указывать на время рождения ребенка. Характерно, однако, что имя его отца — шумерское, как это часто встречается в новошумерский период (конец III тыс. до н. э.), — отсюда датировка памятника. Два несчастья, которые обычно служили причиной составления подобных молитв, волнуют и нашего писца — тяжёлая болезнь и отторжение от общества (обычно результат клеветы). Все беды, обрушившиеся на человека, воспринимаются как кара за неизвестный грех; страдалец жаждет очищения независимо от причин, его породивших. По содержанию поэма разбивается на одиннадцать стансов. В тексте двойная нумерация; нумерация издателя дана в скобках; при реальной разбивке на строки учитывалось ритмическое членение памятника.

15. Шумерское имя отца звучит условно, так как последний знак разбит и может стоять любое имя, включающее знак *нин*.

23. Букв. «Я иду ложно (обманно, призрачно)»; издатель даёт иную интерпретацию строки.

42. Букв. «День сияющий стал для меня как день смешанный».

71. Букв. «Словно молодая финиковая пальма, что выросла возле (у горла) лодки».

ГОСПОЖА АРУРУ, ЧТО ВО ХРАМЕ КЕША...

Восхваление богини Аруру

Перевод по изданию: *Wilcke C. Formale Gesichtspunkte in der Sumerischen Literatur. Sumerological Studies in Honor of Th. Jacobsen. — Assyriological Studies. 20. 1974. S. 235—236.*

Небольшой гимн, прославляющий одну из древнейших шумерских богинь (а возможно, и дошумерскую) Аруру как «мать Нинту» («Госпожа-рождение»), сохранился в копиях начала II (старовавилонского времени) и начала I (ассирийского, из библиотеки царя Ашшурбанапала) тыс. до н. э.

Текст являет собой прекрасный типичный образец шумерской строфики и ритмики. Произведение состоит из двух частей, по три строфы в каждой. В основе первой части лежит трехстрочие, в основе второй — четырехстрочие, повторенные дважды. Каждая начальная строка второй части строфы расширена дополнением-восклицанием «Нинту» и «Матерь Нинту», ритмично чередуясь.

1—2. «Гора, пречистое место» — храм Кеша; это определение — общепринятый шумерский топоним.

7. Букв. «Восходит во вздыбленной коже льва в сиянии». Видимо, эту строку следует понимать как описание внешней и внутренней силы нимбов богини.

8. Букв. Эн — «верховный жрец»; «жрец лагаб» — жреческая должность более низкого ранга. Точные функции его мне неизвестны.

13—15. Начальные знаки всех трех строк разбиты, восстановление «отец» условно, по аналогии с гимном Нинкаси. Смысл всей строфы может кардинально измениться при другом восстановлении знаков.

21—22. Раскрыто значение имени Нинту, начальные знаки разрушены, восстановление недостоверное.

39. Или «для Энлиля установление». Скорее всего, однако, здесь смягчается слишком смелое для ниппурской традиции утверждение: «соперница Энлиля»; замечание, возможно указывающее на древность происхождения богини.

Колофон I тыс. до н. э., не сохранившийся полностью, содержал проклятия тому, кто сотрет или изменит написанное.

КАК МНОГО ОВЕЦ, КАК МНОГО КОРОВ!

Гимн-песнь богу луны Зуэну

Перевод по изданию: *Sjöberg Åke W. Der Mondgott Nanna-Suen in der Sumerischen Überlieferung*, n. 1, Balbal-Lied auf Suen. Stockholm; Uppsala, 1960. S. 13—34.

Гимн-песнь лунному божеству Нанне-Зуэну, главному богу-покровителю города Ура, — одно из многочисленных произведений, посвященных ему. Значительная часть их датируется концом III тыс. до н. э., временем возвышения третьей династии Ура. Эпические рассказы о путешествии Нанны за благословением к своему отцу Энлилю, гимны-восхваления, просьбы-молитвы, жалобы-плачи, письма — вот далеко не полный перечень текстов, обращенных к астральному светилу, чей культ занимал особое место в шумерском календаре и которое представлялось шумерийцам и вавилонянам могучим быком, постепенно вырастающим из молоденького тельца, или груженной ладьей, плывущей в небе. Для данного текста характерно именно соединение всех этих образов: Зуэн назван здесь и тельцом, который «толстеет» на коленях своей матери-родительницы, и груженной чистой (священной) лодкой, плывущей в небе. Но он еще и пастырь своих многочисленных стад, как небесных (звезд, светил), так и земных, и, соответственно, страны Шумер. Этот двойной смысл, где коровы и овцы — звезды, планеты, а молоко, изливаемое Зуэном, не только действие священного обряда, но и сам Млечный Путь, разлитый им в небе, необходимо учитывать при чтении текста.

8. «Стрекало» — букв. «бычий повод, набрасываемый на быка». Но, возможно, здесь подразумевается и нечто вроде палки-погонялки, ибо в дальнейшем и сам Зуэн именуется «лазуритовым (лазурным) стрекалом» (см. строки 12, 46).

9. «Удойных» — букв. «желтых» или «прекрасных, хороших».

10. В отличие от Шёберга, считающего глагол *тум4-* (*тум4*) графическим вариантом *тум* — «приносить», читаю и перевожу: *тум4-* (*тум4*) в значении *шаку* — «уносить, возносить» (ср. также *ним-эл4* — «быть высоким») с редупликацией корня. Если этот перевод правилен, то, несомненно, речь идет о сотворении Зуэном Млечного Пути.

11—13. Значение строк не совсем понятно, но, возможно, речь идет о звездах, появляющихся и исчезающих как бы по воле Зуэна.

15. Имя Нинтиль дано только в одной из версий, в тексте Б.

21—24. Об особом отношении родителей Энлиля к своему первенцу, которое подчеркивается этим текстом, см. миф о рождении Нанны.

31. Начало строки разбито. «Ночной страж, бодрствующий» — аккадское *деку* — шум. [лу]-зи-зи восстанавливается условно. «Подпорка» на основании значения *хэ-ду* с детерминативом *гиш* (здесь опущен) — «дверной карниз», «наличник». Общее значение — «нечто подходящее, прибор, принадлежность, арматура», ŠL 143, 53.

35. *āz* в значении «мерить, измерять», см. ŠL 183, 14. Связываю со строкой 36, где *дириг* — не только «быть великим» (как у Шёберга), но и «плыть» (см. ниже строку 41).

37. Букв. «коров одетых (?)». Возможно, имеется в виду какая-то особая порода коров.

48. Перевод первой половины строки по вариантному тексту Б.

59. В тексте слово «пастух» дано в форме *зме-саль*, что должно подчеркнуть нежное, смягченное обращение к Нанне.

НАННЕ, ПЕРВОРОДНОМУ СЫНУ ЭНЛИЛЯ...

Письмо шумерскому богу Луны Нанне

Перевод по изданию: *Falkenstein A. Ein sumerischer Brief an den Mondgott. — Analecta Biblica. 12. Roma, 1950. S. 69—77.*

Образцов писем к богам до нас дошло сравнительно немного, и все же есть основания полагать, что этот жанр был распространен в культуре Двуречья. Возможно, письма в какой-то мере выполняли функцию молитвы — как правило, обращение к божеству с письмом соединяет восхваление адресата с просьбой о здоровье, благополучии, иногда даже включает жалобу на то, что забыл пи-нущего (ср. письмо-молитву писца...).

Данная табличка представляет собой школьное упражнение, в котором по неизвестной нам причине вторая часть — просьба — отсутствует. Табличка была обнаружена среди группы учебных текстов в Уруке. Часть текста переведена на аккадский язык — как обычно, аккадские строки подписаны внизу под шумерскими, строчка за строчкой.

6. Фалькенштейн переводит «укрошающий, смиряющий себя», однако прямое значение глагола — «поворачиваться, изменяться». Скорее всего, имеется в виду свойство луны увеличиваться и уменьшаться.

13—14. Букв. «От солнечного восхода до заката». Восстановление имени бога Ана — условно, по аналогии с другими гимнами к богам, в частности и к Нанне.

ГЕРОЙ, ДРАКОН, ЖУТКИЙ, СВИРЕПЫЙ...

Восхваление бога Нинурты

Перевод по изданию: *Falkenstein A. Sumerische religiöse Texte. 1. Drei «Hymnen» auf Urninurta von Isin. — Zeitschrift für Assyriologie. 49 (1949). S. 80—150.*

Адаб для бога Нинурты с просьбой за царя Ур-Нинурту (1864—1837 гг. до н. э.) интересен как характерный образец гимна, прославляющего божество (см. также коммент. к тексту «Властелин остроглазый...»), но уже с включением личности царя, образ которого в ряде других шумерских произведений вытесняет божество и царь становится единственным или почти единственным героем произведения (ср. гимны царя Шульги). Для Ур-Нинурты — «человека Нинурты» — этот бог был особенно важен и, возможно, был его личным божеством-покровителем. В гимне Нинурта восхваляется в стереотипных сравнениях как божество войны, а также и бури, как любимый сын верховного бога Энлиля, и часть постоянных эпитетов Энлиля распространяется и на него.

Текст дробится на несколько частей, видимо отличающихся характером напева, а также и музыкальным аккомпанементом. Не совсем ясно, что имеется в виду, когда указываются повторы (антифоны): должна ли повторяться одна строка или целая часть.

1. Порядок прилагательных в строке в переводе переставлен. *галь-ди* — у Фалькенштейна «могучий», имеет также значение «бушевать, свирепствовать, неистововать», что, как кажется, в данном случае больше годится по контексту.

6. Неясно, определение ли это Нинурты, или упоминание о разоренном им городе. В нашем переводе принят первый вариант.

9. В данном случае эпитет Нинурты, букв. «Отрезающий (решающий) суд». Фалькенштейн переводит «судья», но подчеркивает, что к контексту этот перевод подходит мало.

15. Букв. «Ты его реченные (высказанные) знамения» (у Фалькенштейна — «решения»), см. также «Властелин остроглазый...», строки 3, 17).

17—18. Концы строк разбиты.

Строки 38—40, 44—45 сохранились плохо, восстановления на основании отдельных сохранившихся слов.

ГОСПОЖА — ЗВЕЗДА НЕБЕС СИЯНИЕМ

Прославление богини Нисабы богом Энки

Перевод по изданию: Hallo W. The Cultic Setting of Sumerian Poetry. — Actes de la XVII Rencontre Assyriologique Internationale. Bruxelles 30 juin — 4 juillet, 1969. P. 116—134.

Богиня Нисаба (Нидаба) — одно из наиболее почитаемых божеств шумерского пантеона. Сохранилось несколько посвященных ей гимнов, надписей и сказаний, она упоминается в большом количестве литературных текстов. Принято считать, что Нисаба в первую очередь зерно, так, ее имя пишется знаком зерна (*ше*), и богинею писцов она становится много позже. Но поскольку связь Нисабы с писцовым искусством шла по линии растительности — через тростник, из которого изготовлялись палочки для письма, то не исключено, что она первоначально почиталась в образе тростника, а не зерна. Интересно, что в архаический и даже классический периоды письменности знаки тростника (*ги*) и зерна (*ше*), столь различные по написанию в ассирийской письменности, были гораздо более близки и отличались тем, что у знака *ги* была «головка» (пушистая верхушка тростника?), позднее обозначавшаяся двумя клиньями, сходящимися под углом друг к другу, т. е. один вертикальный, другой наклонный. Не исключено, что две первоначально различные богини позднее слились в один образ, т. е. на Нисабу были перенесены некоторые свойства богини зерна Ашнан или какой-то другой, более специфической покровительницы зерновых злаков.

Гимн, изданный Хэлло, представляет собой наиболее полный экземпляр текста, известного в других версиях и отрывках с 1910 года и частично публиковавшегося. Самая ранняя версия текста была найдена в Лагаше. Она написана на каменной табличке и датируется примерно периодом Гудеи. Гимнические тексты богам могли составляться по многим поводам, но, видимо, чаще всего — в связи с освящением новой статуи божества и проведением церемоний «омовение уст» и «открытие уст», игравших важную роль в ритуале.

Большое значение придавалось также праздничным процессиям — путешествиям божеств (соответственно, их статуй) в гости друг к другу, как правило — младшего божества к более главному. Прием, использованный в нашем гимне, — восхваление богини старшим божеством, богом-покровителем, также распространен в шумерской литературе. В данном случае Энки выступает не только как один из верховных богов Шумера, но как божество мудрости и знания, высший покровитель наук и письма. Текст состоит из двух частей — хвала Нисабе, произносимая от лица Энки, и авторский рассказ о мудрости Энки и его восхвалении Нисабы. Вторая часть могла исполняться ведущим и хором — заключительные строфы гимна интонационно отличаются от эпической повествовательной части. Табличка Иелльской вавилонской коллекции, опубликованной Хэлло, по которой и сделан русский перевод текста, состояла из шести столбцов-колонок с укороченными стихами, что и передано в переводе. Обычно подобное распределение текста характерно для старовавилонского периода. Нумерация строк по Хэлло дается в скобках. Распределение на строфы — по смыслу.

7 (3). Сравнение молодого божества или царя с детенышем дикого животного очень характерно для шумерской поэтики. Некоторые исследователи предлагают иное чтение знака и перевод «тамариск», который пьет священные семь струй, — также излюбленное шумерское сравнение: однако в данном случае рушится вся система образов строфы: «загон», «молоко» и т. д.

19—21 (7). Букв. «дракон (ушумгаль), который выходит, делая (создавая) роскошным (блистающим) праздник урожая (ззен)».

22 — 24 (8). В шумеро-аккадской мифологии богиня Аруру творит людей, отщипывая глину, ср. эпос о Гильгамеше, табл. 1, 33—35, где Аруру создает человекоподобное существо-героя Энкиду. Глагол переведен по смыслу, в тексте букв. «откусить, отклонуть».

27—29. Наречение именем предшествует рождению.

31. Могучий Утес (или Великая Гора) — бог Эниль.

40. В тексте *гу-ше* — растение бобовое и ячмень.

47. Букв. «снабдить» (?).

54—56. Возможно, речь идет об одевании статуи.

64—65. Восстановить имена богов нет возможности, так как этими знаками начинаются имена многих богов.

66. Букв. «успокоить».

83. Т. е. школу.

86—88. Видимо, речь идет о статуе богини.

91—93. Эзагин — букв. «дом из лазурита» — главный храм Аратты. Аратта как символ тайной премудрости, тайного знания — распространенный топоним шумерской литературы (ср. гимн храму Кеша). «Для нее» — букв. «для руки ее» или даже — «рукой ее».

94. Эреш — место культа Нисабы (не идентифицирован).

104а. Букв. «(Где) святилища распределены».

105 и след. Не совсем ясно, кто произносил строфу IV — по-прежнему Энки или автор (хор). Во всяком случае несомненно, что строфу V (105—132) произносит уже не Энки: эта строфа состоит из эпитетов-определений Энки, являющихся распространенным придаточным определительным предложением к главному предложению, начинающему строфу VI, строки 133—136.

105. Строка полуразрушена, восстановление условное.

111. Или «великой Маски Жречества», как переводит Халло, ссылаясь на Фалькенштейна и Рэнгера.

117: Буквальное значение названия — «(дом?), распределение (доля) светлого неба».

122. Букв. «Чьи власы по бокам раскинуты (разбросаны)».

129—132. Часть знаков в этих строках разрушена, восстановление условное.

138—150. Если счесть парные строки 142—143 за одно благословение, то можно рассматривать отрывок как те семь благословений, что Энки вымолвил Нисабе. Число благословений, впрочем, не обязательно должно точно соответствовать семи — сакральной цифре.

СВЕТЛОСТРУЙНОРОЖДЕННАЯ...

Гимн богине пива Нинкаси

Перевод по изданию: *Civil M. A Hymn to the Beer Goddess and a Drinking Song, Studies Presented to A. Leo Oppenheim. University of Chicago, 1964. P. 67—89.*

М. Сивиль, издатель текста, считает, что мы имеем дело с двумя различными произведениями, хотя и объединенными общей темой и всегда помещаемыми на одной табличке, а именно: гимном богине пива Нинкаси, где описывается технический процесс изготовления пива (1—48), и застольной песней-тостом (49—79), обращенной, скорее всего, к женщине, видимо содержательнице шинка, или кабачка, — явление довольно распространенное в старовавилонский период, ибо сведения о женщинах-шинкарях в литературе того времени мы находим в самых разнообразных источниках.

В переводе на русский язык дана, однако, совершенно иная интерпретация памятника. Во-первых, представляется несомненным, что мы имеем дело с одним произведением, хотя и выдержанным в разных ритмах, чему доказательством, по нашему мнению, служит общая и единственная «подпись» в конце песни: «Песнь *баль-баль* для Нинкаси». Далее, не должно смущать употребление очень немногих форм *зме-саль* — не всегда они выделяют женщину как действующее лицо текста, но могут служить и стилистическим приемом, украшающей фигурой — ср., например, текст «Грамотейная мудрость...», строку 7. Последняя, заключительная фраза строки 78 действительно может быть произнесена женщиной или даже хором женщин, принимающим участие в застолье. Таким образом, перед нами может быть текст, созданный как сакральный и эти функции свои не потерявший, но переработанный и дополненный писцом-поэтом и введенный в светское употребление.

Структура текста в ритмическом и смысловом отношении, таким образом, видится разделенной на следующие части:

1. 1—48. Двенадцатистрофная часть, где каждая строфа состоит из четырех строк, причем две вторые оказываются повторением двух первых с добавлением обращения: «О Нинкаси». Это песня-гимн богине пивоварения, содержащая эпический рассказ о разных этапах процесса приготовления пива, впрочем, хотя они перечислены довольно точно, это — не подробный рецепт, но выделение наиболее характерных и важных этапов, обобщение на поэтическом, а не строго техническом уровне, отчего даже возможно соединение разных способовготовки пива в одном тексте. Размеренный, монотонный, подчеркивающийся повторами ритм вызывает в воображении хор уже подвыпивших людей, еще

пытающихся держать лад и строй и четко выговаривать торжественные, как бы освященные действием изготовления напитка славословия богине. Характерно, что Нинкаси, как и любое божество, отвечающее за какую-либо область хозяйства, не только создательница процесса, она сама — пиво, пьянящая жидкость, что явственно вычитывается из строк 41—48. Пиво готово, излито в сосуды для питья, теперь его можно начинать пить, и ритм меняется.

II. 49—57. Перечисление всех возможных сосудов, горшков, ковшей, кружек, имеющихся в доме, а также тростниковых трубочек, из которых жители Двуречья тянули хмельные напитки, как то многократно изображено на шумерских печатях и рельефах. По существу, это второй гимн — посуде, где хранятся опьяняющие напитки и из которой можно пить.

III. 58—65. Новая тема и новый ритм — задравный тост, обращенный к собеседнику (другу-пивопийце), совсем не обязательно к женщине, так как в тексте нет каких-либо грамматических показателей женского рода. Если перед этим речь шла о хоровом исполнении, то тут можно предположить сольную партию.

IV. 66—79. Новый ритм и новая тема — описание блаженного состояния опьянения и благодарность Нинкаси. Возможно, призыв к пляске, создание общего круга. Также, по-видимому, исполнялось солистом, а две последние строчки могли подхватываться хором или двумя хорами — мужским и женским. Обращение к богине Инанне в конце текста представляется естественным, ибо в некоторых гимнах второстепенным божествам в заключительных строках упоминаются и восхваляются и главные божества: Ан, Энки, Энлиль, Инанна.

Технология приготовления пива, описываемая в тексте, подробно изучена и разработана М. Сивилем в комментариях к тексту, с приведением аналогий из специальных хозяйственных документов разных периодов истории Двуречья. Не все этапы ясны и понятны, равно как и назначение ряда компонентов, названных в тексте. С нашей точки зрения, технологический процесс, приведенный в гимне, близок описываемому Лукасом процессу изготовления одного из сортов деревенского пива, и ныне готовящемуся в Египте (см. подробнее: Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958. С. 45—55).

Основные ингредиенты, из которых готовится пиво (по Сивилю):

1. *баннир* — строки 14, 17 — печеная смесь теста (ферментированного ?) и ароматных трав. Иногда формируется в «кексы» и измеряется по штукам, чаще по массе. Неясно, использовалась ли для его приготовления солодовая каша. В словаре Labat, однако, *баннир*₂ — просто «хлеб для пива». В нашем переводе — «закваска».

2. *мунуз* — строки 21, 23 — хлеб, хлебная масса, которая после прорастания становится зеленым солодом. Это необходимые ингредиенты пива, как явствует из всех месопотамских рецептов пива.

3. *сун* — 25, 27 — раздробленный или толченый солод, превращаемый в солодовый настой перед вывариванием.

4. *тиаб* — 29—30, 32 — сваренное (спеченное) сусло. Неизвестно, могло ли это сусло жариться без предварительной поливки водой или весь *тиаб* сперва проходил стадию толчения.

5. *дида* — 33, 35 — душистое растение или настой сусла с беловатой водой с добавлением субстанции, обогащенной сахаром. Но есть и значение *дида* как самостоятельного напитка, чего-то вроде «первичного» непроцеженного пива. В нашем переводе принято последнее.

5—6. Неясно, что значит «город твой, основанный на воске», хотя значение «воск» подтверждается Сивилем рядом контекстов. Может быть, смысл символический — город твой незрим, неуловим, как бы эфемерен, но зато имеет мощные крепостные стены. Возможность, что упоминается конкретный город, где почиталась Нинкаси, сомнительна из-за грамматического построения фразы. У Сивиля: «Она (Нинхурсага) воздвигла тебе могучие стены». Однако и наш перевод грамматически правомерен.

13—14. Значение *си ниг-сила* как «проросшее зерно» взято условно. Видимо, речь идет о проращении зерна для приготовления закваски. Букв. не «в чане», а «в водосеме». Может быть, речь идет о замачивании зерна для проращения прямо в колодезце или в озере, как это делается иногда в деревнях: мешок с зерном опускается в озеро. Но тогда непонятно *шим-лал* — «ароматические травы».

18. Букв. «Кучи (очищенного) зерна надлежащим образом подготовлены».

21—22. Покрытие зерна тонким слоем земли и поливание имело целью его проращение. Видимо, собаки должны были стеречь зерно, предохраняя от затоптывания.

29—30. Строка 30 не очень хорошо сохранилась, и не все знаки понятны. Видимо, речь идет об охлаждении наваря сусла, еще не разбавленного водой. Может быть, здесь говорится об ином способе приготовления пива, что не очень согласуется с предшествующими строками 25—26.

33. О значении *дида* см. выше. По нашему мнению, речь идет о первичном настое пива, куда для вкуса по каплям добавляется мед и вино. «Знатное пиво» — букв. *каш-дида-галь* — «большое пиво *дида*».

37—40. Строфа почти не сохранилась, досочинена по отдельным оставшимся словам.

41. Возможно, букв. «чан (сосуд) для ферментирования пива».

42. Букв. «Твое место подходяще в большом сосуде».

45—46. У Сивиля: «Ты — та, кто изливает процеженное пиво. Оно (подобно) натиску вод Тигра и Евфрата». Наш перевод связывает строфу со строкой 44.

49—52. Букв. «Сосуд-*заккуль*, сосуд-*заккуль*». Большой жбан «пузатой» формы с узким отверстием, из глины, реже металлический, иногда в тростниковом оплетении. Второй сосуд, упоминаемый в строфе, *ламсаре*, кажется, также имел форму кувшина.

53—57. Названия сосудов и всей «пинной братии» даны условно, частично — описательно, частично — с подбором приблизительных русских эквивалентов, позволяющих восстановить интонацию строфы.

58. Букв. «Пусть сердце твоего бога (хранителя) будет расположено к тебе (позаботится о тебе)».

59—60. Букв. «Глаза сосуда *заккуль* — да будут нашими глазами, сердце (внутренность) сосуда *заккуль* — поистину есть (да будет) нашим сердцем». «Глаза» — имеется в виду узкое, «глазообразное» отверстие сосуда с широкими боками («пузатого»).

64—65. «Возлияние на кирпич судьбы» — упоминаемый и в других шумерских текстах обрядовый акт. Здесь, видимо, в переносном смысле, так же как и последующая строка, букв. «Благополучие и мир — основание (или «святилище») твое».

66. Фразу можно перевести и: «Пусть Нинкаси живет всегда с тобой», что и дает Сивилею основание считать, что продолжается тост.

68. «Медовуха» — букв. сладкий (медовый) напиток.

69. Здесь, как и в строке 56, по мнению Сивилия, назван какой-то тростниковый сосуд для питья. Однако аккадский эквивалент в тексте «Дом, где есть пиво...» позволяет перевести «трубочка для питья».

Раздел III. ЛЮБОВЬ БОГИНИ

РАЗГОВОР. ОН СЕСТРЕ ГОВОРIT ЛАСКОВО...

Спор между скотоводством и земледелием

Перевод по изданию: Van Dijk J. La sagesse suméro-accadienne. Leiden, 1953. Chapitre IV, Dumuzi et Enkimdu: Le pasteur et le laboureur. P. 65—85.

Рассказ о выборе жениха богиней Инанной сохранился на двух табличках, первоначально воспринимавшихся как два самостоятельных текста, пока в 1952 году А. Фалькенштейн, объединив оба фрагмента, не доказал, что это одно произведение. Полный текст содержит около ста сорока пяти строк, причем, по мнению Ван Дийка, не хватает около пятидесяти строк, а именно мифологического пролога, который обычно предшествует памятникам такого рода, как бы включая все происходящее в события общемирового порядка. Сохранившееся начало представляет собой диалог бога солнца Уту и его сестры Инанны в форме народных предсвадебных («а мы просо сеяли...»), игровых, а также рабочих песен, где рассказывается о производстве растения типа льна, причем, как и в гимне богине пива, процесс выделки и обработки растения представлен суммарно, основными своими этапами. Это, скорее, рассказ об обработке растения, чем подробный рецепт. Следующий поворот событий — Инанна отказывается от кандидатуры своего брата, ибо у нее уже есть суженый — она хочет выйти за земледельца, а не за пастуха Думузи, которого ей предлагает брат. Появляется сам Думузи и начинает перечислять свои преимущества перед земледельцем. И в этой части рассказ отличается от типичного построения «споров», где обычно представлены обе стороны, отправляющиеся в конце концов на суд к верховному божеству, как правило к Энлилю. В данном же тексте земледелец Энкимду как будто бы отказывается от спора и уступает добровольно Инанну своему сопернику (состояние текста не дает возможности для более определенных выводов — конец плохо сохранился и трудно разбирается).

Игровой, безусловно требующий мимического представления характер произведения обнаруживает себя и непосредственными переходами от одной сцены к другой, которые без мимического сопровождения просто непонятны, и заключительной рубрикой — «для исполнения» (представления?). По мнению Ван Дийка, текст носит не столько культовый, сколько светский характер и мог разыгрываться перед одним из правителей третьей династии Ура, подобно аналогичным произведениям, имеющим более точные указания на этот счет (например, текст об Эмеше и Энмене).

3. Букв. «госпожа, владычица», «не хозяйка». В тексте не «лен», но *gusar-ra* — «садовая нить», какое-то волокнистое растение, искусственно выращиваемое. Лен также культивировался в Двуречье, но обозначался другим знаком (ср. строку 5, где *гада* значит «лен» или «льняная ткань»).

5. Конец строки разбит, восстановление по смыслу.

8—8а. Ван Дийк дает другое восстановление этих полуразбитых строк, считая, что именно здесь вводятся в текст оба героя. Но поскольку Уту все время говорит о Думузи, естественно ожидать от него упоминания только одного имени.

12. У Ван Дийка «причесывать», однако значение глагола *ри* — «бить». Лен или другие льноподобные растения после того, как их выдергивают, отбивают, бьют.

22. «Удваивать» или «умножать» — не совсем ясная операция; может быть, имеется в виду рассучивание нитки на прялке, прежде чем перенести процедуру на ткацкий стан?

37. Глагол, обозначающий действие, не сохранился. Ван Дийк и Фалькенштейн переводят: «Кто разрежет?»

55—56. Плохо сохранились, восстановление и перевод условны.

63. Как будто бы две последующие строки противоречат тому, что строку 63 также произносит Уту, однако такое фразеопотребление, когда речь говорящего прерывается формулой нового введения речи, встречается в шумерских текстах.

73. У Ван Дийка: «Царь охраняет (?) — почему ты не хочешь?». Однако здесь параллелизм, грамматический и смысловой, со строкой 71.

88 и след. Возможно восстановление: 88. *Я дева, землепашец да будет моим супругом.* 89. Слова, что она сказала... 90. Для пастуха. 91. Владыка каппав и запруд (?)... 92. Пастух Думузи к деве Инанне обращает слово...

102. Букв. «желтого».

105. Букв. «ухоженного, тщательно выделанного пива».

106. Букв. «моего взбитого молока».

110. *Ти-ир* — аккад. *манзаз па-а* — «совокупность всех животных». Имеется в виду смесь молока от многих животных?

128—129. Поскольку непонятно мирное настроение землепашца, можно предположить, что сцена борьбы разыгрывалась мимически, и землепашец, признав превосходство пастуха, готов уступить ему невесту и принести дары на свадьбу.

140. Видимо, все, что положено приносить в качестве брачного дара. Перевод строк 139 и 141 недостоверный.

142—144. Таким образом, в тексте имеется как бы две рубрики: *адаман* и *баль-баль*.

ЕСЛИ БЫ НЕ МАТЬ МОЯ... КОГДА Я, ГОСПОЖА...

Песни о любви Инанны и Думузи

Перевод по изданию: *Kramer S. N. The Sumerian Sacred Marriage Texts. — Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 107. N 6. P. 493—495, 499—501.*

Обе песни состоят из диалогов Инанны и Думузи, а также, по-видимому, включают партии хора и ведущего (ведущих). Каждый из текстов имеет приписку: «Это песнь Инанны», но относятся они к разным категориям, то есть зависели от характера исполнения и от музыкального аккомпанемента.

Первая песня распадается на две части: разговор-ссора между влюбленными сменяется сложным по содержанию текстом, где реплики ведущего чередуются с возгласами-распевами и снова перемежаются диалогом. Ссора между Инанной и Думузи, несмотря на крайнюю внешнюю агрессивность партнеров (особенно девушки Инанны), — ссора любовная: «Речи, что сказаны, — речь желанья...» Вторая часть текста, сплошь построенная на метафорах и иносказаниях, давала описание обряда священного брака и, возможно, включала слова, произносившиеся при вступлении в брак. (Подробнее о возможностях такой интерпретации см. *Afanasiyeva V. Zu den Metaphern in den Sumerischen Text UM29—16—37 (PAPS 107), einem Lied des «Heiligen Hochzeit».* — *Studies in Honour of I. M. Diakonoff.* 1982. S. 15—21.) Повествование о свершении священного брака начинается со строки 25 и построено на игре слов. Драгоценные камни *шуба*, которые надо просверлить, по всей видимости, представляли собою разновидность амулетов в форме цилиндрической печати, очень распространенных в Двуречье.

39—42. Видимо, как рефрен, исполнял хор.

43. Вероятно, снова слова Инанны. Темно-синяя, т. е. иссиня-черная борода, дословно — «борода из лазурита», один из частых эпитетов шумерской поэзии (но, может быть, речь идет и о привязанной лазуритовой бороде?).

Вторая песня, называемая *тиги*, делится также на две части, но уже не только по содержанию; она имеет два подзаголовка, смысл которых не очень ясен (букв. «струна протянутая» (?) и «струна поставленная» (?); возможно, речь идет о ладах). Вся песня ведется от лица Инанны, и в рассказ ее вставлены диалоги с Думузи. Последние четыре рифмующиеся строки могли исполняться (или подхватываться) хором.

Я СТАНОВЛЮСЬ ВСЕ БЛЕДНЕЙ И БЛЕДНЕЕ...

Диалог брата и сестры

Перевод по изданию: *Jacobsen Th. The Sister's Message.* — *The Journal of the Ancient Near Society of Columbia University.* Vol. 5. 1973. P. 199—212.

Очень фрагментированный и трудный для понимания текст был вначале понят американским шумерологом Крамером как диалог богини Инанны и Думузи. Настоящий перевод основан на интерпретации текста другим крупнейшим знатоком шумерского языка американским ученым Т. Якобсеном, который считает, что есть основания толковать этот текст как разговор Думузи с его сестрой Гештинанной, в данном случае наперсницей Инанны, поверяющей той свои помыслы. Однако в интерпретации отдельных строк, а также в делении реплик диалога автор данного перевода расходится и с Якобсеном, предлагая свою, пока еще также спорную трактовку. Подробнее о расхождении в переводе см.: *Лирика Древнего Ближнего Востока.* М., 1982 (*Ахматова, Афанасьева, Дьяконов, Шилейко*, с. 157—159).

СЕСТРИЧКА, ЗАЧЕМ ТЫ ЗАКРЫЛАСЬ В ДОМЕ?.. О МОЯ ЛУБИ-ЛУБИ-ЛЮБА...

Любовные диалоги

Перевод по изданию: *Alster B. Sumerian Love Songs. — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale. 79. Paris, 1985. P. 142—152.*

Любовные песни-диалоги в шумерских рубриках озаглавлены «песни-разговоры Инанны», однако намек на Инанну и Думузи в этих текстах может восприниматься как реминисценция культового действия. В реальности песни могли иметь хождение и в быту, являясь частью светского брачного обряда, и даже просто исполняться как любовные песни. Оба текста поражают близостью с библейской «Песнью Песней», и не только общим настроением, характером эпитетов и сравнений, что вполне естественно, но и буквальными построчными совпадениями.

32 и след. «Масло и сливки» понимаются не в буквальном (или не только в буквальном) смысле, но как образ тех любовных ласк, которые должен принести любимый. Отсюда и его настойчивое: «Дай мне внести это в дом», с нажимом на неопределенность того, что будет внесено, и сравнение с реальными дарами: «подобно ягнятам, козлятам» и т. д. Оттого и начинает трепетать возлюбленная.

39—40. Ср. «Песнь Песней», 5:4: «Мой милый руку просунул в шелку — от него моя утроба разыграла» (БВЛ, т. 1, с. 632).

1—2. *Луби-лаби* — ласкательные словосочетания, переданы русскими «люба-лада».

12—13 и след. Намек на бедственную будущую судьбу Думузи, возможно, сочетается с кокетством девушки, которая обещает ему злую судьбу своими ласками.

21—22 Ср. «Песнь Песней», 2:6; 8:9: «Его левая — под моей головою, а правой он меня обнимает...» (БВЛ, т. 1, с. 627, 636).

27—32. Диалог любовников в разгаре страсти. Слюза женщины в подлиннике на «женском языке» (*ме-саль*).

С ВЕЛИКИХ НЕБЕС К ВЕЛИКИМ НЕДРАМ... МАЛЫЕ ДЕМОНЫ РАСКРЫЗАЮТ ПАСТИ...

Нисхождение Инанны в подземный мир

Перевод по изданиям: *Kramer S. N. Inanna's Descent. — Journal of Cuneiform Studies, 4 (1950), P. 199—214; 5 (1951), P. 1—17; Kramer S. N. Cuneiform studies and the History of Literature: the sumerian sacred Marriage Texts. — Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 107. N 6. 1963. P. 514—515; Kramer S. N. Dumuzi's Annual Resurrection: an important correction to «Inanna's Descent». — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 183, October 1966. P. 31.*

Рассказ о нисхождении богини Инанны в подземное царство, ее гибели, воскрешении и возвращении на землю связан с идеей умирания и оживания сил природы. Каждое божество-покровитель отдельной шумерской общины было божеством плодородия, и в этом плане — умирающим и воскресающим богом, Инанна же являлась непосредственным воплощением жизненных сил на земле, любовью, смертью. В шумерской интерпретации эта общемировая мифологема

связана, кроме того, с идеей замены: «За голову — голову», а также с необходимостью жертвы. Думузи, а затем и сестра его Гештинанна оказываются такими жертвами, и окончательный приговор, выносимый Инанной (полгода — Думузи, полгода — Гештинанна должны проводить под землею), подчеркивает незыблемость представления о невозможности покинуть «страну без возврата» без замены — правило, пронизывающее шумерскую мифологию.

В русском переводе сделана попытка соединить в один цельный рассказ разновариантные части нескольких версий мифа, во многих своих местах фрагментарного, дабы у читателя могло возникнуть цельное представление о развитии действия (см. подробнее БВЛ, т. 1, с. 667—670).

1. Букв. «С Великого Верха к Великому Низу она послала мысли (обратила разум)». Почему Инанна решила покинуть «Верх», в тексте не объясняется — древнему слушателю причина была известна и ясна.

7—13. Т. е. перечисляются семь главных храмов семи городов Двуречья, которые Инанна покидает одновременно. Всюду в них она почиталась, и там стояли ее статуи.

18. «Прелесть чела» может быть и прической, и налобной повязкой. Ритуальные драгоценные украшения из золота, лазурита и сердолика, в их числе короны и налобные повязки, дошли из раскопок так называемых «царских гробниц» города Ура и похожи на те, что описаны в шумерских мифах, в частности и в этом сказании.

19. «Знаки суда и власти» — жезл из лазурита и свернутая кольцом (?) веревка.

21. Букв. «Двойные камни-глазочки» — возможно, украшения из пестрого агата — подобные также были обнаружены в урских гробницах.

27. Ниншубур — та же Ниншубура текста «Инанна и Энки» (см. выше), существо, которое, скорее всего, было гермафродитом. В данном тексте предпочтен мужской род: в дальнейшем развитии событий Ниншубур выступает, скорее, как мужчина, чем как женщина (ср. конец текста — строки 293—330, где он падает в пыль перед Инанной, а вслед за ним — два других бога).

48. Инанна хорошо знает, что ни Эмилиль, ни, далее, Нанна не помогут ей. Смысл выполнения ритуала состоит не столько в необходимости соблюдения субординации, сколько в сохранении магического значения формулы троекратного действия.

80. Букв. «Я Инанна места, где восходит Уту». Инанна — звезда солнечного восхода, планета Венера (шумерское Дильбат или Нинсизанна). Вариант текста дает просто *ан-на* — звезда.

85—88 частично разрушены. О смерти Гугальанны, видимо Нергала, больше нет никакого упоминания, и создается впечатление, что истинная причина появления Инанны перед воротами подземного мира ею скрывается.

130 и далее. Так букв. Обычно в шумерологии распространена интерпретация: «Инанна, не возражай против законов подземного мира (не оспаривай)». Однако представление о характере обряда и его значении изменится в зависимости от того, какой смысл мы вложим в это выражение.

169. В варианте: «И вот прошло семь лет, семь месяцев и семь дней».

219—220. *Кургар* и *галатур* — существа культа Инанны. *Кургар*, по-видимому, свпух и шут. *Галатур* («маленький певчий»), также, наверное, был свпухом.

224—263 дополнены по вариантной версии. Образ Эрешкигаль, мучающей родовыми болями, распространен в шумерской мифологической литературе (ср. текст о Гильгамеше, Энкиду и подземном мире).

238. Смысл пожелания посланцев Энки: «От меня да перейдет к тебе мое здоровье» (ср. «Да буду я жертвой за тебя» и др.).

239. Наделение Словом и Судьбой — обычное обещание награды у жителей Двуречья в шумерской мифологической литературе.

279—280. Речь идет о каких-то предметах из тростника, причем подразумевается их многочисленность — «лес стрел, лес копий», но это все же не стрелы и не копья: перевод условный, создающий образ.

319. Хотя в тексте *думу* — «сын», не исключено, что Шара был возлюбленным Инанны, так как этим словом часто обозначался любимый.

357—358. В тексте Думузи просит превратить его руки и ноги в руки и ноги змеи, но, возможно, что словом *муш* («змея») обозначали весь класс пресмыкающихся, и речь идет о ящерице.

(1). Начало вариантного текста «Малые демоны раскрывают пасти». Можно предположить, что демоны, не поймав Думузи, снова хотят схватить Инанну.

(13). По тексту плача о Думузи можно думать, что Думузи, ускользнув от демонов, снова вернулся к Инанне, но возможно и иное течение событий; вариации рассказов могли быть очень разнообразны.

(20). Букв. «веревкою шерстяною зла». Может быть, «колючей, режущей веревкой» (?).

(46). «Мать печалющийся» — один из постоянных эпитетов Думузи.

(54). О друге Думузи — см. текст «В жалобах сердца...»

(56). Имя Думузи вставлено по смыслу.

(71—72). Восстановлены по отдельным сохранившимся словам: «сестра», «из-за брата», «мошка (?)» и т. д., однако реконструкция спорна.

III. Окончание текста было опубликовано лишь в 1963 году, до этого в шумерологии существовало мнение, что Думузи умер и не воскрес.

VII—IX. Условная интерпретация этих строк основана на плачах, где Инанна скорбит о судьбе Думузи, как бы забывая о том, что она сама судила ему смерть. Не исключено, что плачет по Думузи не Инанна, но Гештинанна, но выносит окончательное решение безусловно Инанна.

В ЖАЛОБАХ СЕРДЦА...

Сон Думузи

Перевод по изданию: *Alster B. Dumuzi's Dream. Copenhagen, 1972.*

Текст, посвященный Думузи и сестре его Гештинанне, толкующей мрачный сон Думузи и пытающейся спасти его от злобных демонов подземного мира, примыкает к циклу сказаний о нисхождении Инанны в подземное царство и, видимо, является центральным эпизодом рассказов о преследовании Думузи демонами и его трагической гибели. Гештинанна выступает не только как любящая и преданная подруга, антипод Инанны, но и как певица, пророчица, вещая дева.

10а—11. Выражение «пять (соответственно "десять") хлебов» следует понимать как помощь (погребальную жертву ?) сына. Вариант даст: «Ее пять хлебов не будут ей принесены».

37. Эта фраза может иметь двойной смысл: иссиня-черные бородки козлят сравниваются с лазуритом; фигурки священных козлят обычно делались из алебаstra, и к их головам прикреплялись бородки из лазурита.

83—85. Возможно, что во всех трех строках речь идет об одной Гештинанне и оба других имени — ее эпитеты: первое «матушка (?) Гештинанна», возможно, с ласкательным оттенком, и второе — «Разводящая виноградник» или «Делающая вино». Прием раскрытия образа через последовательный ряд эпитетов распространен в шумерской литературе (ср. «Меж градов пресветлых...» и другие). В первом издании текстов я, следуя Альстеру, перевела: «ее подруга» (БВЛ, т. 1, с. 158).

98 и след. «Друг» Думузи, в отличие от подруги Гештинанны не названный по имени, упоминается и в тексте о нисхождении Инанны: «Малые демоны...», 54.

110а и след. «Царь» или «господин», по-видимому, относится к Думузи.

119—128. Отрывок труднопонятен. В переводе, отличающемся от общепринятой трактовки, передан общий смысл — демоны попарно ищут Думузи в разных городах, при этом каждый раз дается их описание: отвратительный внешний вид, грозное оружие, боевые одежды и т. д.

173. Название местности, куда отправляется Думузи, не идентифицировано. Чтение условное.

207—208. Видимо, речь идет о жертвенной муке и воде, предназначенной для либации (жертвенного излияния). Думузи садится и окружает себя тем, что дает ему Белили, стараясь предохранить себя.

ВЛАДЫКЕ ЗАКАТА — ГОРЕ!

Плач по Думузи

Перевод по изданию: Scheil V. Nouveau chant sumérien en l'honneur d'Ishtar et de Tammuz. — *Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale*. 8. Paris, 1911. P. 161—169.

Один из многочисленных плачей по погибшему Думузи, что сближает его образ с богом-ребенком Даму, утонувшим в болотах (см. текст «К тому, кто далеко...»). Если по Даму плачут мать и сестра, то здесь по Думузи рыдает богиня Инанна, приобретая, таким образом, материнские чувства в отношении к супругу, которого она сама и отдала на гибель. Произведение распадается на две части — плач Инанны по Думузи и рассказ о преследовании его демонами-гала. После публикации в 1911 году сильно фрагментированный текст издавался только в отрывках. Среди переводов, представленных в этой книге, текст, в основу которого положено только несколько достоверных фрагментов, является одним из наиболее условных и общих приближений к подлиннику. Памятник представляет, однако, несомненный интерес как вариант многочисленных сказаний на одну тему, содержащий к тому же важные мифологические сведения. Выразительное эмоциональное вступление, тонкости и богатство оттенков позволяют догадываться о высоком поэтическом качестве оригинала.

12—13. Купание в священных водах Эредуга (т. е., скорее всего, в лагуне Персидского залива) и в Энуне (святилище Эредуга), возможно, часть ритуала, связанного с культом Энки.

14. В этом плаче, видимо, подчеркнуты и материнские чувства Инанны как божества плодородия.

15—17. Если толкование строки 17 верно, речь идет об очень важной части ритуалов (обычно наиболее эзотерических), связанных с культом Инанны как богини жестокой любви.

28. С этого места начинаются как бы совершенно новый рассказ. Текст сильно фрагментирован и восстановлен при помощи близких мест произведений «С Великих Небес...» (часть 2-я) и «В жалобах сердца...».

47. Выражение «ты, чей ложен сон» нередко встречается в текстах именно по отношению к Думузи.

К ТОМУ, КТО ДАЛЕКО...

Плач-закливание

Перевод по изданиям: Cuneiform Texts from the Babylonian Tablets in the British Museum. XV 26,1—21; *Falkenstein A. Untersuchungen zur sumerischen Grammatik* (Försetzung). — *Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge*. 13 (47). 1942. S. 197—200; *Falkenstein A. Zu einem syllabisch geschriebenen Emesal-Text*. — *Archiv für Orientforschung*. 16 (1952/53). S. 60—64.

Текст на лицевой стороне таблички коллекции Британского музея (СТ 2365, копия начала II тыс. до н. э?), возможно, учебная школьная запись, извлечение из более обширного плача о боге-целителе Даму, выступающем здесь как ипостась бога Думузи. Обратная сторона таблички содержит только частично соотносящийся с первой частью рассказ о священном браке с Даму и плач о его гибели. От чьего имени ведется этот рассказ — неясно. Скорее всего, от имени богини Нининсины (Гулы), покровительницы города Исины, матери Даму. Сохранился ряд копий старовавилонского времени, представляющих варианты плача-моления о плодородии, большей частью на языке *ме-саль*, и один, изданный А. Фалькенштейном, написанный силлабически, что позволило ему установить точные соотношения между основным диалектом и *ме-саль*, определив значение многих непонятных слов. Стилистика текста приближает его к заклинаниям, хотя последние строятся по другой форме. В самом тексте дается обозначение жанра: «плач-песнопение».

4. Букв. «жрец-гуда» — храмовая жреческая должность, связанная с жертвоприношениями, в частности с возлиянием маслом.

5. Букв. «где мать его породила».

7—8. Букв. «В доме (граде)» или «К дому (граду) человека».

9. У Фалькенштейна — «конопля» с вопросом. Перевод «лен» также условен, имеется в виду какое-то нитеподобное огородное растение, из которого можно делать ткань; «новолунье» — также условный перевод, основанный на предположении, что знак *šir* (*šar*) ошибочно написан в начале идеограммы *šag-ud-šar* — «новолунье».

12. У Фалькенштейна — «женщина (?) и мужчина да родятся». Строка не очень ясна, так как вариант дает не *ме-саг* (что Фалькенштейн понимает как *мй* — «женщина» и *саг* — «голова», то есть «женщина»), но *ни-саг*. Однако, может быть, это сокращение от *ни-саг-га-ил-ла* — «замена, обмен, второй об-

лик»? (см. *Deimel A. Sumerisches Lexicon. Roma, 1925—1937. 597, 196*). «Супруг погибший, сын» (часто в значении «друг, возлюбленный») — распространенный поэтический топос плачей о Думузи, его постоянный эпитет.

13. В тексте нет повелительного наклонения. Возможно: «Пусть половодье (бурная вода) народится». В варианте силлабическом на *эме-саль*: «Пусть река принесет половодье (огромное количество) карпов».

14. Букв. *ше-гу*ну — «пестрый ячмень» или какой-то другой, отборный сорт зерна.

15. В тексте определенные породы рыб: *да* и *сухур*.

16. Букв. «мертвый (?) тростник» и «молодой, зеленый тростник». Видимо, также определенные породы тростника или камыша. Выражение «мертвый» (?) или «полностью зрелый» (*тиль* может означать и «законченный, завершённый») встречается во многих текстах.

18. В тексте «степь небесная». Во второй части таблички упоминается «степь неба» и «степь земли», «кустарники, травы».

20. Букв. «салат и кресс-салат».

СТРАННИК МОЙ БЛИЗИТСЯ

Заклинание из серии «эдин-на-у-саг-га»

Перевод по изданию: *Kramer S. N. The GIR₅ and Ki-sikil: a New Sumerian Elegy. — Ancient Near Eastern Studies in Memory of J. J. Finkelstein. 1977. P. 139—142.*

Заклинание мертвого духа девушкой представляет собой часть культового плача из серии *эдин-на-у-саг-га* — «в пустынной степи, в первой траве...» (см. *Alster B. Edin-na ū-sag-gā, Reconstruction, history and interpretation of a Sumerian cultic lament. Keilschriftliche Literaturen. Berlin, 1986. S. 19—31*). Эти плачи, по всей видимости, были связаны с ритуалом, совершавшимся раннею весной в степи, дабы способствовать возрождению природы. В этих текстах пастуший бог Думузи, разрывааемый демонами, как бы объединяется и идентифицируется с богом-ребенком, божеством растительности Даму, который утонул в болотах и о котором плачут его мать и сестры. Однако наш текст, точнее отрывок, в том виде, в каком он сохранился на табличке старовавилонского времени, может рассматриваться как самостоятельное произведение, составленное писцом в учебных целях. В тексте происходит встреча девушки с мертвым духом, «странником», или, как предпочитают переводить некоторые исследователи, «посланным, посланником», который появляется как ветер или даже в форме ветра (букв. — «идуший; тот, кто идет» — в тексте дана только глагольная основа). Он объект и страха и тоски девушки. Она его ждет, чтобы принести погребальные жертвы и произвести действия, возможно имитирующие похоронный обряд, который поможет ему вернуться в горы, где лежит его тело, а ей освободиться от него. Композиционно текст распадается на три части: 1) поэтический рассказ об ожидании странника, составленный в виде диалога девушки и автора; 2) подготовка к приходу странника-духа, где подробно перечислены все дары-жертвы, которые будут ему принесены. Монотонность перечисления разбивается фразой, вводящей список этих даров и повторенной дважды — в строках 20 и 31; 3) описание самих действий, совершаемых по прибытии странника, причем они уже перечисляются в сокращенном виде. Как и во многих шумерских текстах, где действующее лицо — женщина, в тексте употреблены формы *эме-саль*.

1—2. Исходя из характерной для шумерских литературных текстов формулы запевки следовало бы ожидать: «твой странник — готовься в страхе» букв. «страх свой подготвь» или «сама приготвься» — знак означает и существительное «страх» и возвратное местоимение.

3. Букв. «твой драгоценный странник».

9. Перевод по контексту.

11—13. Понимание сложно, но по многократному повторению глагольной формы ясно, что речь идет о каких-то интенсивных действиях.

21. Букв. значение глагола неясно, однако см. ŠL 375, 11; 461, 93b, где *у-тир* означает размолотую, очищенную от шелухи массу, а *ки-таг* — место, где очищают зерно.

22 и след. Чередование глагольных форм условное, по контексту.

26—27. Букв. *ки-дагаль-ля* — «плоды земли обширной».

28. В тексте существительное, чье значение связано с приготовлением какого-то растительного масла. Поскольку упомянуты фиги (инжир), даю перевод: «мякоть фиг».

34. Букв. «одежда (ткань, покрывало?) тиары». У Крамера: «чистая(?) одежда».

44—45. Значение «тростниковая трубочка для питья» предполагается по контексту. «Незасоренной» букв. «незапачканной». Соединяю с последующей строкой по смыслу.

48—48а. Приведены два возможных варианта перевода, так как существительное *им* означает и «страх», и «ветер».

Заключительная часть текста, сохранившаяся на другой табличке композиции, показывает, что плач этот велся по Думузи-Амаушумгальанне и что, следовательно, плачущая девушка — богиня Инанна.

СЕСТРА ЛЮБИМАЯ ДУМУЗИ...

Гештинанна и певцы

Перевод по изданию: *Alster B. Geshinanna as Singer... — Journal of Cuneiform Studies. 37/2. 1985. P. 219—228.*

Небольшой законченный текст в копии старовавилонского времени, возможно, является извлечением из более обширной композиции. Такого рода извлечения обычно служили школьными упражнениями. Текст, во многом близкий жанру плачей-*эршема*, рассказывает о том, как создавался плач о гибели бога Думузи и о роли богини Гештинанны, его сестры, в создании этого плача. Произведение содержит крайне важные сведения о культовых действиях, связанных с умиранием и воскресанием Думузи, а также о технике музыкального исполнения. К сожалению, однако, понимание его дается с трудом, поэтому приведенную интерпретацию следует считать предварительной. За помощь в понимании музыкальной части песни благодарю Н. Ф. Боровскую.

8—11. Полуразрушенные строки могут быть близки аналогичному отрывку текста «Владыке заката — горе!».

12. Эти слова может произносить богиня Инанна.

16. Эшдам — букв. «постоялый двор» — святилище богини Инанны. Имеется в виду постоялый двор, около которого прогуливаются священные блудницы Инанны.

25. Букв. «Тех, кто говорит песню». Видимо, имеются в виду солисты.

26. Букв. «Тех, кто крик (воплъ) (?) называет (обозначает)».
 29а. Букв. «дабы посадить (установить) песню».
 30. Букв. «Песню, головы ее (т. е. начала) выбрать не могут».
 31. Букв. «Отцы (главари) места стояния ее установить не могут».
 32. Т. е. Гештинанна, ср. ее эпитеты в тексте «В жалобах сердца...». По мнению проф. Т. Якобсена, речь идет о другом персонаже.
 33. Букв. «Тем, у кого могучая грудь, тем, у кого маленькая (?) грудь».
 35. Букв. «То, что в середине (внутри ее) не живет (?)».
 37—37а. Восстановление разбитых знаков и интерпретация условны.

Раздел IV. ГЕРОИ ШУМЕРА

СТЕНЫ ВЗДЫМАЮТСЯ В ЛАЗУРНОМ СИЯНИИ...

Сказание об Энмеркаре и Энсухкешданне

Перевод по изданию: Berlin A. Enmerkar and Ensuhekeshdanna. Philadelphia, 1979.

Три последовательно царствовавших в Уруке полумифических правителей — Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш — являются героями девяти литературных шумерских произведений. Энмеркар, прямой потомок солнечного бога Уту (в так называемом «царском шумерском списке», тексте исторического характера, он — сын Мескиаггашера, основателя первой династии Урука, сына Уту, а в произведениях литературных — просто «сын Уту»), действует в четырех сказаниях, и в двух из них он главный герой. Эти тексты — «Энмеркар и владыка Аратты» и «Энмеркар и Энсухкешданна» — объединены общей темой и жанром: шумерийцы называли их *адаман-дугга*, что означает «спор-состязание» (главным образом словесного характера). В обоих текстах речь идет о взаимоотношениях города Урука с Араттой, городом, в реальности, видимо, существовавшим и расположенным где-то на Иранском нагорье или даже дальше на пути в Индию, но в шумерских текстах описывавшимся и воспринимавшимся как таинственный, сказочный и в то же время, судя по реалиям, шумеризованный город. Правитель Аратты — постоянный соперник Энмеркара, но если в тексте «Энмеркар и владыка Аратты» их отношения более или менее мирные (речь идет о спорах в виде задаваемых загадок, и говорится даже об обмене дарами), то текст «Энмеркар и Энсухкешданна» прямо подчеркивает превосходство властителя Урука над агрессивным и бестолковым господином Аратты. Причина спора серьезна: кто из правителей будет партнером Инанны в одном из важнейших обрядов Двуречья — обряде священного брака. Спор начинается Энсухкешданна, который претендует на эту роль и хочет отнять ее у Энмеркара, представленного в тексте возлюбленным богини. Обмен посланиями на эту тему и составляет первую часть сказания. Вторая часть решает вопрос соперничества в совершенно ином плане: на сцену выступают колдун и колдунья, представители враждующих сторон. Состязание волшебников построено по сказочной формуле, широко распространенной в мировом фольклоре, и кончается победой «старой Сагбуру», представительницы Урука. Несмотря на мольбы о пощаде посрамленного ею колдуна, она предаст его смерти. Узнав о случившемся, верховный жрец Аратты признает себя побежденным.

В тексте свободно и причудливо скомпонованы исторические, мифологические, эпические и сказочные элементы, живые и выразительные диалоги сменя-

ются повествовательными описаниями, торжественное введение гимнического характера предваряет рассказ.

1. Букв. «Кирпич (кирпичная стена), что возвышается (выходит) над мушем из лазурного камня». Значение слова *муш* многопланово, это и поле, и некое пространство, в частности пространство, на котором воздвигался храм, возможно большая платформа, на которой строили раннешумерские святилища.

7. Букв. *хур-сикил* — «гора чистая». Речь идет об акрополе.

10. Передан общий смысл не вполне ясного выражения.

14. Начинается сказочная записка, аналогичная русскому «давным-давно», английскому «once upon a time» и т. д. Любопытно, что в этом тексте она отлична от распространенных шумерских записок — ср. тексты «В предвечные дни...», «В давние дни...», и др.

17—19. В тексте стоят слова, позволяющие допустить возможность данного толкования, но буквальное значение выражений неизвестно.

28. *Эзагин* — букв. «лазуритовый дом». Считалось, что в Аратте было много лазурита — ср. текст «Лутальбанда...».

33 и след. В ассирийской «Книге сновидений» встречаем сведения, что съесть гуся считалось дурной приметой: «Если он съест гуся — нападение врага, злые напасти» (см. *Oppenheim A. The Interpretation of Dreams. — Ancient Near East. Transactions of the American Philosophical Society. 46/3 (1956). P. 316. K6611:7*). Хотя А. Берлин считает этот источник слишком далеким по времени, чтобы на него опереться, и дает иной перевод и интерпретацию этих строк, я полагаю возможным толковать данный отрывок в соответствии с ассирийскими предсказаниями. Зная стойкость письменной традиции в Двуречье, мы не можем игнорировать поздние сведения, если нет противоречий в раннем памятнике. В нашем же тексте нет ни грамматических, ни смысловых противопоставлений этому толкованию — Энсухкешданна хочет сказать, что Энмеркару придется съесть гуся и подчиниться ему. В этом же смысле, видимо, надо понимать и последующие строки, в частности строку 38: «есть с кем-либо совместно пищу» — значит признать его власть, «вкушать от его стола». Энсухкешданна хочет сказать, что когда малых и больших правителей он подчинит себе, то даст им есть.

42—43. Или «стая насекомых (саранчи)»: выражение имеет оба значения.

44. Метательный дротик, может быть копье, но, возможно, и палка для бросания.

70—75. Сохранились только отдельные фразы и слова, из которых видно, что речь идет об Энмеркаре. В образе, создаваемом поэтом, подчеркиваются его мощь, величие, мудрость и ведущая роль в государстве.

76. Строка полностью разбита, домыслена по контексту.

77. Передано общее содержание строки, буквальный смысл не ясен.

78—81. Энмеркар не хочет терпеть соперничества и утверждает свое единоличное право на обладание Инанной, на общение с ней. В строках 27—28 и, соответственно, далее глагольные формы таковы, что могут быть переведены и утвердительно, и пожелательно: «он воистину живет (хочет жить)», «но и я живу» (в смысле «хочу жить»). Опорным пунктом является строка 26, где Энсухкешданна говорит: «он и я», т. е. ему, так же как и мне. В ответе Энмеркара сохраняются те же глагольные формы, когда речь идет об Энсухкешданне, но меняются, когда он говорит о себе, — Энсухкешданна только желает, а он, Энмеркар, уже осуществил и будет и далее осуществлять эти действия.

82—86. Удивительно точное описание чередующихся фризовых изображений, хорошо известных по шумерской глиптике и изобразительному искусству. В тексте не эпитеты львов, а, возможно, названия пород. Некоторые исследователи считают, что слово «лев» чередуется со словом «зверь, животное», однако точный зрительный образ требует конкретности в описании животных.

89. Букв. «на мой *муш*».

91. Вторая половина строки разбита.

92—93. Букв. «держал (?) в своем лоне», т. е. нянчил. Выражение встречается и в других литературных текстах.

96. Букв. «к моему великому святилищу», т. е. туда, где находился брачный покой.

97. Имеется в виду или Инанна, или жрица, исполняющая ее роль в обряде священного брака.

100. Конец строки разрушен.

109. Букв. «А я — жирного гуся, воистину пусть он его съест». Последующие строки 110—113, как и в предыдущем случае, должны символизировать победу над врагом.

108—109. Эти фразы Энмеркара дают основание толковать выражение «съесть гуся» как нечто дурное для совершающего этот поступок.

148—149. Судя по этим строчкам, до Аратты можно было добраться водным путем, что контрастирует с трудным путешествием гонца, а также войска Энмеркара в тексте «Царь в те дни...» (см. ниже). Но может быть, мы имеем здесь распространенный литературный тонос? (ср. строку 45 «Когда разгневанный взгляд Энлиля...»).

150. Букв. «лоб свой бросил», т. е. склонил голову.

164—165. *Мина* — около 2,5 кг.

168—169. Перевод по контексту, точное значение фразы неясно.

170. Т. е. знаток своего дела.

178. Или, может быть, «изготовлен на священном подворье (*муш*)?»

183. Букв. «к рогам». Ср. «молоко бросилось в голову».

201—205 частично разрушены. Восстановление по смыслу.

216. Букв. «в месте чудес (удивления) страны». Что это означает — неясно.

221—227 полуразрушены, поэтому не очень понятно, когда кончается мольба пастухов и начинается действие. Также неясно, кто выходит на берег Евфрата и кто сидит, поджав ноги: это может быть и колдун («он») и колдунья («она»). Но так как несомненно, что речь идет о встрече колдунов, условно отнесу часть строчек к «нсму», часть — к «ней».

228. Слово *нун* многозначно: основные значения «князь» и «рыба». Может означать также предмет из меди. Ясно, что речь идет об амулете, может быть медном, в форме рыбы?

246. Порода животных точно не установлена: возможно, речь снова идет о разных видах львов, может быть, о каких-то других хищниках, чья мощь подчеркивает силу Сагбуру.

256. Или «дерзость, наглость».

270. Восстановление предложено Т. Якобсеном на основании вариантного текста.

ЦАРЬ В ТЕ ДНИ...

Лугальбанда во мраке гор

Перевод по изданиям: Wilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969; Hallo W. Lugalbanda Excavated. — Journal of the American Oriental Society. Special Issue. Studies in Literature from the Ancient Near East. Dedicated to Samuel Noah Kramer. Vol. 103. N 1. 1983. P. 165—180.

О Лугальбанде известны два сказания: 1) о походе царя Энмеркара и «семи братьев-героев» в далекую Аратту, болезни Лугальбанды, его чудесном исцелении с помощью великих богов и странствиях в далеких мрачных горах Хуррум (?); 2) о приключениях, которые выпали ему на долю, — встрече с волшебным орлом Анзудом, получении им от орла дара скорохода, соединении с братьями, выполнении поручения Энмеркара, отправившего Лугальбанду с посланием к богине Инанне. Оба сказания соединены не только общими героями, но и общим действием и сюжетом, однако неясно, составляли ли эти рассказы в древности единую эпопею. В этом случае можно было бы представить весьма обширную композицию, размером более девятисот строк.

Первое сказание, около пятисот строк или даже более (конец текста разрушен), полностью не опубликовано, но примерно две трети его доступны для обработки. В настоящей публикации отсутствует начало произведения, содержащее пролог гимнического характера, типичный для шумерских эпических текстов и рассказывающий о начальных днях сотворения мира.

Затем рассказ переходит к изложению событий в Уруке: Энмеркар готовится к походу на Аратту и собирает войско. Описание участников похода является также своего рода введением к рассказу о самом походе Лугальбанды и его болезни. Самый конец текста повествует о принесении жертв главным богам, появлении месяца, солнца, Инанны-Венеры и сил тьмы из мировой бездны Абзу. Лугальбанда, свидетель и участник этих событий, может рассматриваться как герой, прошедший испытательный обряд, получивший сверхъестественную силу-энергию высших стихий и наделенный неким знанием, позволившим ему искать и найти волшебного орла-помощника, что составляет уже вторую часть сказания, или второй эпос.

Характерно, что испытания, которым подвергается Лугальбанда, входят в набор проверок-испытаний членов охотничьих общин: голодание, молитвы-медитации, направленные на достижение благорасположения небесных планет: солнца, месяца и Венеры, получение от них живительной силы, питание особой пищей (трава и вода жизни — силы), совершение действий, составляющих открытие и «порядок» мира: ловля жертвенных животных, высечение огня, выпекание хлеба, принесение жертвы. Каждое действие исполняется не только как бы в первый раз, оно для Лугальбанды и есть то самое первое действие, которое приводит его к «знанию» — общению с волшебной птицей и ее птенцом, обретению помощника в ее лице и т. д.

Первый столбец цифр дает сквозную нумерацию, второй — совпадает с нумерацией издателей текста. Строки комментируются согласно нумерации второго столбца, то есть по изданию.

19. Букв. «направил к городу боевое оружие».

23. Или «Жрец верховный призыв объявил по странам».

53. Букв. «С верху (с небес?) до "великой земли" его стояние».

57. «Пес, пожирающий трупы» — распространенное сравнение в шумерской поэзии. Так, в частности, названа Инанна в одной из популярных молитв к ней.

60. «Семя государево» — судя по контексту, имеется в виду бог Энки.

62—66. В этих строках приведены конкретные названия должностей: надсмотрщик, староста и т. д. Точные функции их, применительно к данному контексту, не совсем ясны, и, возможно, их надо понимать метафорически.

67. Букв. «над 25200».

75. Перевод по контексту.

76. Букв. «морду газели».

103а. Видимо, имеется в виду подстилка из кожаных мехов, типа надувного матраца.

108—110а. «Белые» и «черные» горы вряд ли в данном контексте точные топонимы, но, скорее всего, образ.

110. Имеется в виду филигранная резьба на рукоятке и ножнах.

129. «Рассеянные (разбросанные) коровы Наины» — звезды.

163. Возможно, имеется в виду оружие типа бумеранга.

191. *Хашур* — абрикос или яблоня.

215. Этот тополь отличен от дерева *халуб* (*хулуппу*), принадлежит к очень редкой породе тополей, растущих на берегах Евфрата и обладающих твердой корой и рыхлой древесиной, которую легко выдолбить (см. текст «В предвечные дни...»).

259. Может быть, «в быстром потоке Тигра»?

281. Может быть, «раскаленные угли».

292. Или просто «дикий бык». В тексте нет чередования понятий «зубр» и «бык».

322—323. Значение знаков в первой половине строк непонятно, но, судя по глагольным формам, речь может идти об известной шумерской пословице: «Кто столь велик, чтобы объять землю, кто столь высок, чтобы достигнуть (превысить) неба?» Сон как раз способен и на то, и на другое.

332. Двери в Дворец вращались, а не открывались, так как делались на деревянных шарнирах (колках).

347. Букв. *липиш* — печень или сердце животного, приносимого в жертву.

ЛУГАЛЬБАНДА В ДАЛЕКИХ ГОРАХ БЛУЖДАЕТ...

Сказание о Лугальбанде и орле Анзуде

Перевод по изданию: *Wilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.*

Основные варианты текста происходят из Ниппура (но есть отрывки из Ура и Киша) и датируются старовавилонским временем, а также и новоассирийским (из библиотеки Ашшурбанапала).

Лугальбанда представлен в тексте не могучим эпическим героем, но скорее лукавым и сметливым юношей-молодцем из волшебной сказки, что гармонирует и с чисто сказочной ситуацией, в которую он попадает: ублажение иттенца, предложение даров и отказ от них, выбор желанного дара, исполнение желаний. Однако и эпические мотивы, равно как и система эпитетов-определений эпического характера, разработаны в произведении. Своеобразие и неповторимость этому тексту придают описания природы, а также лукавый юмор, сквозящий в интонации рассказчика, когда он описывает колебания Лугальбанды, ли-

цемерное беспокойство братьев перед отправкой его к Инанне, облик счастливого орленка, украшенного и наряженного Лугальбандой, и т. д.

5—6. Букв. «Кого бы он знал и ценил ("знакового", "мудрого") с ним нет (не находится рядом) и того, кто мог бы дарить его добрым словом ("человека доброго слова", "человека слов сердца его"), с ним нет».

7. Букв. «С самим собою в мудрости сердца он советуется».

10. Букв. «С его супругой бы да связаться, соединиться» (глагол *гу-ла* значит «быть связанным, согласованным»). Вильке дает другое значение и перевод: «Я обниму его жену» (ЭЛ, с. 91). Речь идет, видимо, о выражении каких-то братских, родственных чувств всей семье орла, но как явствует из последующего контекста, Лугальбанда подчеркивает свое подчиненное положение по отношению к семейству птицы. Эстонский фольклорист Уку Мазинг считал, что, скорее всего, здесь речь идет об обряде усыновления, таком, например, как поцелуй левой груди приемной матери. Птенец Анзуда, таким образом, становится братом Лугальбанды (из замечаний У. Мазинга в частном письме).

13 и след. Нингуэн(н)а или «Госпожа Гуэнны» — видимо, богиня пивоварения Нинкаси — «Госпожа, наполняющая рот». Начиная со строки 13 и по 21 идет гимнический отрывок, восхваляющий богиню Нинкаси, богиню пивоварения, по одним версиям дочь Энки и Нинхурсаг, по другим — Энки и Нинту. Почему она названа в этом тексте «владычицей Гуэнны, похищенной в горах богом небес Аном», неясно, может быть, здесь намек на какую-то неизвестную нам версию мифа о Нинкаси. В гимнах и застольных песнях, обращенных к ней, восхваляется ее искусство пивоварения (ср. текст «Светлоструйнорожденная...»). В данном случае Лугальбанда призывает ее себе в помощницы-покровительницы, собираясь задобрить Анзуда с помощью опьяняющего напитка. Дословный (строки 14—16) перевод: «(Когда) Ан Нишуэнну из гор умчал, хозяйку, доставляющую матери радость, Нинкаси — хозяйку, доставляющую матери радость...»

19—21. У Вильке: «Если она около пива стоит, оно роскошно, если она около пива сидит, оно приносит радость. Если держа в руке сосуд в одну *силу*, она разливает пиво, то не утомляешься при ходьбе». Наш перевод основан на толковании строк 19—20 как построенных на принципе параллелизма и конструктивно тождественных предыдущим строкам 17—18: «ее то-то есть то-то». Формы *губ-ба-ни* (строка 19) и *туш-и-ни* (строка 20) можно понимать как отглагольные существительные, тогда перевод дословно будет звучать «пиво стояния ее» — такое-то и «пиво сидения ее» — такое-то, т. е. то пиво, которое принимаешь, сидя за столом, и пиво, которое пьешь стоя, может быть одним глотком. По этому же принципу должна, по нашему мнению, строиться и строка 21, включающая дополнительное определение: «*сила*», то есть сосуд, вмещающий одну *силу* пива (около 0,75 л), которую она держит в руке, — пиво, приводящее в смятение, то есть бодрящее пиво.

22. Букв. «с чаном *бугин*» — в данном случае (судя по детерминативу-определителю перед названием сосуда) сосуд для размешивания хлебной массы при приготовлении солода.

31. В более раннем издании текста мною был дан другой перевод, поскольку фраза казалась мне непонятной, так же как и первому издателю текста.

36. Букв., кажется: «Горы, где нет кипарисов»(?). Вильке переводит: «В его близи, в той (части) гор, которые не знают дерева хашур, не ползают змеи».

38. «Малая пташка» — ср. строку 246, где братья, радующиеся возвращению Лугальбанды, сравниваются с воробьями (*буру*). Птица, о которой говорится в строке 38, пишется *буру-аз* и означает какую-то маленькую птицу. Вильке переводит условно «птица-медведь».

44. Букв. «Когда птица в часы рассвета удлинняется».

47. Букв. «когти акулы и орла». Видимо, слово «зубы» пропущено.

51. Мазинг считал, что «божье яство» (букв. «сладкая пища богов») — название определенного блюда, которое должно было показаться птенцу гораздо вкуснее, чем сырая пища, обычно приносимая Анзудом.

60. «Венец Шугур» — ср. текст о нисхождении Инанны в преисподнюю (строка 17 — *шугур*, «венец равнины») — культовый, ритуальный венец (в данном случае — из веток светлого, священного можжевельника). Что значит слово *му-ду-ли-а*, предшествующее слову *шугур*, неизвестно.

65—67. Перевод условный. Вильке строку 67 оставляет без перевода. Букв. «Живого быка схватил руками (т. е. когтями). Мертвого быка вокруг горла повесил». 10 *гуров* воды (*гур* — в это время более 250 л) влил в *ад-бе*. Что такое *ад* — трудно сказать, ибо обычное значение этого слова, явно не подходящее по контексту, «дерево, ствол». Не совсем ясно, о скольких быках идет речь — о двух или об одном, который был живым до тех пор, пока орел не вонзил в него свои когти. Может быть, 10 *гуров* воды были влиты в кожу (бурдюк) мертвого быка?

82. Мотив ужаса Ануннаков распространен в шумерской литературе: сила и могущество божества часто подчеркивается реакцией Ануннаков на его действия: так, Ануннаки дрожат от взгляда и слова бога Ана, дрожат при имени верховного божества Энлиля и его супруги Нинлиль, как мыши забиваются в щели от чарования какого-то демона.

86. Смысл сравнения неясен; ср. строку 129 текста «Царь в те дни...»: там темное, мрачное место, где братья оставляют Лугальбанду, также сравнивается с загоном для коров (звезд) бога Нанны (ср. также тексты «Как много овец...» и «Когда разгневанный взгляд Энлиля...», строка 263). Может быть, имеется в виду ужас ночной тьмы?

100. У Вильке: «Я — наглазник истины...» Весь отрывок (по строку 110) подчеркивает могущество и силу божественного орла и помогает выяснению его мифологических функций.

101—102. Букв. «Мой отец Энлиль меня принес, горы, как двери, запирают меня поставил».

106. Ср. коммент. к тексту «С Великих Небес...», строка 239. Словом, может быть, даром особого Слова, которое у шумеров магическая субстанция, включающая понятие души, наделяли богов, смертных — Судьбою.

110. Букв. «Да станешь ты героем, которого наделил силой Анзуд».

115—116. Букв., возможно: «О орел, в зеленых подножиях (гор), по соседству (с горами) рожденный».

117. Букв., может быть: «В водоемах (болотах) — местах твоих ритуальных омовений, в них ты плещешься».

122—124. Вильке переводит несколько иначе. Наш перевод основан на толковании всех трех строк как сравнения частей тела орла с какими-либо предметами или существами, построенного по принципу параллелизма. Лугальбанда начинает со спины (*мургу*), которую сравнивает с клинописными табличками, затем переходит к бокам — *ти-ти* (у Вильке — «грудная клетка», однако словарь Даймеля дает для этого слова значение «сторона, бок»; ŠL

73, 17) и кончает выражением *ша-зу* — «то, что у тебя внутри», т. е. «твое нутро» (у Вильке — «твое нагое тело»).

123. «Змсебог» — букв. «Нирах». Нирах — божество, представляемое в виде змеи. В шумерских литературных текстах и надписях нередко встречается сравнение: «Нирах, рассекающий воды Абзу» (мировые подземные воды), так же как и в изобразительном искусстве, владыка Абзу Энки изображается плывущим на лодке, имеющей вид змеи с человеческим торсом.

125. Букв. «Со вчерашнего дня (?) я принес мою жизнь под твою защиту, примкнул к тебе».

135—158. Речь идет о дарах, предлагаемых Анзудом Лугальбанде, и соответствует этот отрывок распространенному сказочному мотиву одаривания смертного за какие-то заслуги (ср. известный фольклорный мотив, в том числе и в русских народных сказках, — «он будет предлагать тебе то-то и то-то, а ты проси маленькую лшкатулочку», каталог Аарне-Томпсон, № 3136). Сложность заключается, однако, в том, что точного перевода мы здесь предложить не можем, так как текст местами плохо сохранился, местами трудно поддается толкованию. Ясно, однако, что орел предлагает Лугальбанше богатство, военную мощь, власть.

141. Букв. «Лугальбанда, любящий себя (свое), руку за этим не протягивает». Что означает выражение «любящий себя», которое в данном случае производит впечатление постоянного эпитета, неясно.

146—147. Букв. «Как рыбу, (рассеченную) топором, да (разделишь) разрежешь (их) заклинанием, как плот (балки, стволы), топором (обтесанный), связку их сделаешь».

159. В тексте говорится о какой-то определенной породе птиц. Возможно, автор сравнивает Лугальбанду не с одной, а с двумя птицами. Слово «орел» вставлено по смыслу.

164—166. Орел, прекрасно понимая состояние Лугальбанды, подбадривает его, намекая, что он на верном пути. У Вильке несколько иная трактовка. (Подробнее см.: Афанасьева В. К. проблеме толкования шумерских литературных текстов. — Сборник памяти В. Г. Лукониной. СПб., 1995. С. 114—120.)

168—169. Букв. «Послушные (?) ноги мои да станут быстрыми; не утомлюсь (отныне). Руки мои да наполнятся силой (да станут сильными)».

171. В тексте «как Инанна». Но Инанна — планета Венера, звезда восхода, и, судя по контексту, здесь имеется в виду именно эта ее роль — космического светила.

182. В вариантном тексте — «имя мое», вероятно, описка. Явно, что Лугальбанда обещает Анзуду изготовить его статую в благодарность за чудесный дар. В строках 201—202, сильно разрушенных, Анзуд, видимо, усиливает значение своего дара.

205—206. Из этих строк явствует, что Лугальбанда не летал на орле, подобно аккадскому герою Этане, но был наделен им волшебной силой, чем-то вроде сапогов-сорокоходов (может быть, разбитая 201 строка, где сохранились слова «сандалии» и «зашнуровывать» об этом и говорила?).

216. Или «Добру присуще зло». Видимо, распространенная шумерская поговорка.

217. В тексте «Я отношусь к своему гнезду, ты — к своему войску».

220. В тексте названа определенная порода птицы.

221. «Боги Лахама из бездны Абзу» — божества, демоны вод, созданные богом Энки и населяющие Мировой океан пресных подземных вод. Обычное их число (по мифу «Энки и мировой порядок») — пятьдесят.

228 и след. Эти строки понятны только при знании первого сказания о Лугальбанде. «Жира свежего ты не ел...» и т. д. — речь идет о пище, оставленной братьями Лугальбанде.

241—243. Эти строки не совсем понятны в деталях, хотя общий смысл таков, что Лугальбанда даст объяснение своему чудесному появлению, но при этом он говорит правду, а братья ему не верят, думая, что он фантазирует. Вильке переводит строку 241: «Как только земля коснулась моих бедер и я выпил воду, как из водной кишки, то рычал я там, как волк...» и т. д.

248. В тексте какая-то определенная порода птиц. При переводе использовано буквальное, описательное значение термина.

252. Букв. «Как змея вороха хлеба».

254—255. У Вильке: «У свай и рвов Аратты сели (войска) Урука и Кулаба на землю». Урук и Кулаб, видимо, воспринимались как два отдельных поселения. Позднее Кулаб стал пригородом Урука.

257—258. У Вильке: «Метательные камни, как дождь, выпадающий за целый год, громко отскакивают от стен Аратты». Разница в переводе строки 258 основывается на возможности толковать глагол *гу-нун-ди* (по вариантному тексту) как «кричать, шуметь».

265. Букв. «Драконы (чудовища) лонят (о значении глагола *таг-таг* см. SL 126, 52) одиночек», т. е. отбившихся от войска. У Вильке: «Драконы теснились там вместе».

274. Букв. «К войскам чужих стран». Обычно это были войска наемников.

277. Может быть, «к своим лучшим войскам» (как у Вильке). В тексте: *ка-кешда-иги-бар* — «отборные отряды смотрящих».

287—289а. Видимо, произносятся Энмеркаром. Строка «а» дополнена по варианту. Но возможно и толкование этой фразы с вопросительной интонацией (по предложению Д. Эдварда, см. строку 198, ЭЛ): «Ты хочешь сегодня идти в город и никто с тобой не пойдет? Ты хочешь сегодня идти в Кулаб и никто с тобой не пойдет? Тогда следи только, чтобы ты не выпустил из рук *ме* (тайные силы) Кулаба».

291. Под дворцом здесь, по-видимому, понимается палатка походного лагеря, воздвигнутая как крепостное укрепление. У Вильке: «Внутри дворца, что, как великая гора, касается земли».

294 и след. Выражение следует понимать не в прямом, но в переносном смысле. Энмеркар в этом тексте назван сыном солнечного бога Уту, который был родовым богом и правителем первой династии Урука. В парском списке сыном бога Уту назван Мескиагташер, отец Энмеркара. Инанна во всех шумерских мифологических текстах — сестра бога Уту.

295. Горы здесь имеют имя собственное (*Муш* — возможно, сокращение или описка, впереди опущено *За*). Совершенно такое же место встречается в тексте об Энмеркаре и владыке Аратты (строка 34). Может быть, следует переводить «в стране Замуш(?)» — название одной из областей, недалеко от Урука, где почиталась богиня Инанна (см. Канева И. Т. Шумерский героический эпос. — Вестник Древней Истории. 1964. № 4. Стр. 206).

303—305. В этом месте текст обнаруживает явный анахронизм, показывающий время составления (или записи) текста или копии текста: племена западно-семитских кочевников-скотоводов амореев (марту) появились в южном Двуречье не раньше конца III тыс. до н. э. Стена Урука, которая была воздвигнута, чтобы хоть как-то воспрепятствовать распространению кочевников, видимо, контаминируется со стенами Урука, построенными, по преданию, Гильга-

мешем (ср. с «О все выдавшем...»). Термин «Шумер и Аккад» («Киенги и Киури») — также значительно более позднего времени.

306. Имеется в виду подземный мир?

315—317. В тексте: *ну-гиг* — священная блудница, один из эпитетов Инанны (см. тексты «Если бы не мать моя...» и «С Великих Небес...»). Вильке не переводит глагол в 316 строке, так же как и *бар* в строке 317, которое мы по аналогии с текстом о нисхождении Инанны, переводим как «лик, облик» (букв. «внешняя сторона»). Букв. перевод: «В светлом лике своем меня покинула». Значение глагола «отвратила» берется по контексту.

326. Вильке переводит: «Для господина (ради господина) посылай (людей) в Урук». Смысл фразы, однако, при этом переводе непонятен, так как, судя по всему, она относится к Лугальбанде.

330—331. Демон *Удуг*, который назван здесь «добрым демоном», обычно фигурирует как злой демон, против которого известно много заклиний (серия «злые демоны *утукку*» в вавилонский период). Однако в отдельных случаях, как и в нашем тексте, Удуг выступает как добрый демон-хранитель, нечто вроде ангела-хранителя, но олицетворяющего жизненную силу. Лама — добрая богиня-покровительница. Каждый человек имел свою богиню-защитницу и покровительницу.

337—337а. Вильке переводит: «Прошло время с тех пор, как стало известно, что со мной на Великую Землю вы не вступите», предполагая, что это говорит Лугальбанда. Выражение «Большая (Великая) Земля» снова вызывает ассоциации с подземным царством.

342—344. Аншан — горная страна в Эламе, к востоку от Вавилонии (на юге современного Ирана). Неподалеку проходят хребты Загроса, о пересечении которых и говорится в тексте. Низиной (в тексте *ма-ду-ум* — аккадизированная форма от *матум*) может быть аллювиальная долина Сузианы, центра Элама.

350. Обращение «Амаушумгальанна» подчеркивает особенно ласковое отношение Инанны, так как Думузи называется этим именем главным образом в текстах, повествующих об их любви.

392—394. Все рыбы названы по породам. Для перевода использованы описательные названия рыб. Начиная с этого отрывка идет сказочный мотив объяснения условия победы Энмеркара: Инанне мешают выросшие тамариски и огромная рыба, которые должны быть принесены Инанне в жертву.

406. Точный перевод фразы дать трудно. Возможно, Энмеркар должен преподнести Инанне перед битвой рыбу на оружии.

407. Букв. «Будут его войска победоносны».

408. Букв. «Жизнь Аратты поглотит Энгура» — синоним Аблу мировой бездны.

409—410. В этих строках ясно видна цель похода на Аратту урукитов, жителей страны, бедной полезными ископаемыми.

411. У Вильке: «Если он, после того, как он ее (т. е. Аратту) обновит...».

412. У Вильке: «Он со всеми формами литья из Аратты удалится...». Однако наш перевод возможен на основании значения глагольной формы *шу-ни-син* — «охватывать, схватывать».

415—416. Букв. «оловянный камень»; видимо, подчеркивается не только прочность, но и ценность глины, добытой в «горах кипарисовых» (конкретное место, противопоставленное «горам безлесым» *ха-шу-ур-ну-зу-кур-ра*). Несомненно, определенную роль играет и звуковое словосочетание: *им-ан-на* (олово) звучит как «глина небес».

ПОСЛЫ АГИ...

Гильгамеш и Ага

Перевод по изданию: *Kramer S. N. Gilgames and Agga. — American Journal of Archaeology. 53. N 1. 1949. P. 1—19.*

Историчность Гильгамеша, героя пяти известных нам эпико-мифологических сказаний, косвенно подтверждается рядом письменных и археологических свидетельств (в частности, находкой обломка алебастровой вазы с именем правителя (эна) Киша Мебарагеси, отца Аги, соперника Гильгамеша в нашем тексте). Но только в предании о Гильгамеше и Аге Гильгамеш выступает и действует как историческое лицо. Во всех остальных шумерских сказаниях о Гильгамеше герой носит имя исторического лица, но действует как персонаж эпоса или мифологизированной волшебной сказки.

Текст сказания, видимо, отражает важнейшие политические события истории Двуречья раннединастического периода: победу Гильгамеша, правителя древнейшего шумерского политического и культурного центра — Урука, над Агой, вождем политического объединения северных областей нижнего Двуречья, возглавляемых городом Кишем. Возможно, это произведение явилось (во всяком случае, в какой-то первоначальной форме) непосредственным откликом на реальное событие и представляет собою победную песнь, сложенную в честь Гильгамеша в ознаменование победы и освобождения Урука от власти города Киша. В таком случае ее можно датировать примерно XXVI в. до н. э. Жанр этого сказания условно можно определить как историко-героический или даже дружинно-героический, и этот текст, пожалуй, более всего соответствует шумерской рубрике-подписи *лами* — «хвалебная песнь».

Короткая и хорошо сохранившаяся композиция составлена из речей-диалогов, перемежаемых краткими ремарками, рассказывающими о действиях или их комментирующими, что наводит на мысль об исполнении произведения партиями хоров и, возможно, группой солистов. Повторы одних и тех же смысловых и ритмических частей песни-поэмы не занимают, однако, столь большого места, как в других литературных памятниках.

Наиболее интересные для исторических излудий сведения содержатся во введении: активная роль совета старейшин и народного собрания, данные о функциях правителя, совмещающего должности верховного жреца и предводителя войска (видимо, в случае военной ситуации). Именно выборы вождя заключают вводную часть, и слова, обращенные воинами к Гильгамешу: «Ты — военный вождь, предводитель (герой)», возможно, были формулой, освящающей выбор. Как видно из текста, в обязанности эна наряду со жреческими функциями входило руководство постройкой каналов и колодцев, а также и другими общественными работами.

Толкование заключительной части текста спорно, существует целый ряд интерпретаций окончания.

16. Или «Тот, кто сражается во славу Инанны».

28. Букв. «Кто это дыхание имеет?» (подразумеваются все способные носить оружие, ср. песнь Деворы, Книга Судей, 5:10).

30—39. Гимнический отрывок, восхваляющий Урук и его главный храм Эану и завершающийся выбором военного вождя.

32. Перевод спорен, букв. «Великие боги его (храма), тайные божественные Сути (ме) его создали». Другие интерпретации: «Великие боги создали его (храма) части».

34. Букв. «...что установлено Аном», то есть Небом.

36. Букв. не «воитель», но «разбивающий, дробящий головы», «главодробитель».

43—44. Букв. «Ныне шу-кара (общее обозначение сельскохозяйственных орудий) воистину пусть "силу (руку) битвы" заменит, оружие битвы (?) на бок твой да вернется».

53. Букв. «змееглазые», т. е. с быстрыми, зоркими глазами.

55. Букв. «человек головы», «главный человек».

76—77. Видимо, речь идет о том впечатлении, которое должен произвести выход Гильгамеша и на собственное, и на вражеское войско.

80. Речь, по-видимому, идет о потоплении вражеских кораблей.

101. Вариантный текст дает возможность перевести: «Гильгамеш Агу схватил (полонил)».

105—106. Даны в переводе по вариантному «тексту Б», который отличается от основного порядком строк (106, 105, если сравнивать с основным), а также глагольной формой. Последняя дает возможность перевести глагол вторым лицом вместо третьего (так в основном варианте), что придает отрывку, содержащему речь Гильгамеша, большее стилистическое и смысловое единство.

107—115. Заклочительные строки, по-видимому, произносит хор воинов Гильгамеша и снова восхваляет Урук, защищенный вождем, а затем и самого вождя-победителя.

ЖРЕЦ К «ГОРЕ БЕССМЕРТНОГО»...

Гильгамеш и Хуава

Перевод по изданиям: *Kramer S. N. Gilgamesh and the Land of Living. — Journal of Cuneiform Studies. 1 (1947). P. 3—46; Van Dijk J. Le dénouement de «Gilgamesh au Bois de Cèdres» selon LB2116. — Garelli P. Gilgamesh et sa légende. Paris. 1960. P. 69—81.*

Текст, издававшийся с 1947 г., в настоящем переводе соединяет две основные версии, дополненные вариантными отрывками. В отдельных случаях учтены варианты последней публикации текста: *Edzard D. O. Gilgamesh und Huwawa. München, 1993* (издание версии «В»). Общее число реальных строк этой составной версии 233; Лейденская версия (ЛВ) обозначена цифрами в скобках.

Сказание о походе верховного жреца Урука Гильгамеша за кедами и убийстве им вместе с дружиною стража кедрового леса Хуавы по духу и настроению близко примыкает к вавилонскому эпосу о Гильгамеше. Обычно считается, что именно этот шумерский текст был главным источником аккадского произведения, тем ядром, вокруг которого сгруппировались эпосы. Действительно, мсчтания Гильгамеша о славном имени, размышления о жизни и смерти очень близки аналогичным эпизодам в аккадском тексте. В то же время сама композиция рассказа, отдельные мотивы, такие как поход молодых неженатых людей, магический сон вождя, описание убийства Хуавы, позволяют обнаружить в памятнике следы весьма архаических моментов и сближают произведение с мифологизированной волшебной сказкой.

1. Букв. «Гора человека живого (жизни)» или: «Страна человека жизни». Хуава, как показывают события, не бессмертен, тем не менее именно таковым

он представляется Гильгамешу, задумавшемуся о жизни и славе. Жизнь Хуавы зависит от его семи лучей — аур, а также от жизни вечнозеленых деревьев, чьим духом он является. Погубить его можно, лишь срубив вечнозеленые (бессмертные) кедры, что и делает Гильгамеш, стремясь добыть себе вечное имя и славу.

4. О гаданье на кирпиче известно из других шумерских текстов, в частности правителя Гудеи из Лагаша.

13—15. Крамер переводит: «В руке его был светлый посох (?)». Наш перевод основан на явной близости описания в тексте изображениям на каменных печатях, когда молящийся обращается к божеству, поднимая руку к губам и держа у груди жертвенного козленка.

36—44. Видно, что эти дары Уту — с одной стороны, существа одушевленные, возможно какие-то чудовища, с другой стороны — некие фетиши, которые надо куда-то принести и где-то установить. Возможно, речь идет об амулетах-помощниках, магических оберегах. Кроме того, это могут быть и созвездия и, соответственно, их воспроизведения-символы (ср. строки 44а—з, а также 27—28 «Сестра любимая Думузи...»).

43. Эдцард дает вариант: «Седьмой сверкает, как молния...» (цит. соч., с. 37).

55. В тексте — два медных орудия, точное значение одного из них не установлено.

57. У Эдцарда — «иву, абрикос (?), самшит...».

59—62. Похоже, что первая гора была преодолена с помощью первого дара Уту. Тогда вероятно, что подобным способом дружина одолела и остальные шесть.

64. «Срубающий кедры» — постоянный эпитет?

70—80 и след. Эдцард дает несколько иное восстановление полуразбитых строк: всю речь произносит Энкиду, также впавший в сон, но проснувшийся раньше Гильгамеша (Эдцард, цит. соч., с. 38—39).

84. Букв. «В светлом (чистом) разуме своем он обернулся». У Эдцарда эта и последующая строка относятся к действиям Энкиду.

86. Букв. «Одеянье в тридцать *сиклей* на грудь свою (набросил)», т. е. надел легкую одежду (тридцать *сиклей* — двести пятьдесят граммов). У Эдцарда иначе.

87. Или «Бык подземного мира», т. е. Гугальанна, супруг Эрешкигаль.

93. Первое упоминание о страже кедрового леса Хуаве. Возможно, видение, о котором говорится в тексте, было божественным приказом убить Хуаву (ср. аккадский эпос).

97. Слова Энкиду, сближающие шумерский текст с аккадским эпосом, заставляют думать, что мог существовать пока нам неизвестный и шумерский рассказ о диком человеке Энкиду, бродящем в горах.

102. Букв. «От его лба, пожирающего (сжигающего) деревья и тростники, никто не может спастись».

106—109. Начинается ответ Гильгамеша. Явная близость Екклесиасту (4: 9—12).

111—114. Явно упоминается потоп, когда все было погублено, но в ковчеге жизнь все же сохранилась (имя ковчега в одном из шумерских текстов — «сохраняющая (дающая) жизнь ладья»).

126—127. Восстановление условное. Последующие строки 128—135 Эдцард реконструирует как речь Хуавы, обращенную к Гильгамешу. Нумерация

строк не совпадает с нашей и конец речи Хуавы у него звучит: «Не бойся! Протяни руки к земле» (135), что Гильгамеш и делает (136).

135a. Видимо, эти слова произносит хор сограждан Гильгамеша.

136. Гильгамеш начинает заклинать Хуаву, предлагая ему дары (см. ниже). «Ради потомства» — вставлено условно.

137. Строка малопонятна. Видимо, смысл ее в том, что Гильгамеш хочет овладеть силой семи лучей Хуавы, что и происходит в дальнейшем. Но это — вариант основной, «сокращенной» версии (см. ниже).

138 (ЛВ. 52). Начинается дополнение текста Лейденской версии и двойная нумерация строк. Лейденская версия дает подробное описание борьбы с Хуавой, который бросает поочередно на врагов свои лучи — ауры. Но есть еще один отрывок, хранящийся в Филадельфии и проливающий новый свет на описание этой борьбы (см. *Jong Ellis M. de. Gilgamesh' Approach to Huwawa: A New Text. — Archiv für Orientforschung. Bd. XXVIII. 1981—1982. P. 123—131*). Судя по этому тексту, Гильгамеш побеждает Хуаву не только и не столько силой, но в основном хитростью и магическими заклинаниями. Прежде чем подступить к нему, он произносит клятву и обещание что-то подарить Хуаве, а взамен просит дать ему его лучи сияния с тем, чтобы он мог войти в его владения. Из-за фрагментарности отрывка не все дары, которые предлагает Хуаве Гильгамеш, известны, но среди них: младшая сестра Гильгамеша, обещанная Хуаве в качестве жрицы-наложницы, тончайшая мука и свежая холодная вода (обычное жертвоприношение богам, ср. другие тексты), большие и малые сандалии, драгоценные камни. Непонятно, почему так доверчив Хуава, но по этой версии получается, что он сам, добровольно отдаст свои лучи сияния и постепенно теряет свою силу. Его «плоть», видимо, и составляют эти семь лучей-оболочек, и Гильгамеш произносит свои заклинания семь раз. И после того, как Хуава скидывает поочередно свои лучи-оболочки, Гильгамеш и его отряд все ближе и ближе подступают к нему, каждый раз срубая ветви дерева и все более и более ослабляя Хуаву. О том, что Хуава может быть лишена жизни, при этих переговорах нет и речи, и тем коварнее выглядит последующее убийство Хуавы. В нашем переводе мы вставили речь-заклинание Гильгамеша только один раз, начиная с третьего его восклицания, поскольку фрагментированный отрывок начинается именно с этих строк (см. 4—10). В сокращенной основной версии нет семикратного перечисления действий сограждан Гильгамеша, поэтому основная нумерация прервана до строки 142.

143 (71). Перевод основан на изобразительном материале.

144 (72). У Эдгарда «он сделал так, как будто хотел его поцеловать, но вместо этого ударил его по щеке», что, возможно, точнее.

157—162. Речь Энкиду в данном переводе составлена из комбинации трех версий.

164 (95). Букв. «Человек-наемник, который нанимается за пропитание».

169 (99). В ЛВ герои приходят к одному Энлилю.

(115). Вероятно, имеется в виду камень, которым закидывали прелюбодеек. В других интерпретациях: «варварству».

(116). У Эдгарда — «дворцу».

(117). Чтение имени богини Нунгаль в этой строке недостоверно. У Эдгарда — «лесам» (взято из другого варианта).

(119) и далее. Восстановлены по смыслу. В 119 возможно имя не Энлиля, но какого-либо другого божества.

В ПРЕДВЕЧНЫЕ ДНИ, В БЕСКОНЕЧНЫЕ ДНИ...

Гильгамеш, Энкиду и подземный мир

Перевод по изданию: *Shaffer A. Gilgamesh, Enkidu and the Nether World. Sumerian Sources of Tablet XII of the Epic of Gilgamesh. Dissertation. — Oriental Studies. University of Pennsylvania. 1963. Ann Arbor Microfilms: 63—7085.*

Известный ассириологам во фрагментах и многократно издававшийся частями текст рассказа о дереве хулуппу и о спуске слуги Гильгамеша Энкиду в подземный мир за провалившимися туда барабаном и барабанными палочками только после 1963 г. получил свое полное оформление благодаря трудам Якобсона, Крамера, Гэдда, Шэффера и ряда других специалистов, упорно работавших над памятником. В своем полном виде текст являет собой уникальный образец шумерской космогонической поэмы, где представления о трех мирах — небе, земле и подземном мире — связаны и объединены в нечто цельное и целое.

До сих пор такого памятника у шумерийцев не было известно, и предполагалось, что взгляды на сотворение мира, земные и небесные порядки излагались только в коротеньких прологах-заставках, предшествующих эпическим произведениям. Эта поэма также начинается большим прологом о мироздании и распределении мировых владений между богами; пролог искусно переходит в рассказ о дереве хулуппу, чуть было не погибшем из-за бурного проплыва бога Энки в подземный мир (а скорее, мимо подземного мира в свои владения — глубины Мирового океана). История с деревом — это уже история земных событий, где дерево осуществляет связи неба и земли и где наравне с богами действуют люди. Героический подвиг во имя бога — завидный удел героя, и Гильгамеш, откликнувшийся на призыв Инанны вместо ее брата, солнечного бога, получает достойное вознаграждение — чудесный барабан и палочки, сделанные из дерева хулуппу (к какой породе относится это дерево, неизвестно, но чаще всего его переводят как «ива», иногда — «тополь»).

Связь земли с подземным миром также осуществляется при помощи дерева — по проклятию женского населения Урука волшебные предметы проваливаются в подземный мир, и слуга Гильгамеша за ними спускается.

Очень важной представляется третья часть, где развивается тема, связанная с обычаями подземного мира, отражающая шумерские представления о смерти и, вероятно, содержащая сведения также и о погребальных обрядах. Она распадается в свою очередь как бы на две части — наказания Гильгамеша Энкиду и разговор Энкиду со своим господином. Все запреты Гильгамеша основаны на том, что Энкиду не должен уподобиться мертвому, иначе он не сможет вернуться. Энкиду, нарушивший запреты, действительно не может вернуться — его хватает не Намтар — судьба, не Азаг — болезнь, его хватает сам подземный мир, как свою добычу. Он поднимается при помощи Энки на поверхность уже в виде духа и должен будет спуститься обратно. Вопросы Гильгамеша, насколько можно судить по сохранившимся вариантам версий, касаются главным образом трех тем — судьба людей, имеющих потомство и не имеющих его, участь людей, погибших насильственной смертью, главным образом от несчастных случаев — тема фатума, рока, и, наконец, личная тема, ибо Гильгамеш в конце переходит постепенно в своих вопросах к более конкретным ситуациям и случаям, спрашивая о своих родителях и о жителях своей страны. В этой части звучат нравственные мотивы — наказания за нарушения моральных устоев («тех, кто не чтит отца и мать, видел?» «того, кто солгал, видел?»). Не-

обыкновенно важными кажутся нам представления об отсутствии духа у сожженного человека и о детях (нерожденных или умерших?), играющих за золотым и серебряным столами.

4—5. Шэффер переводит: «Когда все необходимое было должным образом произведено...», «Когда все необходимое было должным образом обеспечено», однако глагол строки 5 *mi-du*₁₁ означает «говорить ласково, нежно» (досл. «как женщина»); скорее всего, в соответствии с шумеро-вавилонской космогонической концепцией имеется в виду название именем всего, что должно быть создано, — обязательный акт, предшествующий сотворению любой сущности.

13. Возможна трактовка «подарили Куру», как персонифицированному существу. Однако в целом грамматическая интерпретация фразы затруднительна.

17—26. Здесь повествование прерывается описанием плавания Энки по водам — мотив, типичный для текстов, посвященных Энки, и часто изображаемый в глиптике. Данное описание — самое выразительное по точности и экспрессии образов. «Камни руки» и «камни, что заставляют плясать тростники» — маленькие и большие волны, буруны и бурунчики, которые бурлят под килем лодки. Первые подобны кругам на воде, когда бросаешь камушек, вторые — волны, от которых начинают качаться тростники (возможно, тоже образующиеся от бросания камней, но уже крупных). Так же точно и выразительно рассказано и показано, как быстро несется лодка, рассекая воду носом и оставляя пену за кормой.

27—31. Описывается, что случилось с деревом *хулуппу*, когда Энки пронесся по Евфрату.

32—33. «Жена», как это явствует из дальнейшего, — богиня Инанна. «Покорная словам» — может быть, Инанна забирает дерево по приказу Ана и Энлиля? Мотив покорности Инанны словам и приказам Энлиля известен — ср. текст «Когда разгневанный взгляд Энлиля...».

36—37. Букв. «Жена дерево рукой не делала, ногой делала, рукой не поливала, ногой сажала (?)». Возможно, речь идет о каком-то особенном ритуальном действии, но, может быть, здесь кроется идиома, означающая усиленную заботу Инанны.

41. Может быть, «его кора не имеет трещин»?

43. Или «птенцов».

52. Здесь начинается рассказ Инанны о том, что произошло, и, как полагается женщине, она говорит на языке *зме-саль* («женском языке»), что отражено в нашем переводе. «Женский (или "тонкий") язык» предполагает другое, возможно более мягкое, «нежное», произношение для ряда имен собственных и отдельных слов. На языке *зме-саль*, или с употреблением эмесальных форм написаны и другие приведенные в нашем сборнике тексты, но я посчитала достаточным показать различие произношения только на одном примере.

55. Т. е. Энлиль.

56. Т. е. Эрешкигаль.

59. Т. е. Энки.

60. Для слова «господин (владыка)» в *зме-саль* также есть другое произношение (ср. «Он покинул свое стойло...», строка 244 и «Когда разгневанный взгляд Энлиля...», строка 105).

75. Здесь возможна игра слов, ибо Инанна называет себя *нунуз* («яйцо», что в сочетании с определителем, знаком камня, означает «жемчужина») — оно созвучно с *мунус* («женщина, жена»).

78. Т. с. Инанна.

89. Судя по употреблению имени богини в обычной форме, а не в эмессе, а также третьему лицу глагольной и местоименной форм, прямая речь кончилась.

122. Гашананна — вариант написания Гашанны.

133. Ср. со строкой 89, где написание имени заставляет думать (если это не описка писца), что прямая речь Инанны не включает эту фразу, в отличие от строки 133.

136. В тексте — 50 мин, около 25 кг.

137. Букв. «50 мин сделал, как 30 сиклей».

139. В тексте: «7 гу и 7 мана (мин)», т. е. 350 кг + 3,5 кг.

143. *3-ри-а-3-ри-а нар-бу* (ак.) — «разбитый, разрушенный». В тексте — послелог «ше», имеющий значение творительного падежа и часто переводящийся деепричастием или наречной формой (букв. «разбито, разрушено»). Смысл выражения — «в разорении она убегает», бежит разоренная, в разбитом состоянии.

149—150. В тексте прямо не сказано, что барабан волшебный, это явствует из дальнейших событий. *Пукку* и *Микку* — возможно, имена собственные барабана и палочек.

153—157. Из этого описания видно волшебное действие барабана — юноши поют и пляшут и не могут остановиться.

161—164. Очевидно, имело значение то обстоятельство, что место барабана было помечено, и проклятья произносились именно на этом месте.

164. Очень важно, что барабан и палочки провалились не в подземный мир, а легли где-то у его входа, вероятно, даже были видны, поэтому можно было попробовать достать их и отправить за ними Энкиду (см. также строку 167). Первая половина строки 164а разрушена, восстановление по смыслу.

173. Начиная с этой строки, текст дублируется аккадской версией (XII табл.).

178. Или «Господин мой, как горько он плачет!»

184. Букв. «Слово да скажу тебе, к слову моему — твои уши». Уши и разум пишутся одним знаком, и уши у шумеров —местилище разума.

186. Букв. «Чтобы они тебя не приняли (вывели) за знак (примету) *гура*». *Gurs* — «странник, блуждающий дух мертвого» (ср. текст «Странник мой близится...»).

189. Или «Метательной палки».

194. Можно понять эту строку и иначе: «Не говори слов в подземном мире», однако строка 216, равно как и аккадский текст, делает предпочтительным принятый перевод.

200 и след. Мать бога Ниназу — Эршкигаль, царица подземного мира. Судя по аналогичному отрывку из текста «С Великих Небес», она лежит в муках родов.

202. В аккадской версии — «плечи» (ср. строку 2216).

204. Строка полуразбита, восстановление по аналогии с текстом «С Великих Небес...».

206. Букв. «Энкиду на слова своего господина руки не тянет». Совершенно ясно, что Гильгамеш боится, что в подземном мире Энкиду примут за мертвого и там оставят, поэтому он советует ему постараться проскользнуть незамеченным. Энкиду же, как мы увидим ниже, ведет себя как мертвец (одевается в чистую одежду, общается с умершими и т. д.), возможно, надеясь, что если его примут за своего, он будет в большей безопасности.

209. Т. е. маслом из жертвенного сосуда, которым умащают мертвых (ср. текст «Странник мой близится...»).

216. Т. е. оставляет следы.

221а—ж. Этих строк в шумерском тексте нет, они добавлены по аккадскому варианту, соответствуют строкам 47—53.

221д. Т. е. его схватил подземный мир.

230—231. В аккадской версии эпизоду с Энки предшествует эпизод с еще одним божеством (имя разрушено), возможно богом луны Сином (ср. «С Великих небес...»).

243. В аккадском тексте более определено: «Дух Энкиду подобно духу мертвых (*закику*) из мира подземного поднялся».

244. Букв. «Шею (горло) с шеею сплели (кинули)».

247. Или «Ныне (вот) скажу тебе...» Но аккадский вариант дает формулу отрицания.

251—252. Строка 251 и часть строки 252 разрушены. В 251 сохранился только глагол: «говорил». Восстановление 252 по аккадской версии. В шумерском тексте не «черви», но «паразиты», «мелкие насекомые».

254. Ср. полностью совпадающую по грамматическому обороту строку 7 в эпосе о Саргоне, где, возможно, также не «жрец верховный», но просто «он» (*ен-е*).

270. Точное значение отглагольного прилагательного (*саг*)-*гиш-кид-ра* неизвестно, перевод по буквальному значению корней.

274. Во 2-й половине строки возможен перевод: «Мужчине не даст она радости».

276, 278. Смысл строк не очень понятен; может быть, что-то близкое поговорке: «утопающий хватается за соломинку»?

279—287. В первых пяти строках сохранились остатки фраз: «Да, видел». — «Каково ему там?» Но о ком идет речь, неизвестно.

290. В тексте не «слепши», но «мелкие паразиты» (*ук*). В аккадской версии этой строки нет.

292. Аккадская версия дает более полный вариант: «Отец и мать его несут (держат) его голову, и супруга его над ним плачет». В шумерском варианте неясно, чью голову обхватил отец — погибшего сына или свою собственную, от горя.

295—297. По нашему мнению, строка 296 произносится Гильгамешем, а о судьбе этого человека в подземном мире сообщает строка 297, в других переводах эту строку относят к ответу Энкиду.

298. Букв. «Умершего человека, кто в голове (начале) умер». Возможно толкование «человека совершенного (?)», ибо глагол *тил* имеет также значение «быть полным, законченным», но в аккадской версии нет этого оттенка.

300. Возможен перевод «моих зародышей...», ибо *нигин*, (*У.УД.КИД*) имеет оба значения, но смысл и концепция разительно изменятся.

303. Непонятно, кому в данном случае посвящено произведение, ибо формула *зà-ми* — «хвала» не имеет адресата.

Нумерация аккадской версии (150—151) и фрагмента И 16878 дана дополнительно под буквой А + порядковый номер. Цифры в скобках указывают номера строк лицевой и оборотной сторон фрагмента, соответственно изданию Шэффера.

A5—6. Судя по строке A6, мог соответствовать несохранившейся строке 289 и 290.

A7—8. Соответствие 287—288 (?).

A11. Перевод условный, какая именно вода, неясно: *им-ди* — глина (?), но также и личное местоимение, тогда: *а-ИМ.-ДИ* — «вода самого себя (моча?)»; *а-гиш-рен-на* — «вода растения "чернильный орешек"» (?); может быть, «горькая вода»?

A14—15. Первая часть соответствует 298, но начало строки как будто отличается, рисуя иное положение умершего в подземном мире.

A16—17. Соответствие 293—294.

A18—19. Соответствие 300—301.

A20—21. Соответствие 302—303, но с вариантом: *ки* — «земля», здесь и дальше, видимо, в значении *кур* — «подземный мир» (ср. аккадскую версию).

A22—29 плохо сохранились, и многие места совсем непонятны, однако можно определить перемену направления разговора — от общих ситуаций Гильгамеш переходит к конкретным лицам, народам и к своим родственникам. Глагол в A25 (9) досочинен.

Раздел V. ХРАМЫ ШУМЕРА. ВЛАДЫКИ ШУМЕРА

ЭНЛИЛЬ, ВСЕХ СТРАН ГОСПОДИН...

Надпись Энметены

Перевод по изданиям: *Steible H. Die altsumerischen Bau- und Weihenschriften. Teil I. Inschriften aus Lagas. Wiesbaden, 1982; Sarzec E. de. Découvertes en Chaldée. Paris, 1884—1912.*

Так называемый «Конус Энметены» (дошедший до нас и в копиях на глиняных цилиндрах) — надпись на глиняном конусе, один из текстов, дающий представление о шумерской историографии и позволяющий судить о развитии исторического мышления шумерийцев. Надпись дает материал для восстановления истории Двуречья в первой половине III тыс. до н. э. Повествование, изложенное историком-писцом города-государства Лагаш, посвящено довольно длительному конфликту между Лагашем и Уммой. Суть его сводится к следующему:

I. Месилим (царь города Киша, гегемона северной части Двуречья в нач. III тыс. до н. э.), «царь Вселенной», определяет границу между Лагашем и Уммой (видимо, конфликт уже старый), для чего обращается к оракулу Иштарана, бога, ведающего разрешением споров. Дабы предотвратить дальнейшую усобицу, он воздвигает памятную стелу.

II. Правитель Уммы, Уш, нарушает соглашение, повергает стелу и вторгается на спорную территорию — Гуэдону, возможно особенно плодородный участок, «любимое поле» бога Нингирсу, покровителя Лагаша. По-видимому, речь идет о периоде, непосредственно предшествующем времени основания династии Ур-Нанше Лагашского.

III. Эанатум, внук Ур-Нанше, нападает на Умму, побеждает ее и заключает новое соглашение. Он воздвигает ряд памятных стел, прорывает новый пограничный канал, устанавливает нейтральную пограничную территорию и, видимо, прирезает кусок земли уммийцам для обработки, за что те обязаны отдавать

часть дохода в качестве подати. По словам летописца, это необычайно выгодное для уммийцев соглашение.

IV. Судя по дальнейшим событиям, уммийцы придерживались другого мнения, и правитель Ур-Лумма снова идет на конфликт с Лагашем. Лагашское войско вступает в сражение с уммийцами и побеждает их. В тексте сказано, что сражение начинает Энанатум, отец Энметены, а затем рассказывается о победе последнего. Возможно, правитель Энанатум был уже в преклонных летах, и осуществлял военные действия его сын. Ур-Лумма бежал, преследуемый лагашитами и, возможно, даже был убит Энметеной.

V. Иль, верховный жрец и правитель Забалама, становится правителем Уммы (может быть, он ставленник Энметены, во всяком случае его данник). Он снова нарушает границу, отводит воду из пограничного канала и не выплачивает зерновую подать в том размере, как это было установлено, претендуя на всю спорную территорию.

VI. Тем не менее конфликт снова разрешен, ибо «боги не дозволили» свершиться притязаниям Иля. В конце текста описываются восстановительные действия Энметены — все возвращается на прежние места. Надпись по традиции заканчивается предостережением и проклятиями будущим нарушителям перемирия.

Кроме исторического материала надпись дает представление о стилистике votивных (посвячительных) и повествовательных текстов — монументальной и выразительной, а также об их связи с памятниками художественными.

Нумерация текстов дана по глиняному цилиндру (Эн. 29). В переводе воспроизведено графическое расположение строк, подчеркивающее ритмику произведения, что способствует лучшему восприятию памятника.

II, 4. Букв. «предок».

II, 16. Около 12 500 м в длину.

II, 28. В тексте: «Имдуба» — имя собственное (?) — букв. «Насыпь глины». Глиняный обелиск или специфической формы маленькое святилище?

II, 31—III, 1. *Bará* — алтарь или постаменты?

III, 3—10. Из этого отрывка видно, на каких условиях уммийцы должны были обрабатывать поле, «которое в сторону Уммы он отрезал».

III, 5. *Гур* — мера емкости жидких и сыпучих тел. Размеры его в разные периоды колебались от 252 до примерно 300 л.

III, 15—19. Умма расположена по течению выше Лагаша, в этом и состоит суть конфликта и постоянная зависимость лагашитов от уммийцев. Отсюда и стремление урегулировать конфликт мирным путем.

IV, 9. В других переводах — «он (то есть Энметена) гнал его (Ур-Лумму) и его войско вплоть до самой Уммы». Глагол *gaz*, однако, означает «закалывать, убивать топором».

VI, 28. Букв. «сверху». (ср. примеч. к строкам III, 15—19).

КОГДА ВО ВСЕЛЕННОЙ РЕШАЛИ СУДЬБЫ...

*Отрывки из строительной надписи правителя Гудеи
(цилиндр «А»)*

Перевод по изданиям: *Thureau-Dangin F. Les Cylindres de Goudea, Cyl. A. Paris, 1925; Falkenstein A., Von Soden W. Sumerische und Akkadische Hymnen und Gebete. Zürich; Stuttgart, 1953.*

Гудеа, чье имя означает «молящийся» (?), букв. «зовущий, кричащий», — один из наиболее значительных правителей города-государства Лагаш. В историю Двуречья он вошел как храмостроитель: раскопки в Лагаше обнаружили большое количество портретных статуй правителя, исписанных пространными строителями надписями, где подробно рассказывалось о бурной деятельности правителя по обновлению старых храмов округа Лагаша, возведению новых, о торговых экспедициях по вывозу драгоценных пород дерева и других строительных материалов, об устройстве и протекании празднеств, ритуальных действий, связанных с построением «домов божьих». Кроме пространных надписей на статуях дошли до нас и другие строительные и посвятельные надписи правителя — на глиняных гвоздях, табличках, а также на двух больших глиняных цилиндрах — цилиндры «А» и «Б». Цилиндр «А» сообщает о восстановлении, практически построении заново Энинну — «храма пятидесяти», главного храма бога-покровителя Лагаша, Нингирсу. Зять своего предшественника Ур-бау (первая жена Гудеи была его дочерью), Гудеа принадлежал к верховной жреческой аристократии, будучи отпрыском «священного брака». Своей божественной матерью он почитал, как о том неоднократно указывается в его надписях, богиню Гатумдуг.

Стилистика и композиция текста сближает его с памятниками художественной литературы гораздо в большей степени, чем, например, с исторической надписью на конусе Энметены.

I, 5 и след. Смысл отрывка в том, что Энлиль, чье сердце, подобно полным бурным водам, принимает великое решение. Слово «паводок», «половодье» пишется тем же знаком, что и «сердце».

I, 22. Как явствует из дальнейшего рассказа, Гудеа, поняв общий смысл сна, не видит его деталей и подробностей, именно их уточняет ему в последующем толковании сна богиня-пророчица.

II, 4. *Магур* — букв. «груженная ладья», часто встречается в шумерских текстах (ср. «Лугальбанда в далеких горах блуждает...», заклинание для роженицы и др.). По-видимому, речь идет о судне специфической конструкции.

II, 6 и след. Или «новая протока» (канал). Тогда надо перевести: «Храм Багара, от которого новый канал берет свое начало». Подробнее о местоположениях храмов и путешествии Гудеи см.: *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

II, 24 и след. Гудеа строго соблюдал субординацию. Поняв, что он должен обратиться за объяснением сна к Нанше, он идет сперва к верховному богу Нингирсу, затем к Гатумдуг и только после разрешения последней отправляется к храму Нанше.

V, 1. Букв. «И советуетсЯ с нею».

V, 8—9. В тексте названа, по-видимому, порода птиц или, может быть, говорится об особых священных птицах. Общий смысл отрывка понятен, но ни конкретный обряд, возможно скрывающийся за описанием, ни значение реальных неизвестны.

VI, 13. *Мурнису* — «жеребец отборный». Аккадское заимствование.

VI, 16. В тексте просто «дерево» или «деревья». Об их ценности можно судить по строкам VII, 14—19 (см. ниже). Видимо, в сокровищнице хранились стволы ценных пород деревьев.

VI, 20—21. Параллель к тексту «Лугальбанда в далеких горах блуждает...», строка 143 и далее. Точное значение терминов неясно.

VI, 22. *Шу-рин* — значок-эмблема, своего рода штандарт.

VII, 1—2. Из этой строки явствует, что речь идет о постройке нового храма на месте уже построенного. «Сиянье Анзуда» или «Светел Анзуд» — имя-эпитет храма. Ср. текст посвяtitельной надписи на глиняном гвозде эрмитажного собрания (инв. N 7383): «Нингирсу, герою могучему Энлиля, господину своему, Гудеа, правитель Лагаша, нечто достойное светло возвел; Эннину — сияние Анзуда — ему построил, на место его вернул (т. е. восстановил)».

VIII, 1. Букв. *эш* — маленькое святилище? Возможно, что речь идет об одном из строений храмового комплекса или же здании временного характера, воздвигнутого на тот период, пока строится большой храм.

XXX, 2—4. Букв. «Нингишзида построил *кигаль*» — часть храмового здания — основание, первый этаж (?). Нингишзида, личный бог Гудеи, как явствует из этой надписи, получает *кигаль* как божество подземного мира.

XXX, 6—16. Обычно конец текста переводят как хвалу богу Нингирсу, а не храму, однако развернутая система параллелизмов дает возможность для подобной интерпретации.

КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ, КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ...

Гимн храму города Кеша

Перевод по изданию: Gragg Gene B. The Keš Temple Hymn. — Sjöberg A., Bergmann E. The Collection of the Sumerian Temple Hymns. New York, 1969.

Гимн святилищу города Кеша, или большому храмовому округу под названием «Кеш», — один из наиболее полных и хорошо сохранившихся литературных памятников начала II тыс. до н. э. (старовавилонский период), представленный 36 экземплярами, 24 из которых происходят из Ниппура. Раскопки в местечке Абу-Салабих 70-х годов принесли новые фрагменты этого гимна, датированного так называемым «периодом Фары», или вторым раннединастическим периодом: таким образом, вновь обнаруженная версия старше основной почти на восемь столетий. При этом архаическая версия почти не отличается от более поздней, из чего становится ясным, что писцы старовавилонского времени не создавали нового произведения, используя старый материал, но тщательно копировали древний текст, добавляя новые стансы в том же стиле и сохранив прежнее как основное ядро.

Несмотря на то что о Кеше известно со столь раннего времени и из разнообразных исторических и литературных источников, до сих пор неясна его роль в истории Шумера, равно как и его местоположение. Есть попытка идентифицировать его с Абу-Салабихом, городом северо-западнее Ниппура; несомненна связь Кеша с другим важным шумерским центром — Адабом, городом, расположенным к юго-востоку от Ниппура, а также с неидентифицированным городом Урусариг, тоже, видимо, соседствовавшим с Адабом. Предполагают, что Кеш — религиозный округ или просто пригород Адаба. Если исходить из текста самого гимна, а также других свидетельств, становится очевидным, что роль Кеша в религиозной жизни страны была значительнее его политического влияния в шумерской истории. Кроме того, на всем облике Кеша лежит отпечаток некой таинственности и мистичности, какой-то особой сакральности — «кто нутро его познает?» (строка 58, след.). Конец гимна (строки 126—129) позволяет толковать этот отрывок как некий ритуальный запрет приближаться к городу простому смертному, непосвященному, что заставляет думать об эзотеричности культа. В тексте подчеркивается зависимость Кеша от Экура, главного храма Энлиля в Ниппуре, а также связь с Эаной, священным округом Урука.

Как главные боги Кеша в тексте названы Ашир, или Аширги, божество, фигурирующее в списках Адаба и тесно связанное с Адабом, а также богиня Нинхурсаг-Нингу, «мать рождений», «Госпожа лесистая гора» — именно отсюда многократные сравнения святилища с образом лесистой зеленеющей горы; кроме них в тексте упоминаются и другие божества шумерского пантеона — см. строки 77—81.

В художественном отношении текст представляет собой стройную композицию, разделенную на стансы под названием «храмы»; что это означает, не вполне ясно, но скорее можно предположить нечто аналогичное *кируга* (ср. «Он покинул свое стойло...»), чем песнь, относящуюся к определенному храмовому строению округа (число этих «храмов» в разных версиях разнится от восьми до десяти). Каждая «песнь-храм» заканчивается единым трехстрочным припевом, славящим храм, его бога и его богиню, что объединяет композицию. Система образных сравнений, параллелизмов удивительно богата и выразительна, но представляет значительные трудности для перевода: неизвестны многие реалии, ускользают символы, невольно смещаются ассоциации.

1—3. Обычно слова, выделенные здесь курсивом, переводчиками не интерпретируются или рассматриваются как эпитет Энлиля и переводятся выражением «возвышенный князь» с вопросом. По данной интерпретации трехстрочие представляет типичное для шумерских поэтических текстов введение, где субъект, а частично и объект, раскрывается постепенно, с нарастанием определений, чем придается некоторая загадочность тексту. Тем не менее перевод условный, ибо в таком случае предполагается совершенно иная концепция царской власти, чем в традиционном царском списке, где «царственность» спускается с неба (а именно — выведение, то есть происхождение царской власти из храма или, может быть, отделение царской власти от храмовой?).

6. Букв. «все четыре стороны (угла) стран света».

10. Слов «она для Кеша» в тексте нет, но они предполагаются по слову *-би*.

12. Букв. «таблички, исписанные письменами, которые ею хранимы».

13. Аратта, сказочный, таинственный город, соперник Урука, сравнивается и сопоставляется с Кешем и в других текстах.

17. Перевод «пестрота, пестрый» (*гун*) дан по одной из версий.

24—27а. Видимо, храм сравнивается с месяцем, который часто ассоциируется с лодкой. Ладья Наннара, бога луны, груженная и сияющая, — распространенный образ шумерской гимнической литературы.

27а «Ковчежец» — в тексте буквально «каютка» или «каютка лодочки».

31. Букв. *эб-галь* — «большой угол» — часть храмовой постройки или какое-то храмовое строение.

45—46. Сравнение неясно и, видимо, имеет не реальное значение, но скорее гиперболическое: *бур* — около 324 000 км (в переводе: «мер»). Характерно, однако, что соотношение 2:1 сохраняется в обоих случаях. Также неясно *ан-ше* — «наверху», «к небу» и *ки-ше* — «внизу», «к земле», которые выдерживаются по всему абзацу: строки 45—52. В нашем переводе: «вершина-подошва» и «глава-основание».

47. В тексте не «тур», но «олень». «Тур» взят для сохранения аллитерирующей рифмы *алим—люлим*.

52. Предполагается чтение не *идим* (тяжелый), но *и-дим* — «ключ, родник». Возможно, имеется в виду родник Абзу.

Строки 1'—18' относятся к вводной строфе одной из версий, вставленной на табличке между строфами 3 и 4, но специального номера не сохранившей.

Поскольку нумерация строф при этом не нарушена, в переводе строфа обозначена как «некий храм».

1'—3'. Перевод условный, начало строк разрушено.

6'. *zag-gar-ra* — храмовая целла (аккадское *аширту*).

8'—9'. В тексте явно обыгрывается имя собственное богини Нинхурсаг — «Госпожа лесистая гора», оттого в переводе имя дано в раскрытой форме.

14'. Возможно, не «святини» (*bāra-bāra*), но «знатные» или «официальные персоны» — «сидящие на тронах», «живущие во дворцах». Ср. аналогичную строку бб «четвертого храма».

бб. У Грэга: «Сидящие на тронах склоняют свои шси». Составной глагол *gū-gāl*, однако, имеет значение *патару* — «собирать», см. §L 106, 62.

74. Может быть, подразумевается Ашир, главный бог храма?

77—78. Нинхурсаг может идентифицироваться с Нинту, но может восприниматься и как самостоятельная богиня.

80. В тексте *мезем* — сосуд определенного вида (ритуальный?). Часто встречается вместе с глаголом *ку* — «есть, поедать». Общее значение строки, таким образом: бог поедает целый сосуд жертвенных яств.

87—88. В тексте *ки-гал-ла* — часть конструкции храма, иногда трактуется как «яма основания» (аккадское *беруту*). Имеются другие варианты перевода.

89. В тексте *нун*, частый эпитет бога Энки.

93. Перевод *ун-галь* — «владычица, царица» дан по Эдварду (у Грэга «правитель») (см. *Edzard D. O. Zur Sumerischen Hymne auf das Heiligtum Keš. — Orientalia. Vol. 43. Fasc. 1. 1974. S. 103—113*).

97. В тексте — *гигуну* — какая-то часть храмовой постройки, возможно связанная с террасой храма. *Лахама* — видимо, имеются в виду статуи божеств *Лахама*, но не совсем ясен субъект и объект фразы.

103—104. Ср. строки 1—3.

106. В тексте: жрецы *ну-эш* — жрецы высокого ранга. Букв. «носящие (бросаящие) кинжалы».

107. *Лугаль-бурра* — категория жрецов, возможно, параллель к *саг-бурра* — жрец, участвующий в храмовом празднике.

108—109. В изобразительном искусстве Двуречья божество часто держит в руках символы власти — жезл и свернутую веревку, которые он вручает (или просто показывает) правителю.

110. Букв. «Жрец *му* несет собранную воду».

111—112. В тексте названы другие храмовые должности, чей круг обязанностей не вполне ясен. Так, *энкум* (112) — известная официальная должность и при дворце — род дворцовой стражи. Здесь, однако, их функции иные.

113—114. Перевод спорен. Имеется ли в виду, что жрецы бьют в кожаные барабаны, как предполагает Грэг, или просто речь идет о подготовке кожаных мехов? Слово «палки» добавлено по смыслу. У Эдварда: «Громко, громко (при этом) говорят» — т. е. жрецы (см. *Edzard, op. cit.*).

117. У Эдварда «литавры».

126—129. Букв. «полошедший». Перевод по архаической версии. По Грэгу, в старовавилонской версии, в большей части экземпляров — «человек, приблизься (?)», однако интерпретация во многом зависит от разбивки на слоги. В настоящем переводе значение «подступивший» может предполагать врага, напавшего на храм-город. Но сохраняется и значение особой сакральной неприкосновенности храма.

Я — ЦАРЬ. С МАТЕРИНСКОЙ УТРОБЫ — ГЕРОЙ

Гимн «Шульги А»

Перевод по изданию: *Klein J. Three Sulgi Hymns. Ramat-Gan, 1981. P. 188—217.*

Так называемый гимн «Шульги А» посвящен одному событию из жизни царя, а именно его спортивному подвигу: после эпического введения рассказывается о решении Шульги продемонстрировать свою силу и мощь однодневным пробегом из Ура в Ниппур и обратно при праздновании ритуального праздника *эшеш* в обоих городах в один и тот же день. Датировочная формула седьмого года правления этого царя сообщает: «Год, когда царь из Ура в Ниппур бежать отправился», из чего можно судить, что гимн отражает реальное событие. Не ясно лишь, бежал ли царь только из Ура в Ниппур, как то сказано в формуле, или же в оба конца, как он утверждает в гимне.

Расстояние, которое он должен был преодолеть, за один день пробежать практически невозможно, поэтому иногда предполагают, что он скакал на коне, хотя из текста это никоим образом не вытекает. Во всяком случае, гимн дает явно мифологизированную трактовку события. Судя по дошедшим в каталогах заглавиям, текст составлен не в период правления Шульги, но после его смерти, скорее всего при его преемниках.

1 Букв. «из нутра, от нутра». Для выражения «материнская утроба» в шумерском языке чаще используется другой термин. Но из параллелизма со строкой 2 ясно, что имеется в виду утроба матери.

11. «Ласково (нежно, "по-женски") молвит» — буквальное значение глагола, здесь и далее, в строках 95, 101. Но возможно, что производное от него — «взлелеивать, воспитывать, опекать», как переводит Клейн.

14. Букв. «с яростными (свирепыми), широко открытыми устами». Ср. аккадское *кадухху*.

16. В других переводах — «мул», что, видимо, точнее. Однако обычно мул не ассоциируется с физической силой и мощью, которую здесь похваляется царь.

18. Возможен перевод «ищущий (соревнования, состязания?)», ср. SL 538, 40: *Кин-гид-а* — «посол, гонец, идущий вперед».

26. «Воздвигать голову» — буквальное значение глагола *саг-é*. В переносном смысле может означать «быть превосходным, превосходить».

27. Букв. «от боков (бедер?) могучей силы».

29. Букв. «Я определил *данна*». *Данна* — акк. *bérpu* — мера, равная двум часам ходьбы по ровной дороге. Речь, видимо, идет о распределении дороги на равные отрезки и об установлении дорожных станций — мест отдыха. «Дворцы там построил» — по-видимому, преувеличенный образ.

56. «Царское место» — помещение во дворце, где царь сидел или стоял во время культового действия. «Одеянье сияний Ужаса» — букв. «Одеяние сияющих (и) ужасающих блесков-лучей». Судя по всему, речь идет о царской ауре.

60. Клейн считает, что Ниншара не имя собственное, но какая-то порода птиц и переводит: «словно ястреб и сокол», указывая, однако, в примечании, что речь может идти о какой-то совиной породе.

76. Букв. «Путь в 15 *данна*». Реальное расстояние между Уром и Ниппуром — около 160 км.

78. *Эшеш* — ежемесячный праздник, устраиваемый в «день благоприятный», который во время III династии Ура обычно приходился на 1-й, 7-й или 15-й день месяца. Обычно в этот день приносились обильные жертвы. Праздник мог посвящаться отдельному богу.

79—80. Общий смысл строчек: «Я (Шульги) испил пива с моим братом, богом солнца Уту, во дворце, основанном Аном». Разбивка строк восклицательным знаком произвольная (хотя и следует шумерской грамматической конструкции) и служит цели подчеркнуть эмоциональное состояние царя.

84. Клейн переводит: «Я не похвалялся (в вине)», считая, что речь идет о поведении Шульги на пиру. Однако подчеркивание царем его искренности и скромности в данном случае, возможно, связано с исключительностью совершенного им подвига.

100. Букв. «жрец-ишиб», т. е. жрец, совершающий обряд. Очищения, «помазывающий» (акк. *пашишу*).

101. Под «благородным сыном Ана» следует понимать Зуэна-Нанну, покровителя города Ура.

СВЕТОЧУ ДАЛА РОЖДЕНЬЕ...

Любовные восхваления царя Шу-Суэна

Перевод по изданию: *Alster B. Sumerian Love Songs. — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale. Paris, 79 (1985). P. 138—142.*

Трудный для понимания текст, имеет несколько трактовок. В интерпретации переводчика текст является восхвалением, произносимым несколькими хорами и солисткой царю Шу-Суэну. Введение — строки 1—6а — могло произноситься и самим Шу-Суэном, но, скорее, мужским хором, рассказывающим о рождении «светоча» — Шу-Суэна царицей Абисимти и предворяющим сольную партию Кубатум — супруги или наложницы царя. Могло быть и сольной мужской партией, но не самого царя, а ведущего.

7—18. Слова Кубатум.

15—16 разбиты.

17. Букв. «...приветствует тебя, подобно калекам (?)».

19—23. Можно было бы думать, что это партия царя, но текст дан на «женском языке», следовательно, должен быть исполняем женщинами.

23—27. Снова вступает Кубатум.

27. Или «господин мой».

ТЫ, ПЬЯНЯЩИЙ СЕРДЦЕ МОЕ...

Любовная песня Шу-Суэну

Перевод по изданию: *Kramer S. N., Kizilyay H., Çig M. Five New Sumerian Literary Texts. — Türk Tarih Kurumu Belleten. 16 (63). P. 362.*

Исследователи обычно рассматривают этот текст как обрядовую песнь, часть обряда священного брака. Однако не исключено, что в данном случае мы имеем дело с любовной песней, где влюбленная девушка обращается к царю.

Предположительно называется и имя составительницы-поэтессы — ею могла быть Кубагум, наложница Шу-Суэна (2038—2030 гг. до н. э.). То, что текст составлен на *аме-саль*, затрудняет понимание песни, поэтому ряд мест переводится условно, по контексту.

1. Букв. «Ты вино моего сердца». *Му-тин* — форма *аме-саль* для *геш-тин* — «виноградная лоза, вино». В дальнейшем это обращение, без определенного дополнения *шд-мд* («моего сердца») будет передано словом «желанный». Вторая часть строки плохо сохранилась, перевод условный, по Крамеру.

3. Крамер и Дьяконов переводят слоговую форму *ги-ру* словом «лев». Однако такое написание предполагает и другие чтения, в частности *гир* — «кинжал», то есть «кинжал, (пронзивший) сердце мое». В дальнейшем это обращение, без определенного дополнения *шд-мд*, будет передано словом «победитель».

9. Фраза построена так, что можно понять ее и как выражение от второго лица ед. числа, т. е. «Что ты со мною сделал своими ласками?» У Крамера и Дьяконова она переводится первым лицом — «Дай, я окажу тебе ласку».

10. Букв. «Мои ласки сильные — мед — да принесу тебе»; *га* в значении «давать, приносить» см. ŠL 319, 5. Форма не *аме-саль*, но не все слова даны в *аме-саль*.

11—12. Букв. «В доме, месте лежания, меду колодца (глубины) сладости во всей полноте (прелести, пышности, завершении) твоей прекрасной да будем мы радоваться с тобой».

16. Перевод по аналогии со следующей, 17-й строкой.

18. Букв. «Место радости печени (?) твоей я знаю».

23. В этой строке и далее употреблена частица *ну-уш*, что означает постоянство действия, «всегда» и т. д. То есть возлюбленная просит о том, чтобы ее любили постоянно.

26—29. Четверостишие построено строго параллельно: в строках 26 и 28 — главный объект предложения, в 27 и 29 — он же с определением: глаголы употреблены по нарастанию, усилению действия, причем в первой (26) строке это глагол «делай мне», в остальных трех — составные глаголы со слогом *шу* — рука: «строгай рукою, ищи рукою» (27), «ходи, двигай рукою» (28), «рви, разрывай (?) рукою» (29). Последнее значение взято условно на основании значения глагола *дар* — «разрывать, разламывать, бить».

КОЛЕСНИЦА МОГУЧАЯ...

Гимн о постройке колесницы богу Энлилю

Перевод по изданию: *Civil M. The Chariot of Enlil's. — Journal of the American Oriental Society. 88. 1968. P. 95—106.*

Култ священной повозки, колесницы в шумерских религиозных представлениях играл большую роль; соответственно, дошли до нас модели колесниц из глины или драгоценных металлов, нередки и описания и восхваления колесниц разных богов в шумерских литературных текстах. Публикуемый памятник состоит из небольшого гимнического введения — рассказа о замысле постройке колесницы, из подробного, выполненного в эпическом стиле описания колес-

ницы, ее красоты и совершенства. Далее рассказ ведется исключительно на мифологическом уровне — бог Энлиль, кому колесница была предназначена, принимает ее вместе со своей супругой, сыном и сонмом богов-Ануннаков. Из текста ясно, что обряд принятия (освящения) колесницы тесно связан с праздником плодородия (праздником первой борозды?), ибо по случаю постройки колесницы бог-землепашец воин Нинурта вспахивает поле. Текст кончается просьбой Нинурты за Ишме-Дагана (правил с 1953 по 1935 гг. до н. э.) перед Энлилем: выступая как божество-посредник между царем и верховным божеством, Нинурта просит для Ишме-Дагана в жены богиню Инанну, которая здесь, возможно, образно названа дочерью Энлиля. Так обозначается еще одна связь с сельскохозяйственными праздниками, ибо царь должен будет выступить как воплощение сил плодородия, партнер богини в обряде священного брака.

Гимн принадлежит к категории *тиги*, т. е. песнь «под литавры» делится на две части: *сагидда* и *сагарра* (тип довольно распространенный в шумерской литературе).

7—9. Наполовину разбиты, восстановление условное. *у6-di* (9) имеет наряду со значением «узреть» (перевод Сивилия) — «узнавать, познавать», см. SL 453, 26.

10. Начиная со строки 10 идет перечисление разных частей и деталей колесницы в технических терминах, значение которых не всегда ясно. Подробнее см. публикацию Сивилия, с. 99—106. Придерживаясь в основном его терминологии, в ряде случаев я от нее отступала — там, где нужно было дать более условный или обобщенный художественный образ, или там, где ясно было, что речь идет о какой-то другой детали повозки, ибо перечисление не хаотично, но построено таким образом, что создается ощущение последовательного зрительного обзора по частям. Охватывая зримый образ в целом, взор сосредотачивается далее на деталях, снова переходя затем к наиболее впечатляющим частностям. На этом основании я перевожу *шу-кар* строки 10, что буквально означает «некое сельскохозяйственное орудие» словом «строение», ибо ясно, что первая строка описания содержит целый образ.

11. У Сивилия — «дышло», но о дышле речь пойдет впереди: кроме того, сравнение с полем, пересеченным возвышающимися («раскрытыми», так дословно: аккадское значение идеограммы *netu* — «открывать») говорит о множественном, но не единичном образе.

12—13. *су-дин* скорее не «ярмо» («хомут?»), но переключина между ярмом и основной осью. Однако последующий термин *пан* — безусловно, дуга, и общий образ говорит о какой-то волнистой линии. Слово «склон» дополнено в разбитое место на том основании, что речь явно идет о зримой линии горизонта.

15. Речь идет о колышках, прикрепленных веревках, чеках, т. е. стержнях, вкладываемых в отверстие на концах оси для предотвращения смещения посаженных на ось колес, и т. д.

29. Конец строки восстановлен условно, параллель к строке 30.

31. У Сивилия «ось». Однако при объяснении термина он приводит и другие значения, в частности аккадское *зару*, что может значить «обкладка». Поскольку в предыдущей строке речь идет об убранстве колесницы, а середина этой строки разбита, слово «колышущееся» вставлено условно.

32. Речь, видимо, идет об изображениях ослов, украшающих *э-су-лум-ма* — ящик для хранения кнутов и погонялок для животных. То же в строке 36, где две главные боковые переключины-опоры кончаются изображениями быка и

коровы. Изобразительный материал и находки урских гробниц дают хорошие аналогии.

34. Букв. *габа-галь* — передняя предохранительная часть колесницы.

35. Букв. *кикаль* — платформа повозки, но, возможно речь идет и о кузове, так как для этого слова такое значение также засвидетельствовано.

37. Речь идет о поперечных перекладинах тулова колесницы, в то время как в предыдущей строке говорится о двух главных брусках по обеим сторонам тулова, на которых эти поперечные брусья крепились.

64. Восстановление конца строки условное.

66. Слова «Энлиль» и «Экур» вставлены по смыслу, однако вместо Экура речь может идти о месте, где была поставлена колесница.

68—69. Строки дополнены условно.

71. Сравнение с рыкающими львами характерно для эпической поэзии Шумера: так, в тексте о Липит-Иштаре и плуге говорится о львином могучем хвосте пашущего быка, однако совсем необязательно, что данная строка несет именно это сравнение.

72—73. Восстановление условное. В строке 73 сохранилась часть имени: может быть, следует восстановить имя Нинлиль, однако это может быть и Нинурта. Также неясны роль и действие божества в этой строке; может быть, «Тайные знаки, что Нинлиль освятила»?

84. Видимо, разбитые строки содержали прямую речь: наставления Энлиля (?).

87. Точное значение слов, обозначающих помещения для хранения зерна здесь неясно, но кажется, что в обоих случаях подчеркивается, что это закрытые помещения. У Сивила иначе.

Раздел VI. СУДЬБЫ ШУМЕРА

ДАБЫ... ХРАМ, ЧТО, ПОДОБНО ЛАДЬЕ...

Сказание о Саргоне

Перевод по изданию: Cooper J. S., Heimpel W. The Sumerian Sargon Legend. — Journal of the American Oriental Society. 103, 1 (1963). P. 67—82.

Шаррукен, или Саргон Аккадский, — «царь, кому Энлиль не дал иметь соперников» — один из наиболее легендарных правителей Двуречья, с чьим именем связаны предания как на шумерском, так и на аккадском языках. Тем не менее сомнений в реальности этого персонажа нет — до нас дошли и подлинные надписи Саргона. Два фрагмента шумерского сказания о Саргоне, дополняющих один другой, дают возможность восстановить около 80 строк текста, вероятно только малую часть сказания. Сохранившиеся строки содержат важный и весьма занимательный материал. В повести действуют исторические лица — кроме Саргона это Урзабаба, правитель Киша, и Лугальзагеси, царь Урука. Коллизия, развернувшаяся в рассказе, связана с воцарением Саргона и падением Урзабабы, что произошло, как подчеркивается в тексте, по воле верховных богов Энлиля и Ана и при участии богини Инанны (аккадской Иштар, покровительницы Саргона и в аккадском эпосе). Однако при таком ярко выраженном историзме текст построен по законам композиции другого жанра: он воспроизводит сказочный сюжет, хорошо известный в мировом фольклоре, а именно: преследование определенным лицом новорожденного, которому пред-

сказано быть заместителем или даже причиной гибели этого лица, подготовка ловушек герою и счастливое избежание опасности — так, в русских народных сказках этот сюжет известен по сказке о купце (см. «Русские народные сказки» в сборнике Афанасьева, № 305, 305а). Цепь мотивов следующая — письмо + ловушка (плавильная печь) + предупреждение в форме предсказания богини (мотив чудесного помощника) + второе письмо («подателя сего предать смерти» — ср. библейское письмо Урии и письмо Гамлета). Именно в такой интерпретации обнаруживается связь шумерского сказания с аккадским эпосом: рассказ о найденном в корзинке чудесном младенце, подобранном садовником (мотив Моисея, Эдила, Персея и т. д.), — органичное начало, завязка истории аккадского эпоса, и не исключено, что существовала полная редакция всего сказания, соединяющая как шумерские, так и аккадские эпизоды.

1'—13'. Восстановлены условно, по аналогии с другими шумерскими литературными произведениями. Название родного города Саргона, а также обозначение сословной принадлежности его матери (жрица) восстановлено по тексту аккадского эпоса о Саргоне, хотя совсем не обязательно думать, что аккадский эпос буквально воспроизводит шумерские версии.

1—6. Основной текст. Неизвестно, сделал ли Урзабаба Саргона своим чашеносцем, желая приблизить и погубить его или по каким-то другим причинам. Ясно одно: Урзабаба раньше Саргона осведомлен об ожидающей его гибели — возможно, в *итима*, покое для сновидений, он видел свой вещий сон.

7. Значение глагола *муш-тум* — «лика (своего) не явила», т. е. не начала действовать, не проявилась, взято условно, по контексту.

12. Неясно, что означает «дом вина, дом хлеба». По Хаймпелю, дело происходило в какой-то харчевне, далеко от места действия. Но может быть, это также было какое-то особое место для сновидений.

16—18. Букв. «По услышании, царем Урзабабой тех криков, они поспешно к царю в покои его светлые его вводят (доставляют). Шаррукен к Урзабабе поспешно входит (доставляется?)».

24. Фраза составлена так, что можно толковать ее: «Она меня (т. е. Саргона) потопила (окунула)» и «Она тебя (т. е. Урзабабу) ради меня (Саргона) потопила». Наша интерпретация основана на понимании строки 42 (см. ниже) как предупреждения Инашны с намеком на сновидение Саргона.

27—29. Начало строки разбито. Толкование сна Урзабабой показывает, что он знает нечто иное — гибель грозит ему, Урзабабе, а не Саргону, — но хочет представить события в благоприятном для себя свете.

30—36. Это первая ловушка Саргону. Она построена на игре слов — царь приказывает Белиштикалю, чье имя буквально означает «Надейся на господина» или «Доверься господину», кинуть в печь «как для статуи» («словно статую») все, что переступит за порог, т. е. самого Саргона. Двусмысленность приказания в том, что по форме к нему нельзя было бы придраться, но Белиштикаль должен понять скрытый в приказе намек.

30. Букв. «Пишет (записывает) движение нутра моего».

34. *é-сикил-ла*, *é-нам-тир-ра* — «дом очищения», «дом судьбы решения» — может быть и названием храма, но обязательно должна учитываться предполагаемая игра слов и двойной смысл приказа Урзабабы.

40. Букв. *ниндан* — около 12 локтей длины. Наш перевод передает меру условно. Купер и Хаймпель толкуют это место иначе: они читают: *гар*, что может означать срок, по истечении которого Саргон не появился в храме, т. е. нарушил приказ Урзабабы.

41—42. Наконец, после типично сказочного приема, на третий раз (строки 7, 39) Инанна начинает действовать. Саргон не смог бы понять смысла ее предупреждения, если бы не увидел пророческий сон.

43. Именно потому, что Саргон не вошел в «дом очищения», с ним ничего не случилось.

53. Здесь ключ к следующей ловушке — Урзабаба посылает незапечатанное послание, видимо не предполагая, что оно попадет в руки к Саргону или что тот умеет читать.

54—56. Не исключено, что отправлен с посланием не Саргон, а кто-то другой, так как текст не полностью понятен.

Оборот, 1—12. Текст почти полностью разрушен и восстановление условное. Но, видимо, важную роль должна играть упоминаемая жена Лугальзагеси (по сказочному сюжету она должна стать невольной помощницей героя, неправильно поняв смысл переданного ей послания). Ясно, что Лугальзагеси также не понял послания и отдает какое-то приказание, связанное с неверной трактовкой письма. Совершенно неясно, сам ли Саргон в виде посланца предстал перед Лугальзагеси (в таком случае тот его не узнает) или же посланный не имеет представления, с каким поручением его отправляли к Лугальзагеси. По историческим данным, царствование Киша было свергнуто в результате похода Лугальзагеси на Киш, и внезапное возвышение Саргона было косвенным результатом этого похода. Но одним из первых действий Саргона после того, как он обеспечил себе гегемонию на севере и подчинил Киш, был поход против Лугальзагеси — по надписям, Саргон нанес Лугальзагеси поражение и взял его в плен. Как интерпретированы эти события в сказании и как они связались со сказочным сюжетом, естественно, судить трудно.

КОГДА РАЗГНЕВАННЫЙ ВЗГЛЯД ЭНЛИЛЯ...

Проклятие Аккада

Перевод по изданиям: *Falkenstein A. Fluch über Akkade. — Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge, 23 (57). 1965. S. 43—124; Cooper J. S. The Curse of Akkade. Baltimore; London, 1983.*

Текст, который можно датировать концом III—началом II тыс. до н. э., о возвышении и падении одной из могущественнейших династий Двуречья, Аккадской империи, был в свое время, судя по числу дошедших до нас списков, одним из популярнейших сочинений писцовых школ старовавилонского периода. В центре событий — мифологизированный рассказ, безусловно возникший в жреческой среде, о разрушении главного храма Ниппура — Экура царем Нарам-Суэном, проклятии его за это преступление Энлилем, верховным шумерским божеством, и нашествии на Двуречье диких племен из Элама — кутиев. Часть событий, о которых говорится в тексте, совпадает с исторической действительностью: Саргон стал царем Двуречья, уничтожив царства Киша и Урук; нашествие кутиев началось в конце царствования Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.), четвертого правителя Аккадской династии, видимо внука (по легендарной традиции — сына) Саргона; Аккад — город, который был разрушен и больше не восстанавливался. Но из исторических надписей также известно, что Нарам-Суэн восстанавливал (перестраивал) святилище Экур в Ниппуре, что при третьей династии Ура все цари Аккадской династии были почитаемы и что город Аккад существовал и при последующих царях династии Аккада

и погиб в самом конце правления Аккадской династии. Текст, таким образом, ни в коей мере не может служить надежным источником для восстановления истории Двуречья, как это иногда пытались представить некоторые исследователи. Что касается политических, идеологических и религиозных тенденций составителей памятника, то они прослеживаются довольно отчетливо: текст начинается с рассказа о постройке богиней Инанной святилища Ульмаш в Аккаде. Инанна — богиня-покровительница Урука и Киша, пред тем уничтоженных, следовательно она остается как бы без жилья. Блеск и роскошь нового жилья и нового города вызывают раздражение Энлиля, и Инанна оставляет храм и город, предчувствуя нарастающую враждебность Энлиля. Нарам-Суэн, который видел вещие сны и впал по этой причине в прострацию, думает исправить положение, перестроив Экур (строка 97), и для того нарушает даже волю бога, который уже твердо пришел к решению погубить Аккад и Нарам-Суэна. Дальнейшее разрушение храма описывается как его разграбление и уничтожение, и автор как бы забывает, для чего Нарам-Суэн начал рушить храм. Похоже, что забывает об этом и сам Нарам-Суэн, который вывозит на кораблях имущество храма. И как месть бога — нашествие чудовищных варваров, разгром страны и проклятие богами города-святотатца. Текст, таким образом, в высокопоэтической форме проводит мысль о предначертании, судьбе и воле богов, которой нельзя не подчиниться, даже если бы она и казалась капризом с точки зрения смертного.

2. Небесный бык — мифологическое чудовище, созданное богом Аном по просьбе Иштар и уничтоженное Гильгамешем и Энкиду (эпос о Гильгамеше, табл. 6). Существует шумерская версия борьбы Гильгамеша и Энкиду с небесным быком, но в сильно фрагментированном виде.

6. Букв. «верховное жречество и царственность».

10. Купер дает иной перевод: «Подобно новейшей постройке — дом на первое время». Однако строки 10—11 образуют хорошее параллельное построение как грамматически, так и поэтически, и нам кажется нет смысла в новой, усложненной интерпретации строки.

16—18. Видимо, речь идет о праздничных омовениях, праздничной трапезе и праздничных гуляниях, хотя слово «праздник» есть только в строке 17.

20. Строка сложна для перевода и передан общий смысл. «Жители страны Мархаш» — или Барахсум — жители эламского царства, неоднократно восставшего и устраивавшего мятежи против Двуречья, от которого оно периодически находилось в вассальной зависимости. В тексте букв. «Чтобы жителей Мархаша в горных быков обратить», или: «(Как) горных быков подчинить». Купер переводит: «Чтобы (даже) жители Мархаша были внесены в податные списки», основываясь на интерпретации слова *лиум* — «бык» как *ле'ум* — «список, документ», и предполагает здесь омонимичную игру слов. Однако, с нашей точки зрения, этому весьма правдоподобному толкованию противоречит одна из копий текста, где вместо *лиум* стоит *гуд-ан-на* — «небесный бык».

21. Букв. «водяные буйволы» — порода буйволов, не распространенная в Двуречье. Может быть, имеется в виду зебу.

23. «Овцы горные длинношерстные» — в тексте указана и порода овец — *алу*, особым образом откормленная благородная овца.

25—28. В тексте перечислены специализированные зерновые склады: для пшеницы, ячменя, силосные ямы (или башни). Таким образом подчеркивается огромное количество богатств, которые Инанна собирала.

34. Купер относит эту строку по смыслу к предыдущему абзацу и переводит: «Знатных детей (букв. детей *шагина* — наместников) кормилицами она наделила», однако грамматически эта строка ближе не предыдущему, но последующему абзацу. С нашей точки зрения, с этой строки начинается описание праздничного вида и состояния города.

35—36. Или «гром барабанов» (*тиги*). Возможно, употребление названий музыкальных инструментов в тексте — не терминологическое, но образно-описательное.

39. В варианте: «Народы исполняют (знают) погребальные обряды».

45. По нашему толкованию, речь идет необязательно о том, что лодки перевозят в Шумер добро, но о продолжении сравнения ворот, куда льется поток имущества, с рекой, подобно Тигру, вливаемому в море.

51—53. В тексте перечислены разные виды храмовой, городской и сельской администрации, чиновников-регистраторов. Речь идет об изобилии и благополучии в стране.

54—59. Первая строка сложна и вызывает споры в интерпретации. По нашему мнению, смысл отрывка 54—59 состоит в том, что Инанна не смеет принять в свой новый храм жертвы, которые превышали бы жертвы Экура, храма верховного божества в Ниппуре — Энлиля. Соответственно с этой трактовкой строка 57 переведена нами отлично от перевода других исследователей — она должна подчеркивать, насколько нерушимо, неизменно решение (Слово) верховного в Двуречье храма. Основное значение *ме* — не «молчание», как переводят обычно, но Сути, таинственные мистические нерушимые силы, которые присущи явлениям и вещам.

67—68. Видимо, в этих строках перечисляются те основные регалии власти, которые являются символами господства. Слово *ма-ан-си-ум* передано здесь выражением «знаки власти» условно, ибо точное значение его неясно. Речь опять-таки идет о противопоставлении увеличивающейся мощи Аккада Ниппуру и опасениях Энлиля на этот счет.

78. Смысл строки в том, что город рисуется единым существом, и далее описывается его состояние в сравнениях-образах, где каждый раз он уподобляется какому-либо могучему зверю.

81. У Купера: «словно дракон яростный», но знак *бе/идим* может означать и «мертвый».

82. Перевод строки сложен. Знак *lah-lah* означает и «грабить», и «идти», и «тащить».

84. Букв. «За ним нечто неблагоприятное (стоит)» — т. е. в будущем его ожидает что-то плохое. Жители Месопотамии представляли себе будущее как догоняющее человека, в то время, как прошлое убегает вперед и потому может быть обозримо. Человек, таким образом, движется как бы по течению «потока времени», а не против его.

91. «Сокровенное» или «желаемое» — так буквально, но непонятно, имеет ли выражение какой-то иной смысл. У Купера — «личное имущество, царские принадлежности».

93. Буквальный смысл выражения — «голову на руку класть» или «голову рукой поддерживать», переносный — «совершать нечто ненормальное, непотребное». В данном случае как непотребное действие рассматривается семилетнее бездействие царя. Для усиления образности в тексте приведено и само выражение, и его раскрытие.

102—105. Обе фразы построены по принципу параллелизма и несут сравнение со спортом и состязаниями: в первой строчке — ситач, входящий во

двор, где, видимо, будут происходить соревнования (кулачные игры), и второй образ — бегун, склоняющийся перед стартом и готовящийся к бегу. Однако буквальный смысл обеих фраз не очень понятен: так, буквальный перевод строки 105 — «перед *гигуну*, т. е. потаенным покоем святилища, он сотворил его (сделал) как 30 *сиклей*», т. е., видимо, очень низко оценил его. Эта фраза — довольно распространенный литературный тоpos текстов, близких и по времени, — ср. плач о разрушении Ура или эпос о Гильгамше и дереве *хулулу*.

111. «Затопленный Ишкуром» — т. е. пораженный бурей.

112. Здесь парафраз строк 12 и след. эпоса о Гильгамше и Хуваве.

113—115. В тексте более конкретное обозначение разного рода строительного инструмента и боевого оружия.

115—117. Хотя в строке 112 поэт утверждает, что храм — не гора, где рубят кедры, в следующих строках он переходит к сравнению храма со срубленным деревом, причем пользуется эпитетами и образами из текста о Гильгамше и Хуваве в тех строках, где описывается, как жители Урука рубят кедры. В этом же отрывке и далее, включая строку 126, дается последовательное описание конкретных действий Нарамсуэна по разрушению храма и мистических результатов этих действия — с каждой новой стадией разрушения он уничтожает благоденствие и силы собственной страны, Шумера, а вместе с тем и других, видимо зависимых от Двуречья областей.

120. «Дренажные трубы» — перевод условный. Может быть, речь идет о каких-то водных резервуарах.

123—124. Возможно, речь идет о каком-то жертвоприношении зерном, которое Нарамсуэн совершил не там, где полагается. Купер считает, что «Ворота, где зерно не срезают (не носят для срезания)» — имя собственное ворот.

129—130. Здесь говорится о сокровенных, священных частях строения, в которые непосвященные и простые люди не допускались.

130. Эдцард считает, что речь идет не о священных сосудах, но о ваннах для омовений (см. цит. соч., комментарий, с. 247—248).

131—133. Статуи *лахама* — видимо, изображения божественных спутников-чудовищ бога Энки, обитающих в Абзу. Смысл фразы, по-видимому, связан с текстами, сообщавшими, что лица, нарушившие запрет (определенное табу), должны быть преданы огню.

140—146. Хотя Нарам-Суэн разрушает храм, для того чтобы восстановить его впоследствии, вся картина рисуется так, как будто бы происходит ограбление города, и к концу описания создается впечатление, что и сам Нарам-Суэн забывает о своих первоначальных намерениях и грабит город. Возможно, что в строках 146—148, заключающих описание разрушения храма, проводится именно эта мысль.

154. Первая часть строки букв. «народ, (на других) непохожий» или «на народ непохожих (существ)». Вторую часть строки некоторые исследователи переводят: «кого нельзя присчитать к стране» (т. е. «цивилизованной стране»). Глагол *шид*, однако, означает «считать» в значении арифметического действия и с отрицанием может быть переведен как «те, кого нельзя в стране сосчитать», т. е. бесчисленное число людей.

166. Перевод по контексту. Строка образует параллель с 157. Возможна интерпретация: «Те, что носят колодки на шее, тюрьмы (?) строят». Общий смысл — бедствия и разруха в Шумере, причиненные нашествием гуттиев.

170. Фраза сложна и громоздка грамматически, букв. как будто бы значит: «(Хотя) город не есть внутри — поле, снаружи — просторов (не имеет), сады (посадки плодовые?) они развели».

171. Купер переводит: «...города были построены и основаны...».

175. Букв. «растения маш-гурум». Из других контекстов явствует, что это растения, произрастающие в *эден* — высокой степи.

176—180. Текст рисует картину крайней инфляции, обесценивания *сикля*, но, как считают западные исследователи, не в реальных, а фантастических соотношениях, показывающих вздорожание от двенадцатикратного до шестидесятикратного увеличения: так, в среднем в периоды, близкие к описываемому, за *сикль* серебра можно было купить 10 *сила* масла или 13,5 *сила* растительного масла, один *гур* зерна (в период третьей династии Ура), 6 *мин* шерсти, 600 *сила* свежей рыбы. 1 *сикль* равен примерно 8,4 г в наших мерах, *мина* — 0,5 кг, *сила* — ок. 800 г. (обычно сыпучих тел), 1 *бан* равен 10 *сила*.

183. Или «Люди были разрываемы голодом».

185. Возможно, что здесь имеются в виду гугии, так как обычное их прозвище: «собаки, псы».

195. Возможно, «от востока до запада», как у Купера.

198. *Гала-мах* — категория жрецов, выполняющая функции плакальщиков.

200. Букв. «Барабаны *балаг*, семь их, как поставленные на краю горизонта, на месте размещены». Хотя первоначальное значение термина *балаг* — арфа, в литературных текстах, как справедливо указывает Купер, оно часто употребляется для обозначения барабанов (см. *Cooper J.*, *op. cit.*, p. 252, а также примеч. к строкам 35—36). Смысл фразы параллелен последующей строке 201: ср. «медные барабаны *лилиссу*, подобные Ишкуру» (т. е. грозе), и речь идет о том, что звуки этих барабанов доходят до небес.

201. В тексте: *уб* — еще один вид барабанов, *мезе* — род литавров, *лилис-су* — видимо, большой медный барабан. Кимвалы вставлены для благозвучия.

206. Букв. «Его юноши (быстро?) работают кинжалами». О быстрых вращательных движениях кинжалами и, видимо, нанесении себе мелких ранений упоминается и в других текстах, где описываются оплакивание и выражение горя.

208. «Холм священный» *du₆-ki* — небесное жилище Эниля. «Колена (лоно) Эниля» — *du₁₀-ki* (светлые, священные). В тексте явно обыгрывается синонимическое созвучие.

210. Со строки 210 начинается новая тема — проклятие богами Аккада.

214. Т. е. колодцы будут наполнены головами погибших жителей Аккада?

219. Возможно: «Пусть их (т. е. жителей Аккада) голуби вопят в своих гнездах». Более обычно, однако, «словно голуби», что хорошо согласуется с 220—221. Но в тексте нет *гим* — «как, словно». Пропущено писцом?

228. «Святыня» — зигуну.

229. Ср. строку 131 и коммент. к ней. Купер считает, что субъект действия не *дубль* — «главный портал», но сами статуи *лахам*, что, однако, грамматически сложнее и, главное, противоречит единственному числу образа последующей строки.

235. Как и в предыдущих строках, речь идет о том, что все строительные материалы города (глина, дерево) примут свой первоначальный вид, возвратятся к своим истокам, т. е. возвратятся в хаос.

239. У Купера: «ребенка, которого посылают искать серебро (монеты) нищие...»

241. В тексте: «жрица ну-зиг и ну-бар» — категория жриц, в чьи обязанности входила храмовая проституция и которые могли иметь детей. В тексте, возможно, не «отвернутся», но «убьют» (?).

246. В тексте — мешок из кожи, в котором обычно носят провизию войны или поденщики. Купер предполагает, что речь может идти о мешке, в котором силач-атлет носит свои спортивные принадлежности. Слово «подставка» переведено по контексту.

250. У Купера — «аристократ», здесь и в других аналогичных местах.

255. Видимо, подразумевается душа мертвого, не получившая погребальных жертв. Слово *ки-си-га* — «безмолвное, пустынное место» означает также и «погребальные жертвоприношения». То же и в строке 263.

256. Обычно *ки-уз-га* переводят как «место откармливания скота», но уз значит также и «гусь», и вполне возможно, что речь идет об откармливании гусей как священных птиц (ср. текст об Энмеркаре и Энсухешданне).

263. Ср. аналогичные выражения в текстах о Лугальбанде («Царь в те дни...», строка 129, «Лугальбанда в далеких горах...», строка 86).

264. Букв. «Берега каналов, где тянут лодки твои». То же в 266, 273, 275.

266. Букв. «места грязевых (ильных) отложений (?) каналов твоих».

267. В тексте *шег бар* — особая порода горной овцы и муль — «дикая овца».

ВРЕМЕНА ИЗМЕНЯЯ...

Введение к плачу о разрушении Шумера и Ура. (Плач о пленении царя Ибби-Суэна)

Перевод по изданию: *Falkenstein A. Die Ibbisin-Klage.— Die Welt des Orients. 1/5. 1950. S. 337—384.*

Текст с плачем о пленении царя Ибби-Суэна, известный шумерологам еще с 1914 г., представляет собой фрагментарный отрывок или сокращенное извлечение из гораздо более пространной композиции, а именно плача о разрушении Шумера и Ура, памятника более чем в 500 строк (Ур II). Это произведение публиковалось в отрывках Гэддом, а также в переводе С. Н. Крамера, но без транскрипции.

Ибби-Суэн (2027—2003 гг. до н. э.) — пятый, и последний, царь могущественной третьей династии Ура. Его трагическая судьба — одна из вех последовательной истории падения царства, которое долго мнилось несокрушимым. Событие это, видимо, столь сильно и остро переживалось современниками, что нашло отражение в последующих предсказательных текстах (*омек*) и в датировочных формулах шумерских хроник: «год, когда царь Ибби-Суэн в цепях был уведен в Аншан». Общее настроение и отдельные выражения сближают этот памятник с жалобой-плачем о разрушении Ура, событии, произошедшем еще при жизни Ибби-Суэна.

1 и след. Своеобразие этого текста составляет последовательное употребление глагольной формы с *-e-de*, которой заканчивается почти каждая строка текста и которая, как правило, на русский язык переводится инфинитивной (или деепричастной) конструкцией с союзом «дабы». Текст представляет собой, таким образом, как бы два больших абзаца-предложения, которые подытоживаются в строках 26 и 56. Первые две строки текста, однако, выпадают из общего стиля и образуют маленькое введение.

22. Возможен перевод: «Когда...».

24. Восстановление окончания строки Фалькенштейном предполагает общераспространенный мифологический тоpos: богиня Нинту — создательница людей. «Связала все созданное ею» — значит привела к гибели, приняла решения об их уничтожении.

25. Букв. «Энки Тигр и Евфрат повернул».

26—30 восстановлены Крамером на основании аналогичных кусков в других плачах. Дальнейшая нумерация соответствует тексту Крамера, а не Фалькенштейна: поскольку тот не дает восстановления, начинается расхождение (строка 30 Фалькенштейна = строке 32 Крамера и т. д.).

33. Сутии — семиты-кочевники (букв. лу-су), или субарейцы/хурриты? или какое-то иное племя в горах к северу от Элама. У Фалькенштейна «субарейцы».

34—36. Как подчеркивает Фалькенштейн, восстановление этих строк требует особой ответственности, ибо от них зависят ключевые моменты в интерпретации исторических событий. Следы сохранившихся знаков, однако, как будто бы делают реконструкцию убедительной (см. подробнее публикацию, с. 382).

36. Букв. «от подножия гор Забуа, через (по) груди гор, до конца Алшана».

43. Букв. «быкам»; видимо, в общем значении крупного рогатого скота. Буквальное значение глагола *ки-таг* в 42а — «касаться», «посадить» (?) не очень подходит по контексту.

48. «Четвероногие Шаккана» — степные животные, чей бог-покровитель Шаккан или Сумукан.

49. Перевод середины строки условный, по аналогии с предыдущими строками. Что означает *су-кин-лу* — непонятно.

50. Букв. «Чтобы в болотах рос тростник со злою головой».

51. У Фалькенштейна: «Чтобы овощные растения и сады, в которых нет никаких растений, сами погибли бы». Однако значение для слова *иу* — «колодец», «водоем» подтверждается многими контекстами.

ОН ПОКИНУЛ СВОЕ СТОЙЛО...

Плач о разрушении города Ура

Перевод по изданиям: *Kramer S. N. Lamentation over the Destruction of Ur. — Assyriological Studies. N 12. Chicago, 1940; Falkenstein A. Klage um die Zerstörung von Ur. — Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete. Zürich; Stuttgart, 1953.*

Среди текстов, посвященных плачам о разрушении древних шумерских городов (пока известно пять таких текстов), плачи о разрушении города Ура занимают особое место: две большие композиции, одна в 436 строк, другая более пятисот, развивают эту тему. Падение в конце III тыс. до н. э. царства, просуществовавшего свыше ста лет, славного своим могуществом, произвело впечатление катастрофы, всеобщего разрушения и нашло отражение в памятниках необычайной эмоциональной силы. Социальные и стихийные бедствия, которые пали на Шумер, объясняются волей богов, но вины города здесь нет: Энлиль, владыка богов, говорит Нанне, защитнику и покровителю Ура: «Кто когда-либо видел правление столь длительное?» (плач о разрушении Шумера и Ура, 366). Согласно шумерской теологической концепции, ничто не может существовать вечно, и царственность переходит от одного города-государства, от одного царства к другому. Плач о разрушении города Ура состоит из одиннадцати песен-стансов разной длины: самая пространный — седьмая песнь (76 строк вместе с

рефреном) и самая короткая — девятая, в ней всего десять строк, включая рефрен. Девятая песнь составлена таким образом, что первые девять строк продолжают тему девятой песни, а последующие семь начинают развивать новую тему, которая продолжается в последней, одиннадцатой песни.

Первые две песни составлены на «женском языке» (*эме-саль*), встречаются написания этого диалекта и в других песнях плача. В нашем переводе все названия и имена на *эме-саль* переданы как написанные в обычном, главном литературном диалекте. В конце каждой песни помещен рефрен из одной-двух строк, где подчеркнуто основное эмоциональное настроение песни и где есть фраза, переведенная мною условно «повторенье строки», но которая может быть и указанием на характер исполнения или музыкального сопровождения текста. Несмотря на кажущееся внешнее несовершенство композиции, она необыкновенно стройна с точки зрения передачи состояний: рассказ о горе и о том, как это горе переживается, создан с удивительно психологической тонкостью.

Первые две песни еще как будто ничего не говорят о горестных событиях и его причинах, они только подготавливают слушателей к нему, создавая тревожное настроение. Тридцать пять строк (песнь первая) построены по одной схеме — называется божество главного храма одного из шумерских городов и говорится, что это божество покинуло «свое стойло, свой дом (храм)». Два эпитета бога чередуются, образуя ритмический узор, подобный росписям на шумерской керамике или цилиндрических каменных печатях. Вторая песнь состоит из призывов начинать плач, обращенных к святилищам или к кирпичам перечисленных вначале храмов и городов. Только из нее мы узнаем, что это будет плач о разрушении города Ура, но что именно произошло — все еще неизвестно. Тем не менее монотонное, ритмически-мерное повторение тревожных строк «в его (ее) загон вошел ветер» (первая песнь) и «начинай плач» (вторая песнь) уже эмоционально подготовили слушателя к трагическому известию. Третья и четвертая песни — плач-рассказ богини Нингаль, супруги лунного божества Нанны, «матери города». Она вспоминает о своих давних ужасных предчувствиях и о совете богов, где было принято решение о гибели города. После этого решения город как бы уже погиб, и никакие мольбы Нингаль перед богами не могли изменить приказа. Пятая и шестая песни посвящены описанию бури, напавшей по воле Энлиля на город, точнее многих бурь и ураганов. Слово «буря, ураган» здесь, по всей видимости, надо воспринимать не только в буквальном, но и в фигуральном смысле — это все беды и несчастья, которые пали на людей. Этот рассказ, сопровождаемый рефреном «рыдает народ», ведется как бы от лица автора повествования. Уже в конце шестой песни напряжение, вызванное перечислением ужасной картины бедствий, возрастает до предела: Нингаль, сообщает автор, вопит и кричит. Но кульминации это состояние достигает в седьмой песни, которая начинается с известия, что Нингаль «точно враг стоит под стенами своего города». Она не может поверить своим глазам — действительно, ее город разрушен до основания, предчувствия сбылись, и приказ Энлиля приведен в исполнение. Она начинает перечислять все, что погублено, и картины бывшего благополучия медленно проплывают перед ее глазами, беря сердце. Ближе к концу этого рассказа снова вступает автор — он описывает вид Нингаль, ибо самой ей уже не под силу продолжать плач. Когда она начинает снова, она способна только рассказывать о том, как она плачет, силы выражать горе уже почти нет, и она может лишь повторять причитания. Восьмую песнь опять начинает автор (или горожане), обращаясь к Нингаль. Все начало построено так, как будто основная цель обращения — растравить Нингаль, не успокоить ее боль, но разбередить раны: при чередова-

ниях рефренов «как сможешь ты жить» и «как твоё сердце вынесет это» снова и снова перечисляются все ужасные картины разрушения города, все сцены, чей вид и воспоминание о которых лишили ее силы. И в конце песни мы начинаем понимать, что это не случайно — Нингаль должна вернуться в разрушенный город и помочь его восстановлению, дать ему возможность ожить. В заключении плача еще раз перечисляются бури, напавшие на город, но это уже заклятие: больше эти бури в город войти не должны, «запись», решение о гибели города отныне должно висеть «на гвозде» в храме Энлиля и впредь больше не приниматься. Кончается текст обращением к Нанне и призывами молиться ему — город должен быть восстановлен, буквально «возвращен на свое место», и жертвы «царю города», Нанне, должны так же исправно приноситься, как и в былые времена.

Известно, что город Ур действительно был восстановлен, хотя никогда уже больше не играл столь значительной роли, как в период его третьей династии. Плачи о разрушении храмов в Шумере обычно составлялись именно в период их реконструкции: ведь прежде чем построить новый храм, его сначала надо было снести, и вот, чтобы испросить прощения у бога-покровителя храма, надо было сперва оплакать храм и уже только после этого начать возведение святыни. Имя бога в стандартном тексте можно было заменить. Но оба плача о разрушении Ура — самостоятельные авторские произведения, созданные конкретно на определенное событие — на восстановление города Ура и, видимо, впервые исполненные по случаю праздника возрождения города. Они могли послужить и литературными образцами для других плачей, и, может быть, даже стать родоначальниками жанра, столь любимого и распространенного в Шумере, что составление плачей на шумерском языке происходило и в эллинистическое время.

5. Букв. «Супруга его Нинлиль».

8—9 и далее: «Госпожа Кеша покинула (8)... Госпожа Могучая Кеш покинула...» В первой фразе «Кеш» стоит в родительном падеже, являясь определением к подлежащему, во второй — в винительном, будучи прямым дополнением — что покинула?

39. Обычная интерпретация и перевод: «Ее антифон».

48. Букв. «Кирпичная форма». Здесь и далее принят перевод «кирпич» или «кирпичи» в зависимости от ритмического звучания строки.

77—85. Толкование отрывка сложно. Видимо, говорится о том, что город Ур идет к Нингаль с плачем и вместе с нею плачет: он хочет, чтобы она начала ради него и его судеб плач. Следующий отрывок — плач Нингаль из-за города и ее рассказ о решении верховными богами «судеб» (нам) города.

86. «Лира плача» — образ. В тексте, скорее, арфа.

94. Или «от силы его».

99. Или «меня саму», или «этим страхом», оба варианта равнозначны.

103. Перевод по контексту.

124. Букв. «Экиширгалю, дому моего царствования».

128—129. Видимо, имеется в виду, что постройки эти оказались непрочными, как навесы и палатки, сооруженные в поле на время уборки.

130. Или «мой покой, нечто большое мое».

137—139. Не совсем ясно, о каком «господине» идет речь. В нашем переводе подразумевается Энлиль, но речь может идти о Нанне, и тогда перевод должен быть иным. Также неясно, что означает «с госпожой» (так буквально).

Обычно переводят «вопреки (?) госпоже», то есть вопреки ее желанию, но грамматически это плохо согласуется. Возможно, что субъект действия — буря.

154. Перевод по контексту.

165—167. Фалькенштейн переводит строку 165: «И хотя я возражала (?)», но буквально там этого нет. Видимо, речь идет о том, что, когда принимается решение в совете богов, все боги должны связать себя клятвой (ср. общую клятву богов при решении о всемирном потопе). Нингаль с ее мольбами, видимо, воспринималась как возражающая собранию.

171. Принятие решения о гибели города практически равно его гибели. Возможен перевод: «его (т. е. города) Сути (*ме*) переменились».

174. Или «дни изобилия».

195. Букв. «капкан», охотничья ловушка из дерева для газелей.

206. В варианте «дикий бык».

210. В одном из вариантов (Aa) вместо этой строки — две другие: «Когда день озарил страну, рыдает народ, добрый день из Шумера ушел, рыдает народ». Крамер переводит не «день», но «буря, шторм».

219. Может быть, не шлемы, но какие-то головные повязки.

220. Букв. «Словно самцы газели».

221. У Фалькенштейна: «пробиты луками». «Перевязь»: может быть, речь идет о какой-то головной повязке.

223. Букв. «оружием *митум*».

224. У Фалькенштейна: «...шатаются люди», т. е. речь идет о раненых.

227. Букв. «Слабый и сильный». Имеется в виду социальное положение.

230. Перевод по контексту.

239. Это выражение употребляется в смысле: «быть запятнанным, оскверненным».

244. Букв. «сделали его как бы равным 30 *сиклям*», т. е. поступили с ним как с ничего не стоящей вещью (ср. текст «Когда разгневанный взгляд Эпилия...», строку 105).

259—260. Букв. «кто снизу ко мне приходил... кто сверху ко мне приходил».

265—266. В ряде других переводов: «город мой не пасется» (по контексту), но глагол *лу* имеет значение «увеличивать, умножать».

267—268. Беру для глагола *шуб* значение «жить, сидеть».

282. У Фалькенштейна: «Мои мужчины уведены» — по принципу параллелизма с последующей строкой, однако текст дает глагол «улетать» и существительное *бурз-мушен-мушен* — «птицы, разные породы птиц» (много птиц).

283. У Крамера и Фалькенштейна: «Мои девы (дочери), мои сыновья...».

284. У Фалькенштейна: «под чужими знаменами», однако перевод «в оковах (?)» предпочтительнее, ибо есть близкое по звучанию слово: *шу-кур-кур* («оковы для рук»), и образуется хорошее параллельное построение со следующей строкой.

300. Перевод по Фалькенштейну.

304. Варианты дают возможность переводить: «Я есть та, чей загон разломан», или даже: «Я — загон, который разломан...».

309—310. Перевод условный.

312. В тексте «к госпоже»(?). Крамер считает, что речь все же идет о Нанне. Вариант текста дает: «Госпожа моя...» В таком случае весь отрывок 311—314 надо переводить третьим лицом: «Она подошла...» — и т. д., как это и делает Фалькенштейн. Однако тогда получается несогласование со строкой 310, где первое лицо обозначено четко. Возможно, что смысловой абзац заканчивается в строке 310 и с 311 начинается новая тема.

315. Или «Горе, о судьба города моего, — я воистину кричу. — О судьба моего города черная!»

319. Букв. «Я есть та, кто положила себя вдоль тебя». Подразумевается город Ур. С этой строки и до конца седьмой песни Нингаль обращается к Уру.

322. Букв. «мои хлебные жертвы (мне) отрезаны».

326. Имсеется в виду приказ Энлиля. Букв. «черному приказу».

329. В варианте: «А-а, дом мой, а-а, дом мой».

331. Перевод Крамера: «Госпожа, сделай твое сердце подобно воде...»; *а-гим*, однако, одновременно и наречие «как»; оно же употреблено и во втором полустишии, и думается, перевод должен быть одинаков.

339. В тексте «ты не его птица». Крамер объясняет это как один из вариантов написания *эме-саль*.

340. Или «ты не живешь в этом (его, т. е. дома) жилище».

343. Или «...живут там (т. е. в твоей стране) враги».

344. Букв. «Твоя страна, как будто бы она нечто большое съела (т. е. переела), хватает рог рукой», т. е. зажимает его, чтобы не вырвало.

346. У Крамера: «Твой дом превратится в пастбище».

348. Букв. «жрец-гуду», акк. *нашишу* — «помазывающий жрец».

350. Восстановление условное. Могло быть и «в святилище», однако, кажется, для такого восстановления слишком мало места.

354. Букв. «в *гипар*».

356. Названия музыкальных инструментов условны.

366. У Матоуша: «...его (т. е. птицелова) увел враг» (см. B. Hruška, L. Matouš, J. Prosecký, J. Součková. *Mýty staré Mezopotámie. Sumerská, akkadská a chetitská literatura na klínopisných tabulkách*. Odeon, Praha, 1977, S. 63). Однако *гип-гип* может по значению быть связанным с понятием странствий, дороги, ср. *гип* в заклинании странника.

371. У Крамера и Фалькенштейна: «как человек, который все потерял».

380. Так в одном из вариантов. В основной версии: «дева, к своему дому». Фалькенштейн: «точно дева к своему дому».

390. В конце строки стоит знак *РИ*, что может указывать на то, что строку следует повторить два раза. Эти же знаки повтора стоят в строках 393—396, 398, 400—406.

394. Букв. «Решенья (установления), нечто Аратты...» Название Аратты часто упоминается в сравнениях как символ мудрости и таинственности; ср. «Княжий престол...».

395. Букв. «отрезала».

398. Строка плохо сохранилась. У Фалькенштейна: «Буря... в облике которой нет никакого стыда».

400. Букв. «не знает».

401—402. В обеих строках стоит слово *шеш* — брат. Крамер и Фалькенштейн в строке 401 дают перевод «дитя».

403. У Фалькенштейна и Матоуша: «Буря, что не знает подруги, буря, что не знает друга».

405. Букв. «что свет с земли заставляет исчезнуть».

406. Т. е. по приказу Ана и Энлиля.

410. Букв. «Нечто жизни (может быть, святое, чистое?) небес-земли, черноголовых».

413—414. Букв. «счет (или запись счета)» и «нечто счета». Смысл строки в том, что решение, принятое о буре, не должно более повторяться, и приказ Энлиля должен оставаться висющим на гвозде, дабы более не приниматься.

423. Т. е. восстановленный.

430. Видимо, Энлиля.

О, ЖИЛЬЕ ТВОЕ ГНЕВНОЕ...

Плачи и гимны к Энлилю

Перевод по изданию: *Kutscher R. Oh Angry Sea. The History of a Sumerian Congregational Lament. New Haven; London, 1975.*

Серия общенародных плачей и гимнов к богу Энлилю известна под общим названием: «О, море гнева...» (*а-аб-ба ху-лук-ха*), о чем свидетельствует колофон одного из поздних текстов, гласящий: «Вторая таблица (произведения) "О, море гнева", неоконченная». Начало текста до нас не дошло или пока не опознано. Сохранилось девять текстов, представляющих собой девять различных версий одной и той же композиции от четырех различных периодов: старовавилонского, новоассирийского, нововавилонского и селевкидского, т. е. от конца II до конца I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э. Многие строки имеют аккадский перевод-подстрочник. Издатель текста Р. Кутчер в результате тщательного изучения всех версий и сопоставления редакций текста составил общую цельную композицию, дающую представление о последовательных этапах эволюции памятника. Композиция относится к жанру *балаг* — произведению, исполняемому под музыкальный инструмент *балаг* и являющемуся ритуальным плачем о всенародном бедствии. В I тыс. до н. э. тексты такого рода регулярно включали другой тип музыкальных плачей — *эршемма*, и наша композиция в ее окончательном виде состоит из трех частей: I. Молитвенный плач к Энлилю (1—48); II. Гимн к Энлилю (49—236); III. Плач-*эршемма* к Энлилю (237—296), по-видимому неоконченный. Произведение, возможно, исполнялось двумя хорами: один хор пел основной текст, другой повторял рефрены.

В настоящем издании текст дан в сокращении. В основном опущены цепочки эпитетов бога Энлиля. Монотонное нарастание ритма путем повторов, с введением новых оттенков при помощи последовательного добавления или изменения отдельных слов и фраз по возможности сохранено, ибо позволяет представить эмоциональное состояние исполнителей, в которое они должны были входить медленно и постепенно.

Слева дана последовательная нумерация строк, в скобках порядок строк, как он дан у составителя общей композиции. Нумерация отдельных «стансов», приведенная Кутчером, здесь опущена, сохранено лишь трехчастное деление композиции (I, II, III).

2. Или «владыка чужеземных стран».

5 (4). «Страны», т. е. Шумера.

(9—12). Перечисляют героические эпитеты Энлиля, где он сопоставляется с другими богами: Асалухи, Энки, Энбилулу, Набу, Уту-Шамашем (не включены).

14 (18). Перевод спорный; по нашему мнению, эпитет относится к самому Энлилю.

19 (23). «Вавилон» — позднее добавление. В старовавилонском варианте этой строки нет.

26 (30). Букв. «грозовая туча». Вместо общепринятого перевода глагола *заль беру* его в значении *нашáху* — «успокаиваться» (см. SL 80, 15). Переход от третьего лица ко второму и от второго к третьему типичен для этого текста. Возможно, в ряде случаев он совершался неосознанно, ибо писцы I тыс. уже не

выписывали многочисленные повторения, но ставили знак *мин* — «повторить», и уже не следили за тем, сохраняется ли единство личного обращения в строке.

32 (35). Букв. «Место твое отрезанное».

34 (37). Может быть: «Пастырь, который не дает спать». В переводе сохранен параллелизм с предыдущей строкой.

35 (38). Букв. «травя, которая не растет (на пользу?)», т. е. сорняк.

36 (39). В тексте *ги-ди*, что значит и «тростник», и тип флейты из тростника, на которых исполнялись плачи.

38—39 (41). Объединяют варианты версии.

43 (45). Букв. *га-нун* — сторожевой дом (башня?) или часть жилого района храма или дворца.

(55—61). Перечисление эпитетов Энлиля.

(76—85). Повторение эпитетов Энлиля (не включены). Характерно, что и внутри этих рефренов идет ритмическое чередование: так, определение «господин такой-то» чередуется с эпитетом «герой такой-то». То же самое происходит с эпитетами «господин» и «благородный».

70 (88). Порода птицы (*гиргирлу*) не выяснена.

(92—98). Строки являют собою целую стансу (по Кутчеру VII), которая состоит из вариаций рефрена «когда имя твоё надо всеми странами» и эпитетов Энлиля.

84 (108) и след. Ворон — птица Энлиля, и даже сам бог может выступать в его обличье.

(119—125). Повторение рефрена «дикий бык, когда имя твоё — надо всеми странами», с развернутой цепочкой эпитетов Энлиля (не включены).

94 (126). Или «Возврати (нам) своё сердце».

(129—140). Развернутая цепочка эпитетов Энлиля с рефреном «Поверни своё сердце...».

99—100 (142—143). В нашей интерпретации молитвы и просители за Энлиля — это разные боги, перечисленные ниже: боги на Небе (Ан) и Землематери (Ураш).

101 (144). Букв. «пестрый ячмень» — особо ценящийся сорт ячменя.

104 (147). «Владычица Кеша» идентифицируется с богиней Нинхурсаг, которая обычно также выступает как супруга Энлиля.

108 (151). «Гашананна» — «Владычица небес» на *аме-саль*, обычно эпитет богини Инанны, которая в традиции считается дочерью бога луны Зуэна, и Энлиль, таким образом, — ее дед.

109 (152). Имя написано на *аме-саль* и означает: «господин молодец (молодой человек)».

110 (153). Вариант: «Когда же он встанет?»; идет рефреном всей стихотворной стансы. Возможен также перевод: «Дикий бык спит...».

118 (172), след. Вариант: «что не всгает он?» Возможен перевод: «Дикий бык, что спит...».

120 (173а). Строка — вариант строки (174) другой версии текста.

124 (178). Слово «упитанных» добавлено из другой версии текста.

125 (179). Вариант: «меж жирных овец...».

126 (180). Букв. «связанных».

127—128 (181—182) наполовину разбиты.

129 (183). Перевод по предположениям Т. Якобсена (в примечаниях к шит. соч.).

134—135 (188—189). Возможен вариант: «Из Ниппура...».

148 (202) и далее. Возможен перевод, как у Кутчера: «Ты грозен» или «Ты угрожаешь» (грозишь).

153 (207). Перевод глагола по аналогичным контекстам, но в целом вызывает сомнение.

156 (210). Может быть: «Там, где копае/ют мотыга/ой...».

157 (211). Букв. «Для тянувших (вытаскивающих) воду из колодца...».

(213—224). Не включенная станса, варьирующая тему «Ты могуч, воистину ты могуч!» Характерен и важен финал, где подчеркиваются качества Энлиля как бога плодородия: «Дождь небесный, вода земная, Энлиль, ты воистину держишь скипетр божий, господин, ты рост льну даешь, ты рост зерну даешь. Энлиль, блески твоих сияний спекают рыбу во глуби Бездны».

(225—236). Плохо сохранившаяся станса, из которой Кутчер приводит всего пять строк: текст повествует о горе и плачах (не включена).

159 (237). С этой строки начинается плач-обращение к Энлилю *эршемма*.

(240—245). Не включены. Содержат перечисление эпитетов Энлиля с рефреном: «Повернись и т. д.», а также городов и их главных храмов, которые Энлилю надлежит снова принять в свое сердце (или же откуда взывающий к богу предлагает взглянуть и оглянуться). Из городов перечислены Ниппур, Борсиппа, Вавилон, Исин, Сиппар и их главные храмы.

(276—280). Не включены. Содержат перечисление вышеназванных городов с рефреном: «Во граде твоём загубленном, затопленном...».

167—168 (283—284). Смысл строк в том, что молодые люди горюют о невозможном, о том, что могло бы у них быть, но не будет.

170 (286). Или «мать-родительница...».

172 (288) и далее. Так в буквальном значении глагола — «выходить, уходить». Кутчер переводит: «в исистовстве, в гневе». Но скорее всего, смысл фраз в том, что все умерли.

177 (293). Букв. «Их половые органы висят (вываливаются, вытягиваются) из собак», т. е. из их пастей.

178 (294). Перевод глагола спорен. Вариант дает: «Их остатки волки грызут», так же, как и в предыдущей строке.

179 (295). Букв. «Их площадки для игр наполнены ветром». В аккадском переводе: «Его (т. е. Энлиля) игры наполнены привидениями (призраками)».

180 (296). Не исключено, что фраза относится не к предыдущей (как в нашем переводе), но к последующей разбитой строке.

ИСТРЕБЛЕНИЕ МОИХ ЧЕЛОВЕКОВ...

Отрывки из сказания о потопе

Перевод по изданию: *Civil M. The Sumerian Flood Story. — Lambert W. G. and Millard A. R. Atra-Hasis, the Babylonian Story of Flood. Oxford, 1969.*

Единственный экземпляр таблички в шесть столбцов, на которой сохранилось только около одной трети текста, содержит древнейший из известных нам вариантов сказания о потопе. Судя по отрывкам сказания, в нем говорится не только о потопе, но и о других бедствиях, которым по воле богов подвергся «черноголовый народ». Можно думать, что произведение имеет общие черты с вавилонским сказанием об Атрахасисе, где потоп оказывается третьей напастью после чумы и голода. Сохранившаяся часть столбца I содержит речь какого-то божества, видимо обращенную к другим богам, — оно обещает вернуть или сотворить заново то, что было погублено. Далее рассказывается о том, как была спущена с неба «царственность», — тема, развиваемая в другом шумерском произведении, так называемом «Царском списке»: затем нарекаются имена го-

родам, они распределяются среди божеств — так мы узнаем о существовании по крайней мере пяти допотопных городов. История решения богов устроить потоп и спасения жизни царя-праведника Зиусудры также очень фрагментарна, однако видно, что она содержит все основные линии сюжета обоих вавилонских и библейского вариантов. В тексте двойная нумерация: слева порядковый номер реального числа строк, справа — нумерация издателей.

2. 39. Или «Нечто, мною сотворенное, ради Нингу я хочу предотвратить их уничтожение».

12. 49. Букв. «Нечто живое». У Сивилы — «животные».

14. 86. Неясно, от чьего лица ведется речь, но не исключено, что это Энлиль.

15. 87. Букв. «каменщик», «предприниматель строительных работ».

18. 90. Возможно, подразумевается Энлиль.

22. 94. Возможно, что здесь под именем «жрицы небес» подразумевается Инанна, поскольку город Бадтибира связан с ее супругом Думузи.

27. 99. Имеются в виду ежегодные сезонные разливы рек.

29. 140. В предшествующей строке сохранился обрывок фразы — «когда он так совершил...». Видимо, речь идет о принятии советом богов решения о потопе. Инициатором гибели людей обычно выступает бог Энлиль.

41. 152. Или «Он стоял у края стенки слева» (так у Сивилы; разница в переводах зависит от разделения знаков на слова). По всем клинописным вариантам весть-предостережение о потопе подает Энки. Он же учит Зиусудру строить корабль.

45. 156. Букв. «надо всеми столицами». Часть строки разбита и, возможно, восстанавливается: «надо всеми селениями и градами».

54. 205. Букв. «ладья груженная-перегруженная».

61. 251—62. 252. Смысл конца обеих строк совершенно неясен грамматически, однако, судя по глаголу, а также исходя из вавилонских аналогий, боги обнаруживают того, кто прятался (остался жив), и дают клятву не причинять ему вреда.

66. 255a. Строка полуразрушена, в тексте речь могла идти о том, что боги дали Зиусудру жену: сохранившийся знак *саль* — знак женщины; но он может быть также первой частью составного глагола «говорить нежно (ласково)».

Раздел VII. ЛЮДИ ШУМЕРА: ДУХ ЭДУБЫ

В ДАВНИЕ ДНИ, В СТАРОДАВНИЕ ДНИ...

Поучения Шуруппака

Перевод по изданию: *Alster B. The Instruction of Suruppak. — Mesopotamia. 2. Copenhagen, 1974.*

Текст, содержащий наставления, приписываемые мудрецу Шуруппаку, дошел до нас в четырех одновременных версиях, охватывающих промежуток времени примерно в тысячу четыреста лет, что говорит о необычайной популярности памятника в древности. Самая ранняя версия была найдена в Абу-

Салабихе и датируется ок. 2500 г. до н. э., наиболее поздняя (в аккадском переводе) — ок. 1100 г. до н. э. За основу настоящего перевода взята самая полная и лучше всего сохранившаяся старовавилонская версия (ок. 1800 г. до н. э.).

Пословицы, притчи, поучения, басни, записываемые шумерийцами почти с того времени, когда появилась письменность, использовались главным образом в учебных целях как наглядный и легко усваиваемый материал. Одни брались писцами-учителями из фольклорного источника, другие сочинялись ими и затем уходили в народ и становились фольклором. До нас дошли большие своды, включающие десятки и сотни таких изречений. «Почтения Шуруппака» отличаются от других сводов тем, что оформлены: они излагаются от лица мудреца Шуруппака, наставляющего своего сына Зиусудру, и рамка «Шуруппак наставлял своего сына...» не только начинается и в видоизмененном виде кончается текст, но как рефрен вводится дважды в его середину. Поучения связываются с еще «допотопной» древностью, что должно было придавать особую авторитетность сказанному. Есть основания считать, что первоначально семья мифических мудрецов Убаргугу — Шуруппак — Зиусудра не имела отношения к герою сказания о потопе и отождествление произошло позднее. Сами наставления, как убедится читатель, очень разнородны и специально не сгруппированы. Есть поучения, произносимые от лица женщины и обращенные к женщине. Житейские и практические советы перемешаны с философскими сентенциями, встречаются аллюзии на эпические сказания, видимо наиболее популярные. Произведения такого рода сложны для понимания и передачи их на другой язык, от нас ускользают реалии, игра слов, часто наше понимание таких текстов иллюзорно. Поэтому и настоящий перевод следует рассматривать только как попытку заглянуть в жизнь и мир древнего человека, уловить то, что мы называем «духом народа». Общность человеческих привычек иногда помогает нам, и в ряде пословиц и поговорок мы обнаруживаем знакомые параллели. Деление на строфы — условное, часто по смыслу.

14—18 объединены по принципу практических хозяйственных наставлений.

18. Букв. «Дом на широкую улицу (площадь) не выбрасывай (выкидывай)» — имеется соединение (связь)».

19—25 призывают к осторожности и невмешательству, к тому, что можно передать русской пословицей: моя хата с краю — ничего не знаю; но общая идея, звучащая и в других шумерских правоучительных произведениях: стремись к миру и мирному разрешению всех дел.

19. Букв. «Не ручайся — тот человек тебя схватит (т. е. возьмет над тобою власть)».

21. Есть возможность перевести: «Не подглядывай за человеком (не выслеживай)». Вильке дает совсем иную интерпретацию строки: «Не приноси ответственного дара, поток унесет его от человека» (см. *Wilcke C. Philologische Bemerkungen zum Rat des Šuruppak und Versuch einer neuen Übersetzung. — Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 68. 2 Halbband. 1978. S. 196—232*).

30. Букв. «сам не поднимется (?)». Возможно, вместе с разбитыми предыдущими строками развивала тему ссор и споров.

31. Букв. «Стой в стороне от споров (ссоры), вот, другой улицы (дороги) ты не должен брать».

33. Значение «сито», хотя и подтверждается другими контекстами, не вполне достоверно. В лексе «Когда разгневанный взгляд Энлиля...», 136, то же

самое слово появляется как обозначение тары для золота и в параллели к слову «кожаный мешок». Возможно, смысл выражения здесь — ничего чужого, даже милости, не бери. «Чужое» вставлено по смыслу.

37. Конец строки разрушен.

40. Букв. «Ссору дабы учинить, себя самого не бросай». У Вильке — «не вводи себя в стыд».

41. Вторая часть строки, возможно, скрывает неясную идиому, букв. «голова-шея-смотреть (?) (расширять?) есть».

42. Букв. «Слова не отрезай, твое слово — прочное (устойчивое) есть».

43. Возможно: «Советов не давай». Вторая половина строки букв. «да не будет на тебя поднят тяжелый взгляд».

44—46. Перевод далек от точной передачи фразы, букв. «С человеком нечто пищи краденой да не вкусишь, / рука твоя — темна (в крови ?), да не опустишь ее туда (в грязь, черноту? в кровь?), / осел за проценты быка воистину тебе умножит, овцу воистину тебе умножит (?)».

47. Букв. «Обманного (фальшивого) не говори».

51. Выражает, по-видимому, общий смысл строфы — необходимость действовать основательно и осмотрительно.

52. Возможен и другой вариант: «Ночью не путешествуй — там внутри и добро (и) зло». Первая интерпретация сближает фразу с предыдущими тремя строками, как бы подытоживая их и подкрепляя смысл строки 51.

53. Видимо, речь идет об особенно дурном характере и строптивости степных ослов. Вторая половина строки сохранилась плохо и не очень понятна.

54. В тексте явная, но непонятная игра слов. Значение *кирихур* — «морщить, вздергивать нос», то есть «задаваться», взято у Вильке; он, однако, оставляет вторую половину строки без перевода.

55. Ср. «что посеешь, то и пожнешь» или «не шлюй на ветер...».

56. Т. е. не берись за непосильное, не стремись к недостижимому.

57. Возможен перевод: «То, чем ты пренебрежешь, это же самое затем тобою пренебрежет».

59—62. В строке 60 употреблена форма *зме-саль*, что должно предполагать речь женщины. Все выражение также, по-видимому, обращено к женщине. Вильке считает, что целый ряд поучений, составляющих сборник, или обращен к женщинам, или произносится от лица женщины.

65. Может быть, «Собаку (врага, чужака?) не корми...».

71. Букв. «Взгляд (?) не поставишь — сердце (в сердце) переменишь (?)». Также возможен смысл: не верти глазами, как бесчестный человек, смотри прямо. У Альстера и Вильке — иначе.

73. Букв. «К месту мужественности (мужей) когда тыходишь...» Возможно значение «битва», тогда — «в битве не размахивай руками».

98. Букв. «козел, траву поедающий в роше (?)».

99. По-видимому, определение «словно бык бодучий» относится к бурному потоку, но в основе сравнения, видимо, лежит представление о непредсказуемости поведения обитателей двора.

102—107. Видимо, смысл сентенции в том, что ничто не прочно по сравнению с обеспеченным, твердым благополучием.

114. Ср. «сапожник ходит без сапог».

115. Возможно, составляет пару с предыдущей строкой, по принципу противопоставления.

118—119. «Жест молитвы»: букв. «поднеси руку к носу» — ритуальный молитвенный жест, известный и по памятникам изобразительного искусства, но непонятно, почему дураку уделено столько внимания.

136—138. Так же, как и 59—62, по-видимому, адресованы женщине.

139—140. Перевод по Вильке.

144—146. Не исключено, что эти фразы раскрывают смысл строки 143, иллюстрируя порок многословия.

147. Альстер относит эту строку к Шуруппаку и переводит: «Первый человек своего города, знаменитый (?), мудрейший...».

161. Т. е. будет стремиться убеждать.

162. Т. е. она избалованна, мало ходит, может быть «плоскостопая». Альстер переводит: «Вскоре дом будет зависеть от нее (?)».

165. Можно перевести: «там, на Востоке...».

172. «Земляк тебя не поработит (?)». Тогда смысл предложения может быть: а стоит ли тогда путешествовать?

173. Перевод крайне недостоверен. Букв. «Когда имя поднимается на имя, то голову человек тянет (?)». У Альстера: «Когда ты среди (знакомых) имен, то можешь положиться на человека (довериться человеку)», но также с вопросом.

174. Возможно, каким-то образом связана с 173.

180—181. Букв. «Ты от глаз твоих работу не делаешь. От слов твоих нечто умножаешь (увеличиваешь)». Видимо, смысл — в призыве к делу.

183—184. Возможно, смысл предложения шире, чем близкое «нужда плясать заставит».

189. «Полбу—по лбу». Попытка передать игру слов: *zig* — «болезнь, горечь», но и «пшеница».

203. Для знака *tagd* беру значение *pētu* — «открывать». SL 63, 10.

206. Букв. значение глагола *dar* — «расщеплять(?)». Перевод по контексту.

213—216а. Перевод по Вильке. Альстер отделяет строку 213 от последующего отрывка и переводит: «Со спокойным (надежным) сердцем, с надежным настроением, с надежным серебром, с надежным лазуритом, с надежным деревом, с надежным скипетром, о мой малыш, ничто не сравнится».

217. Конец строки разрушен.

220—221. Видимо, запрет покупать осла во время жатвы (ср. строку 217) связан с важностью дел, которые нельзя совершать одновременно, однако конкретная причина (поверье ?) скрыта в полуразрушенной строке 221.

223. Букв. «оживый (?) человек делает приятное твоему боку (?)».

224. У Вильке: «Женщина с собственным имуществом правит домом».

226—227. Так буквально. Альстер переводит слово «рыбачка» как «женщина-грабительница», соответственно иначе интерпретируя всю строку.

244. Вторая половина строки разрушена, дополнена условно.

247. Букв. «пестрые» (часто «ярко-красные»), но возможно и иное толкование, знак *gūn* также имеет значение «сурьмовая паста»; в таком случае речь идет о подведенных глазах. Возможно, эту строку не надо присоединять к предыдущим.

248. Перевод условный. Буквальный смысл строки малопонятен.

249—250. Видимо, имеются в виду какие-то народные поверья, смысл которых от нас скрыт.

253—254. Явная параллель с текстом «В предвечные дни...», строка 155.

256. Или, может быть, «как дикого дракона» (?)

258—263. Перевод по Вильке, Альстер не восстанавливает плохо сохранившегося отрывка.

265—267. Перевод по Вильке.

269. Аналогична строке 158 текста «Царь в те дни...». Также и две последующие строки, хотя и не дают точной параллели, ассоциируются с этим текстом.

269—275 очень плохо сохранились, восстановлены частично Вильке и Альстером, но в различной интерпретации. 269—269 б — интерпретация Вильке, 270 (у Альстера 269)—275 — восстановление Альстера, однако отдельные фразы дополнены мною.

281. «Владычица Великих Таблиц» — покровительница письма Нисаба, к которой и обращена хвала в 282.

РЫБА МОЯ...

Дом рыбы

Перевод по изданию: *Civil M. The Home of the Fish. New Sumerian Literary Composition.* — Iraq. 23 (1961). P. 154—175.

По мнению Сивилия, издателя текста (копия начала II тыс. до н. э.), это — монолог от лица божества-покровителя рыб, рассказывающего рыбе о заботах, которые проявлены по отношению к ней, и приглашающего ее и всех других рыб поселиться в этом доме-убежище, чтобы избежать опасности, грозящей рыбам от хищных птиц. Божество это — богиня Нанше, покровительница рыб и птиц, о которой говорится, что она «та, кто любит рыб и птиц», и чье имя Сивилий восстанавливает в конце разбитых строк текста. Однако о божестве в конце произведения говорится не в первом, а в третьем лице, да и из самого текста никак не ясно, что речь ведется именно от лица божества. Действительно, лицо, приглашающее рыбу войти в построенное для нее жилье, проявляет себя как существо, заботящееся о ней, именует рыбу «любимой дочерью» (в тексте «сыном», ибо обращаются к рыбе-мужчине, главе рода). Но это может быть не обязательно бог, а, скажем, человек, заманивающий рыбу в какой-нибудь искусственный водоем, где разводят рыбу. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что при перечислении опасностей, угрожающих рыбе, ничего не сообщается о возможности быть пойманной человеком, а божество, упоминающееся в третьем лице в тексте, названо здесь не «покровительницей рыб», но «покровительницей рыбаблей», тех, кто ловит рыбу. Несколько смущает при подобной трактовке, что в перечислении рыб, которые приглашаются в «дом», встречаются явно несъедобные и даже опасные рыбы, как-то: скат (по-видимому, электрический), акула и т. д. Однако этому явлению могут быть свои объяснения: текст «Дом рыбы», как и ряд других текстов, читался, переписывался и изучался учениками Эдубы, вероятно, входил в учебную программу, и список рыб был, таким образом, учебным пособием, а весь текст помогал в живой и образной форме заучить сложные названия рыб.

Итак, текст, если мы правильно его понимаем, является обращением к некоей «рыбе» (в отличие от других, ни к какой породе рыб не относящейся, так сказать «образ рыбы») с приглашением прийти в подготовленное для нее убежище и там поселиться, по сути — заманиванием рыбы в ловушку, что придаст совершенно иную лукаво-ироническую окраску произведению.

1. По существу, фраза должна звучать иначе, ибо сохранившееся начало строки звучит: «Рыба моя, дом построенный...»; может быть, «я тебе подготовил» (?) или «тебя ожидает» (?).

5. Букв. «нить деления твоего». Обычно для слова «сеть» употребляется знак *sa*.

10. Характерно, что «дом» описывается как человеческое жилище и должен быть освящен при заселении.

12. Это второе упоминание пива, первое в строке 8; но там о нем говорится как бы мимоходом, а здесь эта тема подчеркнута, что особенно похоже на завлечение, заманивание рыбы.

19. И здесь, и дальше перемена по смыслу: не «супруга», но «супруг», не «сын», а «дочь», не «тесть», а «свекровь».

67. Восстановление условное.

70. Здесь и далее все породы перечисленных рыб даны по Сивилю, который проделал большую работу по определению рыб, консультируясь с ихтиологами.

75. Конец строки разбит.

83. Здесь и далее названия тех пород, что не удалось определить, даются по-шумерски.

86. Выражение не очень понятно. Сивиль переводит с вопросом: «кожа ее желудка».

87. У Сивили: «Мешок (кожа), покрытый волосами, которому не нужно движения».

91—92. Видимо, подразумеваются острые шипы электрического ската.

96. Букв. «сверкающая, блестящая взгляду».

99. Фраза дополнена по смыслу.

100. Текст полуразбит, дано какое-то конкретное название травы.

102. Смысл фразы плохо понятен.

109. Значение глагола неясно, перевод по аналогии со строкой 111, параллельной по смыслу.

111. *тум-тум* может означать «бегать», «избегать»; следовательно, буквально может быть: «избегают, отказываются» (?).

114. Может быть, «серебряная рыба (?)»; *азаг* — «серебро».

3'—7'. Так отмечены строки, дополненные из другой версии: их положение в тексте не очень понятно.

137. После перечисления разнообразных пород рыб начинается новая тема — описание разных пород птиц, которые могут угрожать нашей рыбе. Характерно, что и здесь сохранен принцип списка-справочника.

138. Породы птиц не установлены.

144—145. У птицы этой — ноги (т. е. плавники-конечности) рыбы. Может быть, это тюлень?

148. Нет полной уверенности, что это крокодил; может быть, какая-то определенная порода небольших крокодилов.

152—153. Имя богини восстанавливается с уверенностью, ибо в тексте — *гашана* (*зме-саль*) — «госпожа всех рыбаков», а известная покровительница рыб — богиня Нанше, чье имя включает знак рыбы.

ТРОСТНИКОВЫЕ ЗАРОСЛИ ЧТО ГОВОРЯТ?

Рассказ о цапле и черепахе

Перевод по изданию: *Gragg Gene B. The Fable of the Heron and of the Turtle. — Archiv für Orientforschung. 24 (1973). P. 51—72.*

Фрагментарный текст рассказа о цапле и черепахе — один из интереснейших памятников шумерской литературы. Состояние сохранившихся версий и частей версий пока не дает никакой возможности судить об окончании рассказа, мы не можем даже сказать, являются ли эти обрывки продолжением истории или частью совершенно другого текста, записанного на той же табличке, содержащей историю цапли и черепахи. Неясен и жанр произведения, хотя и носящего черты споров *адаман-дугга*, но в то же время существенно отличающегося от последних по построению.

Композиционно рассказ составлен изящно и искусно, что особенно ощущается в распределении ритмических повторов, образующих как бы стройный орнаментальный узор. Текст разбивается на отдельные отрывки, каждому из которых соответствует припев-восклицание, повторенное от пяти до одиннадцати раз в строках: 1—9; 12—21; 26—30; 39—47; 49—59; 73—77; 80—88; 90—99. Любопытным и необычным оказывается и то обстоятельство, что действие, развертывающееся в болотистых областях Шумера и по традиции связываемое с южной его частью, в этом рассказе распространено и на северные его области: Тутуб (совр. Хафадже в районе реки Диялы) и точно не идентифицированные Акшак и Киритаб (см. подробнее *Gragg, op. cit.*, p. 70—72).

4. В тексте: *a-дар* — по-видимому, тоже разновидность болота: букв. «вода в трещине, расщелине».

5. Букв. «В болотах связанных (соединенных)».

7. Букв. «Молодые побеги тростника». Камыш — здесь и далее — для разнообразия, ибо в тексте (строки 13—20) явно подразумеваются разные виды и породы болотных растений.

8. Букв. «Тростники жизни, малыши».

12. Вид растения, названного в тексте, неизвестен, название описательное.

15—16. Букв. «от корней верхушками».

19. Имя правителя Гудеи (чтение предложено Кл. Вильке) может дать основание для датировки текста.

26—30. Названия рыб большей частью условные и описательные, ср. текст «Рыба моя...».

29. Возможно, что не жаба, но какая-то порода рыбы среди густых зарослей — букв. «Маленькая рыба кин в траве лигилиги».

36—38 полуразбиты.

39—40 восстановлены по контексту.

68. Возможно: «гнездо мое построенное (устроенное)».

72. Букв. «второй раз».

108—115. Колофон таблицы основной версии дает число строк: 115. На другой стороне таблички идет текст, почти полностью разрушенный, который упоминает черепаху, Энки, посадку какого-то растения, однако степень связанности с предыдущим текстом установить пока трудно.

В ДОМЕ, ГДЕ ЕСТЬ ПИВО...

Наставление женщине

Перевод по изданию: *Van Dijk J. La sagesse suméro-accadienne. Leiden, 1953. P. 90—97.*

Миниатюра (двухязычный шумеро-аккадский текст начала II тыс. до н. э.) относится к группе распространенных среди памятников Эдубы текстов, которые приближаются к жанру наставлений, поучений, притч, побасенок, басен и т. д. и часто представляют собой живые, выразительные сценки из жизни или метко изображают, как в данном рассказе, человеческие характеры. Издатель текста считает, что первая часть рисует образ мужчины. С нашей точки зрения, смысл произведения — в противопоставлении образа идеальной женщины-хозяйки женщине-склочнице; суть наставления — вот, женщина, какова ты можешь и должна быть и какою ты быть не должна. Ни одна строка ни шумерской, ни аккадской версии (исключая указанные Ван Дийком) не противоречит такому толкованию. То, что варианты в одной строке не подчеркивают женский род, может быть небрежностью писца или просто объясняется тем обстоятельством, что писец не счел нужным в этой строке выделить женский род, считая само собой разумеющимся, что речь идет о женщине.

1. 1—3. В аккадском варианте: «В доме, где есть пища (хлеб), хозяйка его — булочница (женщина-пекарь)». В шумерском букв. «Большое имя есть».

4. В шумерском род не подчеркнут, в аккадском — женский род.

5. В шумерском — мужской род, букв. «с таким человеком», что может носить, как и далее, обобщающий характер: *лу* — не только «мужчина», но и «человек» вообще. В аккадском — женский род.

7. В шумерском: *са-ла* — «освобождать», но также и «прекращать»: в аккадском: «направлять»; общий смысл фразы: ты содержишь дом в порядке.

9—10. У Ван Дийка: «Ты надуваешь (даешь дыпать) нутро (утробу)...». Глагол *дуб-дуб*, однако, в преобладающем значении имеет смысл: «разрывать, разбивать, давить» и т. д., см. ŠL 352, 4,28. Эта строка, по нашему мнению, наиболее ясно свидетельствует, что все сказанное относится к женщине.

12. Шумерский текст предоставляет два варианта: 1. «Ты воистину есть человеческое существо (имеешь человеческую сущность)»; 2. «Ты есть житель этого города» (без обозначения женского рода). Аккадский вариант: «Ты воистину есть жительница этого города».

II. 2. Обратная сторона. Начало шумерского текста разрушено, перевод по аккадскому варианту. Букв. «Ты сидишь на порогах мужчин, ты даешь советы дому человека».

3—9. Начала строк шумерского текста разбиты, перевод по аккадскому варианту.

6. Букв. «Этих двоих ты заставляешь хватать друг друга».

8. Букв. «Дело еще не сказано, а ты уже доносишь на них (обвиняешь их)».

9. Шумерский текст сложен для перевода, поскольку часть текста разбита, однако сохранившийся глагол *уру* означает: «боронить, долбить, пробивать, бить». Перевод по контексту.

НАМЗИТАРА...

Энлиль и Намзитара

Перевод по изданию: *Civil M. Enlil and Namzitarta*. — *Archiv für Orientforschung*. 25 (1974—1979). P. 65—71.

Текст (начало II тыс. до н. э. — старовавилонский период) содержит пространнейший в мировом фольклоре рассказ о встрече с переодетым (преобразившимся) богом, умершим предком и т. д. и получении от него каких-то благ, награды или за сообразительность, или за добропорядочность (смирение, скромность), или же за оказание каких-то услуг. Намзитара («Благая судьба») встречает преобразившегося в ворона бога Энлиля-Намутару («Дарующий благую судьбу») и благодаря своей сметливости и смирению перед богом получает награду — по толкованию М. Сивила, постоянную должность при храме и некую земельную собственность, важный источник семейного наследственного владения в старовавилонском Ниппуре, откуда происходит текст. Характерно, что Энлиль подчеркивает, что *си-са* («справедливость») получают (букв. «схватят») потомки Намзитары. Обыгрываются имена главных действующих лиц, слова «судьба-птица» — *нам*; возможно также *уза* — «ворон» и *уа-за-зу* — «когда я воистину узнаю», «(узнаю) ворона». Совершенно неясен намек на Энмешару — «господина всех Сутей», мифологического предка Энлиля, однако из других источников известно, что каким-то образом он был захвачен, пленен (неизвестно, правда, кем) и лишен власти. По-видимому, текст принадлежал к числу сочинений, которые изучались в школе. По нашей трактовке, в первой части рассказа реальная встреча с Энлилем необязательна. Намзитара лишь грезит о нем, и первый диалог происходит лишь в воображении Намзитары. Тогда о встрече Энлиля и Намзитары рассказывается начиная с 12-й строки: «Энлиль обличье свое поменял, вороном обратился и каркает». Возможно, Энлиль подслушал заветное желание Намзитары.

1. Букв. «Намзитара об Энлиле грезит/мечтает(?)». Глагольный корень *заль*, условно переведенный Сивилем «идет, следует» (Намзитара за Энлилем идет), такого значения не имеет и перевод дан по контексту. Перевод первой строки — интерпретационный, разъяснительный, ибо в противном случае текст останется непонятным. Таким же способом раскрывается прямо в переводе имя Намзитары и, соответственно, в строке 18 — эпитет Энлиля — Намутара.

6. Букв. «Я пасу овец у жреца *зуда* (храмовая жреческая должность)». Судя по дальнейшему, речь идет о работе Намзитары у жреца не в храме Энлиля, а в каком-то ином, и строку 4 следует понимать, что Намзитара посетил храм Энлиля, может быть для молитвы.

16. Букв. «тот, кто решает (определяет) судьбы». Грамматически должно звучать *му-нам-тар-ра*. Неправильное образование, видимо, взято специально, чтобы подчеркнуть близость не только смысла, но и звучания: *нам-зи-тар-ра* — *нам-му-тар-ра*.

17—18а. Букв. «Когда Энмешару, брата отца твоего (общее значение: "предка"), поволокли на иеренке (?), от "энлильства" (т. е. господства) отставили, — "вот, отныне, словно господин (верховный жрец?), судьбу (птицу) я узнаю" — (он сказал)».

20. Следует, видимо, понимать: придут для грабежа или поровства.

27. Сивиль видит в *си-са* нечто близкое пребендарии: в католической церкви — земля, дающая доход (пребенду), при должности, передающейся по наследству.

ЛЕВ СХВАТИЛ КОЗУ БЕЗЗАЩИТНУЮ ПТИЦЕЛОВ, ИМЕЯ С СОБОЙ ПИВО... В НОРУ ВБЕГАЕТ ЛИСИЦА...

Перевод по изданиям: *Alster B. Paradoxical Proverbs and Satire in Sumerian Literature. — Journal of Cuneiform Studies. 27 (1975). N 39, 40, 38, 31, 19, 20, 32, 33; Kramer S. N., M. Çig, H. Kizilyag. Five New Sumerian Texts. — Belleten 16. Ankara, 1952. P. 363—365, N 1—7, 10; Young G. D. Utu and Justice. — Journal of Cuneiform Studies. 24 (1972). P. 132; Alster B. Sumerian Proverb Collection Seven. — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale. 72. N 2. 1978. N 24, 48, 77; Sjöberg A. The Old Babylonian Edubba. Sumerological Studies in Honor of Th. Jacobsen. — Assyriological Studies. 20. 1975. P. 159.*

В дополнение к сборнику «Поучений Шуруппака» приводится еще ряд басен и пословиц из многочисленной сокровищницы дошедших до нас памятников народного творчества. Игра слов, меткость непосредственных наблюдений, богатое употребление риторических и звуковых фигур отличают эти миниатюры. Как и в случае с «Поучениями Шуруппака», интерпретация их не бесспорна и часто субъективна, поэтому многие выражения переведены иначе, чем у других издателей текста, что в комментариях не всегда оговорено — интересующийся читатель может обратиться к соответствующим изданиям.

А. ЛЕВ СХВАТИЛ КОЗУ БЕЗЗАЩИТНУЮ

5. Игра слов и словосочетаний: *умум* (*диг₆* — «кричать, звать», но и «обманывать»?) и *му-ум-мум* — «мое имя». Слова стоят в начале и в конце строки, обрамляя ее.

7. Новая игра слов, основанная на значениях глагола *бур* — «обходить вокруг» и «освобождать».

9. Обыгрывает значения *бур* и *умум*, что не удалось передать в переводе.

Б. ПТИЦЕЛОВ, ИМЕЯ С СОБОЮ ПИВО...

6—ба. В тексте *е-сиг* — «птица» и *бурус* — «воробей» или «ласточка».

12—13а. Неясно, относятся ли эти строки действительно к служанке или к жене.

13. Знак в начале строки неясен. Альстер читает *ете* (?) — «язык». В таком случае значение фразы может быть близким нашему: «прикуси-ка язык».

В. В НОРУ ВБЕГАЕТ ЛИСИЦА...

Пословицы, приведенные здесь, взяты из разных сборников, и нумерация не соответствует порядку расположения в сборниках.

I, 5. Неясно, кто произносит эти слова — собака или лисица. И тот и другой вариант возможны.

II. По-видимому, относится к ребенку. Имя *ба-ан-ду* («он бежит», «бегун») и выражение *ба-ан-дуг* («его называли», «говорят») обыгрываются по созвучию.

VII. Русский аналог — «не бей лежачего».

VIII. Нингишзида связан со смертью (с подземным миром).

IX, 2. Букв. «Не знает задерживающей (останавливающей) руки».

XV. Пословица записана на табличке круглой формы, следовательно учебной. На одной стороне — запись текста, на другой — цифры.

НЕКИЙ СТАРЕЦ К ЦАРЮ ОБРАТИЛСЯ...

Рассказ о старике и девушке

Перевод по изданию: *Alster B. A Folk tale in Studies in Sumerian Proverbs. — Mesopotamia. 3. Copenhagen, 1975. P. 90—96.*

Сказка-притча демонстрирует нам сюжет, распространенный в мировом фольклоре, где даны задача-загадка, мудрец-толкователь (нередко им бывает мудрое дитя) и получение желаемого, часто магического, объекта, в данном случае — молодой девушки престарелым мужчиной. Также обыгрывается популярная в мировом фольклоре (см. Каталог Аарне-Томпсон (AaTh875 + 921) = AaTh915), особенно часто — восточном, тема омоложения с помощью девушки. Однако начало и конец текста разрушены, и поэтому нет возможности классифицировать его более точно, хотя, насколько можно судить по настроению памятника, в конце речь должна будет пойти о счастливом исходе, а не об осмеянии героя, как то иногда дает фольклор. Подробнее см. *Афанасьева В. Шумерский литературный текст с фольклорными мотивами. — Сб. Памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 55—59.*

9—13. В нашем толковании (у Альстера иначе) старец задает царю загадку, выражаясь иносказательно. Именно поэтому царь вынужден обратиться к мудрецу. В тексте *зикрум* (аккадское слово) — «муж», однако он выступает в функции мудреца, что и добавлено в переводе.

27—35а. Старец уже более откровенно раскрывает всю бедственность своего положения, однако все еще говорит загадками и образами, возможно оттого, что ему неловко говорить прямо.

31. Или мангуста (так у Альстера). Знак, однако, обозначает род мыши.

34—35. Скорее всего, речь идет не о сыне и не о служанке, а о потере старцем сексуальной силы, о чем он опять-таки говорит иносказательно.

ЦАРЕВУ ПОСЛАНЦУ, ЧТО В ПУТЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

Послание Лудингиры

Перевод по изданию: *Civil M. The «Message of Lúdingirra to His Mother...». — Journal of Near Eastern Studies. Vol. 23. N 1. 1964. P. 2—11.*

Сохранилось четыре шумероязычных таблички старовавилонского периода текста «Послания Лудингиры», причем один из колофонов содержит имя царя Самсуилуны (1749—1712 гг. до н. э.), а также два очень фрагментарных трехязычных текста из архива Богазкёя — шумеро-аккадо-хеттская версии. Этот литературный памятник составлен в форме письма, и введение начинается стереотипным обращением частных писем: «Такому-то передай (скажи)...» Посол, отправляющийся в Ниппур, получает от некоего Лудингиры поручение — най-

ти его мать Шат-Иштар и передать ей от него, нежно любящего ее сына, привет. Содержание самого текста составляет перечисление пяти групп признаков, по которым посланец должен узнать мать и каждая из которых представляет собой маленький гимн-восхваление. Лудингира — «человек бога», распространенное шумерское имя и, возможно, в данном случае литературное имя определенного героя, принятое в писцовых сочинениях: сравни плач Лудингиры по супруге Навиртум и по отцу (см. ниже). Характерно, что имя матери уже аккадское: «Шат-Иштар», что означает «принадлежащая богине Иштар».

Описание матери Лудингиры изобилует сравнениями и выражениями, более приличествующими описанию юной возлюбленной, чем матери, и на это уже обращено внимание исследователей: Купер (см. *Cooper J. S. New cuneiform Parallels to the Song of Songs. — Journal of Biblical Literature. Vol. 90. Pt. 2. 1971. P. 157—162*) приводит параллели с библейской «Песнью песен», а также с рядом других текстов явно эротического содержания — например, сравнение в строке 35 — «сад наслаждения» и название песни № 26 в каталоге любовных песен из Аппшура: «Сад твоих прелестей (наслаждения) он ищет». Исследователями высказывалось предположение, что речь идет не о реальной матери Лудингиры, но о богине Инанне, со ссылкой на имя матери. Нам все же представляется, что именно имя матери, равно как и строка 16 текста: «Как за кумирней Инанны присмотреть, ей ведомо», может говорить о какой-то связи женщины с богиней Инанной, о выполнении службы в культе богини, но не о том, что речь идет непосредственно об Инанне. Скорее другое — автор текста для описания достоинств матери воспользовался набором эпитетов и признаков из стереотипного арсенала обрядово-любовной или просто любовной лирики, отсюда и аналогии с библейским произведением, автор которого также воспользовался характерным для древневосточной поэзии топомосом: так, сопоставляемые Купером строки 22—31 шумерского текста и 5:10—16 «Песни песен» дают: первое — описание матери, второе — возлюбленного невесты.

12—13. Букв. «Милостивая (добрая) богиня ее городского квартала, с ранних дней (малолетства) установила (определила) ей судьбу».

16. Букв. «за местом Инанны...».

22. Эпитет, употребленный здесь, в фигуративном смысле означает «ясный (сияющий, сверкающий) свет», а в буквальном — или какой-то драгоценный камень, или металл, по мнению Сивиль — электр, сплав золота и серебра, и, возможно, смысл сравнения именно с электром, добывающимся в далеких горах; тем более, что весь перечень признаков «второй приметы» построен на конкретных драгоценных и редких ископаемых, добываемых в конкретных местах: «топаз из Мараша» и т. д.

25. Знак в строке неясен и спорен, Сивиль восстанавливает *шеш* — «брат» с вопросом, Купер — *думу-саль* («дочка»), также под сомнением. *Гиль-са* оба исследователя переводят как «сокровище, приз». Однако знак *гиль* имеет значение «корона, диадема», см. SL 67, 1. В сочетании с *са*, может быть, «сетчатая диадема» (?), ср. золотую сетку-шапочку — украшение из царских гробниц Ура.

26. Букв. «печать из камня *нйр*» — какого-то драгоценного камня.

27. *хар* — «браслет» — предмет весом от 5 до 10 *сиклей*; *шу-гур* — «кольцо» — предмет весом в 1 *сикль*, следовательно, такой маленький предмет может быть надет только на палец. Кольцо *антасуры* упоминается и в других шумерских текстах, где имеет магическое значение; буквальное значение неиз-

вестно, но, возможно, какой-то камень или металл (есть «топор *антасуры*»). Иногда Антасура понимается как географическое название.

30. Букв. *лама*, здесь в значении «статуя, фигурка», а не «богиня-хранительница».

31. В тексте *КА* — «зубы, кость» (?).

36. Может быть, «белый кедр» (?), «ель» (?).

37. Возможно, «ранние фрукты — рождение первого (весеннего) месяца».

38. Букв. «Канал, несущий роскошные (полные) воды к садам».

39. Видимо, финики с острова Дильмун отличались особым вкусом. В текстах упоминается «финиковая пальма острова Дильмун».

42. Букв. «на праздник Акиту» — новогодний (осенний) праздник урожая.

43. Начало строки не очень понятно, перевод по контексту. Может быть, букв. «роскошна обликом» (?), ср. для *лу-лу* — «роскошный, богатый», *SL* 537, 142, для *зу* — «взгляд, облик», *SL* 559, 2.

44. Букв. «Она приносит радость в место плясок».

45. Возможно, «Любимая, любимое сердце».

51. Букв. «Связка фруктов, гирлянда (?), растущая великолепно».

52. Букв. «Фиал устричной (?) раковины, залитый благовониями».

53—53а. Букв. «Когда ты встанешь в ее сияющем (присутствии) благодаря знакам (приметам), которые я назвал тебе».

ЛУДИЛУДИ, МАТЕРИ МОЕЙ, ТАК СКАЖИ...

Письмо обезьяны

Перевод по изданию: *Powell M. A. Ukubi to Mother... The Situation is desperate. — Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 68. 1978. P. 163—195.*

Письмо обезьяны своей матери построено по типу частных и служебных писем, с помощью которых обычно передавали срочное сообщение: вводная формула, где за именем адресата идет имя пишущего, а точнее, диктующего письмо: «Говорит такой-то», содержание письма и заключительная формула, как ее принято называть, *амару*-формула. *Амару* — букв. «буря, ураган, потоп» — писалась в конце письма, когда надо было подчеркнуть срочность дела или катастрофическое, угрожающее положение, в котором находится посылающий весть. В царских письмах, скажем, Шульги, эту фразу можно перевести словами — «дело срочное» или «немедленно», в данном случае русское выражение «караул» представилось наиболее адекватным ситуации, описанной в тексте. Письмо составлено от имени обезьянки, сидящей где-то на задворках учебного заведения, возможно типа нашего музыкального училища, и умирающей, по ее словам, от голода. Писец-автор произведения явно задался целью составить пародийный юмористический текст и взял за образец обычный деловой документ. Укуби, переведенное здесь как имя собственное, и означает «обезьяна». Для шумерской литературы характерно обращение к стереотипным, формульным жанрам (письмо, заклинание) с перенесением содержания в иную плоскость — ср. любовные заклинания, послание Лудингиры своей матери и др.

ВОНЬ ПРОРОСЛА, КАК ПАХУЧИЕ ТРАВЫ

Заклинение вонь

Перевод по изданиям: *Alster B. A Sumerian Incantation against Gall. — Orientalia. Vol. 41. Fasc. 3. 1972. P. 349—358; Michailovski P. Carminative Magic: Towards an Understanding of Sumerian Poetics. — Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 71. 1981. P. 1—18.*

Заклинение против горечи во рту (желчи) и газов, вздутия живота и т. д. тем не менее не является специфически медицинским текстом. В шумеро-аккадской мифологической традиции конкретное событие — заболевание человека — включается в общий космический порядок и проявляется как часть его. Соответственно и лечение требует не просто конкретных мер, но и обращения к высшим силам через бога-посредника. Текст состоит, таким образом, из трех частей: описание желчи — *ze*, которая рисуется в поэтических образах-сравнениях и одновременно является описанием состояния больного; обращение к персонифицированной желчи (вонь) с заклинанием, а также к богам, обладающим над ней властью, а в конечном счете — к богу Энки, владыке мудрости, отцу и покровителю богов-врачевателей; и наконец, заключительная часть — обращение к лекарю с описанием способа исцеления и лекарства, которым оказывается обыкновенная соль. Заклинение составлено в стихотворной форме с ритмическим построением каждой части, с образными сравнениями, применением параллелизмов и является законченным поэтическим произведением. Из шести ныне известных нам копий три — старовавилонского периода (начало II тыс. до н. э.) и три — от начала I тыс. до н. э.: две из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанапала и одна — нововавилонского времени.

4. Букв. «поднимает (поворачивает) белое (?)».

6. Букв. «Подобно змее сожженного (горелого?) места...». В других переводах — «грязного(?) места». Может быть, «Подобно змее, корчащейся на огне» (?).

15. С этой строки начинается конкретная рекомендация врачу.

16—17. Слов «больному» и «соль» в тексте нет, они добавлены по смыслу. Другие переводы дают несколько иную интерпретацию текста.

ДЕВА СЛАДОСТНАЯ СТОИТ НА УЛИЦЕ...

Любовное заклинание

Перевод по изданию: *Falkenstein A. Sumerische religiöse Texte. — Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge. 22 (56). 1964. S. 119—129.*

Любовное заклинание в помощь влюбленному юноше составлено по типу стандартных шумерских заклинаний от болезней, с небольшими отклонениями. Место, отведенное описанию злых демонов болезни, занимает описание прекрасной девушки, священной проститутки, жрицы богини Инанны, на месте больного — молодой человек, охваченный любовным недугом. Бог Энки и сын его Асалухи — главные действующие лица в подобных заклинаниях, помощники людей в их нуждах и горестях, причем постоянно подчеркивается преем-

ственность знания и мудрости богом-целителем, сыном верховного божества мудрости.

1—3. *Кар-кид* — букв. «ходящая, шляющаяся по рынку». «Ночлежище» — постоялый двор. В обязанность жриц этого рода входило занятие проституцией в общественных местах. Профессия эта, как подчеркивает текст, почиталась священной и благородной, и эпитет «сладостная» включает также значение «благородная», «необычайно прекрасная». Кроме того, любовь девы нужно заслужить, добиться ее благосклонности.

19. Букв. «тростником ударила», т. е. тростниковой стрелой.

32. Глагол добавлен по смыслу.

33. Возможно, эти слова произносит уже сам молодой человек, добивающийся любви жрицы Инанны. Выражение *думу-эр-пад-да* — букв. «тоскующий, горюющий ребенок» — можно читать как *тур-эр-пад-да* — «тоскующий юноша».

НА ЖЕНУ ГЕРОЙ, СЛОВНО БЫК МОГУЧИЙ...

Заклинание для роженицы

Перевод по изданию: *Van Dijk J. Incantations accompagnant la naissance de femme. — Orientalia. Vol. 44. Fasc. 1. 1975. P. 52—79.*

Заклинания, назначение которых — помочь роженице во время родов, были очень распространены в клинописной литературе. Обычно такие закливания сочетают в себе мифологический план с конкретным, часто натуралистическим описанием процессов зачатия и родов. Основой мифологического сюжета служит, как правило, рассказ о божестве луны Нанне (Зуэне), который спускается в священный загон, чтобы оплодотворить священную корову, нередко носящую имя «раба (служанка) Зуэна». Мужчина в родовом заклинании часто может быть назван быком, а женщина — коровой. Другой мифологический мотив, обыгрываемый в заклинаниях, — сравнение рожавшей женщины с ладьей, наполненной драгоценным грузом и хранящей сокровища. Как и в прочих заклинательных текстах, первым богом-помощником в таких случаях является Асиллухи, и обязательным компонентом оказывается получение им разрешения на действия от его отца Энхи.

1. Слово «Заклинание» стоит в тексте не как заглавие, но как первая строка, что характерно для литературных текстов Двуречья (см. «Заклинание вонии» и др.).

3—4. Букв. «Внутри (в лоно) оплодотворил связью/членом, человеку данным».

9. Плохо сохранилась, перевод по контексту.

12. Букв. «как ладья жреца». Смысл сравнения в том, что, как ладья натягивает паруса, так женщина натянула на себя одежду.

14. Букв. «ладья руки человека». Перевод «супруга» — предположительный. «Цветные камни» — лазурит и сердолик.

15. Точное значение глаголов неясно, возможно, из-за малоупотребительности терминов и специфичности значения; перевод по смыслу и по контексту (*нап-халь* — «волновать, дрожать», *халь* — «открывать», а также «то, что открывается», «то, что между ног», «промежность»).

43. Букв. «на крышу/верх стены».

44. Сравнение, типичное для болотистого Шумера. Общий смысл — сравнение потока вод с предродовыми водами, отходящими перед выходом плода.

49—50. Сложны лексически и грамматически, но общий смысл ясен и подтверждается другими контекстами, в частности аккадским эпосом об Атрахасисе, где рассказывается о сотворении человека (см. «Я открою тебе сокровенное слово». — Литература Вавилонии и Ассирии / Пер. с аккад., сост. В. К. Афанасьева и И. М. Дяконов. М., 1981. Строка 58).

У-А, А-У-А, СОН, ПЛЫВИ...

Колыбельная

Перевод по изданию: *Kramer S. N. u₃-a a-u-a: A Sumerian Lullabe (With Appendix by Thorkild Jacobsen).* — *Studi in Onore di Edoardo Voderberg.* 6. 1971. P. 191—205.

Текст из раскопок Ниппурской археологической экспедиции в конце XIX века, был определен его издателем, профессором Крамером, как колыбельная песнь. Судя по характеру письма, он датируется началом послешумерского периода, но упоминание в тексте имени второго правителя третьей династии Ура царя Шульги дает возможность датировать если не создание, то запись временем этого правителя. Текст, частично на языке *аме-саль*, по всей вероятности, входил в программный курс обучения Эдубы и неоднократно переписывался. По мнению профессора Крамера, слова колыбельной вложены в уста жены Шульги, и Крамер предполагает даже, что это могла быть царица Абисимти. Укачивающая ребенка молодая женщина поет колыбельную, то обращаясь к ребенку, то ко сну, который она призывает. Крамер видит прямые указания на то, что речь идет об одном из не названных по имени сыновей Шульги, не только исходя из строки 23 текста, но и строк 95—97, где мать, по его мнению, обращается к сыну как к будущему царю и призывает его к защите городов Ура и Урука.

Профессор Т. Якобсен, комментировавший текст и давший свой перевод отдельных мест, интерпретирует текст несколько иначе — он считает, что слова колыбельной обращены исключительно ко Сну, который в тексте персонафицирован, но не деифицирован. Мать призывает его, прославляет, обещает принести ему жертвы, проклинает его и т. д. О сыне, по мнению проф. Якобсена, она говорит только в 3-м лице. Слова «господин» и даже «господин Шульги» употреблены здесь в общем смысле и не несут конкретного указания именно на царского сына.

Колыбельная, сохранившаяся примерно на три четверти, имеет явные следы «сочинительства», авторства. Песня представляет собою как бы рассказ о процессе укачивания ребенка, о смене состояний его и матери и, соответственно с этим, включает разные ритмы (мелодии), передающие разнообразную гамму чувств, которую обычно испытывает молодая мать, укачивая младенца, — нежность, радость, потерю терпения, если малыш не засыпает, новую попытку укачать ребенка и т. д. Как нам представляется, колыбельная распадается на следующие части:

1—9. Обычная при укачивании мелодичная запевка — призыв сна, обращение ко сну, просьба усыпить ребенка.

10—14, 15—19. Продолжение укачивания. Как обычно в таких «укачках», обращение к ребенку и ко сну чередуются. Ребенку говорится, что сон прихо-

дит к нему, и тут же обращаются ко сну, который, таким образом, отчетливо персонифицируется для ребенка. И мать, и ребенок, и сон делаются как бы участниками общего дела — «засыпания».

20—23. Скорее всего, обращение ко сну, но, может быть, и к сыну. Главное здесь уже не смысл того, что говорится, а набор звуков, игра словосочетаний, монотонное повторение одних и тех же (или близких по звучанию) слов, что должно способствовать убаюкиванию; и здесь фраза «сыну господина, господина Шульги» звучит скорее как забалтывающая фраза.

24—26. Такая же припевка, где поющая может и не следить за смыслом и один образ рождает другой. Обычно такого типа запевки импровизируются на ходу, и можно думать, что автор либо повторил слышанную припевку, либо же искусно воспроизвел ее.

27—38. Возможно, ребенок затих, и мать, продолжая укачивание, позволяет себе помечтать — эта часть колыбельной предназначена исключительно для нее, а не для сына, и в образ своего выросшего сына и его будущей жизни она привносит себя, свои нынешние ощущения.

39—48. Пока она размечталась, ребенок снова забеспокоился. Мать потеряла терпение — и начинается запугивание ребенка. Все угрозы, которые высказываются, шуточные и несерьезные — и запугивание не дается не всерьез («Муха бороду свою выщиплет»), чтобы не напугать малыша.

49—53. Новое укачивание, возможно более энергичное, это не столько укачивание, сколько «утряска» ребенка.

54—63. Частично продолжение укачивания, но заодно и благопожелания.

64—67. 78—94. Похоже, что ребенок задремал и мать старается своим ритмичным напевом и повторением одних и тех же слов («приплывет, приплывет») поддержать это состояние дремоты.

95—100. Возможно, залаяла собака, и начинается пугание собаки. Разбудила или нет собака ребенка, неизвестно, так как конец песни не сохранился.

1. Первая строка звучит: *у5-а, а-у-а*, где знак *у5* означает глагол «прыгать, скакать верхом» и т. д., но может быть и просто подражательным укачивающим звуком; так же и *у* — «сон». В переводе переданы обе возможности.

19. Букв. *зимера(?)*. Мать, стараясь задобрить сон, дает обещания от имени сына.

33—34. Букв. «Жена, на коленях его горячих, воистину она будет там лежать, сын, на руках ее раскинутых, воистину он будет там лежать».

38. Букв. «Сынок, в лоне сладком ее воистину он будет увеличиваться».

49—51. Значение глагольных форм плохо понятно, однако ясно, что фраза построена на комбинации и чередовании звуковых сочетаний — *лам-лум* и звукоподражательного *у-а*, что и передано в переводе.

64. Крамер переводит «загон», но знак имеет также значение «пастух».

65—67. Полуразрушены.

78—94. Плохо сохранившийся отрывок, с уверенностью восстанавливается лишь глагольная форма *у5* («приплывать», «приезжать»). Возможно, малыш должен увидеть во сне перечисленное матерью.

92. Букв. «А ты лежи во сне...». У Якобсена: «А ты, сон, лежи...».

95—96. Крамер и Якобсен дают иное толкование строк. Однако глагольная форма может рассматриваться не как императив (так у них), но в параллель с предшествующей строкой 93 как инфинитив с частицей *би* — «в этом

стоянии». «Заклинатель с кнутом» и «страж (дополнено по смыслу) с жаровней» — для отпугивания злых духов.

97—100. Неясно, имеется ли в виду реальная, только что залаявшая собака или собака как образ зла — развитие темы строк 96—97 — отпугивание от младенца злых духов.

ЗЛОЙ ДЕНЬ ЗАХВАТИЛ ЕЕ...

Плач Лудингиры по своей жене Навиртум

Перевод по изданию: Крамер С. Н. Две элегии на табличке Музея им. А. С. Пушкина. М., 1960.

Табличка с текстами литературного содержания была подарена музеем в 1927 г. шумерологом В. К. Шилейко, который, по-видимому, сам не успел заняться ее изучением, и впоследствии опубликована американским исследователем С. Н. Крамером.

Текст происходит из Ниппура и датируется приблизительно 1700 г. до н. э. Есть все основания считать, что две погребальные песни, записанные на этой табличке, являются не подлинными плачами, но литературными упражнениями, составленными педагогами и поэтами шумерской писцовой школы. Есть и свидетельства о том, что эти тексты изучались в школе — до нас дошли начальные строки текстов, по несколько раз переписываемые учениками. В первой «элегии» Лудингира оплакивает своего отца, неожиданно скончавшегося, во второй — свою супругу. Текст, содержащий плач по Навиртум, менее фрагментарен, и хотя его нельзя отнести к полностью понятным памятникам, все же содержит меньше темных и спорных мест, чем текст плача по отцу. Характерно, что, как и в первом тексте о Лудингире, имя героя — шумерское, а его жены — кому посвящено произведение — аккадское.

Нумерация текста двойная: слева порядковое число реальных строк текста, справа — издателя, поскольку плач по отцу и по жене объединены общей нумерацией.

Большую часть песни занимает пролог, начинающийся сообщением о смерти Навиртум и посвященный описанию ее прекрасных качеств. Затем в образных выражениях рассказывается о горе жителей города Ниппура.

Далее, по-видимому, описывается заупокойный обряд, но отрывок этот (132—138) очень фрагментарен. Меньшая часть песни содержит собственно плач по Навиртум, а также несколько молитв за покойную и ее семью.

5.117—6.118. В тексте дается название чана: *гаккуль*. Сравнение женской груди или тела с сосудом-чаном — распространенный прием шумерской литературы.

51.163, 55.167. Корова *шилам* — «священная корова» (?).

51, 55.163, 167. Сравнение любимой жены с драгоценным оружием, приведшее С. Н. Крамера в недоумение, кажется нам в устах древневосточного мужчины, потенциального воина, вполне естественным и традиционным: покойника принято сравнивать с самым лучшим и дорогим, а также и близким по духу предметом.

62.174. Видимо, имеется в виду путешествие бога солнца ночью по подземному миру.

62.174—66.178. По-видимому, речь идет о пожелании покойнице благополучия в подземном мире.

БОГИ-ПОХИТИТЕЛИ...

Закливание духов мертвецов

Перевод по изданию: Schramm W. Ein Bruchstück einer zweisprachigen Beschwörung gegen Totengeister. — *Orientalia*. 26. S. 405—408.

Фрагмент двуязычного заклинания против духов мертвецов состоит из описания злобной, пагубной деятельности духов усопших, вышедших из могил за жертвоприношениями, и почти полностью разрушенной молитвы-литании, которая должна ослабить их влияние и заставить вернуться в могилу. Духи мертвых заклиняются всеми богами неба и земли — обычно идет довольно подробный список-перечисление, восстанавливать который, однако, мы не считаем возможным, ибо каждый круг городов, кроме общегосударственных и общекосмических богов — Энлиля, Ана, Уту, Наннара, Энки, Инанны и др., — имел свой собственный пантеон чтимых божеств.

Двойная нумерация текста отражает: 1) порядковый номер строк; 2) номер реальных строк текста, где пропущенные строки соответствуют строкам аккадского перевода, включенным составителем в общее число строк (поставлены в скобки). Комментирование по порядковому номеру.

1. Традиционный перевод (его придерживается и Шрамм) «скованные, связанные боги». Основное значение глагола *дйб*, однако, «похищать», «хватать», что больше соответствует смыслу: речь идет именно о духах-похитителях, хватающих, уносящих положенные им жертвы, а в случае отсутствия последних — живых людей. Отсюда тот ужас, который они вызывают, и необходимость их умиротворить.

7. В аккадском переводе — «все вместе», «всем скопищем». Есть особая злобная семерка злых духов, которая действует сообща, но в данном случае речь может идти и о группе духов большей численности.

9—10. Шрамм не переводит эти строки. Наш перевод пробный, основан на чтении последнего знака строки (15) как *эш*, обозначающем исходный падеж — *шэ* с утерей конечного гласного; интерпретацию идеограммы *шу-ха* в ее значении «грабеж, разбой» см. *SL* 354, 40b—e; восстановление в конце строки 10 (16) глагольного корня *-PII-* для составного глагола *габа-ри* «соперничать», «иметь соперников», на основании следов знака *габа*.

11. Перевод глагола по контексту. Может быть, последний знак строки — не идеограмма, но фонетический вариант глагола «ходить»? Тогда трехкратное повторение корня *ду* — явление редкое, но встречающееся, может подчеркивать интенсивность действия.

14—17. Восстановление условное. Так как первый знак строки 15 *уль* (если это первая часть составного глагола) встречается в глаголах со значением «восседать в радости, восседать высоко, возносить, радоваться» — *уль-ака*, *уль-туш*, *уль-сиг* и т. д., то вряд ли в этих и последующих строках речь идет об обычном мифологическом топосе: боги Игиги и Ануннаки дрожат и приходят в ужас от какого-либо явления, дрожат, забиваются в расселины скал, в земные щели; хотя и такая возможность не исключена (тогда надо будет восстановить в строке 17 что-то вроде: «В Экуре столпились (сгрудились)», т. е. от страха).

20—22. Восстановление разбитых мест условное, по контексту, с опорой на строку 19 и часть сохранившихся знаков в строке 20: *cir* (?) — «улочка, переулок».

23. Возможно, начиная с этой строки идет перечисление и описание демонов, вышедших из земли.

26. Имя Сумукана восстановлено условно, хотя за ним следует его обычный эпитет. Возможно также Шаккан (Саккан).

28. Имя богини-покровительницы растений (видимо, написанное в начале строки) может быть любым: от общей покровительницы всего живого (в том числе и растительности) — Нинту, Нисабы и т. д. до какой-нибудь менее значительной богини, например Утту.

30—31. Строки выделены горизонтальными линиями в тексте.

ЛУГАЛЬМУРУБ, СЫН ЗУЗУ...

Посвятительная надпись

Перевод по изданию: *Ali Fadhil A. Dedication of a Dog to Ninlilugga. — Archiv Orientalni. 34 (1966). P. 289—293.*

Надпись-посвящение богине-целительнице Нинтинутте (одной из ипостасей богини врачевания Гулы) входила в число двадцати текстов, помещенных на одной большой глиняной табличке, включавшей собрание писем — царских и частных, юридических документов (в их числе — объявление об утере печати), а также произведений религиозного характера. Сохранились копии этого текста и на отдельной табличке. В сборнике посвятительная надпись была помещена после литературного текста, где к Нинтинутте обращалась за помощью больная по имени Ипаннака. Имя *уммиа* (ремесленника высокой категории) Лугальмуруба также встречается среди текстов этого собрания: дважды в письмах к царю (или к хозяину?), по имени не названному, и один раз в письме к сыну Эпильмассеу. В посвятительной надписи мастер сообщает, что он сделал статуэтку собаки и посвятил богине. Собака была священным животным Гулы. Не исключено, что первоначально надпись помещалась на самой фигурке, а впоследствии была скопирована и вошла в группу текстов, служивших учебными пособиями. «Письмо обезьяны» также входило в группу текстов этой таблички.

2. Издатель переводит: «Оракул, предсказание», однако ср. *лу-кин-гиз-а* — «посол, гонец». Смысл фразы может быть двояким: собака — посланец богини, и, кроме того, к богине посылается статуэтка собаки.

3—За. Возможно, описывается поза собаки. Восстанавливаю конец строки: *зү [dē]* — «говорить, сообщать, звать».

6. Текст дает варианты: *а-заг-гиз* и *а-гиз-гиз*. В первом случае это Азаг, демон болезни, т. е. сама болезнь, во втором — «сила болезни черная» или просто «черная сила». Глагол *бар-аг*, букв. «отставлять в сторону», «уводить», вопреки мнению Ф. Али, мне кажется, в данном случае соответствует контексту.

8. Букв. «Место черное это ты знаешь» или «Ты, знающая место их черноты (т. е. болезни) в большой степени». У Ф. Али — иначе.

9. Букв. «заклинательница больного».

12. Восстановление второго имени собаки условное. Ср., однако, имя *Уршага* — «пес благой» в письме № 6 этой же коллекции. Следы знака похожи на *ур*.

ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ
НИНУРТА-САГЭНТАРБИ-ЗАЕМЕН...

О том, кого укусила собака

Перевод по изданию: *Cavigneaux A. Texte und Fragmente aus Warka. — Bagdader Mitteilungen. 10. 1979. S. 111—117.*

Текст был обнаружен в слоях I тыс. до н. э.; судя по колофону, датируется первым годом правления царя Мардука-балацу-икби, что соответствует примерно 818 г. до н. э. Однако ситуация, обрисованная в нем, заставляет предположить иное время составления произведения, а именно конец III — начало II тыс. до н. э. Одна из исследовательниц текста — Эрика Райнер относит все же время его составления примерно к 1200 г. до н. э. (*Reiner E. «Why Do You Cuss Me?»*. — *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 130. N 1. 1986. P. 1—6). В тексте рассказывается, как некий шумериец, укушенный собакой, был исцелен жрецом города Исины и, желая отблагодарить его, пригласил в свой родной город Ниппур. Найдя по описанию женщину, у которой жрец должен был осведомиться о хозяине, — садовницу, торговку овощами, — жрец не понял ее шумерского языка и решил, что та над ним смеется. В противоположность «ученому» жрецу простая торговка свободно владела и шумерским, и аккадским языками. Такая языковая ситуация могла иметь место в период, когда шумерский начинал выходить из употребления и уступать свое место как разговорный язык аккадскому. Вполне вероятна ситуация, когда выходец из провинции, выбившийся «в люди» и не освоивший шумерского языка, служил объектом насмешек и презрительного к нему отношения. Но кроме того, здесь еще сталкиваются две традиции: «ученая», «грамотейная» и передача знаний устным путем. Жрец мог быть просто неграмотным. Текст, как следует из колофона, — учебный, и его дидактический, поучительный характер проявляется в ярком и живом сопоставлении: вот, простая торговка, но из Ниппура, древнейшего центра культуры, знает шумерский язык, а «ученый» человек, но не шумериец, не знает. Наглядность примера, таким образом, должна была воздействовать на воображение учеников и доказать необходимость изучения шумерского языка не только из-за преимуществ последнего, но из-за боязни оказаться в смешном положении. Таким образом, юмористическая окраска текста связана, в первую очередь, с его воспитательными, поучительными тенденциями. (Об этом см. также *Hirsch H. Spas mit der Sprache*. — *Meqor H. Festschrift für Georg Molin zum 75 Geburtstag*. Graz. S. 1—6; *Афанасьева В. «О том, кого укусила собака»*. — Сб. Памяти В. Г. Луконина. СПб, 1995. С. 77—81).

1—3. Имя героя и его родственников не случайны и известны по уже опубликованному ранее Лэмбертом тексту (см. JCS. 11. 1957), где они указаны в списке редких шумерских имен родоначальников писцовых семей, — перечислены все три имени подряд с аккадским переводом, но без указаний родства, как в нашем тексте. Именем героя, таким образом, текст включается в литературную традицию. Перевод значений имен сделан нами для подчеркива-

ния торжественности сведения (что и обыгрывается в тексте) по сравнению с незначительностью последующего события — «укусила собака».

5. В тексте — «жрец-заклинатель богини Меме» — второе имя богини Гулы, чьим священным животным была собака; «чей зверь — собака» — вставлено в текст, чтобы была очевидна ассоциация, придающая соль событию.

6. Кавиньо считает, что фразу произносит жрец, однако Хирш и я независимо друг от друга пришли к мнению, что ее должен говорить исцеленный.

8. Кавиньо не переводит этой строки. Однако см. прекрасное значение для *шуку* (*шуг*) — «печеный хлеб, пирог» (*Labat*, 469). *шуку-рад-да* — «отборный (лучший) пирог».

11. Ниппурец все время переводит жрецу с шумерского на аккадский: *сила-дагаль* (шум.) — *рибетум* (акк.) — «главная улица, большая дорога». «Ступай» добавлено по смыслу.

13. У Кавиньо и Хирша — «дочь любимая бога Энбилулу», но я предполагаю, что это имя собственное.

15. У Кавиньо — «садовница садов Хенун-Энлиля», т. е. он предполагает имя собственное. Однако значение *хе-нун* — «изобильный, плодородный» подходит сюда в качестве прилагательного.

16. Вслед за Хиршем читаю: «сидит (*tuš-ta*) и торгует (*būr-ra*) овощами (?)» или «семенами (?)» — *нумун*. У Кавиньо: «Что на земле Тилла-зида раскинуты, в округе *нумун-бурру*», т. е. он предполагает тут название местности.

23а и след. Чтобы у читателя создалось представление о диалоге, мы даем ответы Нинлугальабзу по-шумерски, тем более что в последующих строках она сама переводит их.

34—34а. Издатель и другие исследователи не читают строки, отсюда неясно, чем закончилась история. Но в клинописном тексте, приведенном Кавиньо, можно разобрать: *ина шар-ри ДУ₁₀БАД-шў-ну* — «собравшись все вместе (толпою), пинками ног их» (*шар-ри* — толпою, *ДУ₁₀БАД* — аккадское *нитпуриди*). Последняя идеограмма встречается в литературных текстах I тыс. до н. э., к тому же текст постоянно чередует шумерский и аккадский.

«ШКОЛЬНИК, КУДА ТЫ СЫЗМАЛЬСТВА ХОДИШЬ?»

Сочинение о школьном обучении

Перевод по изданиям: *Falkenstein A. Der Sohn des Tafelhauses. — Die Welt des Orients. 1/3 (1948). S. 172—176; Kramer S. N. Schooldays: A Sumerian Composition Relating to the Education of a Scribe. — Journal of the American Oriental Society. 64 (1949). P. 199—215.*

Один из первых по публикации текстов, рассказывающих о процессе школьного обучения в шумерской Эдубе. Композиция была составлена профессором Крамером из 21 отрывка и фрагментов, хранящихся в музеях Пенсильвании, Стамбула и Парижа (в Лувре). Время создания текста — первая половина II тыс. до н. э. Сочинение посвящено начальному этапу жизни ученика в школе.

4. Глагол *шед* значит и «считать», и «произносить вслух, исполнять, т. е. читать». В зависимости от контекста мы даем разные переводы: здесь и в строке 25 «изучить-просмотреть», поскольку явно речь идет о каком-то общем обзоре текста, подготовке к конкретной работе, в строке 11 — «прочитать». Вторую часть строки можно было бы, следуя предложению Ландсбергера (см. публикацию Крамера, 214), понимать в значении «пищу я мою вкушаю» (т. е.

принятие пищи духовной). Однако поскольку в строке 20 то же существительное употреблено в конкретном значении, а также исходя из того, что текст составлен явно от лица малолетнего ученика (ср., в частности, строки 13—15, где речь идет о том, что ребенка надо накормить, помыть ему ноги и уложить в кровать), предпочтительнее, по нашему мнению, придерживаться конкретного значения.

6—7. В тексте употреблены специальные выражения, обозначающие разные виды заданий и упражнений, чье точное значение неясно. По мнению Ландсбергера, *му-губ-ба* — «модель таблички», *сар-губ-ба* (пример из другого контекста) — «школьное упражнение», *им-шу* — «параграф, секция», в нашем переводе — «задание», букв. — «глина руки». По-видимому, речь идет об установлении (*губ*) копии (?) глиняной таблички перед учителем с тем, чтобы подготовить ее для копирования на следующий день.

21. Букв. «я утолил мой голод».

22. «С собою» вставлено по смыслу.

23. «Наставник» — букв. «человек должности». Может быть, должность, близкая нашему классному воспитателю, присматривающему за поведением детей? Фалькенштейн думает, что это сторож, привратник.

26. Букв. «для отрезания», «отрезано». Знак в начале строки неразборчив, перевод условный.

27. Перевод приблизительный, не все слова понятны и сохранились, но слово «еда, завтрак» упоминается дважды, а также «ветер» (?).

28—29. У Крамера иначе. Наш перевод учитывает замечания Ландсбергера. «Надзиратель» — в соответствии со значением *tag-tag* — «ловить», «поймать» (SL 126, 52).

30. У Крамера — «принес» — *тум*, но чтение *губ* кажется более подходящим.

31—34. Плохо сохранились.

34. Букв. «Слов рта моего не знаешь».

35. Название должности не сохранилось, перевод по контексту.

36. Значение должности предложено Ландсбергером, однако его чтение и интерпретация условны. Во второй части фразы кажется более приемлемым предложение Крамера.

37. Букв. *гиш-хур* — «планы, замыслы, предначертания», также и «чертежи». У Крамера — «тот, кто заботится о рисовании (черчении)».

38. Букв. «человек ворот», «привратник». Судя по этой строке, а также по предыдущим, часть занятий происходила на открытом воздухе, может быть в школьном дворе.

39. Знаки неразборчивы, перевод условный.

42—43. Восстановление по контексту.

44. Глагол не сохранился; букв. «писцовое искусство, грамоту, силу ее»; *нам-дуб-сар-ра* — «искусство писца» перевожу в строке 42 словом «ученье».

45—46. Глагол не сохранился; общий перевод строк — по смыслу.

47—50. Перевод с учетом коррекций Ландсбергера.

62. Ландсбергер предлагает переводить и толковать первый комплекс строки как «наука».

63. Перевод условный, исходя только из значения знака *ир* — «пахнуть, благоухать, обонять» (SL 232, 7) и из явного параллелизма с последующей 64 строкой.

64. В подлиннике 3-е лицо претеритума вместо ожидаемого императива. Ошибка писца?

72. У Крамера: «Ты дал мне то, что никоим образом не должен был давать». Дословно, однако: «То, что не заставило меня противостоять (не было причиной трудностей для меня), ты есть (дающий)».

75. Букв. «Она принесет тебе милость в твоей сделанной (изготовленной) тростниковой палочке».

80. Строка не очень понятна. Может быть, смысл ее в том, что ученость и мудрость школьника будут настолько велики, что и человеку, вышедшему из дворца, где не смогли решить его дело, он сумеет дать совет?

86—87. Наполовину разрушены, восстановление сложно.

89. В словаре Даймеля указанная в тексте должность переводится как «профессиональный плакальщик» (ŠL 338, 29), но нет уверенности, что контекст имеет в виду именно эту должность.

«ПОДОЙДИ ЖЕ КО МНЕ!»

Наставление непутивому сыну

Перевод по изданию: *Sjöberg A. W. Der Vater und sein misstratener Sohn. — Journal of Cuneiform Studies. 25 (1973). N 3. S. 105—169.*

Текст, составленный А. Шёбергом из 57 более мелких текстов и фрагментов, в отдельных отрывках публиковался начиная с 1957 года и еще раньше — в автографиях. Судя по количеству копий и сокращенных вариантов, эта композиция была особенно популярна среди учителей Эдубы. Один из сокращенных вариантов текста хранится в Эрмитаже и в 1966 году был издан И. Т. Каневой (см. *Канева И. Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы «Писец и его непутивый сын». — ВДИ. № 2. М., 1966. С. 68—78*); в 1973 г. мною был выполнен поэтический перевод отрывка, опубликованный в БВЛ (с. 140—141, примеч., с. 665—666). Этот отрывок соответствует строкам 86—116 большой композиции.

1—4. Первые две строки разбиты, сохранились лишь фрагменты знаков. Повелительное наклонение в строке 1 предполагает начало диалога. Шёберг предлагает иное восстановление. Строки 3—4 дают параллель глагольных форм к тексту «Школьник, куда ты сызмальства ходишь?» (строки 1—2), так что, возможно, надо было бы сохранить несовершенный вид в переводе: «Куда ты ходишь?», т. е. «Где ты шляешься?». Однако из дальнейших сетований и упреков расстроенного и раздраженного отца можно понять, что юноша собирался уходить и отец задержал его.

7. Или «Отвечай уроки», «Решай уравнения» Ср. строку 23.

11. См. коммент. к строке 3 текста «Школьник...». Здесь дается иной термин: *угула*, что буквально и означает «староста», обычно сельский.

12—15. Начало каждой строки разрушено.

28. Возможен перевод: «Так будь же мужчиной».

35—36. Знаки конца строк плохо сохранились, перевод по смыслу. Шёберг переводит слово *ги-ме-а* — «коллега», «товарищ», но значение — «род, семья» — кажется вполне подходящим и здесь, и далее.

37—41. Сохранились наполовину; реконструкция, даже приблизительная, по смыслу, затруднена.

42. Букв. «Ради тебя мое тело (плоть) схвачено». Кажется, Шёберг понимает это выражение в том смысле, что отец изнуряется плотью, страдает из-за

сына. В общем контексте отрывка, однако, речь скорее идет об усилиях, которые прилагает отец, чтобы сын учился. В противном случае скорее ожидался бы послелог *-та*, а не *-ше*. О страданиях и мучениях отца см. дальше, строки 66—73.

45. Строка частично разбита, восстанавливается по контексту с предыдущими двумя.

46. Букв. «Я для тебя стоящий воистину есть».

48—50. Строки сложны, перевод по смыслу.

51—52. Букв. «От незнания (непонимания) твоей плотью человечества, сердце гневное (*липиш*), семя, печенка (?) рассуждают (действуют, соображают?), а плоть твоя (еще) не положила (не сделала, не закончила)».

56—60. Отрывок сложен и грамматически и лексически.

61. Строка плохо понятна, переведена условно.

68—69. Строки построены по принципу параллелизма, однако значение *сиг-ДУ*, условно переведенное как «домыслы», неясно.

70—73. Видимо, составляют единый смысловой комплекс с более или менее параллельным построением двух первых строк. Может быть, точнее будет: «Из-за неглядения твоего на человечность, мое сердце наполнил злой ветер, о, твоя человечность! — чтобы не слышать твою болтовню, я твои заботы (беспокойство) бросаю (оставляю)». «Заботы» — то же слово, что и выше переведенное как «беспокойство» — *зарах*, акк. *ниссату*.

86 и далее. Вариант отрывка эрмитажного экземпляра таблички.

97—98. Крамер и Канева читают глагол *шур* — «быть в гневе, ярости», Шёберг предлагает чтение *куш* — «печся, заботиться». Кажется, что контекст предпочитает последнее.

99. У Шёберга, так же, как и прежде, — «коллеги».

100—101. Вульгаризм выражения подчеркивается частицей, по-видимому разговорной: *инну* — «вот, ну, теперь!». Обилие подобных частиц и междометий в тексте отражает, передает эмоциональное состояние человека, крайне изволнованного, не следящего за своими выражениями.

113. В тексте *гиз-гид-да* (то же и в 114) — видимо, какой-то профессиональный термин. Канева (ВДИ. № 2. М., 1966. С. 76; см. также примечание на с. 78) переводит «профессия». Буквально слово значит «копье, палка». Возможно подразумевается деревянная палочка для письма как символ писцового дела.

117. Перевод первой половины строки сложен.

121. Букв. «Я — из-за тебя — дено и ночно — ребра из-за тебя сломаны».

125—126. Обе строки построены параллельно — и грамматически, и лексически, употреблено несколько синонимов слова «толстый, жирный» и т. д.

130. *А-тар-ду*, акк. *алузинну* — нечто вроде бродячих фокусников, клоунов, шугов-скоморохов. *Ашталу* — род музыкантов или певцов.

134—138. Отрывок малопонятен. Перевод по контексту и по значению отдельных понятных слов.

140—142. Не все знаки сохранились, перевод условный.

143—144. По нашему мнению, эти фразы произносит сын. Шёберг относит их к писцу-отцу.

145—146. Шёберг сомневается в возможности перевести глагол *ки-аг* в его прямом значении «любить, нравиться, быть привязанным» и дает иной перевод.

147. Со строки 147 идет длинный, почти в 20 строк, абзац с перечислением ругательств, которыми потерявший самообладание отец осыпает своего сы-

на. Многие из ругательств синонимичны, в большинстве преобладают оскорбления, связанные с дурным запахом; употребление эпитетов и перечисление их логически непоследовательно, часто соединяются как будто бы не связанные между собой по смыслу эпитеты, что характерно для чисто эмоционального состояния, отнюдь не для педагогического нравоучения; но тем не менее и этот абзац носит обучающий. «филологический» характер, содержа список употребительных ругательств.

151. Возможно, не «слюнтяй», а «глупец, бестолковый». Вторая часть фразы тоже может быть переведена крепче: «тот, кто ест свой помет» (?).

152. В тексте *ага-уш* — обозначение военной и, видимо, непочитаемой должности, букв. «человек, тебе подобный (делающий тебе подобное), кто для своего пропитания (брюха, утробы) кружит по улицам». У Шёберга — жандарм.

163. Может быть, даже не просто в тряпье (лохмотья) одетый, а «обмотанный менструальными тряпками».

165. Букв. «ест вонючую пищу».

169. Не все знаки понятны, перевод по контексту и аналогии со строкой 164.

170. Т. е. пленный.

172. Букв. «Одно бедро которого разбито (короткое?)».

173. Эта фраза, по нашему мнению, принадлежит не отцу, а сыну (у Шёберга иначе). Соответственно с таким толкованием, и две последующие строчки — 174—175 — приобретают иной смысл и означают эмоциональный спад ругающегося. Он еще реагирует на замечание с раздражением, но пыл его начинает остывать, он приходит в себя. Выражение «3600 миль» — в смысле «держаться от него подальше» — распространено в литературе Двуречья. Концепт несет не только и не столько психологическую и дидактическую нагрузку — нельзя заканчивать нравоучение руганью, — но и магическую: ругань должна смениться благопожеланием, дабы не превратиться в проклятие.

ПИСЕЦ ХОЧЕТ ПРОВЕРИТЬ СЫНА...

Экзаменационный текст «А»

Перевод по изданию: *Sjöberg A. W. Der Examentext A. — Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 64. 1975. S. 137—176.*

Так называемый «Экзаменационный текст "А"» — один из многих шумерских текстов, связанных с жизнью Эдубы, с процессом обучения в ней. Самая ранняя версия этого шумеро-аккадского текста происходит из Ашшура (XIV в. до н. э.), одиннадцать экземпляров — из библиотеки Ашшурбанапшала, один текст нововавилонского времени — из Вавилона и один селевкидского — из Урука.

Издатель текста А. Шёберг считает, что составитель этого текста был хорошо знаком с композицией «Наставление непутевому сыну», более ранней по времени. Как отмечают все исследователи, занимавшиеся текстом, он безусловно передает учебные планы и процесс обучения в Эдубе старовавилонского периода. Однако несомненно и то, что перед нами не просто экзаменационный список, но скорее литературная композиция о школьных экзаменах, что видно из рамки-введения и нравоучительного заключения. В таком живом виде — сценки из школьной жизни — композиция должна была легче восприниматься учащимися, а знания, необходимые для заучивания, — легче запоминаться.

Нравоучительный тон произведения ненавязчив и благожелателен. Некоторые строчки, перечисляющие набор необходимых знаний, рифмуются.

12. Речь идет о вертикальном знаке *диш* и его разнообразных значениях, которых больше шести, но основных именно шесть.

13—28. Перечисление требований, предъявляемых будущим писцам в разнообразных отраслях знания. Не все понятно в этих предложениях, поэтому перевод не всегда точен, хотя ясно, что речь идет о достаточно усложненных понятиях и абстрактных категориях, особенно в области математики и музыки.

21. Из всех перечисляемых жреческих должностей точно передано лишь «жрецы помазывающие».

28. Точное значение некоторых перечисленных инструментов неизвестно, поэтому перевод условный: в тексте упоминаются лиры (*за-ми*), какие-то виды арф (?) и струнные инструменты (лютня?).

36. Шумерский текст наполовину разрушен, перевод условный.

42. Шёберг на основании полусохранившегося аккадского текста восстанавливает: «Как долго еще играть?»

44. В шумерском варианте стоит знак *саль* (*Mif*) и глагол с этим же знаком, что указывает на какое-то сравнение с женщиной, на аккадский переводится как *пеццату* (*м*), что Шёберг сравнивает с *пецу* — «быть седым». Ср., однако, *пеццату* (*м*) с детерминативом *мй*, что означает «роженица»; отсюда наш перевод.

46. Сохранился только аккадский текст. *Пашашу* — «быть возбужденным, разгоряченным».

49—53. В нашем толковании и переводе речь в этих строках идет о том, что ученик должен во время испытания (экзамена) соблюдать правила приличия. «Ухо к двери не наставляй» — «не слушай подсказок» (?).

ГРАМОТЕЙНАЯ МУДРОСТЬ...

Восхваление писцового искусства

Перевод по изданию: Sjöberg A. W. A Praise of the Scribal Art. — Journal of Cuneiform Studies. 24. 4. 1972. P. 126—131.

Двухязычный шумеро-аккадский текст из библиотеки Ашшурбанапала.

2. «Украса», букв. «восхитительный, очаровательный», дается по аккадскому переводу, так как значение шумерского слова неизвестно. То же относится к ряду некоторых других выражений, далее специально не оговариваемых.

4—5. Параллелизм строк подчеркивается внутренней рифмой в полустилиших *ир-паг* — *бар-даг*.

7. В тексте имя бога Энки дано на языке *зме-саль* — Аманки.

9. У Шёберга: «Они выскажут дурные замечания о тебе». Букв. «Ударение (битье) будет высказано (произведено) по отношению к тебе, ты получишь дурную славу».

11—13. Восстановление условное, по контексту.

14. Букв. «Изучать (познавать) шумерский язык, язык (?) ...», далее разбито — может быть, «язык *зме-саль*...»?

16. Сохранилось только слово *ḫ-gal* — «дворец». Может быть, «дворцу служить»?

17. Букв. писец — «слуга (раб) его (т. е. писцового искусства), в тяжелых корзинах...», далее разбито. У Шеберга: «Он (писец) призван (предназначен, назван) для таскания корзин». Наш перевод — по аналогии со строками 3—4 эпоса об Атрахасисе; ношение тяжелых корзин как символ бремени, тяжести — традиционный образ месопотамской литературы.

СОКРАЩЕНИЯ

БВЛ	— Библиотека Всемирной Литературы.
ВДИ	— Вестник Древней Истории.
ЭЛ	— <i>Wilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.</i>
АГО	— <i>Archiv für Orientforschung.</i>
AJA	— <i>American Journal of Archaeology.</i>
CAD	— <i>Chicago Assyrian Dictionary.</i>
CT	— <i>Cuneiform Texts from the Babylonian Tablets in the British Museum.</i>
JAOS	— <i>Journal of the American Oriental Society</i>
JCS	— <i>Journal of Cuneiform Studies.</i>
Labat	— <i>Labat R. Manuel d'épigraphie accadienne. 1-e éd. Paris, 1948.</i>
PAPS	— <i>Proceedings of the American Philosophical Society.</i>
ŠL	— <i>Deimel A. Sumerisches Lexicon. Rom, 1928—1933.</i>
WdO	— <i>Die Welt des Orients. Göttingen, 1947 ff.</i>
ZA	— <i>Zeitschrift für Assyriologie.</i>
ZANF	— <i>Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge.</i>

СЛОВАРЬ

*исторических и мифологических имен,
географических названий и терминов*

Абаба (Абау, Аба-У) — «Отец растений, травы» — божество-покровитель Магуэны, поселения в округе города-государства Лагаш, сын лагашской богини Бабы (Ба-У); идентифицируется с богом Нинуртой и, возможно, с Думузи.

Абау — см. Абаба.

Абсу (Апсу, Эпгур(а)) — «Бездна», подземный пресноводный океан, на котором похонты земля, а также название чертогов бога Энки-Энн; в храмах «апсу» назывался бронзовый котел для ритуальных действий с водой.

Абисмтти — царица, мать Шу-Суэна.

Ага — правитель первой династии шумерского города Киша, соперник Гильгамеша в тексте «Послы Аги...» (ок. XXVI в. до н. э., второй раннединастический период).

Адаб — шумерский город на среднем течении Евфрата, к юго-востоку от Ниппура, древнейшего культового центра и центра шумерского племенного союза.

Азаг — демон болезни.

Азмиуа — «Растящая благую руку» — богиня подземного мира, супруга бога Нингизиды.

Азупирашу — «Шафрановый городок» или «Городок крокусов» — город, где, по преданию, родился Шаррукен (Саргон Аккадский). Известен только из аккадского эпоса о Саргоне.

Ак(к)ад — часть Месопотамии, лежавшая между Тигром и Евфратом (около совр. Багдада). В III тыс. до н. э. Аккад и области к северу от него были заселены преимущественно семитоязычным населением (восточными семитами, аккадцами), в отличие от юга страны, Шумера.

Ак(к)ада — город на Евфрате, возвысившийся и ставший столицей при Саргоне, точное местонахождение не установлено. По имени города получил название Аккад.

Акшак — город в районе реки Диялы в Северном Двуречье, точно не локализован. Возможно, известный из греческого Опис (Упи?).

16. Сохранилось только слово *ḫ-gal* — «дворец». Может быть, «дворцу служить»?

17. Букв. писец — «слуга (раб) его (т. е. писцового искусства), в тяжелых корзинах...», далее разбито. У Шёберга: «Он (писец) призван (предназначен, назван) для таскания корзин». Наш перевод — по аналогии со строками 3—4 эпоса об Атрахасисе; ношение тяжелых корзин как символ бремени, тяжести — традиционный образ месопотамской литературы.

СОКРАЩЕНИЯ

БВЛ	— Библиотека Всемирной Литературы.
ВДИ	— Вестник Древней Истории.
ЭЛ	— <i>Wilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.</i>
AfO	— <i>Archiv für Orientforschung.</i>
AJA	— <i>American Journal of Archaeology.</i>
CAD	— <i>Chicago Assyrian Dictionary.</i>
CT	— <i>Cuneiform Texts from the Babylonian Tablets in the British Museum.</i>
JAOS	— <i>Journal of the American Oriental Society</i>
JCS	— <i>Journal of Cuneiform Studies.</i>
Labat	— <i>Labat R. Manuel d'épigraphie accadienne. 1-c éd. Paris, 1948.</i>
PAPS	— <i>Proceedings of the American Philosophical Society.</i>
ŠL	— <i>Deimel A. Sumerisches Lexicon. Rom, 1928—1933.</i>
WdO	— <i>Die Welt des Orients. Göttingen, 1947 ff.</i>
ZA	— <i>Zeitschrift für Assyriologie.</i>
ZANF	— <i>Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge.</i>

СЛОВАРЬ

*исторических и мифологических имен,
географических названий и терминов*

Абаба (Абау, Аба-У) — «Отец растений, травы» — божество-покровитель Магуэны, поселения в округе города-государства Лагаш, сын лагашской богини Бабы (Ба-У); идентифицируется с богом Нинуртой и, возможно, с Думузи.

Абау — см. Абаба.

Абзу (Апсу, Энгур(а)) — «Бездна», подземный пресноводный океан, на котором покоится земля, а также название чертогов бога Энки-Энн; в храмах «апсу» назывался бронзовый котел для ритуальных действий с водой.

Абисимти — царица, мать Шу-Суэна.

Ага — правитель первой династии шумерского города Киша, соперник Гильгамеша в тексте «Послы Аги...» (ок. XXVI в. до н. э., второй раннединастический период).

Адаб — шумерский город на среднем течении Евфрата, к юго-востоку от Ниппура, древнейшего культового центра и центра шумерского племенного союза.

Азаг — демон болезни.

Азимуа — «Растящая благую руку» — богиня подземного мира, супруга бога Нингишзнды.

Аауппрану — «Шафрановый городок» или «Городок крокусов» — город, где, по преданию, родился Шаррукен (Саргон Аккадский). Известен только из аккадского эпоса о Саргоне.

Ак(к)ад — часть Месопотамии, лежавшая между Тигром и Евфратом (около совр. Багдада). В III тыс. до н. э. Аккад и области к северу от него были заселены преимущественно семитоязычным населением (восточными семитами, аккадцами), в отличие от юга страны, Шумера.

Ак(к)адэ — город на Евфрате, возвысившийся и ставший столицей при Саргоне, точное местонахождение не установлено. По имени города получил название Аккад.

Акшак — город в районе реки Диялы в Северном Двуречье, точно не локализован. Возможно, известный из греческого Опис (Упп?).

- Алу** — злой демон, демон болезни.
- Амагештишанна** — «Матушка Гештианна» — возможно, имя-обращение Гештианне с ласкательным оттенком.
- Аманки** — см. Энки.
- Амаушумгальанна** — одно из имен бога Думузи. Букв. значение имени — «Мать (его) — дракон небес» (?).
- Амель-Бау** — «Человек Ба-У» — шумеро-аккадское имя главного действующего лица текста «Человека по имени...».
- Ан (Ану)** — бог неба, в шумеро-аккадском пантеоне — глава верховной триады богов, в которую входили также Элиль и Энки. Бог города Урука в Шумере.
- Алякар** — бог сновидений.
- Анзуд** — мифологический огромный орел, иногда мыслившийся с львиной головой, — персонализация грозного облака, страж пограничных миров: земли (подземного мира) — неба.
- Ансгарна** — советчик-везир правителя Аратты Энсукхешданны в тексте «Стены вздымаются...».
- Антасур(р)а** — филиал храма 5-й округа Лагаша. В тексте «Цареву посланцу...», возможно, не географическое название, как нередко предполагают, но указание на материал, какой-то металл (так, встречаются выражения «топор антасуры», «звезда Антасура», где отмечается качество: блестящий, сверкающий).
- Ануанки** — божества шумеро-аккадского пантеона, действовавшие преимущественно на земле и в подземном мире. Они определяли судьбы людей и были судьями подземного царства.
- Аншан** — горная страна в юго-западном Иране, в восточной части древнего Элама.
- Аншар** — «Небо-круг» или «Круг неба». Его супруга Кишар — «Круг земли». Божество-первопредок. Самостоятельных сказаний о нем неизвестно.
- Арали** — одно из названий подземного мира, но, возможно, также было и названием какой-то местности.
- Аратта** — «город за семью горами» (по выражению одного шумерского текста), в глубине Иранского нагорья или в Индии. Соперник шумерского Урука. В литературе — символ особой сакральности, средоточие таинственных волшебных сил. В этом смысле особенно часто сравнивается с Араттой город Кеш.
- Аруру** — богиня-прародительница, одна из древнейших богинь шумеро-аккадского (и, вероятно, еще дошумерского) пантеона, создательница людей; отождествлялась с богиней-прародительницей Мами и некоторыми другими богинями, в том числе с Нинхурсаг, олицетворявшей плодородие.
- Асалимнуна** — один из эпитетов Асалухи.
- Асалухи** — первоначально бог маленького города Куара близ Эредуга в Южном Шумере; ко времени Хаммурапи был отождествлен с богом Мардуком; призывался при заклинаниях.
- Аху** — часть храмового комплекса, где совершались праздники.

Ашмбаббар-Зуэн — эпитет бога луны Нанны.

Ашвр (Ашвргя) — бог-покровитель города Кеша. Также фигурирует в списках божеств города Адаба.

Ашнав — воплощение богини зерна в образе молодой девушки.

Баба (Бау, Ба-У) — богиня-покровительница города Лагаша, проявляющая себя как богиня плодородия; дочь Ана и Гатумдуг, супруга Нингирсы, мать «семи дочерей». Также была богиней-целительницей.

Багара — храм бога Нингирсу у ответвления канала от Тигра между поселениями Гирсу и Сираан в округе города-государства Лагаш. Возможно, отождествляется с северной частью города Аль-Хибба.

Бадтибира (Бад-Тибира) — «Крепость медников» — одно из древних, «допотопных» шумерских поселений в Южном Двуречье (совр. Мадайн). С ним нередко связывается богиня Аруру.

Барадургара — святилище Инанны в Ниппуре.

Беллавл-«матушка» — богиня, которую первоначально отождествляли с Гештинанной и называли на этом основании сестрой Думузи. В шумерской мифологии это два совершенно разных лица.

Беллштикаль — «Надейся на господина» — семитское имя собственное в шумерском эпосе о Шаррукене.

Вавилон — шум. *Ка-дингира* («Врата бога») — город в Двуречье на среднем Евфрате. Во II и I тыс. до н. э. — столица Вавилонского царства, центр месопотамской культуры и религии.

Гагашуа — святилище богини Нинляль в Ниппуре.

Гага — злобные демоны, духи подземного мира, уродливого и устрашающего вида, бесстрастные исполнители законов подземного царства.

Ганзир — дворец подземного мира перед входом в него; одно из названий подземного мира.

Гатумдуг — на «женском языке» — Масисиб — богиня-покровительница Лагаша, дочь Ана. Наиболее частые эпитеты: «Матерь Лагаша», «Священная корова».

Гашавгаль — см. Нингаль.

Гашанна (Гашаванна) — см. Инанна.

Гештианна — «Виноград небес (?)» — богиня, олицетворяющая таинственные силы, заключенные в винограде и вообще в растительности, сестра бога Думузи, покровителя скотоводства; поочередно с ним (по полгода) пребывает в подземном царстве.

Гештиандундуа — «Делающая вино» или «Разводящая виноградник» — имя-эпитет Гештианны (?).

Гибил (Гирра, Гирру) — бог огня.

Гигуна — здесь: святилище Инанны в Забаламе, округе Урука.

Гильгамеш — пятый правитель первой династии Урука (XXVII—XXVI вв. до н. э.), популярнейший шумеро-аккадский мифо-эпический герой.

Гинпар — покой в храме, где совершался обряд священного брака.

Гиргилу — птица-посланец бога Энлиля, по-видимому относящаяся к семейству вороновых.

Гирришхуртура — имя персонажа в тексте «Послы Аги...».

Гирра — см. Гибл.

Гирсу — одно из крупных поселений города-государства Лагаш.

Гуаба — одно из поселений города-государства Лагаш.

Губин — горная страна в районе Загроса.

Гугальанна — «Великий бык небес» — Нерга л (?), имя супруга Эрешкигаль в тексте «С великих небес...».

Гудеа (?—2123 гг. до н. э.) — второй правитель второй династии Лагаша (2136—2104 гг. до н. э.).

Гула — богиня врачевания; ее эмблемой была собака.

Гувден, Гувденна — небольшое пограничное поле, спорная область между Лагашем и Уммой, участок с особо плодородной землей, «любимое поле бога Нингирсу».

Дамгальнува — «Супруга Великая Государя», жена бога Энки.

Даму — бог здоровья, сын богини Нининсины, божество, почитавшееся в городе Исице. Кроме того, известен бог Даму, которому поклонялись в Уруке; этот Даму очень напоминает Думузи.

Дильмун (Тильмун) — остров Бахрейн, в древности важнейший центр морской торговли с Индией и Аравией.

Думузи — шумерский бог, покровитель скотоводов, возлюбленный богини Инанны (Иштар); пребывает полгода в подземном царстве поочередно со своей сестрой Гештинанной.

Думузиабзу — «Истинное дитя Абзу» — богиня-покровительница Киниршага, культового местечка в окрестностях Лагаша.

Дуранки — «Связь небес и земли» — святилище Энлиля в Ниппуре.

Забалам — шумерское поселение в окрестностях города-государства Урука.

Забардибунуга — «Держащий медь Урука» — имя собственное или название должности — казначей, кравчий (?).

Забуа (Забум, Сабум) — горная страна, условно локализуемая в предгорьях Загроса, между Персидским заливом и Пушт-и-Кухом, по дороге в Элам.

Зигкуршаг(г)а — храм бога Шары в Умме.

Зиусудра — «Жизнь (нашедший) дней долгих» — мифический царь города Шуруппака, герой шумерского сказания о потопе.

Зузу — шумерское имя собственное в тексте-посвящении собачьей статуэтке «Лугальмуруб, сын Зузу...».

Зуэн (Син) — см. Нанна.

Иббн-Суэн (2027—2003 гг. до н. э.) — пятый, и последний, правитель третьей династии Ура.

Игиги — особая категория (род или фратрия?) божеств шумеро-аккадского пантеона, боги-обитатели небес (кроме Нергала, бога подземного мира, тоже принадлежавшего к Игигам).

Идигна — река Тигр.

Иль — жрец общины Забалама, подчиненный правителя Лагаша Энметены (см.).

Инанна — богиня любви, распри и войны, одно из важнейших божеств шумеро-аккадского пантеона. Инанна считалась дочерью бога луны Нанны (акк. Син), сестрой бога солнца Уту (акк. Шамаш); по другой традиции Инанна — дочь Ана. Отождествлялась с аккадской богиней Иштар.

Исмумуд — посол-советчик бога Энки. Изображался двуликим.

Иснн — город, расположенный к юго-западу от Ниппура, в начале II тыс. до н. э. и снова в конце II тыс. до н. э. — столица значительного государства и один из известнейших центров клинописной культуры; совр. Бах-рият.

Исуругаль — канал в окрестностях Урука.

Ишкур — шумерское божество грома и бури.

Ишме-Даган (1953—1935 гг. до н. э.) — четвертый царь династии Исина, последней шумерской династии в Двуречье.

Иштаран (Сатаран) — бог-покровитель города Дера, божество-разрешитель конфликтов.

Кеш — неидентифицированный город в Двуречье, важный культовый центр.

Кнагги-Энбилулу — «Возлюбленный (любимый) богом Энбилулу» — шумерское имя собственное в тексте «Человека по имени...».

Кигаль — основание, платформа храмового сооружения (букв. «большая земля»). Эпитет Киура, части храма Энлиля в Ниппуре; одно из названий подземного мира.

Кингалуда — злое божество, демон ветра.

Кивиршаг — см. Думузнабзу.

Киритаб (Гиритаб) — шумерский город в северной части Южного Двуречья, возможно западнее города Казаллу, между поселением Нахр-Ниндия и Евфратом.

Киур — большой открытый двор перед святилищем Энлиля Экуром в Ниппуре.

Киш — крупный город-государство в северной части Южного Двуречья, в первой половине III тыс. до н. э. соперник Урука.

Кубатум — супруга или наложница Шу-Суэна.

Кулаб — пригород Урука, место культа Инанны и Думузи.

Кулианна (Кули-Ап(в)а) — «Друг Ана» — имя-эпитет бога Думузи.

Кули-Энлиль — «Друг Энлиль» — имя-эпитет бога Думузи.

Кур — подземный мир; чужеземная, враждебная страна; большая гора.

Лагаш — крупный шумерский город-государство, включавший более десятка больших и маленьких поселений, в том числе и собственно Лагаш, или Урукугу — «Священный город».

Лампум — имя отца Шаррукена (Саргона Аккадского) в аккадском эпосе о Саргоне.

Лама — добрая богиня-покровительница, защитница людей.

Лараг — одно из древних шумерских поселений; назван в числе пяти допотопных городов.

Лахама — демоны вод, созданные Энки и населяющие Мировой океан пресных подземных вод. Обычное их число — пятьдесят.

Лахар — «овца», воплощение богини-покровительницы скотоводства в образе молодой девушки.

Лакму и Лахаму — старейшая пара богов, порожденная древнейшими богами Тиамат и Апсу; может быть, персонификация наносов ила в первозданном океане; также прозвище божеств Эйи и Дамкины.

Лалит — тлад демоница (суккуба), посещающая по ночам мужчин.

Лугальбанда — один из правителей первой династии Урука, отец Гильгамеша и его родовой бог.

Лугальлагеси — царь третьей династии Урука (2336—? гг. до н. э.), современник Шаррукена.

Лугальмуруб — «Господин нутро» — шумерское имя собственное в тексте посвящения собачьей статуэтке.

Лудилуди — шумерское имя собственное в тексте «Лудилуди, матери моей...».

Лудингира — «Человек бога» — шумерский литературный персонаж, условный составитель ряда шумерских литературных произведений.

Лулааь — божество-покровитель Бад-Тиблры.

Маган — страна на аравийском побережье Персидского залива, в районе совр. Омана.

Магилум — древняя страна; не локализована.

Магуана — святилище Абабы.

Марахши — см. Мархаш.

Мардук-баладу-икби (ок. 818—813 гг. до н. э.) — вавилонский царь, восьмой правитель так называемой «династии Э».

Марту (Марду) — акк. Амурру — божество западносемитского пантеона, деификация Запада (букв. значение слова).

Мархаш (Марахши, Мархаш, Барахсум) — страна на Иранском нагорье, область Элама.

Машгула — шумерское имя собственное персонажа текста «Стены вздымаются...».

Ме — см. Сути.

Мебарлагеси — см. Энмебарлагеси.

Мелухха — отдаленная страна, с которой шумеры вели морскую торговлю. Находилась на западном побережье Индостанского полуострова. В позднюю эпоху этим термином обозначали Нильскую Эфиопию.

Меме — одно из имен богини-целительницы Гулы, часто употреблявшееся как ласкательное.

Месслам — могущественный правитель династии Авана (?), первой половины III тыс. до н. э. (ок. 2615—2500 гг. до н. э.). Был гегемоном над правителями Адаба, Уммы, Лагаша.

Микку — см. Пукку.

Муллаль — см. Элиль.

Навартум — «Светлая», «Сияющая» — аккадское (семитское) имя героини в тексте «Злой день...».

Нави — «Горло», «Глотка», а также «Право», «Порядок» — богиня правосудия.

Наменатума — советчик Энмеркара в тексте «Стены вздымаются...».

Намзатара — «Благая судьба» — шумерское имя персонажа в тексте «Намзатара...».

Намму — богиня морских вод, мать бога Энки, сотворившая людей для того, чтобы облегчить жизнь богов. Возможно, отождествлялась также с древней богиней Тиамат. Персонификация первоначальных вод.

Намнувакигар(р)а — один из крупных каналов на территории государства Лагаш.

Намтар — «Судьба» — посланец богини Эрешкигаль, являющийся умирающему и уводящий его в подземный мир.

Намутара — «Дарующий благую судьбу» — эпитет Элиля.

Наньбгаль — одно из имен Нисабы, супруги бога Хайя. По другим свидетельствам — супруга бога Эннуги (Урумаша) (см. также Нунбаршегуну).

Нанна (Суэв, Зуэв) — бог луны, шумерское имя бога Сина, также Наннар — аккадская народная этимология, букв. «Светоч».

Нанше — богиня-предсказательница и толковательница снов, одна из покровительниц Лагаша с главным местом культа в районе округа Лагаша Нина-Сирара. Идеограмма имени включала в себя знак рыбы.

Нарамсуэв (Нарам-Суэв) (2236—2200 гг. до н. э.) — четвертый царь Аккадской династии, герой шумерских и аккадских эпических произведений.

Нергал — бог подземного мира, супруг богини Эрешкигаль; считался сыном Элиля и Нинлиль.

Нергал-Месламтеа — эпитет бога Нергала, означающий «Нергал, вышедший из храма Меслам» (храм Меслам — главное святилище бога в городе Куте, центре его почитания).

Нети — страж-привратник подземного мира.

Нидаба — см. Нисаба.

Нинна — см. Сирара(н).

Ниназу — божество подземного мира, сын богини Эрешкигаль, по другим версиям — Элиля и Нинлиль, бог-целитель и покровитель ритуальных омощений.

Нинаштэ — божество-покровитель Ларага.

Нинбара — одна из семи богинь-помощниц Намму при сотворении человека в сказании об Энки и Нинмах: Нинбара, Нингуна, Нинним(м)а, Нинмада, Нинмуг, Шаршаргаба, Шузиан(н)а.

Нингаль — супруга бога луны Нанны.

Нивгикуга — «Госпожа серебряного (светлого) тростинка» — эпитет Дамгальнуны, супруги Энки.

Ниягвриака — покровительница заклинаний.

Нингирсу — бог-покровитель общины Гирсу, одного из поселений, образовавшихся Лагаш. Идентифицируется с военным божеством Нинуртой.

Нивгиззида — одно из божеств подземного мира, «Носитель трона» в подземном царстве.

Нивгула — божество-покровитель Сирары, округа города-государства Лагаш.

Нивгуан(н)а — «Госпожа Гуэнины» — эпитет владычицы богов, также, возможно, в контексте «Лугальбанды...» — эпитет богини пива Нияхаси.

Нинильдума — одно из божеств растительности.

Ниянзина (Нияннисина) — «Госпожа Истина» — богиня врачевания Гула.

Нияхаси — «Госпожа, наполняющая рот» — богиня-покровительница пивоварения.

Нияки — «Госпожа-земля» — параллельное образование к Энки — «Господин-земля», один из эпитетов супруги бога.

Ниякируту — «Госпожа, рождающая нос» — богиня, иногда ассимилирующаяся с богиней врачевания Гулой.

Нивкум и энкум — дворцовые должности, типа дворцовых интендантов или дворцовых стражей.

Ниякура — одна из богинь, рожденных Энки в болотах, видимо связанная с растительностью.

Ниялиль — богиня зерна, супруга бога Энлиля (она же Суд).

Нилугальбабу — «Госпожа-владыка Абзу» — шумерское имя собственное героини в тексте «Человека по имени...».

Ниямар — богиня-покровительница Гуабы, округа города-государства Лагаш.

Ниямах — «Госпожа могучая» — одно из имен-воплощений богини-матери.

Нив-Нибру (Нинибру) — «Госпожа Ниппура» — обычно эпитет Ниялиль, но также, судя по тексту «О, жилье твоё гневное...», — имя герольда-глашатая Энлиля.

Ниясвил(а)а — «Госпожа чистоты» или «Госпожа-девственница» — имя супруги Энки; возможно, один из эпитетов Дамгальнуны или Нинхурсаг.

Ниясуи — «Владычица диких коров», «Владычица загона» — богиня, считалась матерью героя Гильгамеша; к этой же богине возводили свое происхождение цари третьей династии Ура — Ур-Намму и Шульги.

Нияти — «Госпожа-жизнь», «Госпожа-ребро» — имя богини, рожденной Ни и Нинхурсаг для утоления болей Энки.

Ниятиуг(г)а — «Госпожа жизни-смерти» — одно из имен богини-целительницы Гулы.

Нинту — «Госпожа рожающая» — богиня-мать, покровительница рожениц, отождествлялась с богиней-прародительницей Мамн, Аруру и рядом других. Имя могло быть эпитетом практически любой богини.

Нинурта — бог войны, сын Энлиля и Нинлиль, супруг богини Бабы.

Нинурта-мизидеш-киаггани — шумерское имя собственное в тексте «Человека по имени...».

Нинурта-сагэтарби-заемен — шумерское имя собственное в тексте «Человека по имени...».

Нинхурсаг(а) — «Госпожа лесистая гора» — одно из имен супруги бога Энки.

Ниншубура — «Госпожа-свинья» — имя советчика (советчицы?) Инанны; возможно, первоначально гермафродит.

Нинэгалла — «Хозяйка (Госпожа) дворца» — один из эпитетов Инанны.

Ниппур — древний город на Евфрате; был религиозным центром Шумера, а также центром шумерского племенного союза (совр. Ниффер).

Нисаба (Нидаба) — богиня растительности, хлеба и тростника; покровительница искусства письма.

Нугиг — категория храмовых жриц высокого ранга, в обязанности которых входило и занятие храмовой проституцией. Инанну часто именуют «нугиг небес».

Нудиммуд — «Созидающий», «Рожающий» — эпитет бога Энки (Эйа).

Нунамир — «Князь могучий (?)» — эпитет Энлиля.

Нунбаршегуну — мать богини Нинлиль, она же Нидаба, Нанибгаль.

Нунгаль — богиня подземного мира, дочь Эрешкигаль.

Нуску — бог полуденного солнца, жары, огня; «Великий везир Энлиля».

Пабильсаг — божество-покровитель города Ларага.

Пукку и Микку — барабан и барабанные палочки волшебного свойства; возможно, имена собственные названных предметов.

Сагбуру — имя колдуньи в тексте «Стены вздымаются...».

Саргон — см. Шаррукен.

Силунги — перевозчик в подземном мире.

Сни — см. Нанна.

Сиппар — древний город Двуречья на севере Вавилонии, немного южнее совр. Багдада (совр. Абу-Хабба).

Сирара(и) (Нина, Навше) — древнее шумерское поселение; возможно, совр. городище Зургуль в восемнадцати километрах восточнее Лагаша (Телло).

Страна (Калам) — имеется в виду Шумер.

Суд (Шуруппак, Суккуру) — богиня-покровительница города Шуруппак. Становится Нинлиль, супругой Энлиля.

Сумукан (Сак(х)ан, Шак(к)ан) — бог-покровитель степных животных.

Сутн (мс) — одно из главных мировоззренческих шумерских понятий. Сутями обладают города, парства и боги, они средоточие внутренних сил и мо-

гущества, воплощены и воплощаются во всем сущем, могут из дружественных стать враждебными.

Суэн (Зуэн) — см. Нанна.

Талла-энда — название улицы в городе Ниппуре (в тексте «Человека по имени...»).

Тукриш — страна на Иранском нагорье; возможно, в районе совр. дороги из Керманшаха на Хамадан.

Туинлуша — имя пса в тексте-посвящении собачьей статуэтке.

Туртур (Сиртур) — шумерская богиня, мать бога Думузи. Самостоятельное значение в мифологии не отмечено.

Тутуб — шумерский город в районе реки Диялы в северной части Двуречья (совр. Хафадже).

Убартуту — отец мудрого Шуруппака, основатель династии ученых мудрецов.

Угиг(г)а — пограничное поле между Лагашем и Уимой.

Удуг — демон, обычной злой, но может быть и демоном-хранителем.

Укуби — обезьяна (текст «Лудилуди, матери моея...»).

Ульмаш — храм Инанны в Аккаде.

Умма — шумерский древний город в Южном Двуречье, в дельте Евфрата и Тигра (совр. Джохя).

Умуль — «Мой день далек» — непонятное человеческое существо, вылепленное из глины богом Энхи, возможно младенец.

Умунгуруша (Эвгуруша) — «Господин молодец» или «Могучий владыка» — титул божества.

Умундар (Эндар) — божество, известное как супруг богини Нази, возможно связанное с добрыми духами-хранителями «шеду» и «ламассу».

Ур — древний шумерский город на берегу Персидского залива, важный культовый центр, столица объединенного царства; наиболее значительные династии: первая (2500—2425 гг. до н. э.) и третья — «царство Шумера и Аккада» (ок. 2112—1997 гг. до н. э.).

Ур(ан)шага — «Нес(Небес)благой» — шумерское имя собственное.

Ураш — богиня, супруга Ана (?).

Ургирву(н)а — шумерское имя волшебника из города Хамазу в тексте «Стены вздымаются...».

Урзабаба (до 2316 г. до н. э.) — правитель города Киша, современник Шаррукена.

Урлум(м)а — правитель города Уммы, современник Энанатума I.

Ур-Нинурта (1923—1896 гг. до н. э.) — шестой царь первой династии города Ишны.

Урук — важный шумерский город на юге Двуречья, место культа бога небес Ана и богини Инанны.

Урумаш — шумерское божество растительности, выступает как «Управляющий равнин и полей», «Гузала» (носитель трона, управляющий) бога Энили.

- Урадина** — шумерское имя собственное, персонаж текста «Стены вздымаются...».
- Усахара** — возможно, написание имени богини Ишхары на «женском языке».
- Утаулу** — эпитет бога Нинурты.
- Утту** — богиня льна и ткачества.
- Уту (Шамаш)** — в шумеро-вавилонской мифологии бог солнца и правосудия, а также предзнаменований, сын бога Ана и брат богини Инанны.
- Уш** — правитель города Уммы, современник Эанатума.
- Ушумгаль** — «Дракон» — зверь бога Мардука.
- Ушумгальанна** — «Дракон небес» — эпитет бога Думузи.

Хайя — божество, идентифицировавшееся с Энки (Эа), вариант имени Эйя. Однако в начале II тыс. до н. э. в Вавилонии Эа и Хайя — два различных божества.

Халанку (Э-Халанку) — «Дом, где распределяются доли» — возможно, название святилища Энки.

Хамазу, Хамани — город, предположительно локализуемый недалеко от Араты. По мнению А. Берлин, восточнее Керкука, вблизи Султании. Видимо, его жители славились умением колдовать.

Харали — страна, возможно к востоку от Шумера, куда путь шел через Иранское нагорье. Идентифицировалась с Аралом как далеким, труднодоступным местом (подземным миром).

Хашхургуладена — «Большая яблоня (абрикос?) степя» — видимо, название местности.

Хуана — дух дерева, страж кедрового леса, представлялся в виде многорукого и многоногого (многоветвистого) чудовища, окруженного лучами-аурами.

Хурсавкалама — «Гора лесистая Страны» — святилище Инанны в Кише.

Шак(к)ан — см. Сумукан.

Шара — сын или возлюбленный Инанны, почитался в Умме; божество войны, родственное Нинурте; имел также черты умирающего и воскресающего божества.

Шаррукен (Саргон) (2316—2261 гг. до н. э.) — аккадский царь-реформатор, основатель Аккадской династии, объединивший Шумер и Аккад, герой шумерских и аккадских мифо-эпических произведений.

Шат-Иштар — «Принадлежащая богине Иштар» — семитское имя героини в тексте «Цареву посланцу...».

Шугур — культовая повязка из колосьев и веток; могла делаться из драгоценных металлов.

Шульги (2093—2046 гг. до н. э.) — второй и наиболее могущественный царь третьей династии Ура.

Шульпае — букв. «Светлый герой» — астральное божество (планета Юпитер).

Шульутуль — родовой (?) бог Эмметены.

Шуруппак — мудрец, мифический герой, отец Зиусудры, героя шумерского сказания о потопе.

Шуруппак — один из древнейших городов на юге Шумера.

Шу-Суэв (2036—2028 гг. до н. э.) — четвертый царь третьей династии Ура.

Эан(н)а — «Дом небес» — главный храм в Уруке, посвященный богу Ану и его дочери, богине Инанне.

Эан(н)атум (ок. 2400 г. до н. э.) — правитель города-государства Лагаш.

Эгальмах — «Дом большой могучий» — храм Гулы (Нинисины) в Исине.

Эгар — «Дом возведенный (построенный)» — храм в Уруке, где совершался обряд священного брака.

Эден — «Пустынная земля, степь». Слово служило и для обозначения подземного мира.

Эдмгальабзу — храм Димгальабзу(?). Возможно, помещался в районе поля Гуэден.

Эзагги — «Дом из лазурита» — главный храм города Аратты; имя могло употребляться как эпитет по отношению к любому храму.

Эйа — старое чтение Эа; шумер. Энки — бог мировых пресных вод, владыка мудрости и хранитель человеческих судеб. Вместе с Ану и Энлилем составлял верховную триаду богов в шумеро-аккадском пантеоне.

Экиширгаль и Экишнугаль — святилища Нанны в Уре.

Экур — храм бога Энлиля в Ниппуре.

Элам — древнее государство на юге Ирана, восточный сосед и извечный враг Шумера, Вавилонии и Ассирии.

Эмах — храм бога Шары.

Эмудкалама — священный округ города Ура или один из храмов Нанны в священном округе.

Эмушкалама — храм Инанны в Бадтибре.

Энакалле — правитель города Уммы, современник Энметены.

Энанатум I — правитель города-государства Лагаш, брат Эанатума, правивший после него.

Энбилулу — божество оросительных сооружений, бог подземного мира.

Энгур(а) — см. Абзу.

Эннину — «Храм пятидесяти» — храм бога Нингирсу в округе Гирсу, составлявшей часть города Лагаша.

Энки — см. Эйа.

Энкиду — мифический персонаж, «дикий человек», в шумерских произведениях слуга Гильгамеша, в аккадском эпосе — его друг-побратим. Идентифицируется с Энкимду.

Энкимду — «Энки-нмду» («Энки создал») — хозяин каналов и дамб, божество-покровитель земледелия.

Энкум — см. Нинкум.

Энналь (Эллань), на «женском языке» — муллиль — «Господин-дуновение ветра(?)» — бог воздуха и земли, верховный владыка всего, что находится между небом и Мировым океаном, на котором покоится земля.

Вместе с Аном и Энки составляет верховную триаду богов в шумеро-аккадском пантеоне.

Энлиль-Нибру-кибегн — шумерское имя собственное.

Энмебарагеси (Эн-Мебарагеси) (ок. XXVII—XXVI вв. до н. э.) — правитель города Киша, отец Агн, соперника Гильгамеша.

Энмеркар — правитель города Урука, сын Мескиаггашера, сына бога солнца Уту, легендарного основателя первой династии города Урука.

Энметена (ок. 2380—2340 гг. до н. э.) — правитель города-государства Лагаш; прежнее чтение Энтемена.

Энмешара — «Господин всех *ме* (Сутей)» — хтоническое (?) божество, бог-первопредок Ана и Энлиля.

Энсукхешдан(и)а — правитель Аратты, соперник Энмеркара.

Энуу — «Княжий дом» (?) — священное пространство, часть храмового комплекса.

Энуукуг — храм Нингаль в Уре (или один из эпитетов ее храма).

Эншаг (Энзаг) — «Господин бок» или «Благой господин» — божество-покровитель острова Дильмун.

Эреду(г) (Эриду) — один из древнейших городов на юге Двуречья, место культа бога Энки (совр. Абу-Шахрайн).

Эреш — горд богини Нисабы, место рождения Суд, будущей жены Энлиля. Современные исследователи предположительно отождествляют его или с Абу-Салабигом, или с Джарин, поселением между древним Уруком и Шуруппаком.

Эрешкигаль — богиня, царица подземного мира.

Эриду — см. Эредуг.

Эсильсирсир — храм в Лагаше, место обитания доброй Ламы, богини-защитницы.

Эульмаш — «Дом Ульмаша», см. Ульмаш.

Эшар(р)а — храм, построенный Мардуком как точное подобие чертога бога Эйи; см. Абзу.

Эшумеш — храм бога Нинурты в Ниппуре.

Э-Энгура (Агруна или Даг-Агруна) — храм бога Энки (Эйи) в Эредуге (позже, по-видимому, в городе Уре).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. *«А когда мой корень повсюду достойно прославят...»*

Глиняная скульптурная голова с фаллообразным головным убором, из Ура. Сер. V тыс. до н. э. (Проп., XI).

Рис. 2. *«Человеческое создание — хорошо ли оно, дурно ли оно...»*

Алебастровые фигурки из Тель-ас-Саввана. Нач. VI тыс. до н. э. (Проп., 53).

Рис. 3. *«Стены вздымаются в лазурном сиянии...»*

Развалины зиккурата в Уруке. (П. Сум., 82).

Рис. 4. *«А тогда глину для таблички знали...»*

Табличка с пиктографическими знаками — один из древнейших образцов шумерской письменности. Кон. IV—нач. III тыс. до н. э. Гос. Эрмитаж. В сильном увеличении.

Рис. 5. *«Кто же ты, кто?» — «Я — звезда солнечного восхода»*

Скульптурная женская голова (богиня Инанна?) из Урука. Нач. III тыс. до н. э. (Проп., 74а).

Рис. 6. *«Сердца наши — на дне чаши»*

а. Керамическая расписная чаша, из Арпачии. Ок. 5000 г. до н. э. (Мес., 25).

б. Каменный кубок с инкрустацией, из Хафаджи. Ок. 3000 г. до н. э. (Мес., 58).

Рис. 7. *«И горшок-бычок, что хорош для слива из кувшина пива...»*

Культовый сосуд с двумя горлышками, с лепными украшениями — фигурками львов и бычков, из Урука. Нач. III тыс. до н. э. (В. Мес., 48).

Рис. 8. *«А когда я к покою направлялся брачному...»*

Фрагмент изображения на ритуальном алебастровом сосуде, из Урука. Кон. IV—нач. III тыс. до н. э. (П. Сум., 88).

Рис. 9. *«Пока храм строишь, очей не сомкнешь...»*

Фрагмент плакетки с изображением правителя Ур-Нины из Лагаша, идущего на закладку храма. Нач. III тыс. до н. э. (П. Сум., 159).

Рис. 10. *«Нинкаси, только ты и даешь эту жизнь!..»*

Фрагмент мозаичного штандарта с изображением пирующих людей, из раскопок гробниц I-й династии Ура. Сер. III тыс. до н. э. (П. Сум., 178).

Рис. 11. *«Царь, что во главе их идет, во главе отряда своего идет...»*

Изображение шумерского войска; фрагмент стелы «Коршунов» правителя Лагаша Эанатума. I-я пол. III тыс. до н. э. (П. Сум., 164).

Рис. 12. *«Эта дева... столь пленительна... столь прелестительна...»*

Скульптурная женская голова, из Хафаджи. Нач. III тыс. до н. э. (В. Мес., 56).

Рис. 13. *«Дева прелестью полна, статью дивна... словно телка холеная, гладкая, всем на радость красуется»*

Женская скульптура, из р-на р. Диялы. I-я пол. III тыс. до н. э. (П. Сум., 140).

Рис. 14. *«Я глаза подвела душистою краской...»*

Женская скульптура, из Мари. I-я пол. III тыс. до н. э. (П. Сум., 153).

Рис. 15. *«Свою правую ты возложил мне на лоно, твоя левая под моей головою...»*

Терракотовый рельеф с изображением лежащих на ложе мужчины и женщины. Нач. II тыс. до н. э. (И. З., 27).

Рис. 16. *«Властелин остроглазый...»*

Скульптурное изображение божества — ипостаси бога Энки, из Тель-Асмара. Нач. III тыс. до н. э. (П. Сум., 137).

Рис. 17. *«Лик Хуавы подобен змее, что в винограднике свернулась!»*

Скульптурная голова-маска демона Хуавы. Нач. II тыс. до н. э. (П. Сум., 370).

Рис. 18. *«Раскинул ты крылья по небу сетью! В горные стада вонзаешь когти...»*

Деталь фриза с изображением львиноголового орла из храма в Тель Убайде.

Нач. III тыс. до н. э. (П. Сум., 187).

Рис. 19. *«Мои сливки ест богиня Нисаба!»*

Изображение сцен доения животных, фрагмент фриза из храма в Тель-эль-Убайде.

1-я пол. III тыс. до н. э. (П. Ас., 277).

Рис. 20. *«Шаррукена сердцем благостно они избрали, ибо так от рождения суждено ему было»*

Бронзовая скульптурная голова Шаррукена (?), из Ниневии. XXIII в. до н. э. (В. Мес., 82).

Рис. 21. *«С армией моей великой, с запада и до востока...»*

Стела аккадского царя Нарам-Суэна с изображением его похода на непокорных лулубеев.

Ок. 2300 г. до н. э. (П. Сум., 213).

Рис. 22. *«Рога зазвенели...»*

Скульптурная группа — играющие музыканты, из Мари.

1-я пол. III тыс. до н. э. (П. Ас., 390).

Рис. 23. *«Навеки шеями да сплетутся...»*

Скульптурная группа — обнявшаяся пара, из Ниппура. Сер. III тыс. до н. э. (И. З., 8).

Рис. 24. *«Ты, бык, ша-гай!»*

Плакетка с изображением погонщика на быке, из р-на р. Диялы. Нач. II тыс. до н. э. (П. Сум., 360).

Рис. 25. *«Лев схватил овцу беззащитную»*

Рельеф с изображением льва, нападающего на оленя, из Киша. 1-я пол. III тыс. до н. э. (П. Сум., 162).

Рис. 26. *«Говорит Укуби обезьяна...»*

Скульптурная фигурка обезьяны, из Суз.

Нач. III тыс. до н. э. (П. Сум., 103 с.).

Рис. 27. *«Духи злобные из могил выходят... За приношениями, за возлияниями из могил они выходят...»*

Фигура звероголового демона с жертвенным животным в руках, из Лагаша. XXII—XXI вв. до н. э. (П. Сум., 298).

Рис. 28. «Колесница, словно светоч, сияет, рык ее хода — улада сердцу!»

Глиняные модели колесниц из Ашшура.

2-я пол. III тыс. до н. э. (ФОР., 154).

Рис. 29а. «Слов учительских я не слышал, к сердцу их не принимал...»

Школьное упражнение, перечеркнутое рукой учителя.

Нач. II тыс. до н. э. Гос. Эрмитаж.

Рис. 29б. «Заданье читай, задачки решай!»

Школьная табличка с задачей на вычисление площади трапеции. Нач. II тыс. до н. э. Гос. Эрмитаж.

Рис. 30. «А меня веселье твое доконало! Когда с шутами, с певцами бродячими, с ними и вокруг них ты кружишься!»

Терракотовые плакетки с изображением музыкантов, бродячих актеров, кулачных бойцов.

Нач. II тыс. до н. э. (П. Сум., 359).

Рис. 31. «Арфы, лиры, лютни знаешь?»

Музыкальные инструменты из Ура.

1-ая пол. III тыс. до н. э. (П. Ас., 369—371).

Рис. 32. «А-у-а, сон, приплывай...»

Терракотовые рельефы из Телло (Лагаша).

XXII—XXI вв. до н. э. (П. Сум., 294—295).

СОКРАЩЕНИЯ В ПОДПИСЯХ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ:

- В.Мес. — *Woolley L. Mesopotamien und Vorderasien. Baden-Baden, 1961.*
- И.З. — *Seibert I. Die Frau im Alten Orient. Leipzig, 1973.*
- Мес. — *Mesopotamia: Exhibition of Ancient Mesopotamian Arts. 1967. The University of Tokyo, 1967.*
- П.П.Ас. — *Parrot A. Assur. Paris, 1961.*
- Проп. — *Mellink M. J., Fillip J. Propyläen Kunstgeschichte. Bd. 13. Frühe Stufen der Kunst. Berlin, 1974.*
- П.Сум. — *Parrot A. Sumer. Paris, 1960.*
- ФОР. — *Das Vorderasiatische Museum. Staatliche Museen zu Berlin, 1987.*

СОДЕРЖАНИЕ

В. Афанасьева. ДРЕВНЕЙШАЯ В МИРЕ	5
--	---

Раздел I. УСТРОЕНИЕ МИРА

МЕЖ ГРАДОВ ПРЕСВЕТЛЫХ...

<i>Сказание об Энки и Нинхурсаг</i>	33
---	----

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ, ОТ ДНЕЙ СОТВОРЕНИЯ МИРА...

<i>Сказание об Энки и Нинмах</i>	42
--	----

К ЭРЕДУГУ В АБЗУ ПОМЫСЛЫ ОБРАТИЛА

<i>Инанна и Энки</i>	47
--------------------------------	----

СВЯЗЬ ЗЕМЛИ И НЕБА ГОРОД...

<i>Сказание об Энлиле и Нинлиль</i>	61
---	----

ГОСПОЖА СУТЕЙ ПРАВЕДНЫХ...

<i>Женитьба Энлиля</i>	66
----------------------------------	----

НА ГОРЕ НЕБЕС И ЗЕМЛИ...

<i>Ашнан-Зерно и Лахар-Овца</i>	74
---	----

О, МОТЫГА, МОТЫГА, МОТЫГА!..

<i>Спор Мотыги и Плуга</i>	80
--------------------------------------	----

ВЛАДЫКА В СИЯНЬЕ ВЕЛИКОМ!

<i>Сказание о подвигах бога Нинурты (В отрывках)</i>	85
--	----

Э-ГЕЙ, ЖИ-ВЕЙ!..

<i>Песнь пашущего быка</i>	93
--------------------------------------	----

Раздел II. ВОССЛАВИМ БОГОВ НАШИХ

ЭНЛИЛЬ! ПОВСЮДУ...

<i>Гимн-восхваление Энлилю</i>	99
--	----

В СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА...

<i>Заклинание Энки-Нудиммуда (Отрывок из сказания об Энмеркаре и владыке Аратты)</i>	104
--	-----

ВЛАСТЕЛИН ОСТРОГЛАЗЫЙ...

<i>Гимн богу Энки</i>	105
---------------------------------	-----

БОГУ ЭНКИ, ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ МИРА...	
<i>Письмо-молитва писца</i>	107
ГОСПОЖА АРУРУ, ЧТО ВО ХРАМЕ КЕША...	
<i>Восхваление богини Аруру</i>	110
КАК МНОГО ОВЕЦ, КАК МНОГО КОРОВ!	
<i>Гимн-песнь богу луны Зуэну</i>	112
НАННЕ, ПЕРВОРОДНОМУ СЫНУ ЭНЛИЛЯ...	
<i>Письмо шумерскому богу луны Нанне</i>	114
ГЕРОЙ, ДРАКОН, ЖУТКИЙ, СВИРЕПЫЙ...	
<i>Восхваление бога Нинурты</i>	115
ГОСПОЖА — ЗВЕЗДА НЕБЕС СИЯНИЕМ	
<i>Прославление богини Нисабы богом Энки</i>	118
СВЕТЛОСТРУЙНОРОЖДЕННАЯ...	
<i>Гимн богине пива Нинкаси</i>	122
Раздел III. ЛЮБОВЬ БОГИНИ	
РАЗГОВОР. ОН СЕСТРЕ ГОВОРИТ ЛАСКОВО...	
<i>Спор между скотоводством и земледелием</i>	127
ЕСЛИ БЫ НЕ МАТЬ МОЯ...	
<i>Песня о любви Инанны и Думузи</i>	131
КОГДА Я, ГОСПОЖА...	
<i>Песня о любви Инанны и Думузи</i>	133
Я СТАНОВЛЮСЬ ВСЕ БЛЕДНЕЙ И БЛЕДНЕЕ...	
<i>Диалог брата и сестры</i>	135
СЕСТРИЧКА, ЗАЧЕМ ТЫ ЗАКРЫЛАСЬ В ДОМЕ?	
<i>Любвный диалог</i>	136
О МОЯ ЛУБИ-ЛУБИ-ЛЮБА...	
<i>Диалог влюбленных</i>	137
С ВЕЛИКИХ НЕБЕС К ВЕЛИКИМ НЕДРАМ...	
<i>Нисхождение Инанны в подземный мир</i>	139
В ЖАЛОБАХ СЕРДЦА...	
<i>Сон Думузи</i>	153
ВЛАДЫКЕ ЗАКАТА — ГОРЕ!	
<i>Плач по Думузи</i>	160
К ТОМУ, КТО ДАЛЕКО...	
<i>Плач-закливание</i>	163
СТРАННИК МОЙ БЛИЗИТСЯ	
<i>Закливание из серии «эдин-на-у-саг-га»</i>	164

СЕСТРА ЛЮБИМАЯ ДУМУЗИ...	
<i>Гештинанна и певцы</i>	166

Раздел IV. ГЕРОИ ШУМЕРА

СТЕНЫ ВЗДЫМАЮТСЯ В ЛАЗУРНОМ СИЯНИИ...	
<i>Сказание об Энмеркаре и Энсушкешданне</i>	171
ЦАРЬ В ТЕ ДНИ...	
<i>Лугальбанда во мраке гор</i>	181
ЛУГАЛЬБАНДА В ДАЛЕКИХ ГОРАХ БЛУЖДАЕТ...	
<i>Сказание о Лугальбанде и орле Анзуде</i>	192
ПОСЛЫ АГИ...	
<i>Гильгамеш и Ага</i>	204
ЖРЕЦ К «ГОРЕ БЕССМЕРТНОГО»...	
<i>Гильгамеш и Хувава</i>	207
В ПРЕДВЕЧНЫЕ ДНИ, В БЕСКОНЕЧНЫЕ ДНИ...	
<i>Гильгамеш, Энкиду и подземный мир</i>	214

Раздел V. ХРАМЫ ШУМЕРА. ВЛАДЫКИ ШУМЕРА

ЭНЛИЛЬ, ВСЕХ СТРАН ГОСПОДИН...	
<i>Надпись Энметены</i>	229
КОГДА ВО ВСЕЛЕННОЙ РЕШАЛИ СУДЬБЫ...	
<i>Отрывки из строительной надписи правителя Гудеи (цилиндр «А»)</i>	235
КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ, КНЯЖИЙ ПРЕСТОЛ...	
<i>Гимн храму города Кеша</i>	242
Я — ЦАРЬ. С МАТЕРИНСКОЙ УТРОБЫ — ГЕРОЙ	
<i>Гимн «Шульги А»</i>	247
СВЕТОЧУ ДАЛА РОЖДЕНИЕ...	
<i>Любовные восхваления царя Шу-Суэна</i>	250
ТЫ, ПЬЯНЯЩИЙ СЕРДЦЕ МОЕ...	
<i>Любовная песня Шу-Суэну</i>	251
КОЛЕСНИЦА МОГУЧАЯ!	
<i>Гимн о постройке колесницы богу Энлилю</i>	252

Раздел VI. СУДЬБЫ ШУМЕРА

ДАБЫ... ХРАМ, ЧТО, ПОДОБНО ЛАДЬЕ...	
<i>Сказание о Саргоне</i>	257
КОГДА РАЗГНЕВАННЫЙ ВЗГЛЯД ЭНЛИЛЯ...	
<i>Проклятие Аккада</i>	260

ВРЕМЕНА ИЗМЕНЯЯ...	
<i>Введение к плачу о разрушении Шумера и Ура</i>	269
ОН ПОКИНУЛ СВОЕ СТОЙЛО...	
<i>Плач о разрушении города Ура</i>	271
О, ЖИЛЬЕ ТВОЕ ГНЕВНОЕ...	
<i>Плачи и гимны к Энлилю (В сокращении)</i>	287
ИСТРЕБЛЕНИЕ МОИХ ЧЕЛОВЕКОВ...	
<i>Отрывки из сказания о потопе</i>	295
Раздел VII. ЛЮДИ ШУМЕРА: ДУХ ЭДУБЫ	
В ДАВНИЕ ДНИ, В СТАРОДАВНИЕ ДНИ...	
<i>Поучения Шуруппака</i>	301
РЫБА МОЯ...	
<i>Дом рыбы</i>	310
ТРОСТНИКОВЫЕ ЗАРОСЛИ ЧТО ГОВОРЯТ?	
<i>Рассказ о цапле и черепах</i>	315
В ДОМЕ, ГДЕ ЕСТЬ ПИВО...	
<i>Наставление женщине</i>	319
НАМЗИТАРА...	
<i>Энлиль и Намзитара</i>	320
ЛЕВ СХВАТИЛ КОЗУ БЕЗЗАЩИТНУЮ	
<i>Басня</i>	321
ПТИЦЕЛОВ, ИМЕЯ С СОБОЮ ПИВО...	
<i>Сценка из жизни</i>	321
В НОРУ ВБЕГАЕТ ЛИСИЦА...	
<i>Пословицы, поговорки, загадки</i>	322
НЕКИЙ СТАРЕЦ К ЦАРЮ ОБРАТИЛСЯ...	
<i>Рассказ о старике и девушке</i>	324
ЦАРЕВУ ПОСЛАНЦУ, ЧТО В ПУТЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...	
<i>Послание Лудингиры</i>	325
ЛУДИЛУДИ, МАТЕРИ МОЕЙ, ТАК СКАЖИ...	
<i>Письмо обезьяны</i>	327
ВОНЬ ПРОРОСЛА, КАК ПАХУЧИЕ ТРАВЫ	
<i>Заклинание вони</i>	328
ДЕВА СЛАДОСТНАЯ СТОИТ НА УЛИЦЕ...	
<i>Любовное закливание</i>	328
НА ЖЕНУ ГЕРОЙ, СЛОВНО БЫК МОГУЧИЙ...	
<i>Заклинание для роженицы</i>	330

У-А, А-У-А, СОН, ПЛЫВИ...	
<i>Колыбельная</i>	331
ЗЛОЙ ДЕНЬ ЗАХВАТИЛ ЕЕ...	
<i>Плач Лудингиры по своей жене Навиртум</i>	334
БОГИ-ПОХИТИТЕЛИ...	
<i>Заклинание духов мертвецов</i>	336
ЛУГАЛЬМУРУБ, СЫН ЗУЗУ...	
<i>Посвятительная надпись</i>	338
ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ	
НИНУРТА-САГЭНТАРБИ-ЗАЕМЕН...	
<i>О том, кого укусила собака</i>	339
«ШКОЛЬНИК, КУДА ТЫ СЫЗМАЛЬСТВА ХОДИШЬ?»	
<i>Сочинение о школьном обучении</i>	341
«ПОДОЙДИ ЖЕ КО МНЕ!»	
<i>Наставление непутевому сыну</i>	344
ПИСЕЦ ХОЧЕТ ПРОВЕРИТЬ СЫНА...	
<i>Экзаменационный текст «А»</i>	350
ГРАМОТЕЙНАЯ МУДРОСТЬ...	
<i>Восхваление писцового искусства</i>	352
КОММЕНТАРИЙ	355
СЛОВАРЬ	
исторических и мифологических имен, географических названий и терминов.	471
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	484
СОКРАЩЕНИЯ	
в подписях к иллюстрациям	488
ИЛЛЮСТРАЦИИ	497

Серия

«Мифы, эпос, религии Востока.

Bibliotheca Universalis»

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ

Антология шумерской поэзии

Вступительная статья, перевод,
комментарии и словарь

В. К. АФАНАСЬЕВОЙ

Литературно-художественное издание

ISBN 5-85803-060-2

Художники — А. Г. Угнич, Е. В. Аникина

Редактор издательства — И. П. Сологуб

Корректоры — И. П. Сологуб, О. И. Трофимова

Технический редактор — О. В. Шакиров

Ретушь — М. В. Вялкина

Выпускающий — Д. А. Ильин

Издательство

Центр «Петербургское Востоковедение»

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Для корреспонденции:

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

ЛР № 061800 от 16.11.92

Подписано в печать 31.01.97

Формат 60х90 1/16

Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Объем 32,5 п. л.

Заказ № 3065

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунок 1

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6а, 6б

Рисунок 7

Рисунок 8

Рисунок 9

Рисунок 10

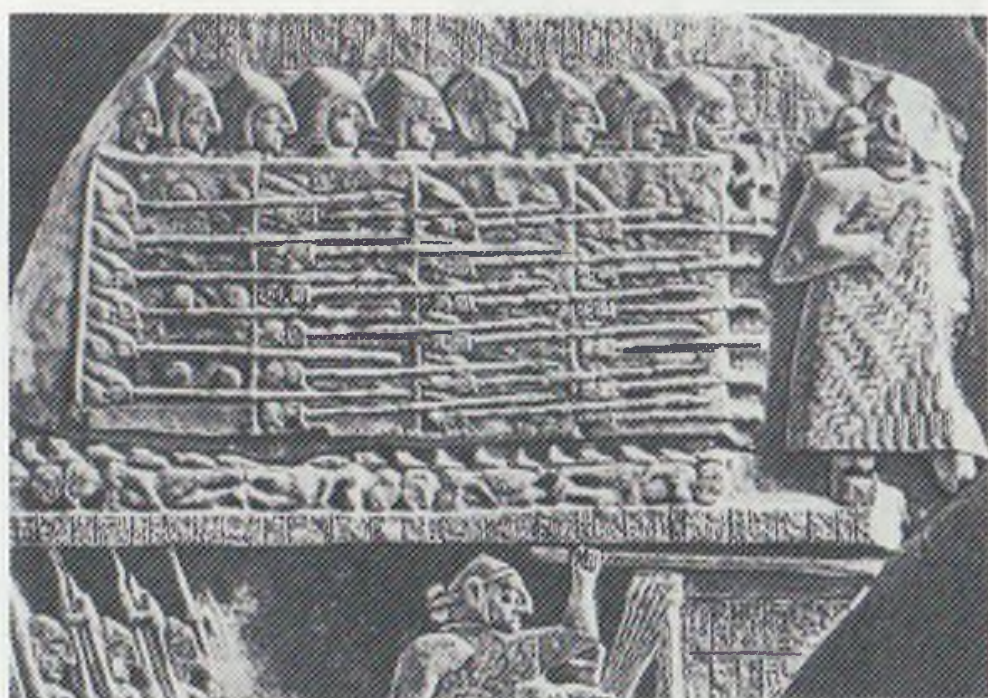

Рисунок 11

Рисунок 12

Рисунок 13

Рисунок 14

Рисунок 15

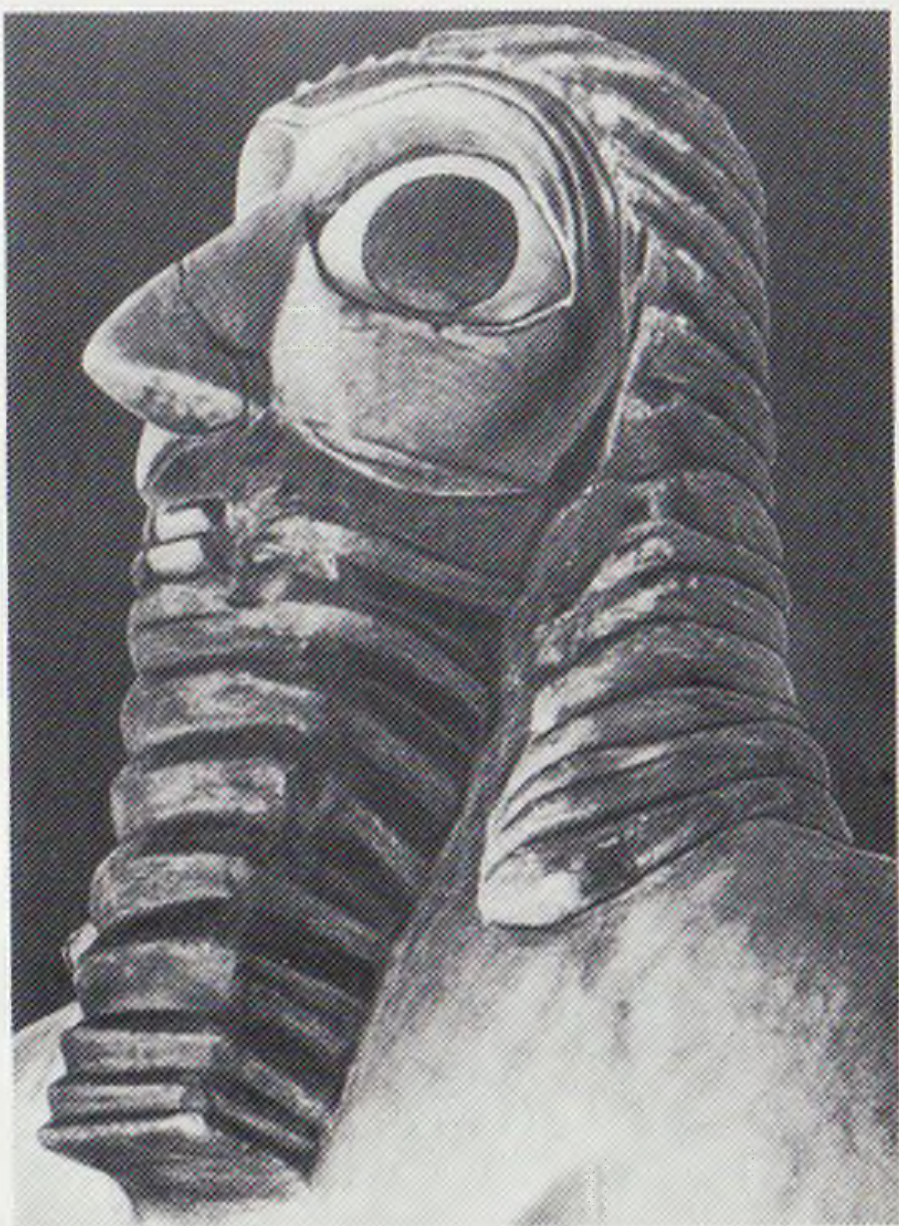

Рисунок 16

Рисунок 17

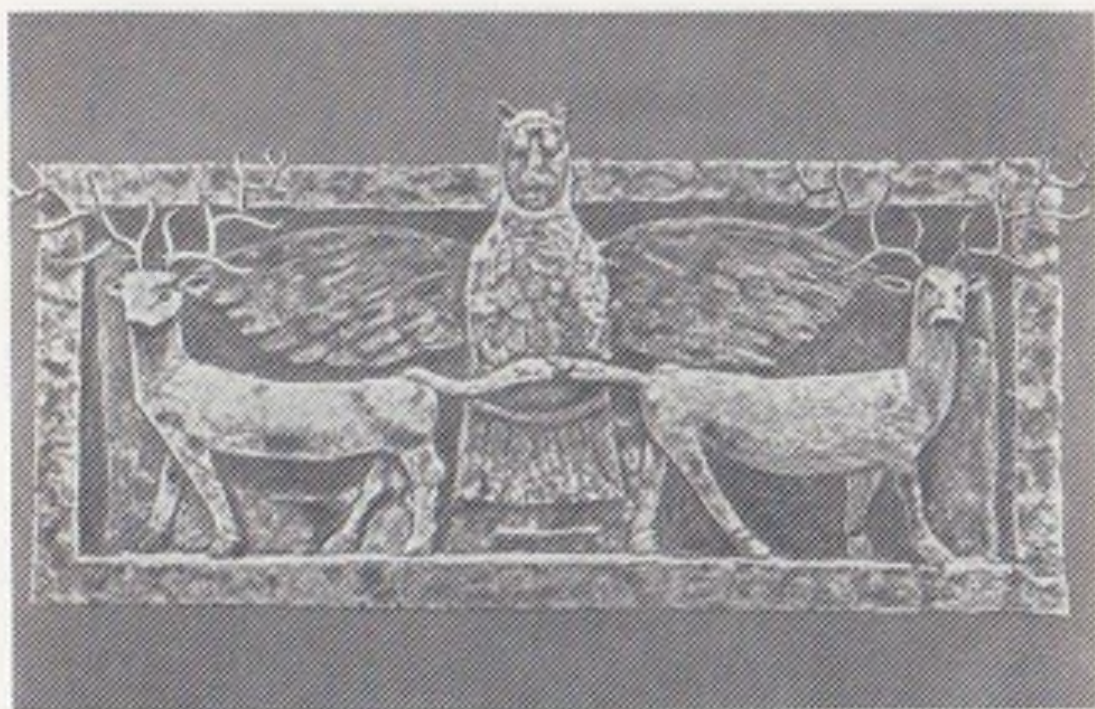

Рисунок 18

Рисунок 19

Рисунок 20

Рисунок 21

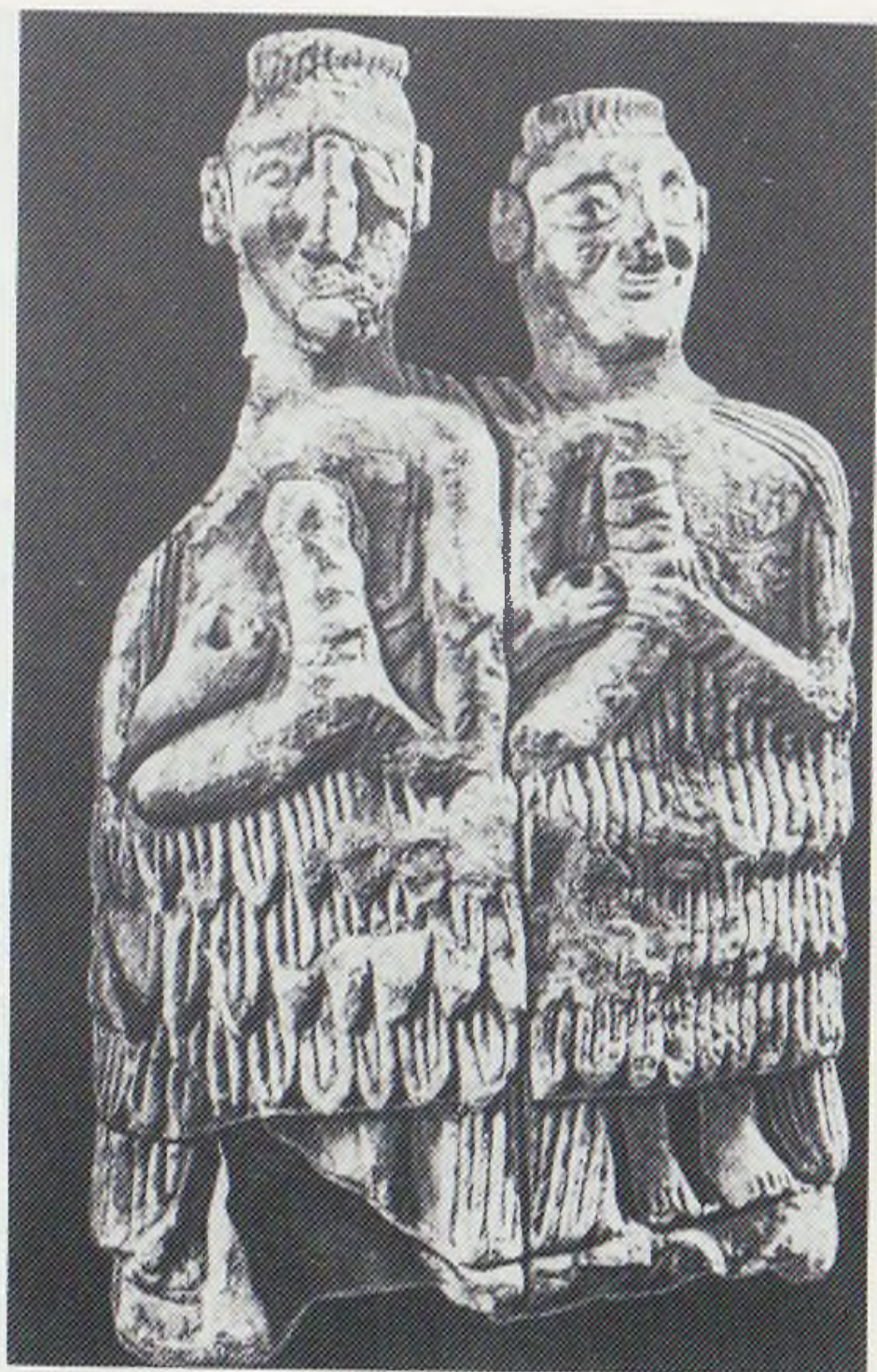

Рисунок 22

Рисунок 23

Рисунок 24

Рисунок 25

Рисунок 26

Рисунок 27

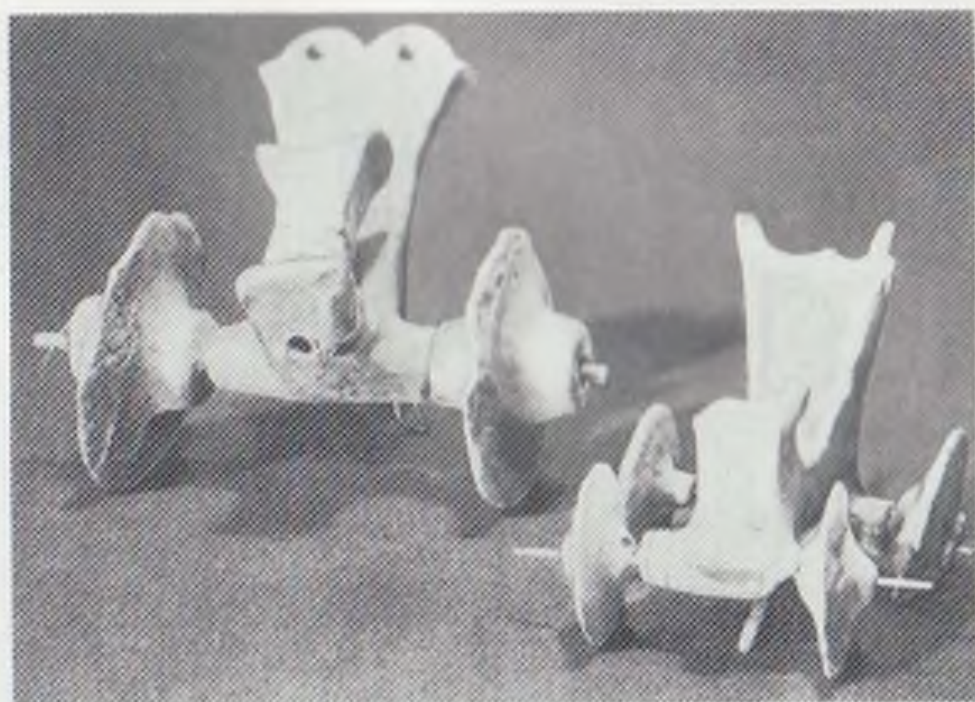

Рисунок 28

Рисунок 29а, 29б

Рисунок 30

Рисунок 31

Рисунок 32

„МИФЫ, ЭПОС,
РЕЛИГИИ ВОСТОКА”

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ

АНТОЛОГИЯ ШУМЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

«Древнейшая в мире» — так по праву называют шумерскую литературу: из всех известных ныне литератур она с наибольшей полнотой донесла до нас древнее письменное слово. Более четырех тысяч лет насчитывают записи шумерских преданий, рассказов о подвигах героев, хвалебных гимнов и даже пословиц, притч и поговорок — явление и вовсе уникальное в истории письменности.

В настоящем издании впервые на русском языке представлена наиболее полная антология шумерской поэзии, систематизированная по семи разделам: «Устроение мира», «Восславим богов наших», «Любовь богини», «Герои Шумера», «Храмы Шумера. Владыки Шумера», «Судьбы Шумера», «Люди Шумера: дух Эдубы».

